

Несколько
дней
из жизни
следователя

C

Мод
«Юр
1987

Несколько дней из жизни следователя

Москва
«Юридическая литература»
1987

67.99(2)91
H55

Составители:
ПЕЧЕРСКИЙ В. П.
САМОЙЛОВ С. А.
ЮДИН Ю. А.

Несколько дней из жизни следователя. — М.: Юрид. лит.,
H55 1987. — 304 с.

Эта книга — о реальных людях: прокурорах и следователях. В основе сюжета каждого произведения — конкретные дела из их практики, подлинные события, участниками которых им довелось быть. Герои книги стоят на страже советских законов.

Авторы сборника не только профессиональные литераторы и журналисты, но и практические работники прокуратуры.
Для широкого круга читателей.

Н 1203021200-123 без объявл.
012(01)-87

67.99(2)91

© Издательство «Юридическая литература», 1987

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Б. Селеннов. Сердцем к людям	5
В. Калиниченко. Дополнительное расследование	27
О. Чайковская. «Обижайтесь на меня, не обижайтесь»	47
М. Хазин. Несколько дней из жизни следователя	57
А. Косенко. Помощник	65
Г. Полозов. Молоток на рояле	83
А. Безуглов. Горькие плоды	181
Л. Словин. Наваждение	251

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Выдвинутый апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС курс на перестройку и ускорение социально-экономического развития, демократизацию всех сторон общественной жизни получил единодушное одобрение в нашей стране. Идеи обновления, искоренения всех негативных тенденций периода застоя материализуются в конкретных практических делах. Перемены касаются всех сфер жизни общества, партийных, советских органов, общественных организаций, всех должностных лиц.

Процесс перестройки, утверждения новых подходов, нового мышления в полной мере относится к работе правоохранительных органов, программа деятельности которых выработана партией и сформулирована в принятом в ноябре 1986 года постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». В решении поставленных партией задач большая роль отводится и советской прокуратуре. Прокуратуре «принадлежит важнейшее место в системе государственных органов, призванных поддерживать законность и правопорядок в нашей стране», — говорится в постановлении ЦК КПСС от 4 июня 1987 г. «О мерах по повышению роли прокурорского надзора в укреплении социалистической законности и правопорядка».

В условиях качественного обновления экономической и социально-политической жизни общества законность и правопорядок приобретают исключительное значение. Требуется выработать четко действующий правовой механизм. Углубление советской демократии, гласность, критика и самокритика, развитие народного почина — главный рычаг и гарантия перестройки. Законность составляет прочный каркас социальной справедливости. Без ее соблюдения невозможно оздоровить морально-психологический и нравственный климат в обществе. Именно поэтому ЦК КПСС поставил вопрос не просто о совершенствовании, а о коренной перестройке работы Прокуратуры Союза ССР и ее коллегии, прокурорских органов на местах, обеспечив решительное улучшение их деятельности.

Главная идея перестройки работы прокуратуры заключается в том, чтобы перенести центр тяжести на надзор за исполнением законов органами управления, предприятиями, учреждениями и организациями, всеми должностными лицами, на всемерное укрепление законности во всех сферах экономической и социальной жизни общества.

Перестройка невозможна без искоренения консерватизма в оценке работы прокуроров и следователей, устранения ориентации на сугубо статистические показатели без учета состояния законности и правопорядка. Важно обеспечить применение объективных критериев, характеризующих качество работы прокуро-

ров и следователей: проявление инициативы и самостоятельности, умение доводить начатое дело до конца, твердое отстаивание принципов законности, тесная увязка своих мер с работой партийных и советских органов. правильный учет общественного мнения.

Надо, чтобы каждый работник, занятый охраной законности, ясно представлял себе, что перестройка — это не парадное шествие, а трудный, сложный и длительный процесс, настойчивая борьба нового со старым. На этом пути всех, и в том числе правоохранительные органы, ждет большая и нелегкая работа, отмечал секретарь ЦК КПСС А. И. Лукьянов на расширенном заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР 29 июля 1987 г.

Гражданский и профессиональный долг прокурора и следователя — забота о советском человеке, обеспечение равенства всех перед законом, решительное пресечение действий, ущемляющих права граждан, внимательное отношение к рассмотрению предложений, заявлений, жалоб трудящихся, искоренение правонарушений.

В органах прокуратуры могут по-настоящему эффективно работать только творческие, компетентные и принципиальные люди, для которых непременным качеством является обостренное чувство социальной справедливости. Перестройку может осуществлять лишь тот, кто перестроился сам.

О некоторых из тех, кто несет благородную миссию защиты интересов государства, прав и законных интересов гражданина Страны Советов, — эта книга.

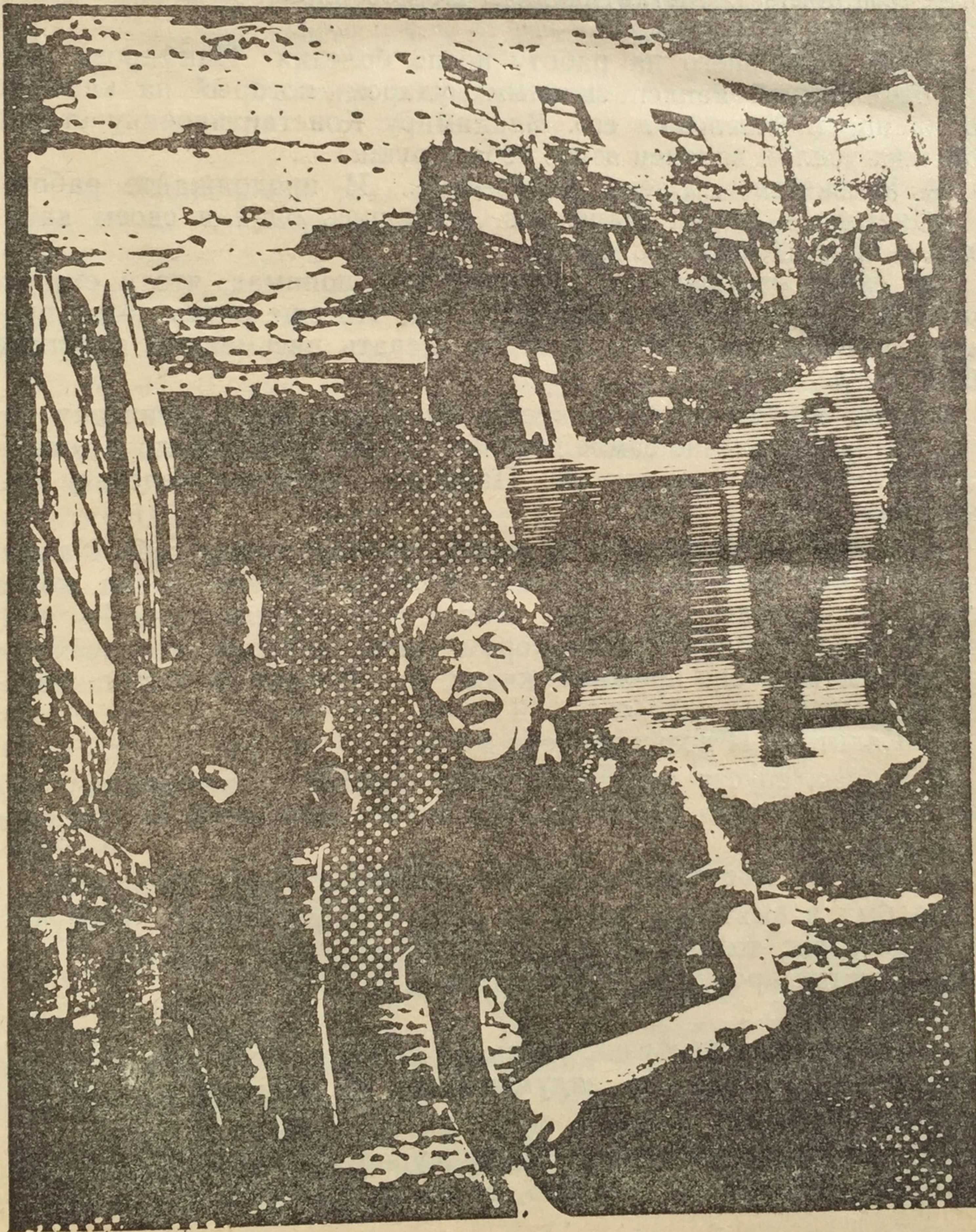
**Генеральный прокурор СССР
А. М. РЕКУНКОВ**

Борис Селеннов

Сердцем — к людям

или главы из ненаписанной книги
о прокуроре

ЧП

— Я на секунду, буквально на секунду, вышла из кабинета, — голос следователя Амелькиной срывается, по лицу ползут красные пятна. — Услышала звон стекла, сразу назад! Открываю дверь — окно выбито! А Куликов...

Руки Елены Алексеевны нервно теребят кофточку. Панферов почти не слышит ее голоса. Перед глазами словно наяву — осколки стекол на полу кабинета, осколки стекол на подоконнике, на который нужно опереться, чтобы увидеть неподвижно лежащего внизу, вдруг ставшего очень маленьким Куликова, суется вокруг него людей в белых халатах, красно-белый фургон «скорой» с синей мигалкой на крыше.

— Владимир Константинович, честное слово, я действительно на секунду...

...Для вышедшего на работу после болезни Панферова доклад Амелькиной явился сильным ударом, который на какое-то время просто ошеломил его. Владимиру Константиновичу стоило больших усилий наконец взять себя в руки:

— Успокойтесь, Елена Алексеевна... И продолжайте работу.

«Скверно, — думал Панферов, оставшись один в своем кабинете. — Шестой этаж... Скверно».

Он сидел оглушенный случившимся, понимая, что в его отсутствие в прокуратуре произошло ЧП, что еще очень долго придется отвечать на звонки, вопросы, давать письменные и устные объяснения.

Однако спустя какое-то время Владимир Константинович понял, что не это сейчас самое главное. Не это раздражало и досаждало. Главное в том, что он, Панферов, поверил человеку и... был обманут.

«Почему? Почему?» — в который раз спрашивал себя Панферов и не мог ответить. Ведь еще полтора месяца назад, когда несколько проведенных очных ставок подтвердили вину Куликова, он предстал перед прокурором таким жалким, потрясенным крушением всей его прежней жизни, что Владимир Константинович вынужден был сказать:

— Садитесь. И возьмите себя в руки!

И сейчас, спустя полтора месяца, Панферов еще помнил, как страх исказил лицо Куликова, как побелели пальцы сцепленных на коленях рук.

— Что же мне теперь делать, Владимир Константинович?

Он был в смятении, готов на самый безрассудный поступок.

— А у вас только один выход, Юрий Александрович, — спокойно ответил прокурор. — Другого нет.

— То есть?

— Начать новую жизнь. Прямо с сегодняшнего дня. Ведь вы, признайтесь, не раз уже задумывались об этом. И давали себе слово, наверное...

Куликов опустил голову. А прокурор продолжал говорить, спокойно, убедительно говорить, о чем не раз тревожно думал он

долгими бессонными ночами. Говорить так, словно видел все, что творилось сейчас в душе Куликова.

— Сейчас вам дадут бумагу и ручку, — сказал Панферов, — не торопясь изложите все, что думаете по поводу предъявленного вам обвинения.

Минут через сорок прокурор держал в руках лист бумаги, исписанный торопливым почерком:

«...в содеянном раскаиваюсь. Целью жить за счет нетрудовых доходов не задавался. Объяснить происшедшее могу безволием, слабостью характера, тем, что не смог устоять от соблазна, когда нечестные люди предлагали и подсовывали мне деньги. По сути дела, смалодушничал и нравственно сломался. Глубоко сознавая весь вред содеянного, считаю, что совершил тяжкое преступление. Прошу учесть, что я не законченный негодяй...

Бывший заместитель председателя райисполкома
Куликов Ю. А.»

...А началось все так. Проходящая по делу свидетелем Вера Васильевна Шеховцова вместе с мужем, инвалидом Великой Отечественной войны, и сыном ожидала вселения в новую квартиру. Официальное решение по ее вопросу было принято, а вот выделение самой жилплощади почему-то затягивалось. Проходили дни, недели. Вера Васильевна стала тревожиться. Начальник ДЭЗ М. П. Шиков, часто их навещавший, сочувствовал, обещал помочь, клял бюрократов-начальников и так многозначительно поглядывал на хозяйку, что та не могла не понять намека. Оставшись наедине, спросила сама: «Сколько надо?» — «Триста», — ответил Шиков и, увидев ее замешательство, поправился: «Ладно, хватит двухсот пятидесяти». — «А гарантия?»... В ответ услышала, что у него есть свой человек в райжилотделе, который не раз уже ему помогал.

Утром Вера Васильевна пришла в ОБХСС, через день Шиков был арестован, следом — «его человек» из райжилотдела, за ним — третий, четвертый. Дело разрасталось как снежный ком. Последним в преступной цепочке оказался заместитель председателя райисполкома Юрий Александрович Куликов, чье заявление на имя прокурора района лежало сейчас на столе перед Панферовым.

Владимир Константинович еще раз перечитал написанное и отодвинул от себя лист бумаги.

Он был знаком с Куликовым. Встречался на заседаниях, в райкоме. Сравнительно молодой, энергичный, он всегда был внимателен, корректен. Казался уравновешенным, твердо стоящим на ногах человеком. И вдруг... Нет, тут «вдруг» не подходит. Не бывает таких сказочных превращений — в этом убеждал Панферова почти двадцатилетний опыт работы в прокуратуре — сегодня человек честный, завтра вор! Процесс перерождения, как правило, долгий, проходящий под привычной внешней оболочкой

порой незаметно не только для окружающих, но и для самого человека.

Тот же Куликов первую взятку принял, наверное, не без душевных мучений. А потом притерпелся и уже в следующий раз страдал и боялся меньше. Постепенно слабел иммунитет, привыкший прежней жизнью, начинался активный процесс душевной коррозии.

Но в итоге-то все равно крах. И чем дальше, тем страшнее неизбежность кары. И невыносимей чужая маска, которую приходится носить день за днем, долгие годы, играя придуманную роль, выдавая себя за другого, достойного человеческого уважения. Почему же не прервать эту муку, не вернуться к людям? Не начать все сначала, с красной строки?

Полтора месяца назад Панферов был уверен, что Куликов наконец-то решился, преодолел себя... Так в чем же причина? Запоздалые муки совести? Страх, слабость? По всей вероятности, все вместе. Но прежде всего — слабость воли, характера, нравственных устоев, разъеденных ржавчиной лести, алчности, соблазном легких денег, круговой порукой. Может быть, впервые за много лет он тогда попытался вырваться из этого порочного круга, но слишком мало осталось сил, слишком ненадолго их хватило. И прыжок в окно — отчаянная попытка рассчитаться сразу за все, в конечном итоге тоже слабость. Если бы Куликов мог понять, что это не выход...

Неожиданный телефонный звонок прервал невеселые раздумья Панферова. Звонили из больницы, где лежал Куликов.

— Товарищ прокурор, поздравьте. Поставим на ноги вашего пациента.

— Seriously?

— Сам не поверил бы. Шутка сказать — с шестого этажа! И всего-навсего перелом ног, не считая незначительных повреждений. Вы когда-нибудь слышали о подобном?

— Нет... — растерянно отозвался Панферов.

— И я — нет. Это судьба, уверяю вас, судьба!

Прокурор положил трубку, подумал: «Ну если это судьба... Тогда мы еще повоюем с тобой, Юрий Александрович, — он еще раз взглянул на лежащий перед ним лист бумаги. — Повуюем за тебя самого»...

Пользуясь правом автора, я здесь прерву рассказ об одном из самых напряженных периодов жизни прокурора Панферова и попрошу читателей перенестись в один из последних дней уходящего 1986 года, в тот день, когда я с ним познакомился.

...Панферов был в отпуске, который начался для него нескладно и неожиданно. Несколько раз напоминали в кадрах, что у него остался неиспользованным очередной за 86-й год, однако писать заявление он не собирался. Брать со второй декады декабря отпуск было неразумно. Во-первых, никакой путевкой он, конечно, не обзавелся. А во-вторых, в начале января нужно было подводить итоги работы за минувший год, отчитываться по этим

цифрам в райкоме, в прокуратуре города, и в этот период, как считал Панферов, он обязан был быть на рабочем месте.

Но как на зло именно в эти дни в прокуратуре наступило затишье. И хотя Панферов без работы не оставался, он стал подумывать, что за год порядочно устал и хорошо бы недельку побыть дома, отоспаться, почитать, может быть, выбраться разок другой на лыжах. А тут вдруг заболели жена, а за ней и дочь. И Владимир Константинович решил покориться судьбе. Вот так в уходе за женой и дочерью проходил его отпуск. По утрам он регулярно звонил своему заместителю Николаю Филипповичу Смердову, во время отпуска Панферова исполнявшему обязанности прокурора района, справлялся, как идут дела.

Именно Николай Филиппович и сообщил ему в один из дней новость: звонили из Прокуратуры Союза и сказали, что ждут на днях журналиста, который будет писать о Панферове. Новость была неожиданной. Но поскольку, судя по всему, вопрос был проработан «наверху», следовало, не отнекиваясь и не играя в излишнюю скромность, готовиться решать его здесь, на месте, по-деловому и четко.

Прежде всего Панферов задал себе вопрос: что может заинтересовать журналиста в его биографии? Он поставил себя на место корреспондента, задумался и очень скоро с удивлением обнаружил, что в недалеком будущем его ждут целых два юбилея. Десять лет работы здесь, в Железнодорожном районе, и двадцать — в органах прокуратуры. Это уже кое-что значило. И Владимир Константинович впервые подумал, что вовремя ушел в отпуск. Выходило, что большую часть своей жизни он уже отдал своему очень нелегкому делу. Следовательно, надо было подводить итоги, анализировать, что удалось, а что нет, и отчитываться за прожитые годы не только перед корреспондентом, но и перед самим собой.

Вспоминая и анализируя былое, Панферов понял, что его прожитой жизни хватило бы на толстую, многостраничную книгу. Было бы в ней много и радостного, и печального, и незначительного, и очень для него дорогого. Владимир Константинович, подумал, что рассказывать обо всем «из жизни Панферова» нет смысла. Из этой ненаписанной книги для журналиста надо выбрать лишь некоторые страницы или, может быть, главы, которые расскажут о его, панферовских, истоках, выборе жизненного пути, понимании своего места и себя в мире, где еще очень не скоро закончит свой поединок добро и зло.

Из своей жизни-книги он выбрал несколько глав, которые и пересказал мне, когда мы наконец встретились. Но кроме этого мы еще много с ним разговаривали, и Владимир Константинович оказался умным и интересным собеседником. Помню, как, развивая мою мысль о влиянии детских, юношеских впечатлений на формирование личности, он сказал:

— Кто-то из писателей очень верно заметил: «Все мы родом из детства...»

Двор на Зацепе

Ах, Зацепа...

У кого из старых москвичей не дрогнет сердце при этом слове? А что же говорить про тех, кто родился и вырос в трудные послевоенные годы! Обрывками кинохроники замелькают перед глазами знакомые улицы, переулки, незабываемые лица, незабываемая музыка.

Ах, Зацепа...

Несколько лет назад после долгого перерыва Панферов вновь оказался в тех местах, где прошли его детство, отрочество, юность. Конечно же, он не ожидал увидеть Зацепу такой, как в начале, скажем, 50-х. Москва растет вверх, вширь, перестраивается, реконструируется. Все это не могло не коснуться знакомых ему мест, но чтобы так!..

Огромная, как аэродром, площадь, новые дома, улицы открывались глазам Панферова, и он никак не мог поверить, что того неповторимого уголка старой Москвы, с которым так много связано в его жизни, уже нет.

Ах, Зацепа...

Послевоенная, полуголодная, ты отныне будешь жить лишь в памяти тех, кто на твоих щербатых мостовых искал свою самостоятельную дорогу в жизни.

Выбор был невелик. Об институтах почти никто и не помышлял. Надо было поскорей становиться на ноги, помогать семьям. В основном ждали ребят цеха тех же заводов, где работали их отцы и старшие братья, не вернувшиеся с войны.

Но были и такие, кого ожидала «дорога дальняя, казенный дом»... Что скрывать, были... Почти из каждого двора попадали ребята, как говорится, в места не столь отдаленные, «тянули срока». Одни возвращались, брались за ум. Другие так и не находили пути назад, обживая тюрьмы да лагеря, гостями бывая на воле, пока не терялись совсем в беспокойном мире, где редко кто доживал до конца отпущенное ему природой.

«Почему? — задавался вопросом Панферов, вспоминая послевоенную Зацепу, своих друзей-одногодков и ребят постарше, всех как один, в «прохарях», длиннополых пальто, кепках с короткими козырьками и шелковых белых кашне, — почему так легко «клевали» они на всю эту блатную романтику?» Ведь, казалось, было кому подражать, с кого брать пример. Только-только отгремела война. Победные марши летели из уличных репродукторов. На киноэкранах брали Берлин наши солдаты... Конечно же, война отзывалась эхом в их играх. И все же почему так тянуло их в темноту проходных дворов, где собирались парни постарше? Где Мишка Культяпый, уже побывавший на тюремных нарах, весь в разводах сиреневой татуировки «ботал по фене». Где вспыхивали в темноте огоньки папирос, вставных «фикс» и гитарные аккорды рвали душу:

Таганка,
Я твой бессменный арестант...

«Почему?» — не дает покоя вопрос Панферову. Ведь неплохие ребята были. Родись чуть пораньше, попали бы на войну и дрались бы не хуже других, не кланяясь пулям, не прячась за чужие спины. Видно, дело было в том, что билась, бурлила в крови молодая сила, рвалась наружу, заканчивалась побоищами улицы на улицу. Ее, эту б энергию — на мирные цели! Только кому направлять-то? Безотцовщина в основном подрастала по зацепским дворам.

Ему, Вовке Панферову, по сравнению с другими было полегче. В их семье хоть и не отец — отчим, но был мужчина, которого Володька и чуточку побаивался, и уважал, и любил. За силу, справедливость и доброту. За его скупые рассказы о войне, за орденские колодки на поношенном кителе, за негромкую мудрость и понимание того, что происходило в мальчишке.

Даже самые отчаянные ребята из окружения Мишки Куляпного затихали, завидя вовкиного отчима. Однажды он появился во дворе в тот момент, когда шли последние приготовления к серьезной драке с соседней улицей. Взяв у одного из парней свинчатку, отлитую в форме кастета, Павел Павлович взвесил ее на ладони и сказал в наступившей тишине:

— Вы доставите огромную радость тем, кто убивал ваших отцов, если будете сами калечить друг друга.

Он бросил свинчатку под ноги ее владельцу, молча прошел сквозь расступившихся перед ним ребят. И будто что-то изменилось в самом воздухе еще недавно бурлящего, воинственно настроенного двора. И в душах ребят шевельнулось чувство неловкости и непонятной вины.

В тот раз драка не состоялась. Но впереди было много дней, когда ничто не могло помешать сойтись в рукопашной двор на двор, улица на улицу, а на следующий день участковый уполномоченный, по прозвищу Красноносый, размахивая кулаками, грозил всех отправить в места, куда Макар телят не гонял.

— Посажу! — грозил он угрюмо молчащим парням. — Все равно узнаю, кто был зачинщиком!

— Сажай всех, не ошибешься.

— Что?! — взвизывался участковый. — Кто это? Ты?! Завтра в 12.00 явишься в отделение. Ты у меня поговоришь-пошутишь.

Участковый не забивал себе голову профилактическими премудростями, строго придерживаясь раз и навсегда усвоенного правила: чтобы был порядок — шпану надо сажать! И сажал! Точнее — очень способствовал этому. От сумы и тюрьмы на Зацепе не зарекались. И все-таки, когда это происходило, двор словно цепенел на время, шепотом обсуждая случившееся.

Помнит Панферов, как однажды под вечер вдруг влетел во двор «черный ворон», как трое выскочивших из него в штатском

бросились в подъезд и через пару минут вывели, держа за руку, Лешку, соседа Панферовых по лестничной клетке. Молча, застыв на месте, смотрели на него все, кто был во дворе, а у него прыгали губы, трепетал ворот разорванной на груди рубашки, и был он уже каким-то чужим, совсем не таким, как несколько дней назад, когда заступался за Вовку, гонял с ним голубей и подсаживал на высокий забор «Динамо» в день футбольного матча. Все это происходило в какой-то странной тишине, будто в немом кино. И только когда лязгнули двери фургона и фыркнул мотором грузовик, жизнь вновь обрела все свои звуки. И Володьку словно бритвой полоснул крик:

— Лешенька!.. Сынок!..

Как ненавидел он тогда всем своим мальчишеским сердцем и красноногого участкового с его вечной угрозой: «Посажу!», и Мишку Культяпого! Как хотелось Володьке отомстить им за ребят, прогнать их обоих навсегда со двора. Вот только где взять столько силы? Послевоенные мальчишки мало верили в сказки. Однако был один день в детстве Володьки Панферова, который он хорошо помнит и поныне.

...Накануне по соседству произошла кража. Явившийся наутро участковый забрал с собой в отделение человек семь ребят. Во дворе начался переполох. Возвращавшегося с работы володькиного отчима матери задержанных ребят встретили хором слез и стонов. Выслушав их бессвязный рассказ, Павел Павлович подозвал к себе Володьку:

— Скажи матери, что я пошел к прокурору.

Это впервые услышанное мальчишкой слово прозвучало во дворе как гром среди ясного неба. Все в нем затихло и пребывало в таком состоянии до тех пор, пока под гулкой аркой не зазвенели голоса возвращавшихся ребят. Казалось, все жильцы дома высыпали во двор:

— Да как же вас отпустили?

— А чего? — ребята еще были возбуждены, еще не пережили случившегося. — Мы же не воровали!

— Так вам Красноносый и поверил!

— Так прокурор же пришел. Он сразу во всем разобрался.

— Ну если прокурор...

...Сколько лет пройдет с того дня, а Панферов будет помнить его отчетливо, будто это было вчера. Ведь именно в тот день он узнал о человеке, обладающем мудрой и справедливой силой.

Потом жизнь принесет много новых впечатлений, которые помогут ему, когда придет время, без колебаний и сомнений выбрать профессию. Но тот день будет бережно храниться в памяти, как и лица ребят из его юности, которым в то далекое время, несмотря на страстное желание, так и не мог помочь. И сколько ни пройдет лет, стоит вспомнить тот двор — и прошлое отзовется в душе неутраченной болью.

Ах, Зацепа, Зацепа...

Из беседы с Панферовым

...Наш разговор прервала Таня, просунув голову в дверь (Таисия Васильевна — жена Панферова — была еще на работе):

— Пап, я в школу на дискотеку.

— Хорошо. Когда вернешься?

— Как обычно. Не волнуйся.

Послав отцу воздушный поцелуй, она исчезла вместе со щелчком замка входной двери. Панферов неожиданно признался:

— Не знаю, не сложилось у меня какого-то определенного отношения к этим дискотекам. Может быть, оттого, что видел их очень разными...

Я поддержал его, посетовав, что нам, нынешнему поколению «отцов», многое в увлечениях «детей» непонятно.

— Я тоже думал об этом, — оживился Владимир Константинович. — Это естественно. Каждое поколение отличается от другого временем, в котором взрослеет. Отлично помню годы своей молодости, когда, как и друзья-ровесники, носил узкие брюки, ботинки на толстой подошве. Нас называли стилягами, помните? Наши вкусы многим казались непонятными. Я не вижу здесь какой-то особой беды. Важно помнить, что «непонятно» — отнюдь не означает «плохо». Эти слова не синонимы, как казалось иным в последние годы.

— Вот, кстати, о молодежной музыке, — Панферов улыбнулся, — раз уж с нее начался разговор. Сколько было копий сломано вокруг этих самых рок-групп! Сколько запретов! А ажиотаж рос. Подпольная торговля записями процветала. Попросил дочь принести несколько кассет. Стал слушать. О чем же поют ребята? Оказывается о том, чем живут, что видят и что их волнует в этом мире. Этим-то они и интересны для сверстников. Да и для нас тоже. Значит, для того, чтобы понять, надо, прежде всего, захотеть услышать...

Я знал, что Панферов награжден грамотой ЦК ВЛКСМ за работу с «трудными» подростками, и, слушая его, в шутку посетовал, что погиб в нем великий педагог. Однако собеседник шутки не принял и всерьез стал доказывать, что просто обязан быть педагогом, раз он прокурор, юрист и, наконец, гражданин...

Панферов достал с полки книгу академика Т. С. Мальцева и, раскрыв на нужной странице, протянул мне.

— Прочтите.

И я прочитал о том, как Терентий Семенович учился ездить на велосипеде, как у него это не получалось, как он непрерывно падал, как кто-то ему посоветовал: ты, мол, не под колесо, а вперед смотри.

— Вот и мы обязаны смотреть вперед, — заговорил довольный произведенным на меня впечатлением Панферов, — а не «под колесо». Жить не только заботами сегодняшнего дня, но думать о завтрашнем. И уже сегодня работать с детьми, подростками, а для этого обязаны быть педагогами.

— Вы действительно встречаетесь с каждым из несовершеннолетних, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних вашего района?

— Не только встречаюсь, но очень многих по именам знаю. — Он не без гордости посмотрел на меня.

— И о чем же вы с ними разговариваете?

— Ну, это зависит от личности собеседника, — улыбнулся Владимир Константинович, а если попытаться определить какие-то общие моменты... Я хочу, чтобы они поняли, что я им не враг... И если из каждых пяти ребят, с кем я общаюсь, хотя бы один это усвоит, я буду считать свою задачу выполненной.

Я молчу, раздумывая над его словами. Молчит и Панферов.

— Вы знаете, — он вдруг оживляется, — у нас в районе есть строительное ПТУ, которое раньше приносило нам немало неприятностей. Состав учащихся очень сложный. Бывшие детдомовцы. Ребята с периферии. Так мы всей прокуратурой взяли над этим училищем шефство. Проводили там все свободное время, вникали в учебный и производственный процессы. Взяли под личный контроль самых «трудных». Заставили встряхнуться и преподавателей: кое-кому из них пришлось потом менять место работы. И примерно через год положение изменилось. А ведь когда начинали, у многих были сомнения: получится ли?

— Что, на ваш взгляд, оказывает большее влияние на формирование подростка: семья, улица, школа?

— Все они оказывают. Прежде всего, на мой взгляд, семья. Должна, по крайней мере. Но вы взгляните на статистику разводов и поймете, что семья на сегодняшний день в полной мере этого сделать не может. Улица — и подавно. Сплошь и рядом нужно нейтрализовывать дурное влияние не только улицы, но и семьи. Кто может это делать? Школа?.. Да, школа, но только при правильной постановке дела. Если школа будет не только учить, но и воспитывать.

Вот простой пример. Подростки совершают правонарушения и преступления на улице, то есть когда выпадают из поля зрения родителей и учителей. В нашем районе очень мало мест, где бы ребята могли разумно провести свободное время. А школы вечером пустуют. А ведь школьная реформа требует, чтобы каждая школа стала центром воспитательной работы в микрорайоне. Однако все остается по-прежнему. Мы неоднократно указывали на это заведующей роно. В конце концов были вынуждены поставить вопрос об освобождении ее с должности. И своего добились...

Владимир Константинович смущенно улыбнулся:

— Извините. Я человек увлекающийся. Школа...

Школьная реформа... Все это вроде бы далеко от сегодняшних забот прокуратуры. Но если смотреть на это, думая о завтрашнем дне?.. А ведь именно так мы должны ставить вопрос. И это правильно. Потому что воспитание — процесс длительный. Сегодня посеянные семена всходы дадут не сразу. Нужно запастись терпением. Знаете, сколько сил и времени надо, чтобы выправить

искривленное молодое деревце? Чуть поторопился, нажал по-сильней — и сломал. Нельзя спешить. А с человеком — тем более.

Помню, с парнем одним сколько возился из того же строительного ПТУ. И с родителями его общался, и в училище ходил, и к себе вызывал. Уж на что человек терпеливый, начальник инспекции по делам несовершеннолетних, и тот уже руки вверх поднял. Но я, — Панферов тряхнул головой, — уже говорил вам, я человек увлекающийся, все-таки, как говорится, «довел» его до армии.

Письма мне писал. А вернулся, сам стал воспитателем «трудных» в военно-спортивном клубе.

Это же лучшее учение — примером собственной жизни.

Уроки Пархоменко

— Владимир Константинович?.. — к такому обращению Владимир еще не привык и потому не сразу отозвался в телефонную трубку: — Это я... Слушаю.

— С вами говорит прокурор Ленинского района Москвы Пархоменко.

— Я вас слушаю. А почему, собственно...

— Решением отдела кадров прокуратуры города вы направлены на стажировку к нам. Хотелось бы познакомиться с будущим работником.

— Я готов, но...

— Вы можете завтра в одиннадцать ноль-ноль быть у меня?

— Да.

Владимир положил трубку и перевел дыхание. Начиналось то, чего он так долго ждал. И все-таки это было неожиданно. Он сидел, переполненный самыми разными чувствами: страх (как бы не ударить в грязь лицом!) сменяла радость (наконец-то мечта сбывается!), потом — сомнение (получится ли?), отчаяние (что же будет в случае неудачи?). Потом все это пошло-поехало по новому кругу, и Панферов вновь радовался, сомневался, надеялся, отчаивался, пока, наконец, не взял себя в руки: завтра!..

На другой день ровно в одиннадцать Владимир переступил порог кабинета прокурора Ленинского района и увидел сидящего за столом человека в форме старшего советника юстиции.

Как описать его внешность?

Если б Панферову (случись такое чудо!) дали в руки кисть и предложили изобразить свой идеал прокурора, то в меру вдруг открывшихся художественных талантов (второе чудо!) его произведение было бы портретом Леонида Васильевича Пархоменко.

...Он рассказывал прокурору о матери, об отце, погибшем в 45-м в Чехословакии, об отчине, о детстве на Зацепе, о службе в армии, о том, как дважды поступал на юрфак МГУ и только на второй раз поступил. Рассказывал, удивляясь доверию, которое с первых минут знакомства почувствовал к этому человеку.

А тот слушал, кивал, задавал новые вопросы.

— Вы работали механиком по ремонту электронных машин.— Леонид Васильевич внимательно разглядывал собеседника.— Были случаи, когда допускали брак?

— Были, — сознался Владимир, — правда, редко...

— И как вы себя чувствовали в такие редкие минуты?

Панферов поежился.

— Хуже некуда...

Пархоменко встал, прошелся по кабинету и сел почему-то не в свое кресло, а на стул рядом.

— С сегодняшнего дня вы должны запомнить: мы не имеем права на ошибки, потому что наш брак — это искалеченная судьба человека. И часто — не только его одного...

И еще я прошу вас запомнить следующее. Мы не имеем права и на профессиональную деформацию души. Нам нельзя привыкать к слезам, крови, человеческому горю. Если однажды вы почувствуете, что начинаете привыкать, немедленно уходите из органов.

...Пройдет ровно десять лет, и прокурор Железнодорожного района Москвы Владимир Константинович Панферов эту мысль почти слово в слово повторит уже своим ученикам. Но это будет ровно через десять лет, а тогда он внимал каждому слову, чувствуя, как растет желание работать только здесь, рядом с этим удивительным человеком.

— За период стажировки вы познакомитесь со всеми сторонами деятельности прокуратуры, — продолжал Леонид Васильевич, — и со временем определите тот участок, на котором захотите работать.

— Ну а проходить стажировку, — прокурор впервые улыбнулся, — вы будете, так сказать, почти по системе Станиславского.

— Как это? — Не удержался от вопроса Владимир.

— Театр начинается с вешалки, а прокуратура — с канцелярии.

И заметив, как вытянулось лицо стажера, прокурор уже без улыбки повторил:

— Именно — с канцелярии.

Утром Панферов шагал в прокуратуру с надеждой, что его стажировка начнется с участия в расследовании, пусть не убийства, но достаточно серьезного преступления, и, конечно же, даже не предполагал, что его первый, а за ним и многие другие дни будут посвящены знакомству с различными законодательными актами, положениями, инструкциями, чтению писем, заявлений, тщательным их проверкам и не менее тщательным ответам.

— К письмам и заявлениям, — не уставал повторять прокурор стажеру, — нужно относиться с предельным вниманием. И помнить, что это настоящий источник информации о различных нарушениях законности. Что вы можете сказать по поводу вот этого, например, письма?

Владимир читал длинное серьезное письмо пенсионера, который, казалось, был зол на весь белый свет за то, что сосед за стеной поздно выключал телевизор, за то, что опять отключили горячую воду, что по утрам громко лают собаки, которых хозяева выводят во двор, что никак не откроют после ремонта ближайшую булочную, что...

— Так что вы скажете?

Владимир раздраженно пожимал плечами:

— Не дай бог такого соседа.

— Напрасно, — возражал прокурор. — Ведь то, что вы прочитали, — лишь следствие. А причина в другом. В том, что этому человеку четвертый день не приносят пенсию. Вы обратили внимание на эту фразу в конце письма?.. — Пенсионер разнервничался и стал видеть все в черном цвете. Позвоните в райсобес, узнайте, в чем дело?..

Каждый новый день Владимира ждало какое-то открытие. Он выезжал с Пархоменко на процессы, присутствовал на допросах, встречах и беседах с людьми, приходившими к прокурору вместе с ворохом своих горестей, бед и обид.

Как правило, Леонид Васильевич сообщал стажеру исходные данные проблемы, которую надо было решить, предлагал найти свое решение. И потом, часто засиживаясь допоздна, они анализировали разные варианты, стараясь определить, какой из них будет короче к достижению цели.

Но, как говорится, все, что имеет свое начало, имеет и свой конец. Пришел день, когда прокурор поручил наконец Панферову самостоятельную работу.

Тонкую папку уголовного дела Владимир начал перелистывать еще в коридоре, горя желанием доказать, что он умеет не только разбирать жалобы и писать ответы и справки. Имевшиеся материалы давали точную картину происшествия на станции метро «Спортивная». Возвращавшийся после футбольного матча Ерохин Владимир Сергеевич, 1942 года рождения («надо же, ровесник», — отметил невольно Панферов), «нарушил правила оплаты проезда в метрополитене, на замечания сотрудника милиции не реагировал, при задержании оказал сопротивление...»

Сомневаться было не в чем. Спорить — тем более. Статья 191¹, часть вторая. Все правильно. Для составления плана расследования Пархоменко дал стажеру пять суток. «Зачем так много? — недоумевал Владимир. — Все и так ясно».

Ждать, пока истекнут пять дней, представлялось совершенно зряшным делом, тем более что сам Ерохин вину свою признавал полностью.

На другой день Панферов переступил порог кабинета прокурора. Тот внимательно просмотрел план расследования, поднял глаза на стажера.

— Вы сделали только половину того, что должны были сделать. И я не могу принять ваши выводы, потому что здесь, — прокурор постучал по лежащей перед ним папке, — совершенно

нет личности самого Ерохина. Мне очень хочется знать, каков этот молодой человек? Как он относится к жене и что о нем думают на работе? Чем он увлекается, кто его друзья, как он проводит свободное время? Случившееся на станции «Спортивная» — закономерный итог его биографии или случайный эпизод? Вы можете ответить на эти вопросы?

Панферов опустил глаза, не выдержав взгляда прокурора. А тот, помолчав, продолжал:

— Побеседуйте еще раз с самим Ерохиным, поговорите с его товарищами по работе, побывайте в семье. Постарайтесь понять что послужило причиной этого происшествия. И не торопитесь делать выводы. Ведь в ваших руках — судьба человека.

Оставшихся трех с половиной суток теперь показалось Владимиру ничтожно мало для того, чтобы ответить на все заданные прокурором вопросы. Надо было, как говорится, брать ноги в руки.

Эти трое с половиной суток пролетели как миг, но зато потом, докладывая Пархоменко, Панферов был убежден, что лишать свободы Ерохина нельзя. За него горой были ребята из бригады. Жена, укачивая на руках малолетнего сына, не могла поверить, что ее муж, «который мухи не обидит», мог не подчиниться милиции. Соседи говорили о нем, как о добром и покладистом парне и подтверждали свои рассказы примерами. Да и сам Ерохин переживал и казнился так, что на него нельзя было без боли смотреть...

...Ерохин был наказан условно. И по сей день, получая от него поздравительные открытки к праздникам, в которых он коротко сообщал и о своей жизни, Панферов лишний раз убеждался в правоте того давнего решения. Но, помнится, еще долго после завершения своего первого дела Панферов ощущал в душе горький осадок: почему не задумываются люди, подобные Ерохину, как очень легко испортить себе жизнь. Порой хватает для этого нескольких минут.

...Позже свои беседы с прокурором Владимир назовет «уроками Пархоменко», которые очень пригодятся ему в общении уже со своими учениками, теми, кого отдел кадров направит стажерами во вновь созданную прокуратуру Железнодорожного района столицы.

Уроки Пархоменко... Теперь, спустя много лет, Панферов до конца понял, что те уроки профессионального, очень специфического мастерства на самом деле были подлинными уроками настоящей жизни.

Из беседы с Панферовым

— Вы двадцать лет в органах прокуратуры, — говорю я Панферову. — Если этот ваш трудовой стаж разделить на две части, какая, на ваш взгляд, была для вас более трудной: первая или вторая?

— Сложный вопрос... — Владимир Константинович надолго задумывается, и я, воспользовавшись паузой, разглядываю переплеты на книжных полках, развешанных по стенам комнаты. Тут и классики, и современные писатели. Знаю, что он следит за новинками, обязательно старается прочесть вещи, вызывающие споры и читательские обсуждения. Любит многие книги и многих писателей. Но на первом месте, вне всякого сомнения, — Федор Михайлович Достоевский.

— Да, сложный вопрос... — задумчиво повторяет Панферов. — Они обе трудные, эти половины моего, как вы сказали, трудового стажа. Но если измерять трудность по шкале ответственности, то вторая, конечно же, перетянет...

Мне было понятно, что он имеет в виду. Во вновь образованном Железнодорожном районе, куда Панферов получил назначение, ему пришлось создавать прокуратуру, то есть начинать с нуля.

Из шестнадцати штатных работников лишь трое, включая самого прокурора, имели опыт практической работы. Остальные были стажерами.

— Если бы у меня за плечами не было школы Пархоменко, — признается Владимир Константинович, — мы бы не смогли (я имею в виду коллектив прокуратуры) так быстро встать на ноги. Приходилось учиться и работать одновременно. Ведь никто же не сокращал нам объем работы только потому, что большинство сотрудников прокуратуры были совсем молодыми людьми!

Считаю, что нам помогло очень быстро развившееся чувство коллективной ответственности. Я не уставал повторять ребятам: если у вас возникла в чем-либо трудность, то это трудность не Панферова или, скажем, Иткина или Князевой, — это трудность наша общая, трудность прокуратуры Железнодорожного района Москвы. И, может, потому, что большинство сотрудников были молодыми, мы очень ревностно относились к авторитету нашего, тоже молодого учреждения.

Я не помню, чтобы отдавал на этот счет какое-нибудь распоряжение, но каждый перед тем, как уйти домой, заходил ко мне и отчитывался о проделанном за день. Это было само собой разумеющимся. Как и участие каждого сотрудника в составлении плана работы прокуратуры на квартал или полугодие. Каждый приносил свои предложения, и мы очень подробно обсуждали, почему он предлагает именно это, а не что-то другое. Все это помогало ребятам очень быстро расти и профессионально, и, я думаю, человечески.

Прошу Владимира Константиновича рассказать о каком-нибудь случае, так сказать, «совместной» работы с молодыми подопечными.

— Этих случаев... — Панферов, глядя на меня, покачивает головой, — знаете, сколько было!.. Кстати, именно в те годы я впервые убедился, что успехи учеников приносят удовольствие гораздо большее, чем свои собственные.

В дверь постучали, вошел невысокий, коренастый мужчина:

— Я в отделение милиции, Владимир Константинович. Ко мне нет вопросов?

— Нет, Владимир Вениаминович. Если что-нибудь там изменится, позвоните.

— Хорошо.

Панферов посмотрел на меня, кивнул в сторону закрывшейся двери.

— Один из лучших следователей прокуратуры Владимир Вениаминович Иткин, а в ту пору, о которой мы сейчас вспоминаем, стажер... И ему тоже пришлось не раз помогать, но, кстати, даже в начале своей работы он часто радовал своей чисто следовательской интуицией.

И Владимир Константинович стал вспоминать давнишнее дело по ограблению и изнасилованию несовершеннолетней. Преступление было совершено в полутемном подъезде. Пока потерпевшая оттуда выбралась, пока дошла домой, пока родители обо всем догадались и заявили в милицию, прошло много времени. Однако по словесному портрету, составленному со слов потерпевшей, преступник был очень скоро задержан, и потерпевшая его опознала, хотя он, естественно, все отрицал. Обрадованные удачей работники милиции сообщили о происшествии в прокуратуру с опозданием. И когда Иткин, наконец, подключился к этому делу, многое из того, что могло помочь в расследовании, уже установить было невозможно. Потерпевшая по-прежнему упорно указывала на задержанного, недавно, кстати, вернувшегося из мест лишения свободы, что тоже говорило не в его пользу. Факты упорно подтверждали его вину, но чем больше разговаривал с ним следователь, тем сильнее росла в нем уверенность в том, что совершается ошибка.

Обо всем этом Иткин доложил Панферову.

— Как вы можете охарактеризовать личность задержанного? — поинтересовался Владимир Константинович и убедился, что следователь не терял времени даром. Из рассказов жены, соседей, людей, знавших подозреваемого до колонии, выходило, что он хороший семьянин, очень любит жену, совершенное ранее преступление заключалось в том, что он кого-то избил, приревновав к своей супруге.

— Очень красивая женщина, — подтвердил Иткин и уверенно заявил, — нет, не совершал он этого преступления.

— ...Рассказанное следователем, конечно же, производило впечатление, — признался Владимир Константинович. — Тем более, что у меня самого в молодости был аналогичный случай. Потерпевшая «узнала» одного, а преступником оказался совершенно другой, который, покидая свою жертву, нанес ей очень сильный удар по голове. Произошел, так называемый, разрыв «ленты памяти», и вот в этот разрыв потерпевшая подсознательно «вставила» другого человека, который в момент совершения преступления находился в другом городе. Это подтверждали многие

люди. Так мы с ног тогда сбились, проводя следственные эксперименты, чтобы доказать, что подозреваемый никак не мог в тот день и час быть на месте преступления.

Естественно, тот путь в этом случае не годился. И мы с Иткиным пришли к выводу, что надо, держа в уме словесный портрет, искать среди тех, кто задержан в других местах за аналогичные преступления. В результате через несколько дней Владимир нашел настоящего преступника.

Я был очень рад за молодого следователя. Рад, что истина восторжествовала. Торжество справедливости очень важно не только для профессионального, но и нравственного становления молодого специалиста. Я глубоко убежден, что плохой человек не может быть хорошим работником правоохранительных органов.

— Неужели у вас, в прокуратуре, — спрашиваю Панферова, — все хорошо и не бывает никаких конфликтов, острых ситуаций, анонимок, наконец?

— Да нет, — улыбается Панферов, — и конфликты, и напряженные ситуации у нас бывают. И анонимка была. Правда, одна за 20 лет работы.

Позвонили из отдела кадров прокуратуры города. Говорят, думали, мол, ты единственный, на кого еще не написали, а теперь и на тебя есть. Поехал, привез эту анонимку, собрал народ. Вот в чем меня обвиняют. Прочитал пункт за пунктом. Ну, кто смеется, кто возмущается.

— В чем же вас обвиняли?

— Например, в том, что устранился от следствия. А я и тогда и сейчас знаю процентов на восемьдесят все дела, что даже в милиции лежат, а уж свои и подавно. Ни одно серьезное решение следователя без меня не принимают. В общем — глупость. Рассказал я, как и что собираюсь ответить, меня поддержали. И больше анонимок не было.

— А не догадываетесь, кто мог написать?

— Подозревал одного человека. Работал он у нас месяца два. Мне говорили, что письмо было опущено недалеко от его дома. Но я не стал выяснять и другим запретил. Опустился до выяснения, я считаю, значит унизить себя. Было достаточно, что люди мне верят. А я верю им. Это помогло, считаю, нам успешно выдержать экзамен на зрелость. Я имею в виду такие сложные дела, как злоупотребление в комбинате общественного питания, райпищеторге или отделе учета и распределения, хотя каждое из этих дел было для нас суровым уроком...

ЧП (окончание)

Спустя неделю Амелькина пришла за советом к Панферову:

— Владимир Константинович, Куликов отказался от своих показаний!

На прокурора эта новость, казалось, не произвела никакого впечатления.

— Однако вина-то его подтверждается?

— Разумеется! И тем не менее, — Амелькина не могла никак успокоиться, — он теперь отрицает факты получения взяток.

— А как же его собственное заявление?

— Утверждает, что сделал это по требованию следственного работника, который применял к нему недозволенные приемы расследования.

— Следственный работник — это, стало быть, вы?

— Получается, так. — Следователь развела руками и после паузы спросила: — Вы не будете с ним разговаривать, Владимир Константинович?

— Нет.

В подобных случаях Панферов старался всегда встретиться с подследственным, понять, что заставило его изменить прежние показания. Но сегодня у него не было никакого желания ни встречаться, ни говорить с Куликовым, а тем более «воевать» с ним «за него самого». Бесполезно. И слишком поздно. Владимир Константинович убедился в этом еще раз, внимательно изучив разбухшую папку уголовного дела № 57 816.

Почти за двадцать лет работы в прокуратуре Владимир Константинович насмотрелся на разных преступников, но, пожалуй, ни один из них не вызывал в нем такого омерзения и гнева, как эти люди, еще недавно чинно сидевшие в отделе учета и распределения жилья.

Следствие тщательно выяснило, сколько каждый из них и все вместе присвоили они чужих денег. Но даже общая, довольно крупная сумма была ничтожно мала по сравнению с тем огромным моральным ущербом, который был нанесен ими за годы работы, а точнее — преступной деятельности — в райисполкоме.

Каждая новая страница уголовного дела добавляла новые штрихи и детали к картине прежней жизни этих людей, связанных круговой порукой, жаждой наживы, презрением к морали, отсутствием элементарной порядочности, недоверяющих, порой ненавидящих и все-таки необходимых друг другу.

«...не смог устоять от соблазна, когда нечестные люди предлагали, подсовывали мне деньги...» — вдруг вспомнилась прокурору фраза из заявления бывшего заместителя председателя райисполкома. Нет, — был уверен теперь Панферов, — не считал

Юрий Александрович ни себя, ни тех, кто его окружал, «нечестными». Да вообще все эти понятия «честно — нечестно» давно уже не имели никакого смысла в кругу друзей и приближенных Куликова, деливших людей гораздо проще — на «умеющих» и «не умеющих» жить. И ценность каждого человека определялась по тому, «что» и «сколько» с него можно было взять. Ты — мне, я — тебе! Все имеет цену. Все продается и покупается. Нужна квартира? Ну что ж, поможем, тем более что «свой» человек, директор магазина, куда всегда можно прийти как домой, выбрать, что нравится... Как говорится, рука руку моет... Сколько? Да пустяки. Готовьте пятьсот!..

«...не мог устоять, когда нечестные люди предлагали, подсовывали мне деньги». Что уж там ловчить, Юрий Александрович? Давали, потому что — брал...

Страницы уголовного дела отчетливо вставали перед глазами Панферова, причиняя ему нестерпимую боль. Вот уверенно заходит через служебный вход зампред в магазин, вот спешит ему навстречу директор, улыбаются друг другу, исчезают в кабинете... А вот уже готовится справлять новоселье директор. И ползет по магазину завистливый и восхищенный шепот: «Вот как дела-то делаются...» И уже идет к директору продавщица, просит замолвить за нее словечко. А через несколько дней получает ответ: будет тебе квартира. Готовь тысячу...

Панферову вспоминались встречи в прокуратуре с каждым из арестованных работников райжилотдела. Как охотно они «каялись», «признавались», но ведь не было это ни чистосердечным раскаянием, ни признанием собственной вины, а только страхом, что кто-то из «друзей» опередит, переложит часть своей вины на тебя. А виновными были все.

«Начальник берет — значит, и нам можно», — оправдывали они себя. И брали. Нагло, вызывающе. Распоряжаясь, а по сути торгуя государственными квартирами как своими собственными. Брали деньгами, вещами, коньяками и винами.

«Как назвать, как расценить то, что творилось в отделе учета и распределения жилья?» — угрюмо раздумывал Панферов. — Как самое настоящее Чрезвычайное Происшествие! Как можно это назвать иначе, если даже те, у кого были все права на жилплощадь, готовы были давать и давали деньги взяточникам?! Как можно забыть разговор вот здесь, в кабинете, с рабочим завода спортивных изделий, первоочередником на получение жилья. И несмотря на это, все-таки выложил 500 рублей, потому

что был уверен: «не дав», не получит квартиру. И уверенность свою подкреплял примерами из жизни друзей и знакомых.

Панферов слушал, ужасался услышанному и понимал, что если б сам, собственными ушами не слышал, то никогда бы этому не поверил. Оказывается, можно вынести решение о выделении жилплощади, а квартиру так и не дать. И до такой степени заморочить человеку голову, что он сам спросит: «Сколько?» И получит вполне определенный ответ. И его мать, зная, кому и зачем нужны эти деньги, пойдет просить их у родственников. И те, тоже зная, кому и зачем они нужны, отсчитывают нужную сумму. Положенные в конверт 500 рублей окажутся у заместителя председателя исполкома Куликова, и тот, сняв телефонную трубку, скажет с улыбкой инспектору отдела: «Мариночка, прими повышенные обязательства к Первомаю. Возьми документы у...» И через несколько дней рабочий завода, первоочередник своего предприятия получит долгожданный ордер.

ЧП! Да еще какое ЧП!

А разве не ЧП, что одна-единственная Вера Васильевна Шевцова восстала против несправедливости, пришла в милицию, написала заявление. А остальные, включая всех этих первоочередников, членов их семей, родственников? Выходит, не верят, если покорно выкладывают деньги? Не верят, что можно добиться правды, не верят в справедливость, в наши законы и в конечном итоге в нашу власть?.. Страшно? Да, страшно! Вот где оно, самое главное, самое настоящее ЧП! Как же мы дошли, докатились до этого? Куда смотрели? Впрочем, почему «мы»? Пришло время конкретных вопросов и конкретных ответов.

Ты прокурор, ты отвечаешь за законность в районе, и если вдруг вскрываются подобные факты, значит есть здесь и твоя вина, твоя недоработка, несмотря на бессонные ночи, постоянное напряжение. Значит, надо еще раз проанализировать все и взвесить, чтобы не повторять ошибок. Значит, надо работать больше и лучше прежнего. Запастись терпением и упорством, потому что очень не просто укрепить в людях веру в неперемненное торжество правды и справедливости.

...Панферов нажал клавиш селектора и попросил вызвать следователя Амелькину. И пока она шла по коридору к его кабинету, Владимир Константинович думал о том, что надо как-то по-теплее сказать ей о том, что она очень профессионально завершила серьезную и ответственную работу и что настала пора передавать дело в суд.

Из беседы с Панферовым

— Есть ли связь между вашей болезнью и «делом» Куликова?

— В определенной степени, да. Очень велико было нервное напряжение. Мы не могли допустить ни малейшей ошибки. А параллельно прокуратура вела еще несколько сложных дел. В какой-то момент организм не выдержал «перегрузки». Когда я выписывался, врач признался: «Еще бы чуть-чуть — и инфаркт». И посоветовал в будущем не принимать все так близко к сердцу.

— Советом воспользовались?

— Увы, — Панферов разводит руками, — не могу, не получается у меня так. А переделывать себя поздно. Да и не нужно. Кстати, — Владимир Константинович поднимает вверх палец, — Дзержинский требовал от чекиста только головы холодной. А сердца-то как раз наоборот — горячего. Я же, как вам уже говорил, увлекающийся. Когда вижу зло, готов на него с кулаками идти, не раздумывая.

Панферов смеется, но потом говорит серьезно:

— Помню, был случай. Сосед прибегает около двенадцати ночи: «В овраге женщина кричит! Что делать?» — «Как что? Бежать туда!» (Это еще на старой квартире было. Я только начал работать в прокуратуре). Побежали. Буквально кубарем скатились в овраг. Там действительно четверо терзают женщину. Я сразу: «Стой! Стрелять буду!» Темно. Они растерялись. Вывели их наверх. Они видят, что никакого пистолета у меня нет. И — на нас! И тут милицейская машина подъезжает. Всех четверых и взяли.

Оказалось, жена моя, после того как мы выбежали из квартиры, в отделение милиции позвонила. Вот тогда-то я на собственном опыте убедился, что голова должна быть холодной.

— А сердце с тех пор не беспокоит?

Панферов качает головой:

— Нет. Бросил курить. Режим, тренировки, зарядка. Сейчас даже не напоминает.

— А забот, конечно, хватает?

Владимир Константинович улыбается:

— Я еще не видел прокурора, который бы пожаловался на то, что у него мало работы... Работы, конечно же, много, но вот уставать стал меньше.

— Значит, безработица вам не грозит?

— В обозримом будущем — нет. Хотя очень многое будет за-

висеть и от сегодняшних дней. Сейчас идет перестройка. В стране, в Москве, в нашем районе. Мы это видим. И понимаем, что весь этот процесс должен проходить при строжайшем соблюдении законности во всех сферах жизни общества. Каждым человеком! Иначе ничего не получится.

— Ну, а если попробовать подвести итоги двадцатилетней работы... Что будет главным?

Владимир Константинович не спешит с ответом, думает и, наконец, говорит:

— Главным, думаю, будет все-таки то, что за эти годы я много доброго сделал людям. Многие пишут письма, поздравляют с праздниками. Раньше мне казалось это странным. Ведь я же их уличал в нарушении закона, лишал свободы. А они пишут, благодарят. Вот это, я считаю, главное...

— Но Куликов вам, наверное, не пришлет весточку, — не удержался я от «журналистского» вопроса.

— Может, и не пришлет. — Панферов пожал плечами. — Я не буду в обиде. Но у него впереди долгие годы раздумий о своем прошлом, настоящем и будущем.

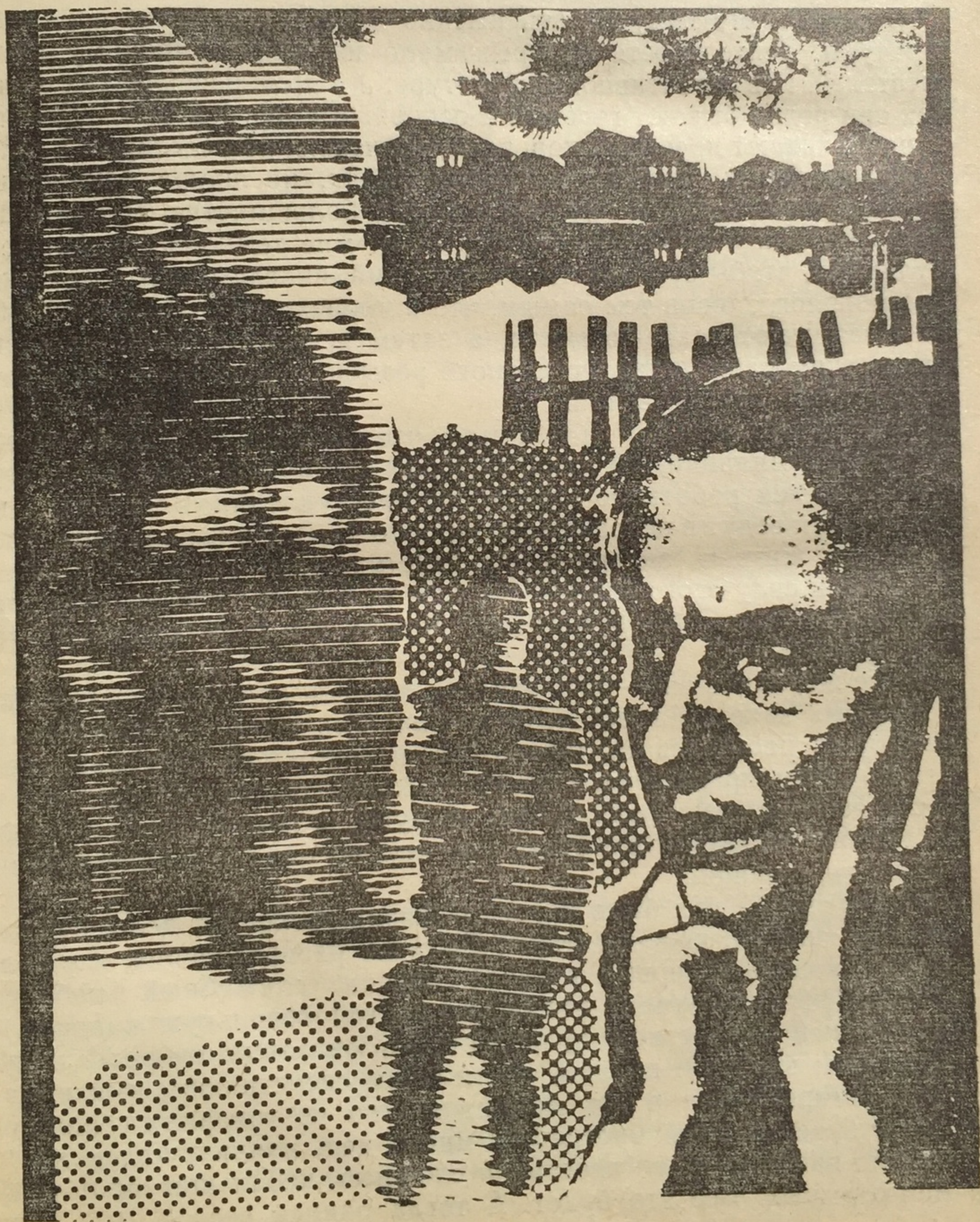
Поживем — увидим.

Владимир

Дополнительно
рассказ

Владимир Калиниченко

Дополнительное расследование

Много лет назад мне довелось прочитать книгу Льва Шейнина «Старый знакомый». Ее автор долгие годы проработал следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, расследовал ряд известных дел, прожил яркую жизнь и сумел интересно рассказать об этом читателям.

Тогда мне казалось, что Шейнин — человек необыкновенный, профессия его овеяна романтикой и стать таким, как он, — мечта несбыточная. Мог ли я думать, что спустя пятнадцать лет сам буду занимать такую же должность и у меня появится возможность написать о своей работе и о тех делах, которые приходится расследовать мне и моим товарищам.

Я решил, что буду писать именно о работе следователей прокуратуры, деятельность которых мало известна широкому кругу читателей. И в детективной литературе, и в приключенческих фильмах они редко бывают героями и основными персонажами. Да, они не разыскивают преступников, рискуя жизнью, не участвуют в головокружительных погонях на автомобилях, не знают эффектных приемов защиты в рукопашном бою и в большинстве фильмов появляются, как и прокуроры, в знакомой мне темно-синей форме с петлицами, чтобы произнести коротенький, иногда полный достоинства монолог, заявив тем самым, что в происходящих событиях они тоже занимают какое-то место, а затем исчезнуть, уступив место героическим работникам уголовного розыска, распутывающим сложный клубок преступлений.

Вот написал об этом и подумал, что обижаю мыслями своими работников милиции, на долю которых выпадает немалый и трудоемкий объем работы по раскрытию преступления. Ведь они, а не следователи ведут в основном розыскную работу и именно они, часами рискуя жизнью, задерживают преступников. Но так уж повелось, что в силу этого многие считают работу следователей второй степенной, связанной с бумаготворчеством, и в конечном счете малоинтересной.

И все же, какие они — следователи органов прокуратуры? Люди, на которых законом возложена обязанность полно, всесторонне и объективно расследовать дело о совершенном преступлении, принять по нему правильное решение? Самые разные. Среди них и совсем еще молодые люди, и зрелые мужи, и нестареющие ветераны. Разные по характеру, темпераменту, по опыту, квалификации, должности, наконец.

У каждого из них было первое в жизни уголовное дело, первые успехи и ошибки, конечно, тоже. Получив распределение, я с волнением вошел в первый в своей жизни служебный кабинет районной прокуратуры и положил на стол тоненькую папочку с материалами о злостном хулиганстве и оказании сопротивления работникам милиции парнем, почти моим сверстником, имя и фамилия которого мне в тот момент ничего не говорили. Пройдут годы, и будет в моей биографии много дел, начинавшихся вот с таких же папочек, — дел простых и сложных, небольших по объему и многотомных. Все это будет. А тогда ранней весной 1971 года

я приступил к расследованию первого своего дела, имея весьма смутное представление о том объеме работы, который мне предстояло выполнить. Конечно, я имел солидную теоретическую базу и все, что нужно было делать, знал, но когда я понял, что придется принимать первое самостоятельное решение по делу, взяв на себя всю меру ответственности, стало немного страшно.

Через много лет и я буду с теплотой и легкой грустью вспоминать, каким был тогда, делая первые шаги в освоении нелегкой профессии следователя. Я всегда буду помнить проработавшего к тому времени в органах прокуратуры более двенадцати лет Алексея Петровича Горобиевского. Сам загруженный делами, он всегда находил время, чтобы терпеливо, с заботой, похожей на отеческую, дать добрый совет, показать, как составляется тот или иной документ, обсудить какую-либо ситуацию по делу, оценить и разрешить которую на первых порах было трудно. С разными людьми сталкивала меня жизнь, по-разному складывались наши взаимоотношения, многому учился я у старших товарищей, но я бесконечно благодарен судьбе за то, что первым моим учителем и наставником был этот замечательный человек.

Как-то в беседе с журналистом одной из центральных газет, который дотошно расспрашивал, как удается разоблачать крупных расхитителей и взяточников, сложно ли это, какой самоотдачи и физических нагрузок требует такая работа и какое из таких дел запомнилось мне больше всего, я вдруг заговорил о работе в районной прокуратуре.

Да, дела, которые расследую я и мои коллеги сегодня, как правило, широко известны, к ним приковано внимание общественности, а следовательно, многих интересуют и те, кто занимается расследованием этих дел. Тут уж не скажешь, что ты обделен вниманием. Наоборот. А вот следователь прокуратуры района. С этой первой ступеньки начинали все, кто занимает сейчас более высокое служебное положение, а многие трудятся здесь долгие годы. На их долю падает абсолютное большинство всех расследуемых дел. Работу на этих участках считают почему-то неинтересной, говорят и пишут о ней мало. Успехи отмечаются не такими уж частыми приказами о поощрении, иногда опубликуют статью в газете или журнале об успешно раскрытом преступлении, расследованном деле. И совсем мало кто знает, какая большая физическая и психическая нагрузка лежит на следователе районной прокуратуры.

Ведь ему приходится одновременно расследовать по пять-шесть и более дел о самых разных преступлениях, проверять и принимать решение по материалам, начиная от фактов смерти до нарушений правил техники безопасности, недостатков, различных злоупотреблений. Укладываться в установленные законом сроки проверок и расследования дел, обеспечивать выезды на места происшествий и делать многое другое. По делу о хищении он должен знать основы бухгалтерского учета, специфику хозяйственной деятельности учреждения или организации, в которой было совершено преступле-

ние. По делу о нарушениях правил техники безопасности, авариях, крушениях — все нормативные документы, которыми регламентируется деятельность виновных лиц, технологию производства, работу отдельных узлов, механизмов, другого оборудования, в той или иной степени связанного с исследованием случившегося. Он должен разбираться в криминалистической технике, хорошо знать возможности современных экспертных исследований, уметь работать с вещественными доказательствами. А с чем можно сравнить то эмоциональное напряжение, которое испытывает следователь на месте происшествия. Ведь он заранее никогда не знает о вызове, который его ожидает. Будет это днем, вечером, ночью, насколько сложным будет случай, в котором ему предстоит разобраться. Состояние напряженного ожидания встречи с неизвестностью начинается у него всякий раз, когда он садится в оперативную машину, обгоняющую попутный транспорт под звуки сирены или мигание проблесковых маячков, и настраивает, настраивает себя на предстоящую работу, стараясь унять волнение, которое испытывает всегда и к которому никак не может привыкнуть. На месте, как правило, скопление людей — родственники, соседи, просто любопытные. Иногда слезы и причитания, которые мешают делать то, что он обязан, и тогда часто и подолгу приходится разговаривать с близкими, стараясь успокоить их насколько это возможно.

С осмотра места происшествия для него начинается работа, требующая предельной собранности и сосредоточенности, и если он допустит ошибку, упустит что-либо существенное, важное и так необходимое в будущем для изобличения преступника, то расследование дела может значительно осложниться.

Зачастую осмотр и другие первоначальные следственные действия длятся часами, бывает и сутками, но при всем том от текущей, повседневной работы никто его, следователя, не освобождает. А это значит, что после бессонной ночи он придет в свой кабинет, у дверей которого его ждут вызванные ранее по другим делам люди, и будет беседовать с ними, заполняя протокол допроса. Он хорошо понимает, что этим людям нет никакого дела до его усталости и его проблем, что они встревожены и напряжены ожиданием встречи с ним — следователем, даже тогда, когда они проходят просто свидетелями по делу, что почти каждому из них не очень-то приятно приходить по вызовам в прокуратуру и давать какие-либо пояснения. И несмотря на то что все эти люди очень разные и некоторые могут просто раздражать или даже злить его, он не имеет права обнаруживать свои чувства, ибо он представитель государственной власти, олицетворяющий собой не конкретную личность, а органы прокуратуры в целом.

И никому и никогда не расскажет он, как после очередного ночного выезда на место происшествия и текущей работы в течение следующего дня почувствует вдруг, как закружится голова, глаза начнут слипаться, а слова допрашиваемого поплывут как в тумане, и тогда-то он все-таки не выдержит, извинится перед свидетелем и, оставшись один в кабинете, закроет дверь на ключ и,

сдвинув стулья, приляжет на них. Как не останется у него ничего, кроме тяжелого, сдавливающего голову обруча сна, и только проснувшись через 20—30 минут, приведет себя в порядок, ополоснув лицо холодной водой и вскипятив в стакане воду для кофе или крепкого чая, продолжит допрос или углубится в составление очередного процессуального документа.

И пусть так бывает не всегда и не у всех, но у большей части моих коллег безусловно, особенно у тех, для кого эта работа не случайный выбор профессии, а призвание. Ведь именно ему, следователю, вверено решать судьбу человека по конкретному делу, видеть горе потерпевших, терпеливо выслушивать родственников и близких обвиняемого, уверенных, что в этом, конкретном случае допущена ошибка, стараться быть беспристрастным, объективным и самое главное — справедливым.

Какие же качества должны быть воспитаны в следователе, должны стать частью его характера и души?

В одной из серий телевизионного фильма «Рожденная революцией» — с моей точки зрения, лучшего фильма о советской милиции — бандиты в электричке убивают жену главного героя, оказавшуюся случайным свидетелем преступления, которое они перед тем совершили. «Комсомольская правда» в рецензии на этот фильм писала, что подобное не реально и вряд ли можно найти такой пример в биографии тех, кто посвятил свою жизнь борьбе с преступностью. Возможно, так оно и есть, но такой поворот сюжета не случаен. Ты следователь или работник уголовного розыска, занимающийся делом об убийстве. Ты работаешь на месте происшествия, беседуешь с людьми, которые могут пролить свет на картину преступления. Кто ты в эти моменты? Человек, который механически обрабатывает поступающую информацию, бездушный робот? Нет! Только тогда, когда ты сердцем поймешь, что нет чужого горя, но есть горе, которое может стать завтра твоим, ибо потерпевшими могут быть и случайные жертвы преступников, а значит, возможно, и твои близкие, только тогда ты подчинишь себя одной-единственной цели — раскрытию преступления, не думая об усталости, о том, что рабочий день может длиться по 12—15 часов, что поел ты не вовремя и что работу эту нужно бросать, сменив ее на более спокойную. Только тогда ты по-настоящему почувствуешь, что ты следователь.

Именно это высокое гражданское чувство присуще героям фильма — генералу Кондратьеву и его сыну, именно оно должно быть присуще всем тем, кто посвятил себя этой нелегкой работе.

И все же история расследования одного уголовного дела, о котором я хочу рассказать, не потребовала от следователей, которые этим делом занимались, проявления всех тех качеств, о которых я писал с такой горячностью. Но в ней, как ни в какой другой, проявилась, с моей точки зрения, специфика работы именно следователя прокуратуры. Так, как это было.

Воскресный день для семьи Марчуков обещал быть небольшим семейным праздником. Купленный по весне кабанчик после откор-

ма выглядел внушительно. Спиртное закупили накануне. Родственники и друзья съехались с утра и решили подбодрить себя горячительным, не дожидаясь официального приглашения к столу. К моменту разделки туши и Иван Марчук, и сожитель его матери Михаил Собин были навеселе, а так как между собой дружны не были, слов во взаимных уколах, часто походящих на оскорбления, они друг для друга не жалели. В очередной раз обругав Ивана, рассерженный Собин ушел на огород, а за ним засемила Мария, пытаясь успокоить его. Кто и зачем попросил Ивана принести из летней кухни нож поострее, как он ушел и когда возвратился, все потом рассказывали по-разному. Отсутствовал Марчук минут десять-пятнадцать, а войдя в дом, ругался, зажимая кровоточащую рану на лице. Вскоре за ним вбежала плачущая Мария. Из ее причитаний сумели разобрать, что на огороде лежит мертвый Михаил Собин.

Старик лежал полусогнувшись и зажимая рану справа в подреберье, прямо на тропинке, ведущей к сараю. Потрясенные случившимся, вокруг толпились гости, а затем постепенно стали расходиться. С милицией никто связываться не хотел, тем более что каждый считал себя к случившемуся непричастным. Кто-то предложил позвонить по 02, кто-то сбегать за участковым. Остановились на втором предложении. Пока искали участкового, пока тот направился к дому Марчуков, прошло несколько часов. Что произошло за это время, о чем разговаривали Марчуки и о чем договорились, так и осталось неизвестным, а сами они быть искренними по известным им одним причинам не пожелали. Во всяком случае первому из официальных лиц, появившихся на месте происшествия, — участковому инспектору милиции они все трое заявили, что пьяный Собин скандалил, а затем в присутствии Марии крикнув, что жить такой жизнью больше не желает, нанес себе удар ножом в живот. Иван и его жена настаивали на том, что именно так рассказала им о случившемся Мария.

Убийство или самоубийство? Такой вопрос задавали себе все, кто после сообщения в дежурную часть горотдела милиции о смерти Собина стал разбираться в случившемся. Круг возможных подозреваемых был известен сразу и особо серьезного значения происшествию не придали. Прибывший на место следователь прокуратуры района осмотр проводил, когда уже темнело. Принимая во внимание, что возле трупа побывало много людей, он посчитал, что ничего существенного обнаружить не сможет и протокол осмотра составил поверхностный. Марчука и его близких вызвали в прокуратуру на следующий день. Труп отправили в морг.

Сколько было упущено из-за этой небрежности следователя! Перелистывая много времени спустя тома уголовного дела, вчитываясь в протокол осмотра, занимавший одну неполную страничку, я думал, что привело к подобным издержкам и есть ли оправдание ошибкам моего коллеги. По-человечески, наверное, да. С точки зрения профессионального исполнения долга — нет.

Вызовов на место происшествия в те осенние дни было немало.

Большей
ной, да е
первый в
событию
мал себя
доказыва
дет слож
так насто
нии, откр
таким же

В поне
закончив
го не был
вали пох
происшед

Да! Во
Ну, поруг
перепалка
ное недоу

Спокой
чина, за с
ком на Се
лиганство
жительно
чук подро
вопросы с

С Соби
из-за мате
дому выш
его возле
заходил. С
Пустяки.

шел по пе
вернулся
бу, вот он
Собин и м
жит, заре

Да, им
Более

Мария М
вался, что
ников. Вс
Пошла ег
под бок.

Итак, ч
стоятельств
был докла
всего, ни
внутренни

Большей частью несчастные случаи, самоубийства. И тут очередной, да еще в воскресенье под вечер. Убедившись на месте, что на первый взгляд все выглядит не так серьезно и три причастных к событию лица твердят о самоубийстве, следовательно, видимо, поймал себя на предательской мысли, что если даже это и не так, доказывать вину возможного подозреваемого в такой ситуации будет сложно и не лучше ли принять за основу версию, которую ему так настойчиво предлагали. Сделав первый шаг в этом направлении, откровенно схалтурив при осмотре, он и дальше действовал в таком же духе.

В понедельник у его кабинета собрались участники трагически закончившегося воскресного застолья, — все, кроме одного, которого не было в живых. По очереди заходили они к следователю, давали похожие показания, по существу, ничего не прояснившие в происшедшем.

Да! Все было тихо и мирно. Ссоры или драки? Нет. Не было. Ну, поругались немного Собин с Марчуком. Так это — так, обычная перепалка двух нетрезвых мужчин. Почему погиб Собин? Сплошное недоумение, но каждый полагает — никто его не убивал.

Спокойно вел себя и Марчук. Высокий, чуть полноватый мужчина, за сорок лет своей жизни он успел и помотаться за заработком на Севере и отсидеть несколько лет в колонии за злостное хулиганство. Правда, последние десять лет характеризовался положительно, создал семью, работал постоянно на одном месте. Марчук подробно, медленно, как бы припоминая детали, отвечает на вопросы следователя.

С Собиным ругался часто. Вздорный был старик. Терпел только из-за матери. Пил много, а когда пьяный, вел себя скандально. Из дому вышел за ножом, который попросила принести жена, взял его возле водопроводного крана и вернулся. На огород? Нет, не заходил. Следователь спрашивает о происхождении раны на лице. Пустяки. Это когда скоблил тушу, рука соскользнула и нож прошел по переносице. Почему свидетели видели кровь на лице, когда вернулся с ножом? Задел рану, ударившись о водопроводную трубу, вот она и закровила. На огород не заходил, там были только Собин и мать. Помнит, как она забежала в дом: «Ой! Там дед лежит, зарезался». Только тогда понял — допился Мишка.

Да, именно так все и было — подтверждает жена Ивана.

Более подробно и словоохотливо рассказывает о случившемся Мария Марчук. Напился старик, а пьяный он буйный. Все жаловался, что он для нас как чужой, ни детей, ни близких родственников. Всех ругал, себя ругал. Вот и с сыном в тот день поссорился. Пошла его успокаивать, а он шумел, шумел, а потом себя ножом под бок.

Итак, что же имел следователь после формальной проверки обстоятельств гибели Михаила Собины. Практически ничего. Но уже был доклад прокурору района о том, что потерпевшего, вероятнее всего, никто не убивал, уже была суточная сводка горотдела внутренних дел, где этот случай отнесли не к разделу «умышлен-

ные убийства», а к разделу «факты обнаружения трупов», — все это в совокупности и привело к принятию решения: Михаил Собин покончил жизнь самоубийством.

Прошло несколько месяцев. Прокурор следственного управления прокуратуры области Шипилов, проверяя работу поднадзорных ему следователей, изучал «бесперспективный» материал о самоубийстве Собина и все с большим интересом вчитывался в объяснения лиц, причастных к событиям того злополучного воскресного дня.

Он обнаружил, что многие важные для оценки случившегося обстоятельства смерти Собина были выяснены поверхностно. Вызывали сомнения выводы судебно-медицинского эксперта о том, что Собин мог нанести себе удар в живот собственной рукой. Ножевая рана у потерпевшего была расположена сбоку справа с направлением раневого канала снизу вверх, а значит, он должен был нанести себе удар левой рукой. Дали поручение срочно выяснить, не был ли потерпевший левшой. Нет, не был — заявили сослуживцы потерпевшего. Обошел следователь молчанием и порезы на руках Ивана Марчука, зафиксированные при его судебно-медицинском освидетельствовании.

Иван Васильевич Шипилов пришел к выводу, что ставить точки в этой истории рано, принял решение о возбуждении уголовного дела и поручил его расследование более опытному следователю. Допросы, очные ставки, следственные эксперименты. Марчук продолжает держаться уверенно.

Нет! Собина не убивал. Раны на лице и ладонях? Но я же пояснил, что это еще с утра. Перед убийством Собина из дому не выходил, это было намного раньше. Жена? Она ошибается. За ножом пошел раньше и на огороде, где погиб Собин, не был.

Следователь терпеливо выслушивает Марчука, записывает его показания и убеждается, что противоречий в них все больше и больше. Но эти противоречия подозреваемого не смущают. Ссылаясь на забывчивость, на то, что каким-то событиям не придавал значения, рассказывал о них так, как помнил.

Близкие знакомые семьи Марчуков супруги Василишины были приглашены на воскресное застолье и пробыли в доме Марчуков целый день. На допросе волнуются, но не похоже, что стараются в чем-то обмануть следствие. Хорошо помнят, как вместе с Иваном и его женой на кухонном столе разделявали сало, как Ивана попросили принести нож поострее и он вышел. Вернулся минут через десять-пятнадцать, ругал Собина и рукой зажимал кровоточащую рану на лице. У Василишиных и других свидетелей, принимавших участие в застолье, выясняют: когда, в какое время и при каких обстоятельствах они увидели рану на лице Марчука и порезы на ладонях. Лжет Марчук. До 15 часов, а это и было время, когда погиб Собин, никто у него никаких повреждений не видел.

В судебном заседании Марчук вновь изменит показания: «Я вышел во двор, на столе взял нож и сразу же вернулся. За это время я никого не видел, ни с кем не говорил, ни мать, ни Собина

не встреча
что не вых
чения».

Да, сле
ном убийст
ред судоп
своей непр
самом пыт

Группа
даст закл
собственно
позволит и
убит и его
приговор
Все это бу
ких лет ни
ния. Но по
Марчука М
висящее, ч
жит основа

Она сид
глазам, в
давшаяся
работе в д
зывающая
пицу, в ко
протянула
верху стра
немой вопр

«Неско
документа
но, спасая
только пот
старик с
но когда в
Увела его
словами, а
Схватил в
ва на сына
лю. Увиде
варивала
рая», — кр
поднял ки
думалась
шел на сы
сидит, безе

Много
только нов
искоренени
3*

не встречал, так как они были на огороде. На следствии я говорил, что не выходил из дому. Я тогда забыл об этом, не придавал значения».

Да, следовательно сочтет, что вина Ивана Марчука в умышленном убийстве Михаила Соби́на доказана и он должен предстать перед судом. Доказана, несмотря на то, что Марчук настаивал на своей непричастности к гибели сожителя матери и что в этом же самом пытались убедить следствие его жена и мать.

Группа квалифицированных судебно-медицинских экспертов даст заключение о том, что Соби́н не мог нанести себе удар ножом собственной рукой, а оценка всех косвенных доказательств по делу позволит и следствию, и суду прийти к выводу о том, что Соби́н был убит и его убийцей был Иван Марчук. По делу будет постановлен приговор и преступника направят отбывать наказание в колонию. Все это будет, и во всех надзорных инстанциях в течение нескольких лет никто не поставит под сомнение принятые по делу решения. Но потом. Потом случится то, чего не ожидал никто. Мать Марчука Мария, которая все эти годы предпринимала все от нее зависящее, чтобы выручить сына, сделает заявление, которое послужит основанием к пересмотру дела.

Она сидела перед прокурором области, поминутно прижимая к глазам, в которых были слезы, носовой платок, просто одетая, раздавленная в ширину женщина, с руками, привычными к черновой работе в домашнем хозяйстве, всем своим видом и поведением вызывающая сочувствие и желание помочь ей в беде. Развязала тряпицу, в которой были какие-то бумаги, достала тетрадный лист и протянула его прокурору. **«Явка с повинной»** — было написано наверху страницы. «Это я писала, я», — запричитала Мария, уловив немой вопрос в глазах собеседника.

«Несколько лет я скрывала правду, — начинался текст этого документа, — но нет больше сил, и родной сын страдает безвинно, спасая свою мать. Горьким пьяницей был сожитель. Терпела только потому, что не хотела одинокой старости, да и привыкла к старику с годами. Беспокойным и драчливым был Соби́н, особенно когда выпьет. В тот день пил много, потом стал скандалить. Увела его на огород, а он не успокаивался, ругал меня всякими словами, а тут сын пришел, сделал замечание. Дед и разошелся. Схватил вилы и бросил в сына. Попал в лицо. Схватил нож, снова на сына. Тот у него нож с трудом, но вырвал, бросил на землю. Увидела, что Ваня поранил руки и на лице кровь бежит, угрожала уйти. Только ушел сыночек, Миша на меня: «Убью, старая», — кричит. Меня всю трясет, перед глазами туман, но вижу, поднял кирпич, замахнулся бить по голове. И не помню, как додумалась до такого, но схватила на земле тот нож, с которым он шел на сына, и под бок ему. Вот и все. Безвинно сын в колонии сидит, безвинно».

Много пишут в последнее время о судебных ошибках. Какие только нововведения, вплоть до изменения закона, предлагают для искоренения этого зла! А забывают только об одном. Не закон ви-

новат в ошибках, а те, кто ему служит. Все сомнения по делу толкуются в пользу обвиняемого — гласит принцип уголовного процесса, презумпция невиновности, и тот, кто верен этому принципу, будь он следователь, прокурор или судья, не пойдет на принятие решения, по которому может пострадать невиновный. Но если исповедовать этот принцип формально и не использовать все предоставленные законом возможности для установления истины, то могут уйти от заслуженного наказания преступники и обрести уверенность в своей безнаказанности и в том, что можно выйти победителями в борьбе с правосудием. А это опасно вдвойне.

Организация проверки явки с повинной Марии Марчук была поручена наиболее квалифицированным работникам прокуратуры области. Они высказали предположение, что появление Марчук не относится к разряду случайностей. Возможно, что отнюдь не раскаяние двигало ею, а совсем другое, и это другое — опубликованный незадолго до этого акт об амнистии. Ведь суть показаний Марии об обстоятельствах убийства Собина сводилась к следующему. Пьяный потерпевший тяжело оскорбил ее сына. Применил насилие по отношению к Ивану и более того — после ухода последнего намеревался убить сожительницу. Объяснения Марии не противоречили характеру повреждений, имевшихся в день убийства у Ивана Марчука, а из этого мог последовать вывод, что если Мария убила Собина, то совершила это преступление в состоянии сильного душевного волнения, а значит, уголовное дело по ее обвинению подлежало прекращению в связи с изданным Президиумом Верховного Совета СССР Указом об амнистии.

Между тем предположения оставались предположениями, а приговор по делу Ивана Марчука по протесту отменили, он вернулся домой и перед следствием вновь встал вопрос: кто же действительно убил Михаила Собина?

Дело поручили следователю, который не так давно был принят переводом из прокуратуры другой области, имел солидный стаж работы и обладал опытом расследования дел об умышленных убийствах. Прошел месяц, и он доложил, что доказательств вины Марчука нет и дело по его обвинению подлежит прекращению. При обсуждении этого вопроса на оперативном совещании большинство из тех, кто принимал в нем участие, согласились с таким предположением. Большинство, но не все.

Начался новый этап следствия. Собственно назвать его новым не совсем правильно. Проверке подлежали уже имеющиеся в деле показания свидетелей, следственные эксперименты, заключения экспертов.

В очередной раз допрашивается Иван Марчук. Теперь он знает обо всех доказательствах, которыми располагает следствие. Он хорошо понимает, что глупо отрицать тот факт, что после ухода из дому за ножом для разделки сала он был на огороде и ссорился с Собиным. Теперь он подробно рассказывает об этом, о том, как Собин бросил ему в лицо вилы, одним из зубьев которого поранило переносицу. Я сдержал себя, утверждает Марчук, и по просьбе

матери ушел
сказа. Такие
Трудно, о
к совершени
зablуждени
лгать при де
При осмо

коле лишь
нож, лежав
настойчиво
ли. Встал во
зйстве, в
используем
ним привык
росы свидет
лее, что уст
возможности в
гиб Собин.
несколько л
зубьев кото

Погожий
эксперимент
Собина. Для
приглашен
кен. Показа
ются отдел
носного ма
вести все, ч

Двинулс
разворачив
вает, где и
естественно
вость.

Статист
«Где же бы
шажками п
двигается с
твердит он
тиста заме
происходил
местонахо
времени ссор
но так, как

Марию
разворачив
ну, идет к
зывает: Со
бросил. Ук
были на из

матери ушел. О том, что она убила Собина, узнал только из ее рассказа. Такие же показания давала на допросах и Мария Марчук.

Трудно, ох как трудно, опровергать показания лиц, причастных к совершению преступления и сговорившихся ввести следствие в заблуждение, но еще труднее им, сговорившись, правдоподобно лгать при детализации обстоятельств убийства.

При осмотре места происшествия следователь описал в протоколе лишь позу и состояние трупа Собина, указал на столовый нож, лежавший недалеко от трупа, и изъясил его. Вилы, о которых настойчиво твердили Марчуки, в протоколе зафиксированы не были. Встал вопрос, были ли вилы вообще. В личном подсобном хозяйстве, в любом дворе имеются десятки различных предметов, используемых для вскапывания огорода или других надобностей, к ним привыкают, они никому не бросаются в глаза, и поэтому допросы свидетелей, бывших в доме Марчуков, ничего не дали. Тем более, что установить нужно было не просто наличие вил, а по возможности выяснить, были ли они в тот день на том месте, где погиб Собин. При повторном осмотре места происшествия спустя несколько лет мать и сын Марчуки представили вилы, одним из зубьев которых, как они утверждали, и был ранен Иван.

Погожий осенний день. По словам участников следственного эксперимента, погода стоит такая же, как тогда, в день гибели Собина. Для участия в проведении следственного эксперимента приглашен статист, изображающий потерпевшего, изготовлен манекен. Показания каждого из лиц, причастных к трагедии, проверяются отдельно, фиксируются с помощью кинокамеры и переносного магнитофона. Каждого из них просят детально воспроизвести все, что помнят о событиях того дня.

Двинулся статист, за ним Мария. Вот они на огороде; события разворачиваются так, как излагает Мария Марчук. Она показывает, где и как стоял Собин, где был сын. Бросается в глаза неестественность ее поведения, суетливость, необычная словоохотливость.

Статист стоит лицом к дорожке, ведущей к дому Марчуков. «Где же были вилы?» — звучит вопрос следователя. Мария мелкими шажками подбегает к деревянному ящику для инструментов, находящемуся слева от статиста, показывает — здесь. Да, именно здесь, утверждает она. Собин схватил вилы и бросил их в лицо сына. Статиста заменяют манекеном. Марии предлагают показать, как это происходило. Уточняют, не допускает ли она ошибки в определении местонахождения вил, взаиморасположения сожителя и сына во время ссоры. Нет, нет, настаивает Мария. Она показывает все точно так, как было в тот день.

Марию сменяет Иван. Внешне он спокоен. Вилы? Ах да. Он разворачивается в противоположную от деревянного ящика сторону, идет к навозной куче, находящейся у забора огорода, и показывает: Собин подбежал сюда, схватил вилы и ко мне, с размаху бросил. Уклониться я не успел, но расстояние было приличным, они были на излете и потому только поцарапали переносицу. Не допус-

кает ли ошибки в определении местонахождения вил в день убийства? Нет, что вы! Это же мой огород. Землю перекапывал той осенью, а вилы всегда держали возле навозной кучи. Порезы на руках? Вот уж нет. Это еще с утра, когда разделывали кабанчика. Каким ножом мать убила Собина? Не знаю! Говорит, что тем столовым ножом, который нашли возле трупа. Этот же нож как орудие убийства называет и Мария Марчук, но так ли это? Специалисты-биологи тщательно исследуют следы крови на ноже. Вывод их чрезвычайно интересен: кровь на нем соответствует не только группе крови Михаила Собина, но и Ивана Марчука.

Принимавшие участие в следственном эксперименте судебные медики, оценив пояснение Марчука, описание и фотоснимки, отображающие характер имевшихся у него повреждений, изучив представленные Марчуком вилы и изъятый с места происшествия нож, приходят к категорическому выводу: рана на лице Марчука не могла образоваться от удара вилами. Вместе с тем они не исключают, что и она, и порезы на руках могли быть причинены все тем же столовым ножом.

При таких обстоятельствах принципиальное значение приобрело установление точного места, где после убийства Собина находился нож. На фотоснимках, сделанных при осмотре, отчетливо виден нож на вскопанном черноземе. Значит, его не могли не видеть те, кто первым подошел к трупу Собина. На этом месте они находились несколько часов, почти до прибытия следственно-оперативной группы и, стало быть, могли поднимать нож, рассматривать его, наконец, переложить на другое место. Не исключалось, что Иван Марчук, если он не был убийцей, мог также подходить к трупу и брать нож в руки, а если и нет, то выдвинуть такую версию для объяснения, почему кровь его группы оказалась на орудии преступления.

— Я помогала Вале резать сало, — говорит подруга жены Ивана — Будницкая. — Вона послала його найти ніж, которым утром скоблили кабанчика и Ваня пишов. Не було його хвилин пять, може десять. Потім прийшов злой, обличча крови и все рубався на дида. Ниякого ножа Ваня не принес. А потім прибігла бабка. Як сказала, що скоилось, мы и побігли на огород. Мишка лежав так, як дуже ему боляче було. А ножа, которым вин заризався, чи его заризали, я не бачила. Це точно.

Будницкой предъявили для осмотра фотоснимки. Поставленный ей вопрос однозначен: она правильно описывает позу трупа, место, где он находился. Но тогда она не могла не заметить нож, который так резко бросался в глаза.

— Товарищу следователь, — чуть не плача приговаривает Будницкая, — я чесна людина и мени нема дила до того, що вони робила, та ножа там не було. Я ж тудя перша прыбігла.

Совсем другие показания давала и дает знакомая семьи Марчуков Татьяна Портная. Прибежав к трупу, она видела столовый нож на том самом месте, где его потом изъяли.

Кто же из свидетелей говорит правду. Допросы, очные ставки,

новые следственные эксперименты. Портная нервничает, ведь теперь точно установлено, что на огород она прибежала вместе с Будницкой. Следователи тщательно изучают личность Татьяны, характер ее взаимоотношений с Марчуками.

И наконец Портная не выдерживает. — Я расскажу правду, — комкает в руках носовой платок. — Вы поймите, не чужие они мне. Я бежала сразу за Будницкой. Дед лежит полусогнувшись, рукой рану на боку зажимает. Я еще думаю, живой он или нет. Потрогала за плечо — не шевелится. Только начали говорить, как же это все случилось, стали подходить остальные. Потом пришла Мария, причитает и все как-то бочком к нам подходит. Ближе, ближе. Смотрю, из-под кофты этот нож достала и бросила на землю возле деда. Вот так!

Решила сказать правду и Полина Орлик, гостевавшая в тот день у Марчуков. Она тоже не видела нож, когда подошла к убитому Собиному, а потом нож на земле появился. Кто его подбросил, не знает, но что это произошло именно так, поняла еще тогда. Марчуки просили ее в это дело не вмешиваться, а если будут спрашивать, ответить, что была в доме и о случившемся ничего не знает. Так и говорила.

Эти первые крупницы правдивых показаний свидетелей убедили следователей, что нужно найти подходы ко всем, кто в той или иной степени был замешан в этой истории, убедить людей помочь правосудию, установлению истины, несмотря ни на какое влияние со стороны семьи Марчуков, нежелание подводить своих друзей и знакомых.

Такой путь оказался верным, ибо он привел к расширению круга свидетелей. Стало известно, что Валентина Марчук на другой день после убийства встречалась со своим первым мужем и сказала ему, что Иван во время ссоры с Собиным убил его.

— Да, такой разговор между нами состоялся, — подтвердил свидетель, ранее следствию не известный. — Валентина очень переживала, что Ивана осудят и она останется одна.

Вот так по крупницам собирали следователи новые доказательства вины Ивана Марчука в совершении убийства, часто действуя только интуитивно. Великое дело — интуиция следователя. Это и определенные способности, дарованные природой, и знание психологии, и вырабатываемый практикой опыт, позволяющий по малейшим штрихам в поведении допрашиваемого подметить фальшь, уловить брошенную вскользь фразу и почти мгновенно проанализировать ту информацию, которая накапливалась в подсознании ранее.

Такой информации можно придать форму той единственной версии, которая приведет к раскрытию преступления, а иногда в считанные минуты облечь ее в вопрос, правильная постановка которого позволит следователю услышать правду от человека, ранее скрывавшего ее. Именно так и получилось при допросе все той же Полины Орлик.

Анализ показаний Марии Марчук и ее сына, после того как Ивана заключили под стражу, давал основания полагать, что обвиняемый неизвестным следствию путем, находясь в камере предварительного заключения, получал информацию о деле извне. Его пояснения по отдельным деталям поразительно совпадали с теми, которые давали его жена и мать. Как это удавалось Марчуку, было не понятно.

И вдруг удача. Рассказывая на одном из допросов о своей жизни, о друзьях и знакомых, Полина назвала имя Сергея Путимцева, с которым поддерживала близкие отношения в течение нескольких лет. Допрашивающий ее следователь вспомнил, что при проведении следственных действий в камере предварительного заключения отдела милиции обвиняемых приводил к нему на допрос симпатичный, высокого роста парень лет тридцати.

— Старший сержант Путимцев, — докладывал он, — арестованного доставил, — и, отдав честь, уходил.

— Где работает Сергей? — Орлик смутилась. — Где? Ведь вы солгали не единожды, — объяснил ей следователь. — В милиции, — еле выдавила из себя Орлик. — Неужели факт его работы в милиции, а конкретней дежурным по КПЗ, нужно скрывать от следствия? — новый вопрос еще больше смутил допрашиваемую.

— Я не знаю. Я не думала, что это вам нужно. И вообще, он же не имеет отношения к Марчукам.

Нет. Далеко не все так просто в твоём поведении, думал следователь, внимательно наблюдавший за приходившей все в большем смущении Полиной.

— Скажите, Орлик, вы просили Сергея передавать что-либо арестованному Марчуку?

Женщина растерянна. Нервно подрагивают руки, с трудом отрывая глаза от пола, куда смотрит упорно, стараясь как бы отвернуться от следователя.

— Так да или нет? — Да..! — Что передавали? — За-пи... Записки. — Почему не рассказали об этом раньше? — Орлик поднимает голову. — Понимаете, сразу про это не спрашивали, а потом Мария сказала, что знает от адвоката: меня посадят за то, что уже давала показания на суде, а там же меня предупредили, что буду нести ответственность за ложные показания.

Видно, что Орлик крайне испугана. Осознанно ли она дает правдивые показания или только вследствие психологического сломы, вызванного неожиданными вопросами следователя. Сделать правильный вывод крайне важно. От этого зависит решение, которое нужно принять в сложившейся ситуации: вызывать Путимцева и, пользуясь состоянием Орлик, тут же провести между ними очную ставку или поступить по-другому и дать им возможность обсуждения, как вести себя со следователем. Первый вариант — это выражение прямого недоверия молодой женщине. Сейчас или позже она поймет, что ей не верят. Будет ли она потом вести себя так же искренне? Кроме того, неизвестно, как поведет себя Путимцев.

Ведь женщины
жебном прост
Ну а если
даёт, на пол
день вместе
правду. Ведь
ватель долже
раньше, и доб
не зависело
— Полина

честный паре
с ним и прих
вать.

Глаза же
— Вы не
и Сергей все
строгий. Ведь
уж поверьте.

Непроста
ка знает сот
лось поражен
говорят тебе
дрянное, пост
дце. Люди те

Ночь про
расслабленн
у двери каб
радостно улы

— Перед
Путимцев о
Ивана раньш
он не любил
говорил мне,
а Мария, он
бя, да Иван
за него в тю

Можно ли
что Ивана М
Но оба след
го расследов
возможности дл

Ведь женщина, с которой он близок, будет изобличать его в служебном проступке.

Ну а если поверить Орлик и поступить так, как она и не ожидает, на полном доверии. Предложить ей прийти на следующий день вместе с Сергеем и убедить его в том, что он должен говорить правду. Ведь в этом маленьком поединке во время допроса следователь должен добиться нравственной победы над тем, кто лгал раньше, и добиться ее так, чтобы последующее поведение свидетеля не зависело от воздействия лиц, заинтересованных в исходе дела.

— Полина, ты любишь Сергея? — Да, и очень. — Скажи, он честный парень? — Думаю, честный. — Тогда иди домой, переговори с ним и приходите вдвоем завтра. Сергей не должен ничего скрывать.

Глаза женщины оживают. Сколько в них благодарности.

— Вы не думайте. Я никогда не обману вас. Завтра мы придем, и Сергей все расскажет, только помогите ему и не наказывайте строго. Ведь это я его уговорила. Еле-еле. Он так не хотел. Вы уж поверьте.

Непростая это штука, принятие даже такого решения. Практика знает сотни случаев, когда доверие подобного рода заканчивалось поражением следователя. Но когда твой опыт, твоя интуиция говорят тебе, что не верить людям и всех считать плохими, — дело дрянное, поступай так, как подсказывают тебе твои совесть и сердце. Люди тебя не обманут.

Ночь прошла спокойно, и облегчение и какая-то внутренняя расслабленность наступили только тогда, когда увидел их утром у двери кабинета: боящегося поднять глаза Сергея Путимцева и радостно улыбающуюся Полину Орлик.

— Передал Марчуку несколько записок. Конечно, я читал их. — Путимцев оживает. — Вы, наверное, не в курсе, ведь я знал Ивана раньше, и в компаниях бывали вместе, и все прочее. Деда он не любил, жалел мать, когда она с Мишкой ссорилась. Часто говорил мне, что убил бы деда, если бы не пришлось отвечать. Ну а Мария, она еще тогда писала, что возьмет убийство деда на себя, да Иван не соглашался. Говорил, не переживет он, если мать за него в тюрьме сидеть будет.

Можно ли было с учетом новых показаний свидетелей считать, что Ивана Марчука следовало предать суду вновь? Наверное, да. Но оба следователя, которым поручили проведение дополнительного расследования, были убеждены: исчерпаны далеко не все возможности для сбора доказательств.

Вновь и вновь внимательно изучаются следственные документы, проводятся консультации со специалистами. Собину был нанесен всего один удар ножом, но он привел к поражению крупных артериальных сосудов. Последнее повлекло за собой сильное, почти фонтанирующее кровотечение. Но тогда одежда убийцы должна быть испачкана кровью потерпевшего.

Знакомые, родственники Ивана, его товарищи по работе подробно описывают одежду, которую носил Марчук в те годы. Найдены десятки снимков, где он был сфотографирован в такой одежде. Наконец, показаниями ряда свидетелей установлено, как и во что был одет Иван в день убийства. Но этой одежды нет. Она исчезла. Когда и почему? Марчук говорит, что не помнит.

На удивление быстро удалось отыскать кофту и платье Марии, которые были на ней в тот злополучный день. Тщательно изучили ее эксперты-биологи и нашли на ней незначительные пятна крови, но крови животных.

Никто из гостей Марчуков не может вспомнить, видели ли они на одежде Ивана следы крови после гибели Собина. Допрашиваются работники милиции, принимавшие участие в осмотре места происшествия. Интерес представляют лишь показания участкового, первым из должностных лиц появившегося в доме Марчуков. Он вспомнил, что когда спешил к Марчукам, то заметил возле соседнего подворья Ивана, разговаривавшего с соседом. С помощью участкового этого человека установили. Он сказал, что, услышав шум и крики во дворе соседей, вышел на улицу. Через несколько минут к нему подошел Марчук и на вопрос, что у них случилось, ответил: «Дед Мишка сам себя зарезал». Сосед посмотрел на лицо, на одежду Ивана, обратил внимание на кровоточащий порез на переносице и на обильные брызги крови на свитере.

— Ваня, а не ты ли его?

Марчук смутился, внимательно осмотрел свитер, вздохнул:

— Нет, что ты. Это я мертвого деда перетаскивал, вот и испачкался.

Это было ложью. Ни Марчук, ни другие лица не перетаскивали и даже не изменяли позу трупа. Первым это сделал судебно-медицинский эксперт.

Таким образом, выходило, что Марчук скрывал следы, изображающие его в совершении преступления. Сумел он избавиться и от орудия преступления — ножа. Столовый нож, который подбросила Мария к трупу, никакого отношения к происшедшему не имел. Длина его лезвия равнялась двенадцати сантиметрам, а длина

раневого канала у потерпевшего была на четыре сантиметра больше.

Итак, встал вопрос, за каким ножом ушел Иван незадолго до убийства и где этот нож. Он тоже исчез. Свидетели, принимавшие участие в разделке туши кабанчика, подробно описали, как он выглядел. Сумели разыскать и кустаря-ремесленника, который изготовил этот нож. Из пластилина сделали его макет, а когда убедились, что он почти полностью соответствует оригиналу, попросили сделать его точную копию. Ее-то и направили на физико-техническую экспертизу. Комиссия экспертов, исследовав нож, пришла к выводу, что смертельное ранение Собину могло быть причинено орудием, имеющим такие же размеры, форму, характер заточки. Последний раз свидетели видели его лежавшим на земле у водопроводного крана, и было это примерно за час до убийства Собина.

И вновь следственные эксперименты. Супруги Василишины рассказывают, что, когда Иван по просьбе жены собирался идти за ножом, по радио передавали концерт Валентины Толкуновой. Как было установлено, концерт начался ровно в четырнадцать часов пятнадцать минут.

Подетальное восстановление хода концерта в совокупности с оценкой показаний Василишиных позволяет сделать вывод: Иван Марчук отсутствовал в доме не менее десяти минут.

— Марчук, вы помните обстоятельства своего ухода из дому и возвращения после конфликта с Собиным? — спрашивает следователь.

Марчук нервничает, злится.

— Сделайте все так, как было в тот день.

Марчук выходит на улицу, поворачивает направо к дворовым постройкам и выходит на огород. Воспроизводит характер перепалки между ним и сожителем матери, имитирует бросок вилами и возвращается в дом. Стоп секундомер. На все это Марчуку потребовалось одна минута пятьдесят секунд. Что же он делал во дворе еще восемь минут?

Марчук испуган. Не убивал, не убивал я, — упорно твердит он, но заметно, что самоуверенности у него поубавилось. — Убила я, — твердит Мария. — Ваня рану на лбу зажал и к дому пошел, а я деда ругаю, ругаю. Он кирпич схватил и на меня. Тут вскоре я его и ударила.

— Как вы держали нож? Как и куда ударили Собина? — следователь протягивает Марчук макет ножа. Лжеубийца берет нож в левую руку и бьет в манекен.

— Вы уверены, что все было именно так? — Марчук понимает: что-то не то, не то, но как нужно вести себя, определить не может. Ведь по ее же показаниям, в момент удара Собин двигался ей навстречу и пытался нанести удар по голове камнем. Правой рукой ему можно было нанести удар только справа.

Пояснения Марчук не соответствуют данным судебно-медицинского исследования трупа, констатирует судебно-медицинский эксперт. В момент удара потерпевший стоял правым боком к нападавшему, удар был нанесен с большой силой и нож был в правой руке убийцы.

Мария мнется, глаза ее избегают смотреть на окружающих и поднимает она их только тогда, когда во двор приглашают Анну Сергеевну Шевцову, соседку Марчуков. «А ты-то что здесь, зачем и что можешь знать?» — как бы спрашивает Мария соседку, а минут через пять приходит в полную растерянность. Это крах.

— В тот день я копалась на своем огороде, — рассказывает Шевцова. — Слышу у Марчуков двое мужчин ругаются и сильно так. Злые оба. Я из-за курятника выглянула, вижу Михаил Григорьевич хочет уйти от Ивана. А тот напротив него стоит. Думаю, еще заметят меня, скажут подглядываю. Спряталась. Вдруг как закричит женщина. Сильно так, испуганно. Я голос Марии сразу признала. Снова выглянула. Михаил Григорьевич так согнулся сильно, держится руками за правый бок, а там кровь, и упал. Нет, нет, ни Марии, ни Ивана возле него не было.

Показания Шевцовой проверяются по времени. На то, что она наблюдала, уходит 10—15 секунд. На бросок вилами, продолжение ссоры Мария затрачивает не менее 40—45 секунд. Нет, не она убила своего сожителя.

Марчук действительно в тот день взял возле водопроводного крана острозаточенный нож типа кухонного и собрался отнести его жене, когда услышал, что на огороде продолжают ругаться мать и Собин. Подогретая алкоголем злость заставила его пойти к ним.

— Что выступаешь, что ты выступаешь? — кричал Марчук, двигаясь на Собина. Старик, заметив в руках Ивана нож, лихорадочно зашарил по карманам, в руке его мелькнул другой столовый нож, которым он помогал разделять сало.

— Не подходи. Ударю... Не подходи, ударю. Брось нож... Брось...

— Бросаю, — Марчук швырнул нож на землю. — Дальше что? Я же тебя раздавлю как червяка, — правой рукой перехватывает

кисть старика, левая на подбородке Собина, пальцы сдавливают дряблую кожу. Собин вырывает свою руку с ножом. На ладонях Ивана порезы. Перехват другой рукой, и снова неудача и новые порезы.

— Ах ты так! — Марчук смотрит на свои ладони, бросается на Собина. Нож мелькает возле лица, резкая боль, но он его уже вырвал и вложил в карман брюк. Собин упал на землю, сидя пятится. Затем поднимается. — Уйди, уйди! — Собин хорошо понимает, что физически слабее и в этой ситуации им лучше разойтись. Иван проводит рукой по лицу. В нем не осталось ничего, кроме ослепляющей ненависти к этому старому, пытающемуся уйти от него человеку. Все остальное он делает расчетливо. Предсмертный всхрип Собина заглушает исполненный страха крик Марии Марчук.

Перед судом предстал истинный убийца Михаила Собина, и его вина в содеянном уже ни у кого не вызывала сомнений.

Вот написал об этой истории и подумал: так много хороших слов говорил о своих коллегах из районного звена, а рассказал о грубых, с таким трудом исправленных ошибках следствия.

Часто, ох, как часто, стали появляться на страницах газет и журналов публикации об ошибках следствия. Нарушения законности, неправильная оценка доказательств, неверная юридическая квалификация содеянного и т. п. Ратуют за изменение закона, за повышение спроса, за реорганизацию следственного аппарата вообще, а я думаю о другом — о человеческом факторе.

Как-то в один из кабинетов следственного отдела прокуратуры области, где мне пришлось проработать несколько лет, зашел мой коллега, работник с большим опытом, много сделавший для совершенствования работы следственного аппарата, воспитания следователей. В руках он держал том уголовного дела, а выглядел задумчивым и грустным. На вопрос о том, что случилось, он выдержал длинную паузу, а потом заговорил: «Знаешь, Володя, многое я перевидал в нашей работе, но всегда задумывался, откуда берутся плохие следователи. Вот в который раз изучаю очередное дело М. (далее последовала фамилия одного из подопечных моего коллеги) и не могу понять, почему он «плавает» в элементарном и ни учеба, ни контроль, ни наставничество над ним не помогают. Пошел сегодня в кадры, взял его личное дело. У парня прекрасная трудовая биография. Был слесарем высочайшей квалификации, но вот захотел в 26 лет получить высшее образование и выбрал юридический. И что же? Получили мы с тобой бездарнейшего следователя».

Прошло много времени, но этот разговор навсегда остался в моей памяти: я привожу его в публичных выступлениях, в лекциях на профессиональные темы. Я убежден, на фронте борьбы с преступностью не должно быть случайных людей. Слишком дорогой ценой, нравственными потерями расплачивается общество за подобные ошибки. Не припомню ни одного случая, когда кто-либо из следователей, систематически не справляющихся со своими обязанностями, пришел бы и сказал: «Я плохой работник. Это не мое призвание, и только поэтому я и ухожу». Самокритичная оценка своих возможностей и способностей — если хотите, еще при выборе профессии — могла бы свести следственные ошибки на нет. Не менее важна и глубоко продуманная система отбора юристов.

Конечно, в следственных органах есть еще случайные люди. Но не они определяют их лицо. У нас трудятся сотни подлинных мастеров своего дела. Здесь и совсем молодые, и прошедшие закалку, с большим опытом работы люди, посвятившие свою жизнь трудной и ответственной профессии следователя.

Ольга Чал

«Оби

не о

или что пр

лица меша

с нарушит

Ольга Чайковская

«Обижайтесь на меня, не обижайтесь...»,

или что происходит, когда должностные
лица мешают прокурору бороться
с нарушителями законности

В совхозе «Ленинском» зимой сталидохнуть овцы: холодно было в сарае, дуло изо всех углов (не выжить тут новорожденным ягнятам), да и с кормами дела обстояли плохо. Чабан испугался, стал прятать туши в чулан, там и лежали они мерзлыми штабелями — целое мертвое стадо. Вернувшийся из отпуска директор ахнул, но никуда сообщать не стал — думали выкрутиться за счет нового скота (историю эту раскопал районный прокурор, который и предъявил виновным иск о возмещении ущерба).

...Загубили коня в колхозе «Почепском». Кто, каким образом? А кто его знает. Ветврач разрешил пахать землю — на нем, на племенном жеребце! Гранит бился, не давал запрячь себя в плуг (умница был, говорят) — повредил себе что-нибудь или перенапрягся? Или, как считает ветврач, плохо за ним ухаживала зоотехник, к которой конь был прикреплен? Какое-то время Гранит стоял, сильно дрожа, не ел, потом лег на бок — и его увезли на мясокомбинат (возбудить уголовное дело по факту убийства прокурор, к сожалению, не мог, он мог опять же только предъявить иск на те 7 тысяч, которые стоил конь).

...Просто удивительно, до чего доходит косорукость и на что способно равнодушие. Поручили бульдозеристу выгрести с колхозного сеновала старое сено, он начал работать, зная, что выхлопная труба его трактора не покрыта сеткой. Сено загорелось от первой же искры, он пытался сбить пламя трактором — загорелся сам трактор, он — к реке, и за это время сгорел сеновал. Как это назвать?

Без усталости работает прокурорский надзор, особенно сейчас — в условиях перестройки. Идут проверки, поднимаются пласты документации. Обнаружив бесхозяйственность, халтуру, хищения, предъявляют иски, возбуждают уголовные дела. Героически разгребают авгиевы конюшни.

Вот он, кстати, идет по улице города Почепа, мой герой, невысокий, коренастый, пожалуй, даже чуть полноватый человек лет сорока в кожаном пальто и шляпе — советник юстиции, районный прокурор Сазонов. Город его маленький, а район его очень большой и не очень-то легкий — земля малоплодородна, а главное, изрезана оврагами, промочена болотами, захвачена (знаменитыми Брянскими) лесами. Как говорится, проблем хватает — хватает работы и прокурору. То и дело катит он по району на своем «газике», который, побывав в трех капремонтах и бесчисленных текущих, бряцает и гремит, как мешок с железным ломом, а все же старается, бежит. Иные хозяйства так же вот бренчат и только что не разваливаются на ходу, вперед, однако, тоже как-то продвигаются. Но как разболтан бывает их механизм, как разложено — и это, наверное, самое главное — сознание некоторых их руководителей, привыкших держаться на поверхности видимого благополучия путем ложных обязательств, сводок и клятв. Когда-то их вынуждали к тому жестокие обстоятельства, а теперь они сами привыкли, за долгие-то годы. Я вовсе не в восторге от того, что прокурор вынужден заниматься хозяйственными делами, и не упо-

ваю на то, что одними только усилиями прокуратуры можно решить экономические проблемы. Но на данном этапе (когда многие просто отвыкли работать по-человечески) прокуратура вынуждена взять на себя не только социальные и нравственные, но еще и, так сказать, нравственно-хозяйственные функции. Хотя они и не просты. Всякий раз нужно понять: где нарушения вызваны несовершенством хозяйственного механизма, попыткой добиться хоть какого-то результата (об этом часто пишет «ЛГ»), а где — просто халтура или низменная корысть...

Едет прокурорский «газик», переваливается в глубоких, как ущелья, колеях, осторожно ползет через топи, застревает в грязи — вот так же порой тяжело и трудно идет сам прокурорский надзор (в прокуратуре три человека, считая самого прокурора, — некомплект). Ну послушайте, возможно ли это: стали они проверять распределение квартир в Почепском горисполкоме, нашли сплошные нарушения, сделали представление в исполком (пока его рассматривали, квартиры были, разумеется, заселены) и тут произошел эпизод, поразивший всех троих юристов в самое сердце. Некая молодая женщина заняла квартиру самовольно, прокуратура дала заключение о нарушении закона, но в исполком пришел почтенного возраста человек, отец молодой женщины, и сказал добродушно: «Конечно, по закону мы не правы, но давайте решать вопрос по-партийному». Что тут самое поразительное — формулировка «по-партийному» или тот факт, что «захватчики» квартиру все-таки получили? (В одном решении так и было сказано: «выдать ордера на самовольно захваченную площадь».) Начисто разрушенное правосознание!

Владимир Михайлович идет мимо книжного магазина, куда его тянет магнитом, но куда он даже вечером не сможет заглянуть — ждут дела. Он садится за рабочий стол и думает привычно: только бы не помешали ни звонком, ни вызовом...

Но постойте, кто может мешать прокурору? Есть Закон о прокуратуре СССР, который строго определил место и роль прокурора. Он — страж закона, обязанный осуществлять надзор за его выполнением и вмешиваться всякий раз, когда он нарушен, — это ответственная государственная функция. Он — представитель центральной власти на местах, от местной власти независим и подчиняется только вышестоящему прокурору. Так говорит закон — но, увы, в жизни так не всегда. В действительности закон этот зарос густым слоем дурных традиций и безобразной практики.

Кто, спрашиваете, смеет мешать прокурору? Да любой представитель местной власти, любое должностное лицо, и РАПО, и райпо, и прохожий молодец. Однажды вызвал к себе Владимира Михайловича предисполкома, в его кабинете сидел бригадир бригады строителей, который пожаловался, что им не выплатили положенных денег. И предисполкома потребовал прокурора к ответу! Ну позвонил бы он, спросил — Сазонов ответил бы ему, что, по предварительным данным ревизии, бригада сделала мало, а получила много, как бы не пришлось ей возвращать полученное. А теперь

прервана работа, потеряно время, да и нервное напряжение — разговор был неприятный — не так-то скоро пройдет. Такой вызов может быть когда угодно.

Много сейчас корневых проблем вывернуто корнями вверх, многое стало ясно, четко обнаружился, например, и феномен сопротивления. О нем уже говорилось и с высоких трибун, и в печати, о нем вообще нередко приходится слышать — рассказывали мне о нем и на Брянщине. Наряду с перестройкой, наперекор и во вред ей идет сопротивление, причем часто именно на уровне районного руководства. Не всего, разумеется (и я сейчас говорю не о Почепе и не о конкретных лицах), но есть среди них люди, которые живут надеждой: пошумит перестройка и перестанет, поускоряется ускорение и остановится на месте, размагнитится воля действию, уляжется ветер. Спокойно станет и тихо. Возродятся былые традиции (кстати, мне рассказывают о возникшем явлении «ухода в Брянские леса», вместо прежнего застолья устраиваются там вокруг пня с бутылкой — форма сопротивления антиалкогольной политике). А главное, снова умолкнет гласность и, стало быть, пройдет страх разоблачения, вновь можно будет заменить работу бумажными показателями. А пока суд да дело, большим подспорьем служит им депутатская неприкосновенность.

Впервые я услышала об этой проблеме от прокурора Брянской области Н. В. Викулина. В некоторых уголовных делах, сказал он, субъектом преступления (то есть преступником) является руководитель — тут полезно процитировать статью Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова в журнале «Коммунист» (№ 1, 1986 г.), очень, кстати, интересную, где говорится о «сращивании части обюрократившихся руководителей с дельцами и жуликами». Но все эти руководители являются, как правило, депутатами местного Совета, без согласия которого привлечь их к ответственности невозможно. Тут-то и вступает в дело фактор сопротивления: Совет прокурору согласие дает далеко не всегда. Противятся депутаты, многие годы работают они вместе, привыкли друг к другу. Разумеется, бывают ситуации, когда депутат-руководитель, опять-таки из-за несовершенства хозяйственного механизма, вынужден был отступить от каких-то устаревших инструкций. Тут однозначного подхода быть не может. Ну, а если — халтура и корысть? Тогда «круговая оборона» депутатов социально вредна. И вот получается: исполком прокурору отказал, и тот обращается снова, вопрос рассматривается уже на сессии Совета, которая бывает раз в квартал. Время идет, а сроки следствия коротки.

И возникает противоестественная ситуация: всех обвиняемых судят, а один директор (который, быть может, виновней всех) оказывается вне досягаемости органов правосудия, его дело вынуждены выделить в особое производство. Вот и рождается тогда у людей (небезосновательно, кстати) убеждение, страшное по своей горечи, что равенство граждан перед законом существует только на бумаге.

Сазонову все же удалось привлечь одного директора совхоза

к уголовной ответственности, но отношений прокурора с местными властями — и с райисполкомом, и с райкомом — это не улучшило. И с райкомом? Да, и с райкомом.

... В колхозе «Власть Советов» строили картофелехранилище и, не укрепив фундамент, стали возводить крышу. Не были вовремя доставлены нужные материалы, наемная бригада, выполнявшая работу, говорят, предупреждала об опасности, ее не послушали, словом, подушки фундамента разошлись под тяжестью крыши, и она, сложившись, рухнула внутрь, раздавив стоящий внизу грузовик. Прораб строительства был привлечен к уголовной ответственности, а возмещение убытков (свыше 6 тыс.) возложено на нескольких человек, в том числе председателя колхоза, работника РАПО и других.

— Проще всего, — сказал Владимир Михайлович, — мне было привлечь одного прораба: он отвечает за строительство. На самом деле виноват был не только он, и взваливать на него одного все шесть тысяч было бы несправедливо.

Народный суд удовлетворил иск, большинство ответчиков не возражало, но Сазонова вскоре вызвали к первому секретарю райкома. Когда Владимир Михайлович пришел, в кабинете уже сидели предрайисполкома, председатель совета РАПО и другие — чуть ли не все бюро! Спросили у прокурора, почему привлек он руководителей, не поставив в известность райком, который считает нецелесообразным привлекать председателя колхоза Черномазова и возлагать на него возмещение ущерба. Присутствовавшие доказывали, что вообще нужно привлекать только прораба и строителей, хорошо бы еще привлечь и шофера, который поставил грузовик не туда, куда надо, а руководителей привлекать не нужно. То была далеко не первая по счету, но первая по откровенности попытка местных властей вмешаться в дела правоохранительных органов — ведь речь шла уже ни более ни менее, как о пересмотре решения суда!

Вмешательство в дела правоохранительных органов одно время было не исключением, как сейчас, а правилом, и не вмешательством это было, но откровенным давлением...

Сейчас идет совершенствование работы правоохранительных органов, о котором говорилось на XXVII съезде нашей партии, жизненно необходимое нашему обществу. Оно, в частности, сделает не возможной и практику вмешательства. Но для этого, на мой взгляд, и число заседателей должно быть умножено, и взаимоотношения их с председательствующим должны быть изменены. Кто из нас, побывавших в суде, не видел народных заседателей, которые сидят по обе стороны судьи тихие как мышки? А мне еще пришлось однажды видеть, как две такие мышки подписали смертный приговор невинному человеку (по счастью, впоследствии оправданному). Сильные, независимые заседатели — вот что, как воздух, нужно нашей судебной системе, и пусть они одни, без председательствующего, уходят в совещательную комнату (где разумеется, нет телефона) и запирают дверь на ключ.

Когда мне по заданию редакции приходилось заниматься тем или иным судебным делом, какой это был вечный страх — только бы не оказалось оно «звонковым» (видите, насколько оформилось явление телефонного давления на правоохранительные органы — для него появился термин!). Раздастся звонок... и тогда все сдвинется, все перекосятся и пойдут чудеса. Начнут пропадать документы допросов, сбегать свидетели, понявшие, что их показания могут стать для них опасными, появятся лжесвидетели (ровно столько, сколько нужно), которые начнут с уверенностью (не в истине своих слов, отнюдь нет, но в том, что им за лжесвидетельство ничего не будет) показывать сегодня одно, завтра другое, в зависимости от того, что нужно следователю. А как идет тогда судебный процесс — страшно бывает видеть и слышать.

Опаснейшее социальное явление, рождает ли оно отчаяние, гнев или цинизм (убеждение, будто «закон что дышло»).

Нет, все-таки он для меня загадка, человек (да еще не юрист, не профессионал), который осмеливается вмешаться в дело прокурора, адвоката, эксперта и судей? Неужто не боязно ему взвалить на себя такой груз ответственности? И зачем ему вмешиваться? Корысть это? Желание свести счеты, выгородить своего, утопить врага? Жажда отличиться в очередной кампании? Или здесь самодурство того самого «большого хозяина, который убежден в своей непогрешимости и думает, что если и произойдет ошибка, осудят невинного — не страшно: лес рубят — щепки летят (даже известная зловещая формула беззакония). Вернемся, однако, в Почеп.

После вызова в райком Сазонов понял, что больше молчать не вправе. Нет, тогда, в кабинете, он ограничился строго юридическим разъяснением, но, вернувшись к себе, сел и стал писать. Надо знать характер Владимира Михайловича, чтобы понять, как неприятно было ему подобное обращение по начальству, но другого пути у него не было. «Прокурору Брянской области, государственно-му советнику юстиции третьего класса Викулину Н. В., — писал он. — В связи с вмешательством работников райкома, райисполкома и агропрома в деятельность прокуратуры и нарсуда считаю необходимым сообщить...» Он отвез письмо в областную прокуратуру и сказал: «Или помогите мне, или переведите в другой район: нет не только поддержки со стороны первого секретаря, нет простого взаимопонимания».

Мне говорили, что прокурор Сазонов «не боевит», что он «не зубаст», неважный, кстати, оратор в плане правовой пропаганды (но ведь правовая пропаганда прокурора — это прежде всего его дела, не так ли?). Он действительно очень сдержан (движения его скупы — приподнимет над столом обе руки и опустит их на стол, вот и весь его жест; то, чего не договорит словами, доскажут глаза: кстати, улыбка его неожиданна и дорого стоит). Да и хватит с нас зубастых (не на зубастых все-таки земля держится, а на праведниках). Он — юрист, в нем сильно чувство справедливости,

в том числе социальной, чувство собственного достоинства, в том числе прокурорского. Он просто сел и написал бумагу, бросив тем вызов всем местным начальникам и дав нам возможность для серьезного разговора. Нет, не о частном случае. О проблеме.

Но ведь и в Навлинском районе той же Брянской области произошло похожее столкновение. Проверяя торговую сеть (райпо), прокуратура обнаружила, что в ней работают семь человек, ранее судимых за корыстные преступления, а только что судимая и снятая заведующая магазином А. И. Авдащенко, которой решением суда в течение полутора лет запрещено занимать материально ответственные должности, несмотря на запрет, вновь назначена завмагом в то же сельпо, только в другой магазин. Возбудив по этому поводу дело, прокурор района В. Д. Кулик уехал в отпуск, не подзревая, разумеется, что произойдет без него.

Когда дело тех, кто незаконно принимал на работу судимых в прошлом людей, уже было направлено в суд, следователя прокуратуры В. Д. Болховитина и помпрокурора И. М. Абраменкова (их объяснениями я и пользуюсь) вызвал к себе первый секретарь райкома партии И. М. Даниленко, в кабинете которого в числе других был председатель правления райпо А. С. Пугачев (как выяснилось следствие, непосредственный виновник назначения Авдащенко!). «Состоявшийся разговор, — написал прокурору области В. Д. Болховитин (ему около тридцати), — свелся к тому, что нужно уголовное дело из народного суда забрать и направить в товарищеский суд. Я, обращаясь к первому секретарю, сказал: «Иван Михайлович, обижайтесь на меня, не обижайтесь, лично я отзывать дела не буду. Против своей совести не пойду». После этого т. Даниленко И. М. резко сказал, что все свободны».

Мне дорог этот эпизод как знак нормализации — насмерть стали прокуроры, старший, младший, когда речь зашла о законе. Важна ведь не только перестройка правосознания — укрепление чувства личного и должностного достоинства юриста.

К этому времени вернулся из отпуска прокурор района Кулик. Едва успели ему обо всем доложить — звонок от первого: «Можно чем-нибудь помочь?» «Нет, — ответил Кулик, — нельзя». Промолчать он не мог и тоже сообщил о случившемся в областную прокуратуру. Тогда его вызвали в райком (как смел вынести сор из избы!). По окончании «проработки» (славное все же словцо!) председатель райпо Пугачев, человек ответственный за нарушения закона, не скрывая удовольствия, подошел к прокурору и стал его утешать добродушно и покровительственно: не расстраивайся, все обойдется. Поучительная картинка?

Мы с Владимиром Михайловичем на «газике» сперва по асфальту, потом по разбитым колеям, а потом для простоты и прямо по полю, по стерне добрались до той фермы, до того самого сарая, где произошел падеж. Сазонов приезжал тогда в эти места, а сейчас стоит, смотрит на сарай, который пуст, на новую овчарню. Может быть, не вмешайся прокурор, не предъяви иск, мирился бы и до сих пор совхоз со своими бедами? Может быть, в том, что пос-

троена эта новая овчарня, заготовлены корма, возросло тонкорунное поголовье, есть доля труда и прокурорского надзора? Стоит он, смотрит задумчиво (и по своему обыкновению молча). В конце концов та косорукость, от которой валятся крыши идохнут овцы, те, ставшие привычными унижительные уловки и плутни, — все это имеет еще один результат, может быть, самый для нас убыточный: люди, пусть бессознательно, перестают себя уважать. Не только наводить в обществе порядок, но и повышать в нем уровень самоуважения, — разве это не заслуга?

— Вы думаете, что первый секретарь райкома партии у нас тиран и деспот? — говорит мне Сазонов. — Да ничего подобного, он хороший, открытый человек, работающий. Честно говоря, не хочется, чтобы на него пал еще один удар.

В самом деле, Владимира Георгиевича Радькова уж никак не назовешь человеком старых традиций (и менее всего «участником сопротивления», как говорят сейчас о затаившихся противниках перестройки), напротив, он энергичный работник этой самой перестройки, только ему очень трудно приходится — достаточно сказать, что в его районе большинство жителей — люди пенсионного возраста, уехала из села молодежь, оставив стариков, и смертность стала превосходить рождаемость. Трудно! Трудно с проблемой рабочих рук, трудно с дорогами, трудно с техникой, работы невпроорот. Первого секретаря можно встретить то в одном углу огромного района, то в другом. В отличие от своих непосредственных предшественников, рассказывают мне, Владимир Георгиевич прост и легко доступен (это, впрочем, видно невооруженным глазом).

— Теперь я понимаю, — говорит Владимир Георгиевич, — не надо было мне вести разговор при других. Но почему прокурор прежде не пришел ко мне, я бы прямо ему сказал: надо учитывать личность...

В словах Владимира Георгиевича разом две ошибки. Во-первых, он явно не отличает уголовное дело (когда прокурор, если речь идет о члене партии, обязан поставить в известность райком) от гражданского (когда прокурор делать этого не обязан); во-вторых, полагает, будто «личность руководителя» важнее, чем доказанность его вины.

Если бы Владимир Георгиевич Радьков принадлежал к уходящему поколению, которому не всегда понятен смысл социально-экономических преобразований, а принять в них участие уже психологически невозможно, тогда мы сразу бы поняли причину его столкновения с прокурором, но они однолетки, оба достойные люди, оба любят свой район, болеют его болями и работают на его благо и эта их схожесть только обостряет нашу проблему. Она правая: прокурор знает и укрепляет закон, а секретарь имеет о законе, как мы убедились, к сожалению, самое смутное представление. Молодой энергичный современный руководитель не знает законов своей страны — мыслимо ли это дело? Но в том-то и суть, что он прошел школу своих предшественников, видел, как прокурора посылали на посевную, делали ответственным за удои и яйценоскость

(Брянский
пользовать
прямоу их
сем не агре
самой свое
вмешивать

Но если
можным в
таком случ
ный, деспот
вых решите
ко не кажд
тах решите
Кулик со с
не всякий
ганы, как
секретарь
та «Брянс
старшего
пытки вме
первого се
разъяснен
о прокура
школ пар
росам пра
грамотнос
ских, хозя
масштаба
что в Поч
ностью пр
дня... пер
вает стро
жности о
но...»

Почеп
ничны, об
прокурат
в «Комму
контроле
жку и по
ответстве
закона (и
строжайш
ганы».

Вмеш
и партий
Недаром
попыток
вание и

(Брянский обком КПСС, кстати, теперь решительно запретил использовать сотрудников правоохранительных органов не по прямому их назначению). Молодой секретарь по природе своей совсем не агрессивен и не деспотичен, он искренне считал, что в силу самой своей должности имеет право (и, может быть, даже обязан) вмешиваться в практические дела прокурора и судей.

Но если он, человек по натуре не агрессивный, счел теперь возможным вмешаться в дела прокуратуры и суда, что же делают в таком случае агрессивные — тот самый «большой хозяин», властный, деспотичный, из тех, что вцепился в прежние порядки, а новых решительно не признает? Мы этого не знаем, потому что далеко не каждый из работников правоохранительных органов на местах решится громко протестовать, как протестовали Сазонов или Кулик со своими сотрудниками. Да и не всякий прокурор области, не всякий секретарь обкома так защитит правоохранительные органы, как их защитили прокурор области Н. В. Викулин, первый секретарь Брянского обкома А. Ф. Войстроченко. Областная газета «Брянский рабочий» поместила статьи прокурора области и старшего помощника прокурора области М. Д. Гусева, где эти попытки вмешательства были решительно осуждены. По указанию первого секретаря были собраны секретари райкома, перед ними с разъяснением правовых основ, в частности сути и значения Закона о прокуратуре СССР, выступил областной прокурор. В программы школ партийно-хозяйственного актива включены занятия по вопросам права — словом, началась активная ликвидация правовой неграмотности, недопустимой и невозможной для партийных, советских, хозяйственных и административных руководителей любого масштаба и ранга. Обком партии принял решение, где говорится, что в Почепском районе «уровень партийного руководства деятельностью правоохранительных органов не соответствует требованиям дня... первый секретарь райкома КПСС т. Радьков В. Г. заслуживает строгого партийного взыскания, но учитывая, что в этой должности он работает непродолжительное время, ему строго указано...»

Почепский и навлинский инциденты тревожны тем, что не единичны, об этом хорошо знают в Прокуратуре СССР. «Деятельность прокуратуры, как и других правоохранительных органов, — пишет в «Коммунисте» А. М. Рекунков, — осуществляется под неослабным контролем партии, Верховного Совета СССР, внимание, поддержку и помощь которых мы ощущаем постоянно. Однако решения об ответственности конкретных лиц принимаются **только на основании закона** (выделено мной. — О. Ч.), и всю полноту ответственности за строжайшее соблюдение законности несут правоохранительные органы».

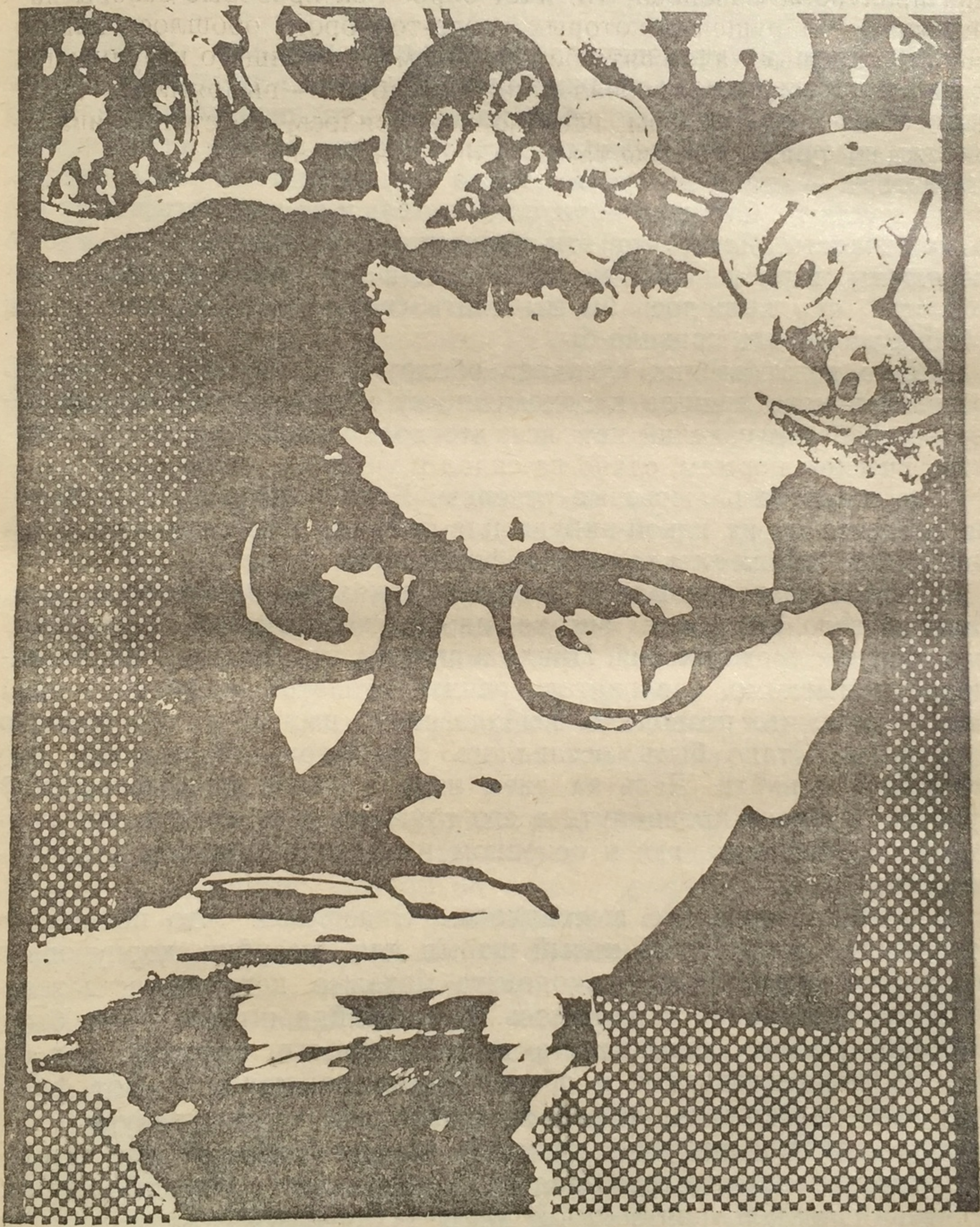
Вмешательство в дела суда и прокуратуры со стороны советских и партийных органов продолжает оставаться явлением тревожным. Недаром Политбюро ЦК КПСС указало на недопустимость любых попыток вмешательства с чьей бы то ни было стороны в расследование и судебное разбирательство конкретных дел.

В. Г. Радьков воспринял гласное осуждение своего поступка драматически. Это с непривычки. Да тут он и не одинок: чувствовать себя надежно неприкосновенным и вдруг оказаться на юру, на ветру — для многих это, конечно, будет поначалу ощущением оглушительным. Ничего. Когда критика руководящих лиц войдет в нашу жизнь как равноправная, она уже не будет так болезненно восприниматься. Да и надо же когда-нибудь (и с кого-нибудь) начинать. Первый секретарь Почепского райкома — умный человек и поймет, что столкновение рождено не только особенностями характера прокурора Сазонова, что идет борьба за правовые основы нашей жизни, нарушение которых когда-то дорого обошлось нашей стране и которые надо свято беречь во имя настоящего и будущего.

Это ведь трудная, суровая и долгая работа — выпрямлять человеческое достоинство там, где оно покривилось, восстанавливать, возрождать правосознание там, где оно разрушено.

Макс Хазин

Несколько дней из жизни следователя

Если у актера принято спрашивать, какая роль у него самая любимая, то следователю обычно задают вопрос — какое из раскрытых преступлений запомнилось ему больше всего.

Иван Иванович Белов на этот вопрос ответить не может — все расследованные им уголовные дела он помнит досконально, вплоть до фамилий обвиняемых, их биографий и иных чисто технических подробностей. Между прочим, ничего феноменального в этом нет: у многих профессионалов память обладает этим свойством.

Поэтому я взял на себя смелость выбрать наугад рядовое дело.

...В одном из магазинов обнаружили в продаже пульверизаторы, которых там не должно было быть — не поступали. Более или менее правдоподобно объяснить это странное обстоятельство завмаг не сумел. Его позиция была столь же нелепа, сколь и непробиваема — знать не знаю, откуда они взялись, просто чертовщина какая-то. Строго говоря, следователь и не рассчитывал на его откровенность. Ясно, что эти несчастные пульверизаторы где-то похищены, вернее всего, на производстве; и пожелай завмаг заговорить, ему пришлось бы выдавать своих соучастников и бог весть куда это его привело бы.

Место изготовления «левака» обнаружили без труда. Однако ревизия в цехе пришла к однозначному и категорическому выводу — недостачи изделий нет: все, что положено выпустить по технологическим нормам, сдано на склад и учтено.

Где же искать сырьевые резервы. Ведь корпус пульверизатора делается не из какой-нибудь пластмассы, а из листового алюминия, материала всегда остродефицитного.

Ключ к разгадке Белов нашел в личности начальника цеха, талантливого инженера, автора многих конструкций и рационализаторских предложений. Придя к выводу, что без его участия хищение немыслимо, следователь решил, что этот человек изобрел нечто такое, что позволило безболезненно выпускать неучтенную продукцию. Стало быть, оставалось «немного» — догадаться, что это такое, и найти. День за днем изучал Белов технологический процесс, пытаясь проникнуть в его тонкости и нащупать тот производственный этап, где в основном и реализовывалась идея машинаторов.

В конце концов все выяснилось. Оказалось, что начальник цеха создал совершенно новый штамп для вырубки корпусов, и это давало значительную экономию металла, которая, естественно, в документах не отражалась. Но и найдя штамп, надо было отыскать ученого, специалиста в этой области, который дал бы свое квалифицированное и обоснованное заключение. Вот фрагмент вывода эксперта: «Предъявленный мне в прокуратуре эскиз штампа с острой режущей кромкой, предназначенный для вырубки с уменьшенными перемычками, представляет большой интерес, являясь новинкой, неизвестной ни в технической литературе, ни в производственной практике».

После этого разговаривать с «изобретателем» сразу же стало легче, а главное приятнее. Тем более, что поступающая от него информация давала возможность и необходимость познакомиться и побеседовать со многими «симпатичными» людьми — например, главным инженером завода, директорами нескольких магазинов и прочими участниками преступной группы, общим числом в четырнадцать человек.

У широкого читателя (зрителя) сложился свой стереотип следователя. Прежде всего это — раскрыватель убийств.

Слов нет, изобличить преступника, совершившего кровавое злодеяние, не оставившего при этом визитной карточки и без свидетелей («в условиях неочевидности», говорят специалисты) — дело нелегкое. Да и сам поиск предельно динамичен, окрашен романтикой, приводит к неожиданным поворотам сюжета и завершается всеобщим если и не торжеством, то удовлетворением. Не случайно подавляющее большинство детективов в мировой литературе посвящено именно раскрытию убийств.

Но и расследование должностных преступлений требует не меньшей затраты умственных и душевных сил, эмоциональной энергии и профессионализма высочайшего класса.

Что греха таить — известные нам убийцы далеко не самые умные и изворотливые из преступников. И чаще всего разоблачение их затруднено объективными обстоятельствами, конкретной ситуацией, в которой все и произошло, а не хитроумным сопротивлением фигуранта.

В хозяйственных же преступлениях обвиняемые нередко стоят на голову выше своих «коллег». Не говоря уже о том, что даже по занимаемому положению они просто обязаны иметь специальное образование, как правило высшее, и достаточную эрудицию. Ну, а неумной энергии им, как говорится, не занимать, иначе не стали бы они обвиняемыми. Так что изобличитель должен быть на голову выше их, а еще лучше — на две. Потому что на допросе приходится оперировать несколько иными категориями, чем отпечатки пальцев, окурки, клочок волос или пыж от охотничьего патрона.

Пожалуй, невозможно подсчитать, сколько десятков тысяч (а может быть сотен!) бухгалтерских и всяких прочих производственных документов изучил за свою профессиональную жизнь Белов. И один, и вместе с ревизорами и экспертами. Кстати, изучением одних бумажек никак не обойдешься — будь любезен, побывай, и не раз, в цехах, загляни на склад, изучи пропускную систему, прочти ведомственные инструкции, раздобудь техническую литературу и консультируйся, без конца консультируйся у добросовестных специалистов.

Поэтому сейчас Иван Иванович прекрасно знает, что это за сорта ваты «чапан», «прима», «люкс». Он живо и увлекательно расскажет, как изготавливается эта самая хорошо знакомая нам вата, о происхождении которой мы не задумываемся. А он расследовал дело о хищениях на ватной фабрике...

О строительных и торговых хитростях и говорить нечего — давно изучены. И, к сожалению, продолжают изучаться, потому как совершенствуются...

А вот систему организации учебного процесса в автомотоклубе пришлось осваивать экспромтом — так внезапно возникло дело. Часто таких следователей упрекают в медлительности — волокитчики, мол, ведут следствие месяцами. Да что там месяцами — годами, случается. И только немногие представляют себе, какой поистине громадный, чудовищный объем работы приходится проделывать. Только в этой автоклубовой эпопее следственное производство составило сорок три (!) тома! Шесть обвиняемых, триста девяносто три свидетеля приглашены в суд... А допрошено гораздо больше, и многие не по одному разу. Там и свидетели некоторые всего на полшага отстали от обвиняемых, их самих нелегко было убедить в необходимости говорить правду. И попробуй наберись смелости, скажи ее, если ты был старостой учебной группы, собрал перед экзаменами деньги с курсантов и передал экзаменационной комиссии, чтобы не мучили каверзными вопросами. Или вообще в списках не значился, а водительские права получил...

Белов не считает себя узким специалистом — разоблачи, подсчитай убытки и гони дело в суд. А как быть с причинами и условиями, породившими злоупотребления? В данном случае — это поспешность и непродуманность организации автомотоклуба без наличия материальной базы и удовлетворительных преподавательских кадров. Плюс вездесущая бесконтрольность. По этому поводу направляется исчерпывающая информация в соответствующие инстанции: пусть знают на будущее.

Но убытки измеряются не одними рублями. Поэтому в обвинительном заключении он особо выделяет — взяточники из автоклуба не только наводнили город малоквалифицированными водителями с незаслуженно высокой классностью, но и вовлекли в орбиту своей преступной деятельности несколько тысяч человек, среди которых много молодежи. А это уже — особая социальная опасность!

Когда-то, в конце сороковых годов, начинающему следователю Белову, только что окончившему двухгодичную юридическую школу, злобно бросил сельповец, беспардонно обжуливавший деревенских послевоенных вдов и сирот:

— Да что ты знаешь о жизни, сопляк? Видел я таких голубоглазых брюнетиков... А на маменькиных сынков и вовсе плевать хотел...

Белов тогда промолчал — следователю не обязательно рассказывать арестованному свою биографию в воспитательных целях.

...В грозном сорок втором он досрочно получил аттестат зрелости. В том же году в блокадном Ленинграде умер его отец, затем мать. Старший брат, кадровый офицер, погиб под Москвой. Обо всем этом Иван узнал позднее, когда представился случай

сбегать домой. Увы, и самого дома не было — разбомбили... О смерти родителей узнал от двоюродной сестры; где они похоронены выяснить не смог. В восемнадцать лет — один как перст на свете...

— Обиделись вы на него, Иван Иванович? — спросил я.

— Не то слово. Сами знаете, обижаться нам не положено. Но каков тип. Посмотрите обвинительное заключение по его делу (у Белова богатейший архив. — М. Х.). Работал один в семье, зарплата скромная, на иждивении трое детей, жена, мать. А при описи имущества у жены насчитали двадцать восемь платьев, двенадцать юбок, четырнадцать халатов, у хозяина — пятнадцать шелковых сорочек и сорок прочих; девятнадцать скатертей. Потом временам это был неслыханный разврат, у понятых глаза буквально на лоб полезли.

Да, теперешний расхититель не чета тогдашнему. Ему уже не нужно захламлять квартиру сорочками, халатами и скатертями сверх обычных потребностей. Зато в число обычных потребностей попадают импортные стереосистемы, дорогая кино- и фотоаппаратура, дача с сауной, драгоценности, а по возможности и валюта. На черный день.

И вообще, рассуждаем мы с Иваном Ивановичем, в целом облик современного «делового человека» резко изменился. Он стал культурнее, зато изощреннее, умнее, осторожнее. Он не жадничает, сколько надо выделяет из своей добычи на обеспечение тылов, делится с нужными людьми, готовит на всякий случай тайных и явных защитников. И голыми руками его не возьмешь, нет, не возьмешь. Он не станет оскорблять. Он просигнализирует куда надо, что следователь отрывает от работы людей и ставит под угрозу выполнение плановых и сверхплановых заданий, то есть дезорганизует производство. Он вовремя сочинит и разошлет по разным высоким адресатам «коллективную» жалобу, что, мол, не теми методами работает товарищ Белов, запугивает, искажает протоколы, а потому не худо бы передать дело другому работнику. И пострашает интеллигентно так: мол, вопрос о вас решается, товарищ следователь, подыскивайте себе занятие по сердцу.

Невдомек ему, что стращение не достигнет цели. Человек, побывавший на Ленинградском фронте и неоднократно с тяжелой рацией на плечах ходивший в разведывательный бой в составе штурмовых батальонов, из которых мало кто уцелел; человек, по пояс мокнувший в Сеньявинских болотах и пивший воду из подернутых зеленой ряской ям; человек, закончивший войну в Прибалтике и всегда умевший преодолеть неизбежный, как он считает, страх, — не пугается даже убедительных угроз.

Я вообще убежден, что Иван Иванович — очень смелый, хотя он наверняка удивился бы, скажи я ему об этом. На самом пороге своей следовательской работы, перед выпуском из школы, он

женился на дочери «врага народа» (по тогдашней печальной терминологии), впоследствии известного ученого. Тут бы хорошо сказать — ему, мол, и в голову не приходило, что сильно рискует. Нет, очень даже приходило. Но не пришло в голову поступить иначе...

Однако вернемся к обвиняемым, которых следователь выбирать не вправе, кому нельзя заявить отвод — какие попались, с теми и работай, ищи контакт, находи нужный язык, лучше всего общий.

С большинством из них у Белова складываются нормальные, в лучшем смысле этого слова деловые отношения. И в обвинительном заключении он обязательно подчеркнет: такой-то искренне раскаялся, своими показаниями способствовал наиболее полному раскрытию преступления, что является смягчающим обстоятельством. Пишется это не столько для суда, сколько для признавшегося и других, кто будет в суде.

Случается иное — человек рассказывал все как на духу, калялся, выворачивал наизнанку не только себя, но и компаньонов. И вдруг — передумал. Сменил курс на прямо противоположный, от всех признаний и разоблачений отказался. Такое редко происходит по собственной инициативе, чаще всего это результат консультаций с «бывалыми» людьми: не признавайся, хуже не будет.

Белова такие ситуации не ввергают в панику. Ибо любое признание, не подтвержденное объективно, гроша ломаного не стоит; а подтвержденное — что ж, пусть в любой момент забирается. Единственное, о чем он тогда просит, письменно изложить мотивы прежней позиции и причины ее изменения.

«Я заведомо оклеветал и оболгал людей, которым якобы отправлял в магазины качественные фрукты под видом нестандартных», — написал один.

«Если обвиняемый признал, что способен оклеветать честных людей, то тем более он способен лгать и изворачиваться в процессе следствия и суда при очевидности совершенных им преступлений». Это, как вы догадались, уже из обвинительного заключения. И здесь тоже проявляется высокий профессионализм следователя.

На днях мне довелось побеседовать с одним из его нынешних подследственных. Вздумай он напропалую хвалить Белова за его человеческие качества, справедливость и объективность, я бы еще усомнился в его искренности. Но он не хвалил, во всяком случае не считал это похвалой:

— Знаете, мне ваш Белов непонятен. Я многое рассказал ему, отдал все, что скопил. Ну, кое-что он сам нашел. Пусть занялся бы теперь другими. Того, что я натворил, хватит на солидный срок. Так нет, ему кажется, что я не во всем признался. Подсчитал чуть не до копейки, сколько у меня могло остаться и уговари-

вадет или выдать деньги, или указать, кому они переданы. Будь его воля, наверное, все бы ходили в таких же кроличьих шапочках, как у него, и в сторублевых пальтецах. Хотя в логике ему не откажешь...

— Пишете жалобы на него? — полюбопытствовал я.

— Зачем? — удивился мой собеседник. — Видимо, он делает свое дело, как привык и считает нужным. Но и мне никто не мешает вести себя, как я считаю нужным.

Это говорил человек, смилившийся с неизбежным, но отнюдь не сломленный и тем более не деморализованный, не отказавшийся от борьбы.

Но мне-то Белов понятен. А относительно кроличьей шапки... Думаю, что разбогатеет вдруг Иван Иванович, ну, выиграй по нескольким карточкам спортлото сразу, все равно он соболью или норковую шапку не напялит. Стиль не тот.

Кстати уж и о логике.

В его первом дипломе — потом он закончил институт — единственная тройка именно по логике. Я допускаю, что он действительно мог плохо подготовиться к экзамену.

Хуже, когда ошибочно занижается оценка профессиональных качеств. Именно с такой оценкой в свое время Белова перевели из Ленинградской городской прокуратуры в районную. Теперь-то ясно, что в его следовательской судьбе это была чистая случайность. Но если их было бы даже множество, необходимость все равно пробила бы себе сквозь них дорогу. Уже много лет Прокуратура РСФСР постоянно привлекает его к расследованию сложных хозяйственных преступлений вместе со следователями по особо важным делам. Так что Иван Иванович больше находится в командировках, чем дома.

Мне как-то захотелось узнать мнение коллеги по одному деликатному вопросу, волнующему многих.

— Иван Иванович, вот вы почти тридцать шесть лет только на следственной работе. Как, по-вашему, существует в нашем деле призвание?

— Только не в общепринятом смысле слова, — улыбнется этот давно уже седовласый отец двоих детей и дед троих внуков. — Трудно представить себе ребенка, мечтающего быть следователем или прокурором, тем более играющего в них. Я, например, хотел быть врачом. Или с удовольствием занялся бы изучением истории Ленинграда. Да вот после демобилизации направил меня райком партии в юридическую школу, так что хочешь не хочешь, а призвание обеспечить.

И он обеспечивает: недавно Генеральный прокурор Союза ССР присвоил ему звание «Почетный работник прокуратуры».

Мне очень бы не хотелось представить Белова таким хватом, к которому попал — и пропал.

Я знаю такой случай из его практики.

На одного человека возбудили уголовное дело, предварительно исключив из партии: самовольно-де захватил участок земли, выстроил на нем хоромы, всячески при этом злоупотребляя, а от инвалида войны, которому участок был выделен, откупился крупной суммой. Белов доказал обратное: инвалид сам отказался осваивать участок и не противился его передаче другому лицу; хоромы оказались недостроенным срубом, приобретенным на законных основаниях за вполне умеренную цену; сигнализаторы были примитивными завистниками, а проверяли сигнал элементарно недобросовестные люди. Уголовное дело прекратили за отсутствием состава преступления, человека восстановили в партии.

...Кто знает, может быть слово «следователь» означает, что кто-то не только идет по следу, но и сам оставляет добрый след на земле.

Анатолий

Пом

редваритель-
асток земли,
ребляя, а от
упился круп-
тказался ос-
му лицу; хо-
нным на за-
гнализаторы
нал элемен-
екратили за
тановили в

Анатолий Косенко

Помощник

Когда одиннадцать лет назад, по окончании университета, я вылетел на Сахалин, то знал об этом крае до обидного мало. Воображение рисовало мне дикий остров, неповторимый пейзаж... у подножий вулканов видел себя, у гейзеров, в лесной глухомани... Глушь, помню, интриговала: накануне вычитал в атласе, что в некоторых сахалинских районах число бурых медведей на километре квадратном доходит порой до пятнадцати! Было, признаюсь, от чего сердцу забиться. И не удивительно: мне тогда, учившемуся в столице крымчанину, восточней железной дороги Москва — Симферополь бывать не приходилось...

А под крылом ИЛ-18 — в те годы на трассе летали они, а не современные ИЛ-62 или ТУ-154 — словно в подтверждение ожиданий, бесконечно тянулись просторы Сибири. Час. Второй. Пятый. Лишь нет-нет, да проплывет вдруг далеко внизу тонкая нить просеки или дороги, еще реже — поселков. И вновь горы, реки, тайга...

Сахалин, вопреки ожиданиям, оказался не диким. Больше того — достаточно обжитым... И сейчас, спустя годы, с улыбкой приходится вспоминать вулканы, из которых увидел пока только один, гейзеры, которых так и не видел... И медведи снятся разве что по ночам...

Зато окупилось все радостью встреч с людьми — открытыми и простыми. С некоторыми в первые дни столкнула судьба, с иными позже, но от каждого удавалось взять что-то хорошее.

Об одном из них, Бакурском Сергее Ивановиче, старшем помощнике прокурора города Южно-Сахалинска, и хочу рассказать.

Первый раз я встретил этого человека в 1978 году, когда меня, тогда еще молодого следователя, перевели из островной глубинки в областной центр.

Что бросилось мне в глаза?

Невысок... По-русски прост и одновременно красив лицом... С зачесанной назад, на старый манер, густой с проседью шевелюрой...

Вот, пожалуй, и все.

Если быть откровенным, трудно было первое время выделить его из числа новых товарищей по работе, ибо главное место в своих привязанностях отводил, конечно же, не тем, кто старше, а сверстникам.

Работа ладилась поначалу, все вроде бы получалось. Это продолжалось довольно долго, как вдруг наступила тяжелая полоса: по ряду причин прокуратуру покинуло сразу несколько следователей, и, будто специально выбрав момент, повалили дела.казалось, конца и края им нет: не успевал закреплять результаты по одному преступлению, как на другое ехал, на третье... Дня не было, чтоб на рабочем столе не появлялась новая папка!

И никто тебе — единственному знающему все материалы дела — здесь не поможет. Ты и только ты держишь в руках нити расследования, помнишь обо всех деталях, обстоятельствах преступления... А ведь за каждым уголовным делом, как правило, судьба

человека. Потому и сидят часто следователи ночами, не знают праздников, выходных. Заменить их трудно...

В таком фактически положении оказался и я: кипа дел, сил и времени не хватало, настроение катастрофически падало...

Тогда-то, заметив мое состояние, и зазвал он меня в свой кабинет.

— Садись, — показал на стул, а сам стал возиться с чайником и стаканами. — Кофейком угощу. — И желая, видимо, подбодрить, улыбнулся. — Что невесел?

— Да так... — махнул я рукой.

— Небось дел нахватал? Сколько уже?

— Много, — вздохнул я. — Шестнадцать...

Он засмеялся.

— Всего-то?! Э, брат... не видел ты наших дел! — И подал стакан с кипятком. — Вот как ты, сидел, помню, лет тридцать назад один из наших, качал головой: «Не могу, — говорит. — Все. Двадцать восемь дел в производстве!»

Я посмотрел на Бакурского.

— Что... серьезно?

— А то! Неделями домой не ходили. Прикорнешь в кабинете — и вновь за допрос. Не то, что сейчас... Ладно, пей. Кофе вон, сахар. Клади. Не стесняйся. — Он снял китель со звездами советника юстиции в петлицах, повесил на стул и сел. — Рассказывай...

— О чем? — недоуменно пожал я плечами.

Он размешал кофе, потрогал горячий стакан, взглянул на меня.

— О работе. О чем же еще? Как настроение? Как дела?

Рассказывать-то как раз и не хотелось, но минуту спустя, подкупленный доверительным тоном его, я уже говорил о наболевшем: оголенном следствии, небывалой нагрузке, усталости. Рассказал и о том, что всю ночь накануне провел на месте происшествия, осматривая квартиру потерпевшего К., однако ничего, что помогло бы выйти на преступников, увы, не нашел...

Он не перебивал, слушал, потом, сделав паузу, тихо спросил.

— Давай откровенно. До сих пор работалось хорошо?

— Нормально.

— А кто создал эту, нормальную обстановку? Кто? Мы. Из года в год создавали. И такая, как сегодня у вас, нагрузка была — уже говорил — не в диковинку. Обыкновенной, повседневной была... Чем жили? Надеждой, что со временем меньше станет преступников, меньше дел... И знаешь, — лукаво прищурил глаза, — выдержали, добились-таки своего! Мы добились. Неужели же вы слабее?!

То ли от кофе, то ли от слов его, но я, впервые в те трудные дни, почувствовал себя не усталым. И в свою очередь улыбнулся.

— Конечно, нет: не слабее. Выдержим. — И вздохнул. — Тяжко вот только...

Он вскинул брови.

— Кто говорит, что легко? Сколько б дел ни было, легче не станет. За ними трагедии! Рушатся судьбы! Поэтому тяжело. — Отпил кофе, поставил стакан. Задумался. — Значит, осмотр квартиры К. не дал ничего... — Помолчал. — А может, плохо смотрели? — Смерил взглядом меня, словно прикинул, стоит ли говорить. — Хочешь, расскажу... Об одном преступлении? Два дня бились с осмотром дома. Благодаря лишь осмотру этому и раскрыли убийство...

— Где? — скорее из уважения к Бакурскому, нежели из интереса спросил я: сколько убийств — столько не похожих одна на другую ситуаций...

— Здесь. В городе. — Он встал, подошел к шкафу, открыл его. — Вот. Копия обвинительного заключения по тому делу. Я за прокурора остался тогда, потому со следователем и выезжал. А после — так уж случилось — и вел дело, и заканчивал сам. Посмотри.

Я взял листы.

На первой странице, по печатному тексту, наискось, кто-то вывел толстым синим карандашом: «Высшая мера — расстрел». И ниже: «Приговор оставлен в силе Верховным Судом. Ходатайство о помиловании отклонено. Приведен в исполнение»...

— Когда это было? — начал Сергей Иванович. — Посмотри, будь добр, там написано...

Я вернулся к первой странице, отыскал дату.

— Август. Шестьдесят девятого.

— Да. Шестьдесят девятый. Убили супругов Фоминых в собственном доме. Выехали мы — он назвал одного из работников прокуратуры — на место происшествия. Милиция уже там, все оцепили. Никого посторонних. Лишь сын убитых, Сергей, восемнадцати лет. Перепуган, помнится, плачет, трясется... Кое-как вытянули у него, что спал на чердаке. На сеновале. Услышал шум, спустился, а мать и отец зарублены...

Он потер рукой шею, поморщился.

— Крови было... Труп на веранде, в прихожей труп... Ну что? Начали мы. — Вдохнул. — Ох, и смотрели! Миллиметр за миллиметром! Всех лишних выгнали, даже угрозыск, чтоб не мешали. Понятые, мы со следователем и эксперт! — Помолчал. — Да. Смотрим, смотрим... Ночь... Утро... — Взмахнул кулаком. — И нашли! На залитом кровью дверном косяке смазанный след. Кто-то до нас коснулся влажного косяка и размазал. Бле-е-едный-бледный мазок... Едва видно его, но... зацепка. Кто мог? Тот, кто убил. Некому больше! Потерпевшие, судя по ранам, кровь свою на стенах, дверях задеть уже не могли; а мы приехали — все давно уж засохло. — Он сел и тут же встал снова. — Вот тогда и розыску вводную: искать на одежде подозреваемых кровавой след. Не просто капли, а след. Именно след! Понял зачем? Отпечаток, трассу сличить: идентифицировать. Высоту примерную указали, на которой след должен быть... И — закрутилась машина! А мы — назад, осмотр продолжать. И вновь успех! — И без того молодо

выглядевший в свои пятьдесят семь лет, он стал еще моложе в азарте. — В ванной, где для воды сток, нашли розовые капли. Слабые тоже, но — опять информация! Если это растворенная кровь в воде, то... что ж получается?! Преступник не убежал?! Здесь же мыл руки? Когда весь на взводе, и не известно, кто, зачем и в какую минуту может явиться в дом? — Развел руками. — Логично? Нет. Обычно бегут с места убийства. К тому же, ночь, окраина города. Кто б на него в захолустье там обратил внимание в темноте? Никто! Да и руки мог по пути сполоснуть в луже, речке любой: чего-чего, а воды на Сахалине хватает... — Бакурский прервал рассказ, выдержал паузу и вдруг щелкнул пальцами. — Последнее! В руках женщины был халат. Как бежала с ним на веранду, так застигнута и была... Долго думал о нем. Что бы это значило? Чувствую, что-то есть, а понять не могу... Потом дошло! Суди сам, стала бы женщина, образно говоря, под поднятым топором одеваться? Нет! А раз так — убийцей мог быть кто-то близкий, кого стеснялась! Это и вывело на преступника.

Он вздохнул.

— Сын — Сергей тот — убил их. Из-за денег. Сначала отца, на веранде. Затем, в прихожей, выбежавшую на их крики мать. Она и одевалась-то на бегу, так как услышала мужа и сына. Не хотела появляться раздетой. Стеснялась. А сын ее... топором...

Сергей Иванович замолчал.

Давно остыл кофе, но я забыл о нем, недопитом.

Так и сидели, вслушиваясь в тишину.

— Сознался? — спросил я некоторое время спустя.

— Куда деться? Конечно, — усмехнулся Бакурский. И тут же с досадой. — Угрозыск, правда, чуть не подвел... Я дал команду увезти Фомина-младшего в отдел милиции. Там он и был. Ну а в розыске как... Навалились. Ребята ушлые: тот о том спрашивает, этот об этом. Один из инспекторов и отчебучил. С ходу в лоб: «Может, ты их убил?». Не помогает. Тогда он вдруг и говорит: «Может, Сергей, ты отца убил... когда увидел, что он убил мать?»

Я удивленно посмотрел на Бакурского.

— Представляешь, что учудил! — продолжал он. — Подсказал такую систему защиты, о какой балбес этот и не мечтал! Попробуй проверь. Фомин-старший был выпивши перед смертью, в семье их, как часто водится, случались ссоры... — Раздраженно повел плечами. — Что за люди порой попадают в органы! Готовы ради галки в отчете о раскрытии преступления черт знает на что пойти! — Перевел дух. — Ну, Фомин-младший смекнул, какой канат брошен, и ухватился. «Да, говорит, отец маму убил пьяный. Я и не выдержал. Подождал, когда спать уйдет на веранду, взял тот же топор и зарубил его, подлеца»... О как! Преступник? Да. Но какой! Кто его по-человечески не поймет в такой ситуации? — Бакурский от возмущения даже крякнул. — А мы осмотр дома ведем и ничего не знаем еще... Что бы делали, если б не посмотрели лужу крови возле женского трупа! — Встал. — Дело в том, что удар топора пришелся Фоминой по косе. Вот волосы и

осыпались в лужу. Само по себе это мало что значит, но навело на размышления. «А кто первым убит? — прикинул я. — Если Фомин, то возле жены его или на ней могут остаться волосы с его раненой головы... Если она, то возле мужского трупа можно найти женские волосы, что к топору должны были прилипнуть»... И начал поиск. Час, если не больше, выуживал из лужи волосы возле женского трупа. До единого! И, — радостно улыбнулся, как может улыбнуться довольный находкой следователь, — отыскали мужской волосок в женской пряди. Он первым погиб, оказалось, а не она! Вот так-то... Не вышло: ни у инспектора, ни у убийцы. Оба влипли: один с подсказкой, другой с враньем. Недооценили немых очевидцев, вещественных доказательств, которых на месте происшествия, как правило, всегда достаточно, надо лишь отыскать! Помнишь, говорил о дверном косяке? И он сработал. Осмотрели постель на чердаке, где Сергей этот якобы спал. Простыня свежая — только из прачечной. Подушка не смята. А на матраце и краешке простыни — кровь! Оказалось, ими косяк задел на двери, когда для алиби на сеновал стал вещи сносить, вот и вымазал... Да и еще мелочи были, которые помогли. Одни на преступника вывели, другие показания его опровергли, третьи изобличили, закрепили признание. В общем, не зря работали... Стал допрашивать, а сам уже, в принципе, все как есть представлял. Да, и кроме того: обвиняемый о деньгах вел речь, проверили — точно, в поле зарыты; о топоре — проверили, нашли в пруду этот топор; о механизме ударов говорил он, последовательности — все так и было, пришли к выводу медики. Кстати, руки надванной он мыл. Тоже сказал. Помнишь? Ему-то как раз и надо было дома себя привести в порядок. Видишь, опять в версию уложилось: чужой должен был убежать, а свой — на месте остаться... Сергей Иванович замолчал.

— Расстреляли, негодяя... И поделом! Пить, гулять ему, видишь ли, не разрешали... И денег хотелось... — Он нахмурился, словно вновь, убитый увиденным, стоял посреди того дома. — Вот как бывает... — Вздохнул еще раз. — Осмотр — это все... Все... Деталька отысканная — на вес золота. Сколько лет ни пройдет — помнить будешь о ней. О деле в целом забудешь, фамилиях, обстоятельствах, а она — деталь, находка, от которой раскрытие пошло, — в глазах будет стоять... — Посмотрел на часы. — У-у, за болтались... Все, расходимся. Вон сколько дел! А квартиру К. глянь еще. Погляди. Повнимательней. В таких случаях нельзя ничего упускать. Потом не нагонишь! Бывает, осмотр места решает все...

Он был прав, как впоследствии оказалось: повторный осмотр квартиры дал результаты. Потому и запомнился мне разговор. Запомнился навсегда. И никакая теперь причина не могла меня поторопить на местах происшествий: знал, что мелочь даже, бывает, решает все...

Вот такой эпизод. Можно сказать, минутный. Самый обычный разговор умудренного опытом старика с молодым товарищем по

работе. Но кому по-новому...
венный долги...
что мои результаты...
уловов...
Еще понял...
ренность...
в те дни зна...
Была и е...

Получив...
да, его. По...
жать его, н...
ность, опыт...
вался мне,...

А начин...
судебного з...
До сих п...
го суда. «Ч...
с ума там...
клеить!»...

Было. Э...
по простоте...
токолах суд...
ки еще стр...
чами было т...

Да, семь...
технического...
средним, в...
туры, суда...
тупать... Др...
чтобы работ...
не хватает...
серьезные, п...
грандиозных...
он, Бакурск...
видел себя п...

Ему воо...
седьмом с...
работников...
первом сах...
школы, в п...
Всесоюзный...
том... а тог...
ми в суде...
данские дел...

Его зам...
лем, еще ч...
системе юс...
стал и его п...

работе. Но — и в этом весь смысл — я тогда благодаря Бакурскому по-новому посмотрел на свою специальность, свой следственный долг, неожиданно уяснил тысячу раз слышанное о том, что мои результаты зависят прежде всего от меня самого, а не от уловок преступника и обстоятельств совершенного преступления. Еще понял, что рядом готовы прийти на помощь коллеги... Уверенность. Ее тогда получил от Сергея Ивановича. Как много она в те дни значила для меня!

Была и еще одна сторона того разговора.

Получив помощь, урок, я... открыл для себя... Бакурского! Да, его. Поначалу, правда, этого не осознал — просто стал уважать его, но, присмотревшись, понял, что настойчивость, грамотность, опыт — лишь толика его качеств... И чем больше он открывался мне, тем сильнее было желание походить на него.

А начинал он в 1940 году со скромной должности секретаря судебного заседания.

До сих пор помнит выговор, выданный по звонку из областного суда. «Что за идиотизм! — кричал в трубку высокий чин. — Вы с ума там сошли? Придумали в протоколах вкладыши тестом клеить!»...

Было. Это он, которого знает сегодня в городе каждый второй, по простоте своей заклеивал тогда грамматические ошибки в протоколах судебных заседаний. И не догадывался, что делает ошибки еще страшнее — процессуальные. Да и откуда знать! За плечами было только семь классов.

Да, семь. Трудно сейчас представить работника суда, пусть и технического, с таким образованием. Куда ни глянь — все со средним, высшим. Секретари, машинистки, инспектора прокуратуры, суда, как правило, учатся в институтах или готовятся поступать... Другое время было тогда. Одним хватало семи классов, чтобы работать на самых важных участках, другие видели, как не хватает знаний, шли к ним, понимая, что лишь они, большие, серьезные, помогут включиться по-настоящему в решение новых грандиозных задач развивавшегося государства. Понимал это и он, Бакурский Сергей. Впрочем, мало сказать «понимал». Спал и видел себя настоящим юристом!

Ему вообще всю жизнь хотелось учиться. И учился: в сорок седьмом с отличием закончил обучение на межобластных курсах работников прокуратуры, в сорок восьмом — один из лучших в первом сахалинском выпуске Хабаровской юридической заочной школы, в пятьдесят четвертом — и вновь с успехом — окончил Всесоюзный юридический заочный институт. Но все это было потом... а тогда... в сороковом... лишь мечтал об учебе, сидел ночами в суде и от корки до корки вчитывался в уголовные и гражданские дела, штудировал литературу по праву.

Его заметили. Через полгода назначили судебным исполнителем, еще через месяц — старшим нотариусом. Так и остался б в системе юстиции, если бы не война. Призыв сорок третьего года стал и его призывом.

Артиллерийский полк, в который попал он, стоял на Сахалине, в двух шагах от тогдашней советско-японской границы.

Фронтовики знают, как долго тянется в ожидании боя время. Но порой ожидание неведомо: длится не день, неделю, а месяцы. Еще тягостнее оно, если перед тобой не просто какая-то часть, а вымуштрованная, вооруженная до зубов, готовая в любой момент перейти в наступление армия...

Да. Время остановилось. На западе шли бои с фашистской Германией, а они, сахалинцы, словно проклятые, месили болотную грязь, надрываясь в походах, мокли под проливными дождями, мерзли, тонули в гиблый снег, проклиная «японца», и просились на фронт.

Фронта, однако, он не увидел. Ни германского, ни японского...

Полк на учения прибыл засветло. Расположились, стали оккупываться. Напитавшаяся по осени влагой земля поддавалась с трудом — морозы сковали ее, сделали крепче гранита. Приходилось долбить грешную в поте лица, не чувствуя холода и усталости. А вокруг, куда ни глянь, простиралось укрытое снегом пространство; лишь вдали высились темные сопки. К утру окопы были наполовину готовы. Прикорнув в них, снова взялись за лопаты. Потом трое суток «отбивали атаки превосходящего силой противника»...

Боль в глазах вначале чуть ощущалась, затем усилилась, стала резкой. Он крепился, переводил взгляд со слепившего снега на рукавицы, ружейный приклад, смыкал веки, чтоб как-то хоть уберечься от блеска. Не помогало. Снег давил на глаза, колот, солнечный, яркий, белый, словно хотел испытать его, Сергея, выносливость. «Зайчиков нахватался!» — закусил губу он, уткнув лицо в шапку, а когда вновь поднял, все вокруг... было черным... Преодолевая боль, он раскрыл глаза как только мог, приблизил к ним руку, чтоб разглядеть, но не увидел ее... и, сжав зубы, зажмурился... «Ослеп!»... «Что?!» — испугался собственной мысли... И вдруг понял, что обжег глаза снегом...

Это случилось так неожиданно, глупо, а беда казалась такой неестественной, что даже он, считавший себя сильным, растерялся.

— Сергей! Чего ты? — крикнули в темноте. — Бакурский!

Он опустился на снег, сжал глаза пальцами.

— Что с тобой? — тронул кто-то за локоть.

Две капли, теплые, быстрые, скользнули по пальцам, щекам и пропали.

— Ничего, — прошептал он...

Его увезли в санчасть. Вечером в госпиталь.

Потянулись долгие госпитальные дни.

Зрение возвращалось. Неуклонно, медленно. Однако полностью вернуть его уже не могли, все попытки врачей окончились безрезультатно.

Через четыре года в Одессе, осмотрев его, академик В. П. Филатов скажет: «Левый глаз не вернем, а правый поправим». — И подмигнет. — «Прокуроров — страсть уважаю!» — Засмеется. —

«Недавно иду домой. Темно. Зима. Двое встречают, заставляют снять пальто. Я — их просить. Они — ни в какую. Забрали уже. Тогда говорю, что Филатов я...» — Весело трет ладонь о ладонь. — «Что тут стряслось! Отдали пальто, извинились и смылись! А я стою — не верю. Что б делал, не верни они вещь? К вам бы пошел. Так-то...»

Четыре года. Их еще надо было прожить. В надеждах, переживаниях. А пока... тянулись дни в палате военного госпиталя. Единственной отрадой стали стихи, которые, коротая время, сочинял в больничной постели...

Раскисший проселок то взмывал круто вверх, то спускался полого вниз. Комья глины липли к ногам, мешали идти, а он не замечал их — дышал и не мог надышаться пьянящим дурманом заполонившего все вокруг багульника.

Окрест высились поросшие хвойным лесом сопки: деревья стояли плотно, казались сплошной стеной. Лишь огромные, неведь какой силой сорванные с вершин скалистые глыбы были разбросаны тут и там по темно-зеленому покрывалу. Они торчали над лесом словно прибрежные валуны в море и манили, звали к себе. Чуть ниже, у подножий сопок, замерло редколесье: береза, ива, ольха. В распадках застыли высоченные, в человеческий рост, лопухи. А там — заросли папоротника... Смотреть бы на это, не отрываясь, вдыхать лесной аромат, радоваться...

— Солдат! — раздался внезапно окрик.

Он остановился.

Возле застрявшей у обочины легковушки стоял человек в штатском.

— Подсоби! А то, — кивнул на шофера, — час уже бьемся. Думали попасть в Кировское, да не судьба. Вон как развезло!

Сергей бросил в траву вещмешок, снял скатку.

— Давайте...

Подналегли, поднатужились и, вытолкав автомобиль на дорогу, присели передохнуть.

— Куда путь держим? — спросил незнакомец, вытирая с лица платком пот.

— Домой иду, — ответил Сергей. — Отвоевался...

— То есть?

— Комиссовали меня, — криво улыбнулся парнишка.

— А-а... — мужчина аккуратно сложил платок и спрятал в карман. — Что? Серьезное что-то? — участливо посмотрел в глаза.

Сергей кивнул.

Трудно сказать, почему — то ли была потребность выговориться, то ли другая какая причин, — но именно этому, незнакомому, человеку он впервые в те дни излил душу: рассказал о работе до армии, о том, что стряслось, планах, желаниях. Мужчина слушал рассказ, внимательно, словно оценивая, смотрел порой на Сергея, потом спросил:

— Как тебя по фамилии?

— Бакурский. Сергей.

Незнакомец нахмурился, вспоминая что-то.

— погоди, не твои ли стихи в газетах?

Сергей оторопел. Он действительно опубликовал «Встречу», «Родину», «Возвращение», «Думу солдата»... Но мог ли предполагать, что заметят их, будут помнить?! Да и стихи были, можно сказать, первыми, ученическими...

— Мои, — смущенно выдохнул он.

Собеседник с улыбкой вздохнул, покачал головой.

— Хорош я! Заставил поэта в грязь лезть! — И добавил, серьезно уже. — Как там о матери у тебя?

«Ты вскрикнешь: «Сын!» — и бросишься навстречу...»

Запнулся, поморщился от досады.

— Забыл. Как дальше подсказывай!

Сергей опешил вконец. Одно дело — писать, посылать куда-то, другое — читать самому, перед чужим человеком. Он почувствовал, что краснеет.

— Ну? — повторил просьбу тот.

Отказ выглядел бы глупо. Он закусил губу, чтобы снять волнение, и, отвернувшись в сторону, стал читать.

Ты вскрикнешь: «Сын!» — и бросишься навстречу.

Лицом к шинели серенькой прильнешь.

Сыновней лаской я тебе отвечу

И рук уйму взволнованную дрожь...

Он читал, глядя вдаль, и видел полные радостных слез глаза матери, представлял скорую встречу с ней. Голос подрагивал, по началу несмелый, потом выровнялся и зазвенел...

— Н-да... — вздохнул незнакомец с грустью, когда стих закончился. — Молодец... — Поднялся. — Ну что... Надо ехать. Взял бы, если б по пути. — Протянул руку.

Попрощались.

Сев в легковушку, мужчина выглянул в приоткрытую дверь, посмотрел на Сергея снизу вверх.

— Вот что... Заходи-ка ты в прокуратуру. Работать будем.

Предложение оказалось столь неожиданным, что Сергей даже толком не осознал его. Лишь спросил автоматически:

— А к кому?

— Ко мне. Прокурор области я. Царев. — Подбадривающе кивнул. — Человека сделаем из тебя. Учиться определим. Все. Жду. — И уехал.

Машина удалялась проселком, наконец скрылась, будто и не было ее никогда, а он все стоял, держа вещмешок, и не знал, радоваться ли...

Прокуратура...

Учеба...

Царев...

Сергей сошел с дороги, присел на корягу, уткнул лоб в кулаки.

Мог ли он тогда предположить, что свяжет с прокуратурой срок с лишним лет жизни? Конечно, нет.

Я листаю страницы его личного дела и поражаюсь — всего, что там есть, с лихвой хватило бы на несколько человек. Но... это страницы одной лишь его биографии.

«В настоящее время в Широкопадском районе объем работы для меня недостаточный; значительная часть времени проходит бесполезно. Данное обстоятельство меня тяготит. Инициативы, которая была до этого, нет — значит, работать, как положено, я не смогу. Поэтому убедительно прошу перевести меня на работу с большим объемом в любой из районов или городов».

Это из рапорта прокурору области от 1 ноября 1947 года.

Или вот.

«В течение 8 дней закончил исследованием дело на группу из пяти воров — работников ОРСа шахты «Вахрушево», которые похитили 485 тысяч рублей государственных средств. Главарь шайки Оголев приговорен судом к 25 годам заключения, остальные к 8—15 годам».

Это из характеристики от 12 мая 1949 года, того самого, когда ему помог поправить зрение академик Филатов...

Спустя год ему вручат именные часы от Генерального прокурора Союза ССР. За успехи в работе.

Еще лист.

«Из расследованных дел наиболее характерным является дело по обвинению бывшего председателя Корсаковского райисполкома Непомнящего, его заместителя Кунаева, старшего бухгалтера исполкома Ревило и заведующего райфинотделом Михайлюка, похитивших и растративших свыше 40 тысяч рублей и совершивших ряд злоупотреблений, в результате которых было незаконно израсходовано более 100 тысяч рублей. Вся группа осуждена».

— Дело Непомнящего? — переспросит он в разговоре со мной. — Как же — как же...

Мы сидим уже в моем кабинете, в прокуратуре области. Теперь я его потчую чаем.

А за окном не утихает обычная здесь пурга.

Столько лет прошло с той нашей, первой, беседы, но годы совсем на нем не сказались: такой же спокойный, но с огоньком, бодрый, спешащий жить, наполненный планами...

— Все зависело тогда от моего доклада в райкоме. Непомнящий — член бюро, депутат, председатель... Доложил я. Жду: исключат из партии их или нет, выведут из своего состава Непомнящего или оставят... — Он останавливается на секунду, потом, в раздумье, продолжает. — Вывели... И исключили... Тогда партийные комитеты преступления коммунистов строже оценивали, не то что в шестидесятых-семидесятых. Вот уж где была беспринципность! Чуть тронешь кого — звонок... Сколько пришлось воевать с такими звонками... — Поеживается. — Да, как тебе Пленум? — Имеет в виду только что завершившийся январский,

этого — восемьдесят седьмого года, Пленум ЦК по вопросам перестройки, кадровой политики партии.

Улыбаюсь. Достаю и показываю испещренную пометками «Правду».

— Вот. Начал было подчеркивать тут — да бросил! Пришлось бы подчеркивать все. А вам?

Он вздыхает.

— И не скажу... С одной стороны — радостно. С другой — не по себе. Впервые пожалел, что не тридцать мне лет. Какие возможности открываются! Только бы и работать...

Молчим.

Желая отвлечь его от грустных мыслей, спрашиваю о первом пришедшем на ум.

— Сергей Иванович, а за что тех судили?

— Которых?

— Непомнящего, Кунаева...

— А-а... Репатриация тогда началась. Японцы уехали — имущество побросали. А там! Повозки, мебель. Одежда всякая, посуда, часы. Да диковинное все, добротное; многим хотелось бы занять. — Проводит ладонями по лицу. — Что нам оставили после войны? Голод, разруху. Не то что часов, штанов вдоволь не было! Вот и решили оставленное имущество собирать в госдоход, чтоб как-то хоть обеспечить людей. Финорганы подключили. Учитывать. Этим вот Михайлюк, Ревило в Корсакове и заправляли. Все поначалу законно шло, потом — позарились. Непомнящего втянули: стал и он к рукам прибирать лучшее. Следом Кунаев. — Смеется. — Под монастырь чуть не подвели, помню, меня. Вызвал допрашивать, а они — расписки на стол с японскими иероглифами. На, мол, читай!

— Что за расписки?

— Ну, что японцы платили. За вещи. — Он откидывается на стуле. — Во струхнул где... Как прочесть? Куда обратиться? А даже прочту, как проверить, те ли писали, от чьих имен расписки? Они-то давно в Японии! Повестки туда высылать? Не пошлешь... Военные выручили: дали эксперта — майора Деменюка... Явился ко мне, глянул в бумаги. Смотрю, что-то не то. Глаза выпучил, губы поджал, молчит. Сидел, сидел — и давай хохотать. Каракулями Михайлюка оказались иероглифы!

— То есть? — не понял я.

— А то. Ничего не значили: ни по-русски, ни по-японски. Михайлюк их нарисовал перед допросом. Думал, клюну... — Смеется. Я гляжу на него, тоже смеюсь.

Счастливый! Сколько дел, сложных, запутанных, закончил с успехом он в первые годы работы, когда был еще следователем! Скольким помог найти защиту от преступлений!

А ведь следователем его, поди, уже никто и не помнит. Больше тридцати лет, с 1954 года, осуществляет он надзор за соблюдением законности на предприятиях, в учреждениях, организациях, исполнительных и распорядительных органах местных Сове-

тов, — так называемый общий надзор. Причем, делает это творчески. Вообще с авторитетом его могут поспорить в правоохранительных органах Сахалина разве что единицы. Сказывается грамотность, опыт, но — и в этом секрет — главное то, что отдает делу все силы. Какой бы выходной ни был, праздник — он на работе: хоть час, два вырвет у личных дел, чтоб прийти, обдумать в тиши кабинета очередные дела, закончить текущие...

Феномен Бакурского? Отчасти да. Что ни проверка — интересный ход, новость, изюминка. Многие из них стали образцом прокурорского реагирования на правонарушения и преступления в хозяйственной сфере. Кто, например, из сахалинцев старшего поколения не помнит проверку исполнения законодательства о выплате северных надбавок к зарплате? То был долгий бой прокурора, данный хозяйственным руководителям, не удосужившимся привести работу предприятий в соответствие с законодательством о труде.

«Большую работу провел по устранению грубых нарушений прав граждан. С октября 1967 года по апрель 1968 года им проверено исполнение законодательства о выплате северных надбавок на 90 предприятиях, учреждениях, организациях Южно-Сахалинска. В результате установлено, что на большинстве из них надбавки начисляли в заниженных размерах: 2451 работник был обсчитан на сумму 190,5 тысяч рублей. В связи с этим направлены информации в партийные органы, 54 представления руководителям предприятий. Возбуждено дисциплинарное преследование против 133 должностных лиц, а также одно уголовное дело. Приняты меры к выплате трудящимся всех недочисленных сумм».

Вот так, лаконично записано в его аттестационном листе.

А начиналось все просто, как и начинаются нередко большие проверки. На прием пришел работник мебельной фабрики Брит. Из его жалобы Сергей Иванович и узнал о нарушениях в оплате труда на предприятии. Этого было достаточно, чтобы уже на следующий день в рабочем плане Бакурского появилась пометка: «Проверить на всех предприятиях, как платят надбавки. Отреагировать. Разъяснить, если надо. Вернуть людям деньги!»

Ревизоры, прибывшие по его требованию на фабрику, подтвердили худшие опасения. Столяр Сафронов, мастер Сергеева, станочницы Кутяй и другие по халатности кадровиков, бухгалтеров не получали заработанные надбавки. Всего лишь на этом небольшом предприятии было обсчитано 49 человек на сумму более 20 тысяч рублей.

Он настаивает на дальнейших ревизиях.

234 работника мебелькомбината обесчитаны почти на 15 тысяч рублей...

56 работников комбината кожаной и резиновой обуви не получили почти 19 тысяч рублей...

Ревизия шла за ревизией.

В его кабинете не переставал звонить телефон. «Когда будут нас проверять?» — интересовались с неревизованных еще предприятий. «Как вернуть деньги рабочим?» — спрашивали другие. «Сергей Иванович, что за новая Инструкция Госкомтруда о северных льготах?» — вопрошали в испуге третьи. Впечатление было такое, словно здесь находился штаб по приведению деятельности предприятий в соответствие с законами об охране труда. Впрочем, так отчасти и получалось: масштабы проверки, число втянутых в нее предприятий и лиц, серьезность случившегося, общественный резонанс требовали четкой координации работы прокуратуры, ревизоров, руководителей организаций. В руках его сошлись все нити. Приходилось тратить свободное время, сидеть ночами. И он сидел.

Кто ел прокурорский хлеб, тот знает, как нелегко он дается. Так же тяжел был и труд, начатый им той зимой. Одна радость — понимал, проверка всколыхнула весь город, всю область. Прокурор, воспринимаемый многими как некий надсмотрщик, как тот, кто лишь обвиняет в суде, требует наказания, давал урок заботы о людях, помогал им — десяткам тысяч! — верить в законность.

Успех был налицо, но его, Бакурского, мучил вопрос. Что? Что стало причиной массовых нарушений? Незнание руководителями законодательства о северных льготах? Но только ли это?

Он беседует с бухгалтерами, кадровиками, пытается уяснить ситуацию, и обращает внимание, что в оправданиях всех виновных фигурируют устаревшие бланки срочных северных трудовых договоров, разработанные в свое время еще совнархозом. Обычные, ничем не примечательные, с перечнем обязательств сторон и северных льгот. Однако во всех — с какого бы ни брал предприятия — одна и та же ошибка: льготы не отвечали обновленному закону.

Усыпившие бдительность управленцев бланки...

Их залежи грудились в управлениях, ведомствах, заказывались очередные партии в типографиях. Вскрывалась система небрежности, игнорирования законодательства, зародившая-

ся при попустительстве, а где и по прямой вине областных ведомств.

Понимая, что назрел вопрос об ответственности руководителей верхнего эшелона — директоров объединений и трестов, начальников управлений, Бакурский садится за составление проектов представлений прокурору области.

Таков был итог рассмотрения жалобы одного человека. Того самого Брита. С мебельной фабрики.

Впрочем, итогом и это трудно назвать. Надо знать его, Бакурского, чтоб поверить в остановку на полпути. Вроде бы сделано все, а нейдет. По его настоянию при непосредственном участии были разработаны новые бланки для северных договоров, согласованные с юротделом Госкомтруда. Добился обеспечения этими бланками всех предприятий области, а часть — в качестве образцов — разослана по стране в ответ на многие просьбы. В дополнение вместе с начальником отдела прокуратуры области А. А. Саловым составил «Сборник актов о северных льготах» и издал на Сахалине. На столах прокуроров, судей, руководителей предприятий впервые появился помощник — справочник такого типа...

А на улицах то и дело здоровались с ним люди.

Как хорошо, когда приветствуют прокурора, не обходят его стороной.

Проверки, проверки, проверки...

Его работу отмечает в 1972 году Почетной грамотой Президиум Верховного Совета РСФСР.

В 1985 году Генеральный прокурор Союза ССР А. М. Рекунов награждает его знаком «Почетный работник прокуратуры». В приказе запись: «За инициативу, настойчивость в организации работы по борьбе с приписками, очковтирательством»... Нет только записи о седирах, которыми обернулась эта борьба. А седири добавилось...

— Знаешь, — признался он как-то мне, — первый год спокойно — никто не звонит. А раньше, тронешь приписчика — хоть отключай телефон...

Не отключал, спорил с начальниками областной стройиндустрии, исполкомовцами, даже партийцами, доказывал правоту, а если не мог — стоял на своем. И выстоял. За пять лет, невзирая на все, провел три десятка проверок исполнения законодательства о борьбе с приписками в отчетах о выполнении государственных планов.

Сначала, в 1982—1983 годах, смотрели с улыбкой. Ну, появился на стройке, ткнул пальцем в брак... Ну, вынес какое-то предостережение, расписаться заставил... А дальше что? Кто даст сорвать ввод объектов? А план? Нет управы? Всесильный? Право, чудак!

А чудак не шутил. Где надо, сам возбуждал дела и, никому не отдавая, расследовал их.

Такого оборота строители не ожидали.

— Сергей Иванович, — искал оправданий пойманный на приписках начальник ПМК № 817 треста «Сахалинсельстрой» Богопольский, — ну поймите же...

— Нет! — стоял на своем Бакурский. — Знали, на что идете. Вас предостерегали? Предостерегали? Отвечайте!

— Сергей Иванович, — вторил начальник стройуправления № 411 треста «Сахалинтрансстрой» Федотов, — уважаемый...

— Да вы что?! — тяжело посмотрел тот на допрашиваемого. — О каком уважении речь?! Вы, предостереженный об ответственности за приписки, причем не кем-то предостереженный, а прокурором, тем не менее приписали. Лично. Собственноручно. Подарили фикцию в статуправление, трест. А после достраивали 55-квартирный дом три месяца с гаком... Заселенный даже, он все еще не готов: брак, недоделки... Вот как ответили: неуважением на наши требования... Так что, не уважали...

Дела уходили в суд, а с ними уходила из-под ног и почва у приписчиков, бракоделов. Пропали улыбки, уверенность в безнаказанности, высокомерие. Знали: он не простит, не войдет в положение, не побоится ссылок на авторитеты, звонков. Дошло до курьезов: строители — то один, то другой — стали обращаться к нему за... предостережениями о недопустимости ввода в эксплуатацию неготовых объектов, чтоб защититься ими от своих же начальников в городе, области. Сила бумаги такой останавливала любого...

А он шел вновь на стройки, смотрел, проверял... Привлекал к проверкам специалистов.

29 декабря 1986 года вскрыты недоделки на строительстве городской бани: не облицованы плиткой бассейны, не закончен монтаж и испытание технологического оборудования...

В тот же день обнаружены недоделки, брак на «готовом к сдаче» общежитии: не оштукатурены стены, нет отдельных дверей, раковин в туалетах, под облицовочной плиткой в душевых пустота — не сегодня-завтра отвалится, державшаяся на честном

слове. И все это — в клубах пара, рвущегося из поврежденного уже крана...

31 декабря не выполнены еще работы на акушерском отделении облбольницы: отсутствовал пол с покрытием из линолеума в зале площадью 56 метров квадратных, медицинское оборудование...

Тогда же не были завершены строймонтажные работы на одном из «готовых» 60-квартирных домов...

Комиссия — он, главный инженер облконторы Стройбанка, зав. отделом по делам строительства и архитектуры горисполкома — приходит к заключению о недопустимости ввода объекта в эксплуатацию. Начальникам строительных организаций Рубцову, Сину, Калинин, Коротаяеву выносятся официальные предостережения об ответственности в случае предъявления объектов к сдаче... Попробуй, предъяви после этого!

— Тут хитрость есть, — смеется он. — Я, прокурор, предостерег. Пообещал к ответу привлечь, а тот под обещанием расписался. Как же быть, если нарушит и в этом разе? Смолчать? Тогда грош цена моим обещаниям! Он будет знать, что Бакурский — болтун, делает все лишь для проформы... Значит, я вынужден привлекать его за приписки, что бы там и кто ни говорил, ни считал... Замкнутый круг, в который по долгу вхожу и выйти уже не вправе! Вот об этом и знают все доброхоты, кто хотел бы спустить на тормозах вопросы, надавить... Поэтому не решаются. Все. Я связан. Своим предостережением.

Мы сидим у реки в ожидании клева, неспешно ведем речь о делах.

— Людям дома нужны, а не проценты... Вот и вынужден помогать. — Улыбается. — Я же помощник. Значит, мне первому и помогать с этим бороться... Что — дела уголовные, протесты нужны? Конечно, нет. На кой они?! Нужны квартиры, уважение прав людей, нужен порядок. Как без этого? Всю жизнь, собственно, этому отдал. Худо ли — хорошо, не мне судить. Одно скажу, старался быть честным...

Помощник... Ветеран...

Сколько их — ветеранов прокуратуры, отдавших силы людям! Сколько тех, кому они помогли!

Он поднимается, всматривается в поплавок, опять садится.

— Не клюнула... Показалось... — Прищелкивает от нетерпения языком. — Вверх надо подняться, попробовать, как клюет. А? Как смотришь? Пойдем?

Собираемся, берем снасти, пожитки, идем вверх по реке. Он впереди, я за ним.

Останавливается.

— Случай вспомнил... В верховьях Лютоги как-то были. Ловили на отходы красной икры. Тампоны из капронового чулка с икрой навязали — на них и ловим: вцепится в тампон она, дернешь — твоя. А там, рядом, холмские мужики ловят. Смотрят, у нас-то клюет, а у них — нет. «Эй, мужики, — кричат, — на что ловите?» «На тампоны!» «И мы на тампоны...» «Так у вас без японского масла, поди?» — кричу и кидаю. Клюет. Подходит один из них: «Дай понюхать!» Я дал. А по морозу ловили-то, в ноябре, какой запах?! Нос отмерз давно уже у него! Нюхал, нюхал. «Точно, — удивляется. — Маслом пахнет. Дай, а?» Дал ему свой тампон один. «О! — кричит. — Есть!» Пошел и у него клев. — Хохо-чет. Видно, его заготовки были из тухлой икры. А рыба чует и не берет! Наши же посвежее! Потому и клевала... О-ох, — переводит дух. — Через день из Холмска звонок. От знакомого. «Слышь, Иваныч, не мог бы достать чуточку масла? Японского. Там у вас кто-то ловил с ним — наши здесь о нем только и говорят!» Нет, действительно трудно остановить его. Работает, так за двоих; отдыхает, так с шуткой!

А что проку от медленной жизни!

Геннадий Полозов

Молоток на рояле

Это было в Москве. Вел дело следователь прокуратуры Петрушин.

Начал я с этих строк для того, чтобы окончательно истребить в себе соблазн написать историю от первого, то есть своего собственного, лица, как вроде бы сам расследовал дело. Конечно, если бы я сочинял «записки следователя», можно было бы писать и от себя лично. Но мне хотелось написать нечто документальное, а это уже налагает определенные обязательства.

Сам я немало работал следователем, а потом прокурором. Через мои руки прошло много дел: сотни, а может быть, и тысячи — не считал. Но когда возникает желание сесть за стол и написать что-нибудь из собственной практики, чтобы людям было интересно, оказывается, что писать в общем и нечего. Интересное, конечно, было — как же без этого, без этого и работать невозможно, — но интересным это было, увы, только для меня и для кучки профессионалов. А сядешь писать — и сплошная технология: нюансы квалификации преступления, процессуальные казулеты или обобщения следственной практики.

И откуда берется у писателей эта прорва сюжетов! Неужели только из игры воображения? Ну ладно я. Может, мне просто не повезло в жизни. Но и у других, насколько я знаю, не густо с этим даром. Есть у меня друг Валерий Матвеевич. Отдал следствию намного больше, чем я. А попроси его припомнить что-нибудь из практики — и, кроме «колбасника Козырева» да еще двух-трех дел, уже хорошо известных друзьям и знакомым, ничего не вытянешь. «Колбасника Козырева» мой друг предпочитает всем остальным историям. Но не знаю, сюжет ли это... Так, для небольшого рассказа, может быть, да и то... Впрочем, судите сами. Гражданин Козырев был человеком, давно испортившим свою репутацию. Судимым, правда, не был, но пил, забулдыжничал, пробавлялся на временных работах, потому что на постоянную его уже нигде не брали. Но в одном из продовольственных магазинов, где нехватка кадров была трагической, в Козырева повесили. Ему вручили большую корзину с одесской колбасой и послали торговать навynos. И вот стоит Козырев на углу оживленной улицы в белом халате, белой, как у врача, шапочке, весь накрахмаленный, стерильный, глубоко переживающий свое возрождение, переполненный чувством долга и материальной ответственности, и щепетильно точно отвешивает гражданам требуемые порции продукта, а получаемые деньги после тщательного пересчета складывает на дно глубокого потайного кармана под халатом. Так он торговал с десяти до одиннадцати. Подходила к середине третья корзина. И тут он забеспокоился, заволновался (водку в те времена начинали продавать с одиннадцати). Можно лишь догадываться, какая буря чувств бушевала в груди Козырева, какая происходила жестокая борьба мотивов, через какие сомнения пришлось переступить человеку. Но известно одно: в

12 часов 1
сил на про
исчез. Наш
случившеес
ся. Единств
шение колб
наружена
— Но в

друг, — на
отвечать, —
стороны сод
ношению к
чистый сост
случай не в
Я тут же пр
менты в пол
дефиницию с
ным признак
Спор приобр
не получал н
жена моего д
прерывала и

Но дело,
жется, може
рес. Коль ско
поподробнее.
ной практике
тель занимал
получается. Г
жизнь. Петру
ла. Поэтому
бует того, что
следования бу
рассказать и с

Дело № 2
хорошо и сод
годы эстрада
мя жестоко.
имен, блиста
пальцам. Поч
что-то случил
вынуждена б
пришлось обр
лям культуру
кусстве. Но м
были выступл
Но

12 часов 15 минут Козырев сорвал с себя халат и шапочку, бросил на произвол судьбы корзину с недопроданным товаром и исчез. Нашли его сильно выпившим и горько переживающим случившееся. Когда задержали, он ничего не скрывал, раскаивался. Единственное, что ни в какую не хотел признать, так это хищение колбасы, оставшейся после его бегства (корзина была обнаружена пустой).

— Но войди в мое положение, — возбужденно говорил мне друг, — на кого я ту колбасу повешу? За нее ведь должен кто-то отвечать, — и, детально анализируя объективную и субъективную стороны содеянного, доказывал, что в действиях Козырева по отношению к той брошенной на тротуаре колбасе наличествовал чистый состав хищения социалистической собственности, хотя случай не вполне типичный, поскольку нет видимого присвоения. Я тут же предложил свой вариант квалификации, приведя аргументы в пользу халатности (в данном контексте эту юридическую дефиницию следует понимать буквально, так как халат был главным признаком должностного положения обвиняемого Козырева). Спор приобретал сугубо академический характер, а сам сюжет не получал никакого развития. Кончались эти «истории» тем, что жена моего друга по требованию присутствующих решительно их прерывала и предлагала перейти к другим вопросам.

Но дело, расследованное следователем Петрушиным, мне кажется, может удовлетворить не только профессиональный интерес. Коль скоро оно попало мне в руки, хочу рассказать о нем поподробнее. Однако прежде необходимо заметить, что в реальной практике расследования редко бывает так, чтобы следователь занимался от начала и до конца только одним делом. Не получается. Приходится вести сразу несколько дел — такова жизнь. Петрушину еще повезло, он вел в этот раз всего два дела. Поэтому хочешь не хочешь, а документальный рассказ требует того, чтобы был учтен и этот фактор, иначе атмосфера расследования будет серьезно искажена. Кое-что поэтому придется рассказать и о другом деле. Итак...

Дело № 23561. В одном из старинных московских переулков хорошо и содержательно доживала свои дни популярная в 30-е годы эстрадная певица Ланская-Грюнфельд Анна Ивановна. Время жестоко. Много ли осталось в памяти нынешнего поколения имен, блиставших в те далекие теперь годы? Пересчитаешь по пальцам. Почти забыто и это имя. В 39-м у Ланской-Грюнфельд что-то случилось с горлом, и в расцвете жизни и творчества она вынуждена была оставить сцену. Когда расследовалось дело, пришлось обращаться ко многим композиторам и другим деятелям культуры, чтобы лучше понять, что значило это имя в искусстве. Но мало кто мог его припомнить, А ведь были афиши, были выступления по радио, были статьи о ее творчестве.

Но не все забыли Анну Ивановну. В ее доме была обнаруже-

на огромная переписка. Люди спрашивали о здоровье, вспоминали с благодарностью ее концерты, просили прислать тексты ныне забытых песен и романсов, исполнявшихся певицей. И всем она отвечала, и это ее поддерживало и было делом ее жизни.

«Дорогая Александра Васильевна! С большой радостью посылаю Вам текст «Фиалок» и буду счастлива, если они украсят альбом — подарок Вашему сыну. Бесконечно тронута, что Вы мне написали, и надеюсь, наше знакомство на этом не кончится. Я прожила огромную жизнь и не потеряла любви к людям. Как хочется, чтобы всем было радостно и легко! Считаю себя очень счастливой, имея много друзей. Жизнь свою прожила с песней. Спасибо еще раз за доброе ко мне отношение. Буду ждать от Вас весточку. Разрешите Вас поцеловать. Ваша Ланская-Грюнфельд». В этом — вся Анна Ивановна.

До конца жизни Анна Ивановна оставалась деятельной, активной, доброй и приветливой женщиной. В конце войны она взяла из подмосковного детского дома маленькую девочку — Лену Ведникову — и переименовала ее имя на свой лад — Леля. Так вдвоем и жили.

Когда Леля вошла в возраст невесты, Анна Ивановна не на шутку испугалась, что может остаться одна, но постепенно примирилась с этой мыслью и стала даже легонько подталкивать Лелю к активности, хотя и было заметно, что делалось это не очень искренне.

Леля любила Анну Ивановну, ей было хорошо в этом доме со старинной вычурной мебелью красного дерева, картинами в пышных багетах, афишами и фотографиями знаменитых артистов с дарственными надписями. В амурных делах она проявляла боязнь и неуверенность, так как была не вполне хороша собой, да и сами условия жизни в доме Анны Ивановны не очень стимулировали ее к самостоятельности.

Как говорится, от добра добра не ищут. Незаметно она раздобрела, ее больше тянуло прикорнуть на диванчике.

Шло время. Леле перевалило за тридцать, и вопрос об устройстве личной жизни почти потерял актуальность. Правда, Анна Ивановна еще обещала найти ей жениха, но тема эта затрагивалась все реже и реже. Зато все чаще и чаще стали возникать разговоры о наследстве. Анна Ивановна намеревалась все, чем богата, передать Леле и оформила официальное завещание.

Уже много лет в доме Анны Ивановны работал вокальный кружок, а вернее, вокальный класс, причем вполне профессиональный, хотя она трудилась совершенно безвозмездно. Не сумев себя реализовать до конца в вокальном исполнительстве, Анна Ивановна нашла себя в качестве музыкального педагога и отдавалась этой работе самозабвенно, как и всему, что она когда-либо делала. У нее способные молодые люди готовились к профессиональной карьере вокалистов. Не все, конечно, стали артистами, но все сохранили в своем сердце любовь и благодарность к этой женщине за приобщение к миру высокого искусства, за радость

общения в ее доме, который был и их домом, радушным, веселым и добрым.

Когда Анна Ивановна умерла, ребята еще долго собирались здесь по средам и субботам, пели, музицировали, вспоминали. Всем хотелось, чтобы все оставалось так, как было при Анне Ивановне. Но как ни старайся, а Анны Ивановны нет, не осталось души, которая объединяла прежнее сообщество. Встречи становились все реже и постепенно сошли на нет.

Дело № 23385. В то самое время, когда следователь Петрушин аккуратно выводил на картонной папке вышеозначенный номер, присвоенный новому уголовному делу, в правлении общества охраны природы шло совещание. Вел его председатель правления Николай Семенович Бурдин. За длинным столом сидело человек десять сотрудников аппарата. Бурдин — худощавый, интеллигентный на вид мужчина лет под шестьдесят — заканчивал выступление. Он прохаживался по кабинету, как учитель на уроке, жестикулировал, играл очками.

— Задачи, товарищи, большие. Вы знаете, какое сейчас значение придается охране природы. Это дело стало поистине все-народным. Ну а мы, как вы понимаете, на самом переднем крае. Мы стали сегодня большой и авторитетной силой. А значит, что и отдача наша может и должна возрасти. И поменьше компромиссов, товарищи. Я понимаю, это сложно, но нужно всегда помнить, какую цену платит природа за наши уступки. У меня, пожалуй, все. Кто желает высказаться?

Как часто бывает в таких случаях, установилась тишина, служащие потупились, словно не выучившие урока школьники. Бурдин испытующе обвел взглядом лица подчиненных.

— Вы, Сергей Анатольевич? — уловив решимость своего заместителя Симонина, спросил Бурдин.

— Да, если позволите, — Симонин — плотный, с залысинами человек лет пятидесяти с лишним, в строгом элегантном костюме — прокашлялся. — Товарищи, я целиком и полностью согласен с выводами Николая Семеновича. Хочу в дополнение коснуться вот чего. Несколько лет назад, как вы знаете, мы проявили весьма полезную инициативу: организовали заготовку у населения цветочного посадочного материала и поставку его в разные нуждающиеся в цветах районы и организации. За истекший период мы смогли воочию убедиться в плодотворности этой идеи. Наша продукция нужна позарез. Цветущие бульвары и скверы, улыбки людей — это ли не благодарность за наш скромный труд! Так вот, есть возможность расширить заготовки и, я думаю, Николай Семенович, надо этим заняться в самое ближайшее время.

Бурдин почему-то отреагировал на инициативу кисло, без энтузиазма, даже как-то поморщился с досады.

— Здесь есть сложности, Сергей Анатольевич. Возможности нашего аппарата ограничены... Да и коммерческого опыта недостаточно.

— Вот именно, — поддержала Бурдина главбух общества Софья Ивановна Скрябина — тощая дама с прокуренным хрипловатым голосом. — Я считаю, что эту затею вообще пора прикрыть. Устав нашего общества такие операции не предусматривает. Они не соответствуют ни целям, ни функциям общества.

— И так всегда, — укоризненно заметил Симонин. — Стоит только проявить полезную инициативу, предприимчивость, как тут же вы нам уставы и параграфы. Нельзя же так, в самом деле! От нас сегодня деловитость требуется, де-ло-ви-тость. Кому мы приносим вред нашими цветами, скажите, кому?

— Резон есть, конечно, — вяло заметил Бурдин.

Симонин вопросительно посмотрел на него, озадаченный двусмысленностью замечания. Бурдин забежал зрачками, суетливо надел очки и подытожил:

— Ну ладно, обсудим, обдумаем. А на сегодня закончим.

Служащие разошлись, остались только Бурдин и Симонин.

— И в чем же вы видите резон? — нагло осведомился зам.

— Потом, потом, — невразумительно ответил Бурдин.

Дело № 23561. Сообщение о несчастье поступило 11 июля в 14 часов 18 минут. Взволнованный женский голос продиктовал по телефону адрес и тут же прервался короткими гудками. Дежурный по РУВД не успел даже справиться о фамилии абонента.

К старинному трехэтажному особняку следственно-оперативная группа подъезжала с сиреной и включенными мигалками. Однако спешка оказалась излишней. Минуты здесь ничего не решали. То, что произошло, случилось не сегодня и даже не вчера.

Тело Лели Ведниковой лежало на кухне лицом вниз, «руки вдоль туловища, согнуты в локтевых суставах» — так следователь Петрушин напишет в протоколе. «Грубых телесных повреждений при осмотре не обнаружено» — так продиктует ему судебно-медицинский эксперт. А затем следователь зафиксирует: «На коробке кухонной двери справа имеются брызги, похожие на кровь, в виде восклицательных знаков, острые концы которых обращены вниз и в сторону внешней части двери под углом 45°». При последующем исследовании трупа будет установлена точная причина смерти Ведниковой: вдавленный перелом костей черепа, причиненный предметом с ограниченной ромбовидной поверхностью.

Сообщение о совершенном преступлении оказалось очень запоздалым, дело усугубляла июльская жара. Все это крайне осложнило работу эксперта-медика, весьма и весьма ограничило возможности экспертизы.

В квартире был форменный хаос: все перевернуто, перерыто. На полу завалы одежды, белья, книг, газет, писем, открыток. Мебель сдвинута, двери, дверцы, ящики, шкатулочки распахнуты для всеобщего обозрения. Впрочем, обозреть было почти не-

чего: все содержимое в чудовищном беспорядке, в несовместимом соседстве, в противоестественном сочетании покоилось на полу, креслах. На рояле лежал молоток, на пылесосе роскошное вечернее платье из черного бархата. Изящные мраморные статуэтки, вазочки из богемского стекла валялись, пересыпанные специями, сушеными травками, ржавыми гвоздями и шурупами. Лишь стены хранили строгий, истари заведенный порядок вещей: из портретных рамок вдохновенно и отрешенно взирал Чайковский, по-детски заразительно смеялась Анна Ивановна Ланская-Грюнфельд, пожелтевшие афиши извещали о предстоящем концерте старинного русского романса, лирических песен советских и зарубежных авторов.

Нетрудно описать весь этот разгром, чтобы дать общее представление о случившемся. Но как отразить его строгой лексикой протокола, чтобы максимально точно зафиксировать детали обстановки, которые должны стать отправной точкой поиска, исследования, доказывания? С чего начать, как описать? Уравнение со всеми неизвестными...

Вот стоит табуретка. Правильно она стоит или неправильно? Будет это иметь значение для дела или не будет? Или белье, сваленное на пол, — как его описать, с какой степенью детализации? Детализировать вообще-то можно до бесконечности, поэтому без определенных ограничений здесь не обойтись. Правильно ли следователь установил для себя ограничения, покажет дальнейшее следствие. Если неправильно, то в конце следствия умные задним умом люди (а таковы мы все) будут тыкать в твой протокол пальцем и возмущенно восклицать: «Как же так, упустить из виду важнейшую деталь!» А следователю ничего не остается, как, опустив голову, виновато повторять: «Заблуждался, учту в дальнейшей работе». Все признают, что риск в следственной работе неизбежен, но последствий риска требуют только положительных — следователь, говорят, не имеет права на ошибку. Что ж, правильно.

И следователь Петрушин старается все учесть и ничего не упустить. «...В комнате между окнами у стены стоит кушетка, на которой лежат две иконы, сумка с различными бумагами. Под кушеткой — опрокинутый подсвечник, статуэтка, изображающая двух ангелов, держащих вазу. Справа находится холодильник «ИРО», над ним висят настенные гиревые часы. У левой стены односпальная кровать, постельное белье скомкано в беспорядке...» Попробуй определить заранее, что здесь пригодится, а что нет.

Чрезмерный беспорядок на месте происшествия, конечно, нервирует следователя, рассеивает внимание, затрудняет осмотр. Но есть в таком беспорядке и положительное: чем активнее преступник воздействовал на обстановку, тем больше следов оставил.

Три дня следователь описывал, изымал и упаковывал. Запасался предметами, которые в дальнейшем могут стать уликами.

а могут и не стать ими. Искал и фиксировал следы, которые могут быть следами преступника, а могут и не быть ими. Изъяты с рояля молоток — пойдет на экспертизу. Изъяты 14 записных книжек с адресами — понадобятся для исследования круга знакомых. Изъята в прихожей маркировочная ленточка от рубашки с длинной вереницей цифр — 508433503150782088Б980ЖЖ0451005777г — и бирка от брюк румынского производства 48 размера 3 роста. Цифры будут расшифрованы и не исключено, что помогут в поисках, так же как и бирка. В ванной комнате найдены старые кожаные перчатки, похожие на мужские, — тоже пригодятся. Здесь же, на полу, опрокинутый пластмассовый стаканчик и три расчески: две с длинной ручкой и редкими зубцами, женские, одна — маленькая, карманная, мужская. Меж зубцов пара волосков застряла. Если это преступник таким растяпой оказался, то хороший подарок он оставил следователю. У криминалистов волосы нынче в цене.

Я мысленно вижу, как следователь осторожно, пинцетиком раскладывает расчески по конвертам, заклеивает, опечатывает личной печаткой, дает расписаться понятым, фиксирует каждую манипуляцию в протоколе осмотра места происшествия. О, с подобным материалом нужно быть особенно осторожным, чтобы не дать кому-нибудь повода заподозрить подмену. Все эти действия и служат гарантией: на экспертизу представлено именно то, что изъято.

Я лично всегда чувствовал себя неуверенно в технике упаковки. Для одной экспертизы одни условия упаковки, для другой — другие, и всякий раз гложет сомнение: так ли все сделал, не испортил ли? Ведь сейчас экспертизы тончайшие, на микро-микро-уровне, чуть что не так — пиши пропало. Иногда я просто удивляюсь, как помещается в голове у следователя вся эта прорва технических деталей и тонкостей.

Однажды я направил на экспертизу пузырек, изъятый с места происшествия, а эксперт в своем заключении обозначил его как флакон. И все бы было нормально, если бы дотошный адвокат не обнаружил в суде это расхождение. Он встал и объявил, что экспертиза исследовала не то, что изъял следователь. Прокурор хотел уже исключить эту экспертизу из доказательств, но терять ее очень уж не хотелось, стоящая была экспертиза, и пришлось попросить дело на доследование...

Рядом с роялем — гладильная доска. На ней обгорелые газеты, на газетах — утюг. Утюг включен в сеть, но не работает, перегорел. Перед уходом преступник понял, наверное, что в таком погроме следов не спрячешь, и хотел устроить пожар. Но пожара не получилось, судьба, как говорится, вмешалась вовремя. На диване — телефон. Шнур вырван из розетки, но для «верности» аппарат еще накрыт двумя подушками.

На кухне слева от выхода — раковина-мойка, в ней стоит пластмассовый таз с замоченным бельем. На белье обильные пятна, похожие на кровь.

В спальне
70 сантимет
дов. Ящик в
традки в кл
нег, драгоцен
сумочки пус
Сколько

следов: отп
лиграмм ко
ежесекундно
полон матер
нас на земл
нужно обнар
листа есть в
ной жидкост
мигали, заф
дится. Все с
ужасном бес
гих должны
помогающий
пожалуй, не
рекомендаци
нее типичны
рядом с нет

Что же п
знать. Прав
та, практик
по-разному
Нет, с этим

А вообще
С криминал
Следователю
завтра?

Я, напри
тонически. А
стоятельно
ключить руб
как надо, н
С тех пор
в самой ее
работать с
криминалист
током при

Следоват
было сделан
чатки палы
которых не
струпника. Б
но было вы

В спальне — металлический ящик-сейф шириной 40, высотой 70 сантиметров. Толстые стальные стенки, вес не менее трех пудов. Ящик вскрыт, ключа нет. Внутри пусто, за исключением тетрадки в клетку с номерами облигаций за 40-е — 50-е годы. Денег, драгоценностей и иных ценностей не обнаружено нигде, все сумочки пусты, тайнички тоже...

Сколько людей перебивало в этом доме! Сколько оставлено следов: отпечаток пальца, крохотная шерстинка от свитера, миллиграмм кожаной подошвы на паркетном полу. Ежеминутно, ежесекундно, мы оставляем в пространстве частички себя. Мир полон материальными свидетельствами пребывания каждого из нас на земле. Преступные следы. Этот дом ими переполнен. Их нужно обнаружить, изъять и исследовать. Для этого у криминалиста есть все, за исключением малого — баллончика с волшебной жидкостью: побрызгал, распылил — и преступные следы замигали, зафосфоресцировали. Но пока такого чуда не предвидится. Все следы — и преступные, и обычные — перемешались в ужасном беспорядке, и отделить каким-то образом одни от других должны следователь Петрушин и эксперт-криминалист, ему помогающий. А как это сделать, по каким признакам? Этого, пожалуй, не скажет никто. Конечно, есть методики, разработки, рекомендации и так далее. Но они касаются лишь более или менее типичных ситуаций, а сталкиваться приходится сплошь и рядом с нетипичными.

Что же помогает? Нюх, интуиция? Да, и это приходится признать. Правда, мистика здесь ни при чем. Интуиция — дитя опыта, практики. Но что-то такое все же есть. У опытных оно тоже по-разному получается: одному больше везет, другому меньше. Нет, с этим все же надо родиться.

А вообще-то время следователей-универсалов сейчас прошло. С криминалистической техникой должен работать специалист. Следователю уже сегодня трудно с ней разобраться, а что будет завтра?

Я, например, технику любил всегда, но на расстоянии, платонически. А трогать боюсь. Когда-то давно я попробовал самостоятельно повесить в доме люстру. То, что при этом надо выключить рубильник, я, разумеется, знал и выключил. Все сделал как надо, но получил подлый удар током и свалился со стула. С тех пор у меня развился комплекс непостижимости техники в самой ее сущности. Могу ли я после этого профессионально работать с приборами и аппаратами, поступившими на службу криминалистики? Нет. С ними работают люди, которых не бьет током при выключенном рубильнике.

Следователю Петрушину помогал хороший криминалист. Все было сделано грамотно и доброту. Прежде всего, конечно, отпечатки пальцев. Они изымались именно с тех мест и предметов, которых не могла не коснуться или могла коснуться рука преступника. Был дактилоскопирован труп Ведниковой, чтобы можно было выделить ее отпечатки. Опылили рояль, дверцы шкафов,

тумбочек, телефонный аппарат, утюг и многое другое. Не был обойден вниманием и сейф. На липкую дактилоскопическую пленку было оттиснуто много отпечатков с петлевыми, дуговыми и завитковыми узорами папиллярных линий. И тем не менее оставалось неясным, захватил ли невод то, ради чего забрасывался. Заранее этого знать никому не дано, и всегда после осмотра места происшествия следователь терзается вопросом: все ли сделал, не упустил ли чего? А если он ни в чем не сомневается, значит, или делает вид, или делает не свое дело...

Около ста лет назад шотландский врач Генри Фулдс обратил внимание на то, что китайцы и японцы издревле оставляли на документах вместо подписей отпечатки своих пальцев. Фулдс собрал большую коллекцию отпечатков и пришел к выводу, что рисунок папиллярных линий на коже пальцев индивидуален для каждого человека, никогда не повторяется и не изменяется в течение всей жизни. Нельзя сказать, что до Фулдса никто не обратил на это внимание. Обратили. Но до него никто не додумался использовать это свойство для разоблачения преступников, оставивших отпечатки пальцев на месте происшествия. Bravo, Фулдс! Ты, далекий от криминалистики человек, заложил основы современной криминалистики.

Сейчас отпечатки пальцев ранее судимых лиц, или, как их называют, дактилоскопические карты, систематизируются по определенным признакам-формулам и хранятся в централизованных картотеках. Оставить вновь ранее судимому свой отпечаток на месте происшествия все равно, что оставить удостоверение личности. Ну а если отпечаток оставил тот, кто еще не был судим, то его сначала надо найти, а потом уже, после сравнительного исследования, изъятый отпечаток станет доказательством преступления. В этом случае задача поиска должна решаться другими средствами.

Но грядет новый этап. Скоро, как обещают ученые, по потожировым отпечаткам пальцев можно будет установить путем химического исследования пол человека, его примерный возраст (с интервалом до пяти лет) и даже пищу и лекарства, которые он употреблял. Что ж, посмотрим...

Вообще современные экспертные возможности поражают воображение. В былые времена, не такие уж и отдаленные, следователь мог рассчитывать главным образом на быстрые ноги, интуицию, ну и, конечно, дедукцию с индукцией. Сейчас ему на помощь пришла мощная наука. Где-где, а в криминалистике она стала поистине производительной силой. НТР даже избаловала следователя. Если раньше он «целовал ручку» эксперту за каждую крохотную зацепку, которую тот ему давал, то сейчас готов переложить на него все бремя доказывания. Я помню одно дело об отравлении, по которому следователь добивался от эксперта-психолога категорического ответа на вопрос, могла ли потерпевшая покончить жизнь самоубийством. А этот вопрос был стерж-

нем всего дел
следователю,
Сравнитель
микрочастиц,
скопии, револ
мый отказы
одежде эксп
пические, не в
ческую струк
частицы попал
на одежде пот
частицы одежд
тересно: сколь
от них не изб
дошвах ботино
нилось для сле
чала найти пр
всю мощь совр
ка не придума
следователем, к

Дело № 233

гуленок» типа
ными и винным
Баранку крути
человек лет сор
фигурой и непр
Петр Прокопьев
лицо, в одежде
элегантность. Г
вали песенку и

— Вениамин
чему ты всегда
Эстетика, пони
— Лук вози
ся Веник.

— Ну а хот
и бриться не на
ведь, посмотрю,
— Исправлю
вич.

— То-то, — н
цо начальника.
ник — с шофера.

— Давно све

после паузы пр

— Будет, буд
они.

нем всего дела: ответь на него психолог положительно — и ни следователю, ни суду делать уже было бы нечего.

Сравнительно недавно возникла экспертиза следов наложения микрочастиц, эта экспертиза произвела вторую, после дактилоскопии, революцию в криминалистике. К примеру, подозреваемый отказывается: не был, не видел, знать не знаю. А на его одежде эксперт обнаруживает крохотные волокна, микроскопические, не видимые глазу. Исследовав их физическую и химическую структуру, эксперт приходит к выводу, что эти микрочастицы попали на подозреваемого с одежды потерпевшего. А на одежде потерпевшего соответственно обнаруживаются микрочастицы одежды подозреваемого. Значит, контакт был. И что интересно: сколько ни стирай одежду, а микрочастицы остаются, от них не избавиться. Они могут быть и под ногтями, и на подошвах ботинок, и где угодно. Одно только неудобство сохранилось для следователя с самых стародавних времен: надо сначала найти преступника, прежде чем можно будет применять всю мощь современной науки и техники. Но прибор-искатель пока не придуман, а значит, следователь продолжает оставаться следователем, каким мы его знаем много, много лет.

Дело № 23385. По загородной дороге шустро двигался «Жигуленок» типа «универсал». В салоне, сплошь оклеенном сигаретными и винными этикетками зарубежных стран, сидели двое. Баранку крутил Вениамин Агафонович, или просто Веник, — человек лет сорока, с неуклюжей, корявой, как дубовый сучок, фигурой и непропорционально широкими плечами. Рядом сидел Петр Прокопьевич Усков. Открытое, крестьянской наружности лицо, в одежде и прическе не вполне убедительная претензия на элегантность. Глаза Ускова излучали оптимизм, губы насвистывали песенку из АББА «Мани-мани-мани».

— Вениамин Агафонович, — обратился Усков к соседу, — почему ты всегда так плохо побрит? Ведь цветы возим, тюльпаны. Эстетика, понимаешь?

— Лук возим, Петя... Петр Прокопьевич то есть, — поправился Веник.

— Ну а хоть бы и лук, — отозвался Усков, — что же, значит, и бриться не надо? Ты же мой шофер, в конце концов. Уволю ведь, посмотрю, посмотрю — и уволю к ядреной фене.

— Исправлюсь, — равнодушно пообещал Вениамин Агафонович.

— То-то, — назидательно заметил Усков. — Шофер — это лицо начальника. Слыхал, театр начинается с вешалки? А начальник — с шофера, понял? Ты у меня и «лицо» и «вешалка», понял?

— Давно сверхурочные не получали, товарищ начальник, — после паузы произнес Вениамин Агафонович, или просто Веник.

— Будет, будет. Сам понимаешь, не сезон. Сверхурочные — они, брат, зиждутся на эффективности производства.

Веник удивленно и даже несколько ошарашенно посмотрел на Ускова, окурок прилип к губе. Он давно уважал своего начальника, но такой мудрености в выражениях не ожидал даже от него.

Подъехали к селу, остановили машину у калитки одного из подворий, откуда виднелись теплицы под пленкой.

— Хозяин, — позвал Усков. — Э-гей, хозяин!

Залаяла собака, из дома вышел хозяин.

— Инспектор охраны природы, — представился Усков. — Закупаем у населения посевной материал для народного хозяйства. Тюльпаны, нарциссы, но в основном тюльпаны. Вижу, что есть, — Усков кивнул в сторону теплиц.

— Да есть кое-что, — неуверенно подтвердил хозяин.

— «Кое-что»... Да тут товарное производство, ей богу! Ох, смотри хозяин! За такой огород по головке не погладят. Ну вот что: сдавать продукцию только в «общество», понял? А мы твое домовладение регистрируем, чтобы без недоразумений. Вениамин Агафонович, — позвал Усков и властно потребовал бумагу и ручку.

— Да не надо регистрировать, не надо, я и так... — засуетился хозяин.

Усков ненадолго, но глубоко задумался.

— Ну ладно, поверим пока на слово. Веди в закрома, будем смотреть материал.

Все втроем они нависли над большим деревянным ящиком с луковицами тюльпанов. Усков разочарованно разглядывал «материал», брезгливо перебирал луковицы, помял одну, другую пальцами, взвесил на ладони, отбросил небрежно.

— Н-да, хилая цибуля, низкодекоративная, как говорится. Какой цвет? — спросил Усков у хозяина со знанием дела.

— Дак разный цвет — красный, желтый...

— Сортосмесь, значит, — заключил Усков со вздохом. — Что мне с вами делать? Сплошное засорение. Не похвалит меня начальство, не похвалит, сортосмесь сплошная... Это какие газоны выйдут, срам! Вот ты сам подумай, — внушал Усков хозяину, — засадим мы твоим луком газон перед солидным учреждением. Взойдет тюльпан: красный, желтый — все вперемешку. Красиво это? Некрасиво! Выглянет служащий из окна того учреждения, увидит безобразие подобное и настроение себе испортит. А с плохим настроением и работать он будет плохо. Кто виноват? Ты, хозяин, твой тюльпан. И когда наконец появится высокодекоративный тюльпан? Вот был я в Голландии по обмену опытом. Да... Странное государство, скажу я вам. Сыр у них там голландский, а король нидерландский. Да-а... — на Ускова нахлынули воспоминания. — Ну так вот, ты знаешь, хозяин, какой там тюльпан? Один к одному: красный, желтый, лиловый. Цибуля — во! С кулак! Они их, между прочим, называют «тюльпань», ага, ударение на «ы», на конец. У них в Голландии все слова так кончаются... Ладно, хозяин, десять копеек за корнеплод. Сортосмесь

третьего разбо
хозяину.

Вениамин А
затрепанную б
перед носом х
удостоверился.
— Как бу

ков. — Долго по

— Правильн

но, — быстро по

— Десять т

— Что, буд

тысяч пятьсот.

— Пятьсот

— Ого! — во

Хозяин лихо

бами, весь нап

— Шестьсот

схожу за бумаго

— Не надо,

письменно.

Веник достал

нялся за расче

— Все прав

шестьсот пятьде

— Вениамин

выговор Усков. —

лютная точность

шей работе недо

все до копейки и

— Ну вот, в

Служба, извиня

инспектора охра

ноль-ноль копее

Усков аккурат

сунул в карман

двинулся в путь.

— Как работ

тересовался Уск

— Ничего, —

— «Ничего»,

на Полтавщине

каторга была!

— Каторга

— Ты брось!

к ядреной фене.

третьего разбора. Вениамин Агафонович, покажи госпрейскурант хозяину.

Вениамин Агафонович полез в задний карман штанов, достал затрепанную бумагу, развернул, молча ткнул пальцем в графу перед носом хозяина. Тот особого любопытства не проявил, но удостоверился.

— Как будем считать, поштучно или на вес? — спросил Усков.

— Долго поштучно, — заметил хозяин.

— Правильно, здесь тысяч десять, не меньше. Пять — уж точно, — быстро поправился Усков. Пять тысяч на десять копеек...

— Десять тысяч, — поправил хозяин.

— Что, будем считать? — ошетинился Усков. — Ладно, шесть тысяч пятьсот. Вениамин Агафонович, посчитай.

— Пятьсот шестьдесят рублей, — быстро выдал Веник.

— Ого! — воскликнул Усков.

Хозяин лихорадочно пытался проверить расчеты, шевелил губами, весь напрягся, даже вспотел.

— Шестьсот пятьдесят, — произнес он неуверенно, — Сейчас схожу за бумагой.

— Не надо, есть бумага. Вениамин Агафонович, давай-ка письменно.

Веник достал из пиджака обрывок бумаги, карандаш и принялся за расчеты.

— Все правильно, — подтвердил Веник расчеты хозяина. — шестьсот пятьдесят.

— Вениамин Агафонович, так же нельзя, ей богу! — сделал выговор Усков. — Это же бухгалтерия, госточетность, здесь абсолютная точность требуется, до последней копейки. Ошибки в нашей работе недопустимы, учти, понял? Отсчитай деньги хозяину все до копейки и будем грузить.

— Ну вот, в расчете, по рукам. А с тебя, хозяин, расписочка. Служба, извиняюсь, документ любит. Значит, пиши: получено от инспектора охраны природы Ускова шестьсот пятьдесят рублей ноль-ноль копеек, порядок.

Усков аккуратно сложил бумагу, примял пальцами сгибы и сунул в карман. Загруженный коробками «Жигуленок» тяжело двинулся в путь. Вениамин Агафонович осоловелым взглядом прилип к дороге, Усков задумчиво насвистывал «мани-мани-мани».

— Как работа, Веник, подходящая, не обижаешься? — поинтересовался Усков между свистом.

— Ничего, — ответил Веник флегматично.

— «Ничего», — передразнил Усков. — Вспомни, как дороги на Полтавщине строили, как ломались от зари до зари. Это же каторга была! «Ничего»...

— Каторга потом была, — отозвался Веник.

— Ты брось! Сколько раз говорил: выкинь из головы, уволю к ядреной фене. Пессимист, — добавил Усков брезгливо, подчеркивая свистящие.

— Ты мне о сроке скажи, договориться ж надо, чтоб знать...
— Дура, никаких сроков, мы делаем общественно полезное, государственное дело.

— А на Полтавщине не государственное?

— Там был казус, юридический казус. Дело было чисто гражданское, но вышло недоразумение, не разобрались. Юридическая практика, Веник, идет по другому пути — тебе ж говорил адвокат русским языком.

— Длинный казус получился...

— Господи, ну куда тебе спешить! — хохотнул Усков. — Дура, куда спешишь! — неожиданно изменил он тон. — Стой!

Перед машиной возник лейтенант ГАИ, козырнул, попросил водительские документы.

— Что везете? — поинтересовался, показывая на коробки в салоне.

— Посадочный материал для общества охраны природы, — положил Усков.

— Документы.

Усков подал лейтенанту бумагу, тот внимательно ознакомился, козырнул и разрешил ехать дальше. Когда машина тронулась, лейтенант повернулся спиной, достал записную книжку и что-то записал.

— Что-то записывает, — с тревогой сказал Веник, увидев это в зеркале заднего обзора.

— Нехай, у них свои дела, — спокойно отреагировал Усков.

Дело № 23561. Завершив осмотр квартиры, получив бессвязную, хаотическую информацию, следователь Петрушин сел думать тяжелую думу: что делать дальше. Молоток — на экспертизу, дактилоскопические отпечатки — в картотеку, это ясно. Далее, выжать все из судебно-медицинской экспертизы, и как можно скорее. Ну а самое главное — попытаться привести в какой-то порядок данные осмотра места происшествия и сконструировать предварительную версию. Сейчас это сделать трудно, материала явно недостаточно, но и полная неопределенность не годится, она угнетает, действует на нервы, парализует активность. На этом этапе лучше ложное знание, чем никакого вообще.

Итак, скорее всего убийство из корыстных побуждений, хотя возможна и инсценировка. Но это маловероятно. Убийца — хороший знакомый Ведниковой: маркировочная ленточка от рубашки, бирка от брюк. Хотя... может быть, и не знакомый, а новую одежду принес с собой, чтобы потом переодеться. Почему бросил ленточку и бирку на видном месте? Суетился, нервничал? А если он явился сначала с другой целью? Переоделся, повертелся в прихожей перед зеркалом: не морщит ли, не тянет ли, показался в обновке хозяйке дома, попили чаю или еще чего, а потом все это случилось. И тут уже было не до бирок... А может быть, специально подбросил, чтобы увести на ложный след? Ой, вряд ли,

это уже из серии «про шпионов», мы в такие игры не играем. Хотя...

Телефон, накрытый подушками. Зачем? Чего он боялся, звонков? Всего боялся, панически боялся. И вел себя суетливо и панически. Дело, стало быть, днем было, ночью телефоны не звонят.

Кожаные перчатки в ванной. Если он был в перчатках, то почему бросил здесь же? Паника?

С нервическими типами работать и просто, и сложно. Просто потому, что много после себя оставляют. А сложность в том, что линия их поведения не укладывается в осмысленные, логические рамки. Ухватишься за какое-то звено, ну, думаешь, нащупал, теперь всю цепь вытащу. А эта цепь — бац и обрывается из-за какой-нибудь ерунды.

Ясно одно: злодей не был ни закоренелым, ни поднаторевшим. Примитивный, трусливый, озлобленный авантюрист сорок восьмого размера, третьего роста.

...Вечные «за» и «против», постоянные, непрекращающиеся сомнения и споры. Есть оппонент — хорошо, нет — следовательно будет спорить сам с собой, мысленно. Сомнения и спор, их разрешающий, — единственная возможность не ошибиться и единственное средство исправить ошибку. Потому-то наш брат, следовательно, — отчаянный спорщик. Спорит на работе, дома, с друзьями, спорит даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости. Где можно и нужно промолчать, он обязательно встрянет с контраргументами. Тип занудливый и капризный. Дух противоречия свербит в нем круглые сутки, разве что на собраниях да в разговоре с начальством затихает ненадолго. Не представляю семью из двух юристов...

Следователь Петрушин очень боялся за судебно-медицинскую экспертизу, и его опасения оправдались. Эксперт не смог определить время наступления смерти Ведниковой с точностью не только до часа, но даже до суток. Труп пролежал в квартире не менее 5—10 дней — вот единственное, что мог сообщить врач. Все биологические явления, по которым определяется время смерти, исчезли, никаких объективных признаков не осталось.

А время нужно было следователю позарез! Причем и день, и час. Время — это отправная точка всего следствия. Нет времени — и тебя будут водить за нос всякими алиби до бесконечности, ты должен заранее настраивать себя на долгое, нудное, изнурительное дело. А это не прибавляет ни оптимизма, ни боевого духа, так необходимых следователю для уверенной работы.

Как мало известно о нервной системе следователя! Человек этот находится в постоянном разладе с самим собой, наедине со своими сомнениями и опасениями. Найду ли, раскрою ли, уложусь ли в срок? Что скажет прокурор, что скажет адвокат, что скажет суд? Арестовать или не арестовать? А вдруг не он, а вдруг не докажу, а вдруг убежит? И этих «вдруг» великое множество. Неопределенность, непредсказуемость, неизвестность. Постоянная угроза неожиданностей, постоянное состояние напря-

женности. А вокруг — горе и слезы, злоба и ложь, мольбы и надежды...

Да, а время смерти Ведниковой неизвестно. Таков факт. Судебная медицина сегодня, кажется, умеет все. Разрабатываются новые и новые методики, эксперты готовы ответить на такие вопросы, которые невозможно предвидеть. Наука дошла до частностей и намеревается провести их полную инвентаризацию: «методика определения направления движения трактора, сбившего человека, по перемещению внутренних органов», «диагностика повреждений, возникших при падении с лестничных маршей, с целью восстановления картины происшествия», «исследование повреждений, причиненных тупыми твердыми крошащимися предметами типа кирпич, засохшая глина, асфальт»...

А время наступления смерти Ведниковой (классический вопрос судебной медицины, с которого она и начала свое существование) установить невозможно. Оказывается, и у этой науки есть свои пределы.

Но кое-какой материал для размышления Петрушин все же получил. Во-первых, молоток, представленный на экспертизу, оказался не при чем; удар нанесен другим предметом, с ромбовидной поверхностью. Во-вторых, эксперт определил, что смерть Ведниковой наступила спустя два-три часа после приема пищи. И было даже установлено, какую пищу она принимала: сыр, хлеб, масло сливочное. Значит, скорее всего, это был завтрак. Это важно. Но без ответа на главный вопрос — день смерти — все повисло в воздухе. Как оказалось, Ведникова газет и журналов не выписывала, ее почтовый ящик был пуст, а значит, и эта возможность установления дня гибели исключалась тоже.

И все же следователь Петрушин нашел возможность, причем удивительную, делающую ему честь. Но прежде, чем я расскажу об этом, попрошу читателя побороть неприятные ассоциации и ощущения. Детективная литература культивирует на своих страницах эстетическую безукоризненность. И даже когда речь идет, скажем, о трупе, читатель по законам жанра не должен испытывать никаких неприятных ощущений, ему должно быть интересно и только. Но, коль скоро мое повествование сугубо документальное, придется несколько нарушить законы эстетики, иначе это будет уже другое уголовное дело и другая история, которую я не знаю.

Каким образом следователю Петрушину пришла в голову эта идея и была ли она вполне осмысленной, для меня остается загадкой. Может быть, он увлекся биологией, может быть, где-то что-то читал и случайно воскресил в памяти — не знаю. Но это была одна из тех находок, которые делают криминалистику живой, развивающейся наукой. Короче говоря, Петрушин обнаружил на трупе личинки мух, запаковал их в полиэтиленовый пакет и стал думать, что с ними делать. Позвонил на кафедру энтомологии биофака МГУ, посоветовался с учеными, ведающими всякими разными насекомыми, и назначил судебно-энтомоло-

гическую эксп
окончательно
мя смерти, с 6
«1. Появлен
при температу
2. После по
ближайшие
3. В случа
туре тех дней
откладки.

4. Личинки
вид за шесть
и размера пр
мя 6 суток».

Итак, тепе
лось отнять о
Получалось 5
когда обычно

Возможнос
зовать. Грамо
ет неизмеримо
следователь и
но к конкрет

Судебно-ме
ла делом пов
века, группу
ют. Но одна
ным источник
телю было н
в результате
зался с корн
назначить не
И вот приход
с У-хромосом
тому времени
ляется анома
тысяч. Этим
парое телосл
родителей, а
было, как гов

Дело №
было шумно
рались пере
людей. Соли
слова попу

гическую экспертизу. Когда судебные медики официально и окончательно объявили о своем бессилии установить точное время смерти, с биофака пришел пакет с заключением:

«1. Появление мух на трупе возможно только в дневные часы при температуре не ниже 14 °С.

2. После появления в квартире мухи могли отложить яйца в ближайшие полчаса, считая с момента появления.

3. В случае с исследованными видами мух, судя по температуре тех дней, личинки вышли из яиц через 4—6 часов после откладки.

4. Личинки, представленные на экспертизу, приобрели такой вид за шесть суток, т. е. для того, чтобы достичь такого возраста и размера при заданной температуре, им было необходимо время 6 суток».

Итак, теперь, чтобы узнать день смерти Ведниковой требовалось отнять от дня осмотра места происшествия шесть суток. Получалось 5 июля. Браво, Петрушин! Теперь, если установить, когда обычно завтракала Ведникова, можно узнать и час.

Возможности экспертиз огромные, но их надо уметь использовать. Грамотно поставить перед экспертом вопрос порой бывает неизмеримо труднее, чем на него ответить, потому что именно следователь ищет и оценивает возможности науки применительно к конкретному факту расследования.

Судебно-медицинская экспертиза волос, например, давно стала делом повседневной практики. По ним определяют пол человека, группу крови. Кажется, ничего большего от них не ожидают. Но однажды случилось так, что волос оказался единственным источником информации о подозреваемом лице и следователю было недостаточно тех данных, которые обычно получают в результате таких экспертиз. Он захотел большего. Волос оказался с корневой луковицей, и следователь решил попробовать назначить не судебно-медицинскую экспертизу, а генетическую. И вот приходит заключение: в клетках луковицы имеются ядра с У-хромосомой и двойной хромосомой в генетическом коде. К тому времени наука уже доказала, что подобная хромосома является аномальной и встречается лишь у 2—3 человек из десяти тысяч. Этим людям свойственны определенные признаки: сухопарое телосложение, сутулость, рост на 10—15 см выше роста родителей, агрессивность, пониженный интеллект. Дальнейшее было, как говорится, делом техники.

Дело № 23385. В ресторане, как и всегда перед закрытием, было шумно и дымно. Гремела музыка. Люди за столиками старались перекричать друг друга, а оркестр старался перекричать людей. Солист с гитарой выводил высоким девичьим голосом слова популярной песни:

Как прекрасно все, что с нами было,
Как прекрасно все, что с нами будет!

Посетителям ресторана было весело и приятно. За столиком у стены сидели пьяные Усков и Веник. Усков был возбужден, покраснел, вспотел. Веник вел себя, как всегда, сдержанно и меланхолично.

— Коблер-шампань пил? — донимал Усков Веника. — Ну, пил, скажи?

Веник ословело смотрел на Ускова, не понимая, чего от него хотят.

— Коблер-шампань! У-у-у, это же... это же... Коблер-шампань! — восторженно рассказывал Усков Венику. — Официант, коблера-шампаня! И чтоб бы-стро! Всем коблера-шампаня, всем! — он показал широким жестом на зал. — Подается со льдом в мадерной рюмке.

— В мадерной, — поправил Веник.

— В «мадерной» говорят, дурашка, — снисходительно объяснил Усков.

На кураж денежных клиентов официант отклинулся быстро и предупредительно:

— Сейчас сделаем.

В один момент он доставил на подносе два фужера, в которых содержалась странная многослойная смесь с яичным желтком на дне.

— Друг, спасибо, вот уважил, вот уважил! Мое любимое коблер-шампань... — Усков умильно смотрел то на фужер, то на официанта, затем достал из бокового кармана пиджака «красенькую» и припечатал ее к ладони официанта. — Это отдельно за коблер-шампань и за то, что человек ты хороший, хор-роший!

Официант с достоинством кивнул в знак согласия и благодарности.

— Веник, за наше с тобой счастье в личной жизни и... и... Успехи в работе. Поехали.

Звонко чокнулись. Усков, широко разинув рот, одним глотком пропустил в себя содержимое фужера. Веник недоверчиво, но с некоторым интересом осмотрел фужер, ухмыльнулся такому делу, чтобы желток в стакане, осторожно, интеллигентно отпил, а потом опрокинул все в рот, как и полагается, да так и застыл с полным ртом, а затем, нависнув над фужером, возвратил все выпитое вместе с яичным желтком обратно в сосуд.

— Желток не прошел, — добродушно объяснил он, передергивая плечами и намереваясь предпринять вторую попытку.

— Ну деревня, ну деревня! — засмеялся Усков. — Это же коблер-шампань, дурашка! Это же не сивуху мануфактурой за нюхивать. Здесь тебе сразу с закусью дают: выпил — скушай яичко, будь любезен. Это и есть культурная и красивая жизнь.

Веник потихоньку выплеснул под стол содержимое фужера, налил в него водки и выпил залпом.

— Ничего, Веник, привыкнешь. Я тоже не сразу... Красиво хочется жить, Веник, чтоб как коблер-шампань... Скитаемся собаками, ни кола ни двора. Смотри, как люди живут, — Усков

оглядел зал. —
Веник, надо тр
И людям чтобы
— Не-е, не
— Люди —
завенела слез
— А... — за
— Про то з
тоже ошибаемс
— Ошибаем
— Вот види
Усков стал пья
лузакрытыми г
кам. «Да я Ал
Алеша...» — заб
час, — Усков в
Он направил
им большие де
монстрируя воз
нец оркестр заи
площадки все д

Дело № 235
убийствах» — э
на совсем неда
дилось. Пособи
шого числа дел
тах. Это была
построения вер
Как известн
во множестве,
шенно необъясн
ет ежегодно по
без указания з
это понятно: ра
добная забывчи
шом числе фак
ганиз, попал в
рится, — хором
Если бы не вы
«этот тип в о
бы и не произ
ности» сливаю
с незначительн
«Закон больш
Этим-то за
мочь следоват
сий по крайне
дит о...

оглядел зал. — А мы, Веник? Что мы хорошего видели? Деньги, Веник, надо тратить на хорошую, красивую жизнь. И не жалеть. И людям чтобы зла не делать, понял?

— Не-е, не делать! — горячо подтвердил Веник.

— Люди — хорошие, они нас не обижали, — в голосе Ускова зазвенела слеза.

— А... — заикнулся Веник.

— Про то забудь, то ошибка, зла не держи. Это плохо. Мы тоже ошибаемся. Что, думаешь, не ошибаемся?

— Ошибаемся, — честно подтвердил Веник.

— Вот видишь. Надо прощать. Мудрость жизни... прощать. — Усков стал пьяно заговариваться, сник, подремал немного с полужакрытыми глазами. Но снова встрепенулся, разлил по рюмкам. «Да я Алеша — косая сажень», — попробовал голос. «Да я Алеша...» — заблажил и нетвердо поднялся из-за стола. — Сейчас, — Усков в восторге потряс кулаком, — сейчас я... мы...

Он направился к оркестру, долго убеждал музыкантов, совал им большие деньги, доплачивал, не считая, пробовал петь, демонстрируя возможности: «Да я Алеша — косая сажень». Наконец оркестр заиграл, а Усков в состоянии эйфории у оркестровой площадки все дирижировал, дирижировал...

Дело № 23561. «Типовые версии по делам об умышленных убийствах» — эта брошюра поступила в библиотечку Петрушина совсем недавно и прибегать к ее услугам ему пока не приходилось. Пособие родилось после статистического обсчета большого числа дел, расследованных в разное время и в разных местах. Это была попытка использовать теорию вероятности для построения версий.

Как известно, в случайных событиях, если рассматривать их во множестве, видна определенная закономерность, часто совершенно необъяснимая. Почему, например, почта страны фиксирует ежегодно почти одно и то же количество писем, отправленных без указания адреса получателя? В каждом конкретном случае это понятно: рассеянный человек, забыл, бывает. Но почему подобная забывчивость так последовательно себя проявляет в большом числе фактов? Или другой пример: человек выпил, нахулиганил, попал в милицию. «Это случайность, больше не повторится, — хором заверяют родственники». Резон есть, конечно. Если бы не выпил, если бы не подвернулся под горячую руку «этот тип в очках», к тому же некурящий, может быть, ничего бы и не произошло. Но в масштабах страны подобные «случайности» сливаются каждый год примерно в одну и ту же цифру с незначительными отклонениями в ту или другую сторону. «Закон больших чисел», — констатируют статистики.

Этим-то законом и решили воспользоваться ученые, чтобы помочь следователю в самом трудном его деле — выдвижении версий по крайне ограниченному исходным данным. Вот как выглядит один из частных выводов этого исследования: «Если убийст-

во лица мужского пола в возрасте до 23 лет путем нанесения одного ранения совершается в месте массового культурного отдыха (клуб, кинотеатр, парк и т. д.), то убийцей с вероятностью 75% является лицо мужского пола в возрасте 17—22 лет, состоящее в родственных или иных связях с потерпевшим и проживающее в радиусе 300—1500 метров от места происшествия».

Кажется, что все проблемы розыска близки к разрешению: циркуль и план местности идут на смену громоздкой криминалистической технике, преступник вычисляется путем подстановки в формулу недостающих элементов. Найти искомое на «кончике пера» — это ли не мечта сыщика! Но победу мешает торжествовать вероятностный характер результата. То, что только вероятно, — еще не факт. А правосудие приемлет исключительно факты и одни только факты.

Ну а для выдвижения и проверки версий это вполне годится. Задействовав наиболее вероятную версию и отложив до срока менее вероятную, следователь вернее и быстрее может прийти к нужному результату.

У следователя Петрушина появилась неплохая возможность проверить предсказания ученых, а у последних соответственно — помочь Петрушину в раскрытии преступления.

Итак, подставляем условия задачи: а) убийство из корыстных побуждений, б) совершенное в квартире, в) в отношении женщины, г) посредством нанесения одного ранения, д) с последующей попыткой поджога. Смотрим на результат. Кто же преступник? Пол мужской, возраст 33—36 лет. Отношения с потерпевшей: а) знакомый по месту работы или жительства (66,7% вероятности), б) случайный знакомый (33,3%). Характеристика: пьянство, антиобщественное поведение: судимость за кражу, хищение, грабеж, хулиганство (66,7%). Местожительство: в 100—400 метрах от места преступления, как исключение, далее — до 1 километра. К этому можно добавить 48 размер, 3 рост. Модель готова, можно двигаться дальше.

Самый главный сейчас вопрос — кто звонил, кто сообщил о преступлении и как звонивший об этом узнал, ведь квартира Ведниковой была закрыта на три замка и никаких следов взлома или действия отмычкой не обнаружено. Следователь Петрушин дал поручение уголовному розыску установить это лицо, при этом подумал, что угрозыск не будет в восторге от такого задания: легко сказать, да трудно сделать. Найти звонившего может оказаться ничуть не проще, чем найти самого убийцу. Следователь это понимал, но искать — дело розыска, их проблема, и как ее решить, они должны знать.

Вскоре из милиции пошли рапорта.

«Проверкой установлено, что жильцам дома, где проживала гр-ка Ведникова, о ее смерти известно не было, никто из них ничего подозрительного не замечал, в милицию не звонил».

«Докладаваю, что гр-ка Нежевская, осуществлявшая уборку лестничных клеток в доме, где совершено убийство, ничего по

существо происшедшего не знает. Ничего не знает также поч-
тальон Старосветова, обслуживающая этот дом».

«Доношу, что произведенным мною опросом лиц пенсионного
возраста близлежащих домов каких-либо данных, интересующих
следствие, не добыто».

Отрицательный результат — это, конечно, тоже результат, но
лучше бы уж сразу положительный, пусть и не такой скорый,
иначе в деле могут оказаться сплошные «не»: не добыто, не ус-
тановлено, неизвестно. Бумаг много, а толку мало. Хотя, конеч-
но, люди работали и должны отразить результаты работы, при-
даться не к чему.

Через день участковый явился к следователю лично и привел
с собой преклонных лет даму, с яркими белокурыми волосами.
Он шепнул следователю, что эта женщина, по фамилии Волкова,
живет в доме напротив дома Ведниковой и имеет сообщить неч-
то важное.

— Однажды я проснулась с болью в сердце, — поведала Вол-
кова. — Уже занимался рассвет. Я приподнялась и взяла с тум-
бочки таблетку валидола. И тут вижу, что моя собачка Тиночка
не спит и ведет себя как-то необычно: волнуется, дрожит, будто
чего боится. Я стала успокаивать ее и вдруг услышала два про-
тяжных крика: «Помогите! Помогите!» Они прозвучали один за
другим. Голос был женский, мягкий. Думаю, что кричала жен-
щина средних лет. Потом все стихло, и тишину уже ничто не
нарушало. Спустя несколько дней я узнала, что в доме напротив
убили женщину, это меня буквально потрясло.

— Когда это происходило? — спросил следователь.

— Точно не помню. Мне кажется, или в ночь с третьего на
четвертое или с четвертого на пятое.

— Июля?

— Естественно.

— День недели не вспомните?

— Боюсь, что нет. Я пенсионерка, и все мои дни так похожи
один на другой.

— В милицию вы не звонили?

— Нет, что вы!

— И все же давайте уточним, когда заволновалась ваша со-
бачка — до или после крика о помощи?

— Здесь нечего уточнять, — обидчиво ответила Волкова, —
конечно, до крика.

Усомнись сейчас: не пригрезилось ли? — и недолго до не-
приятностей, можно и жалобу схлопотать за оскорбление недо-
верием. Как же, ведь своими ушами слышала! И все же собака,
предчувствующая преступление, это что-то невероятное.

Петрушин отнесся к показаниям Волковой с предубеждением,
и его можно понять. По времени все это явно не совпадало. «Не
ночью — после завтрака», — протестовал мозг. Что ни говори, а
информация, противоречащая версии, воспринимается труднее,
чем ее подтверждающая. Происходит невольное, незаметное уве-

рование в то, что ты сам, своим умом определил как предположение и не более. И хочется уже, чтобы все текло гладко, без противоречий, лишь дополняя и развивая это предположение. Но так не бывает. Противоречия неизбежны. Математическая последовательность и стройность доказывания в уголовном расследовании недостижимы.

И тем не менее показания Волковой должны стать документом и занять свое законное место в материалах расследования, хоть верь им, хоть отвергай их. Это этап поиска, и нельзя заранее поручиться, что самая невероятная поначалу информация не станет потом достоверным фактом.

Петрушин попросил участкового инспектора узнать, не отмечались ли в период времени, указанный Волковой, какие-либо другие происшествия. Преступлений зарегистрировано не было, по поводу аморального поведения никто не жаловался — это участковый установил быстро. Есть, правда, одна беспокойная семейка в доме неподалеку: пьют, скандалят, но в интересующее следствие время эксцессов там тоже не было. «...Кроме того, докладываю, что произвел обход всех квартир, окна которых выходят во двор дома Ведниковой. В беседах жильцы пояснили, что криков о помощи в указанное гр-кой Волковой время они не слышали, как не слышали и в другое время». Конечно, ведь у них не болело сердце и не волновалась собачка... А может быть, смерть наступила после ужина? Позднего ужина, часов в двенадцать? Тогда как раз соответствует показаниям Волковой и экспертизе не противоречит...

Вскоре к делу прибавился новый документ такого содержания: «На ваш запрос сообщаем, что имеющиеся на представленной контрольной ленте цифры обозначают следующее: 508 — шифр модели, 43 — размер сорочки, 3 — рост сорочки, 503 — преysкурant, 1507 — группа ткани, 82088Б — артикул ткани, 9-80 — цена по преysкурantu, ЖЖ — жесткая прокладка в воротнике и манжетах, 0-45 — надбавка за жесткость, 10-05 — цена сорочки с надбавкой, 7 — месяц изготовления, 77 — год изготовления».

Под вечер в кабинет следователя постучала женщина средних лет.

— Меня прислали из милиции, — объяснила она. — Надо хоронить, а разрешения не дают, к вам послали.

— Кого хоронить?

— Сестру.

— Ведникову?

— Ведникову.

— Значит, это вы звонили?

— Я.

— А почему же сразу не явились?

— Хоронить надо... — в скорбной прострации проговорила женщина.

— Фамилия, имя, отчество?

— Ведников
— Год рож
— 1941-й.
— Где рабо
— В гастрон
— Местожит
— Оружейн
— Она в
— Рассказы
— Что расск
— обеща
— отвечал. «Навер
— в отпуске. Потом
— ла мужа узнать,
— ные от Лелиной
— вдруг дверь зах
— лица нет. Сказа
— я и позвонила в
— Кого-нибуд
— Да кого ж
— Леля была осто
— выглянет.
— То есть
— Дверь в п
— звончек от две
— пользовался. Кто
— приходили, звон
— была...
— Она чего
— Да побаи
— оставила. А жен
— го всего: драго
— Все Леле доста
— зывала, что при
— знаю — пьяный
— чик. Так и ска
— золотая брошка
— ственники Аннь
— следствие доста
— скандалили на
— вольно что-то в
— дить. Потом Л
— немного времен
— Собиралась п
— ведь в жизни
— прислуга, все п
— с Лелей — дво
— Анна Ивановн
— было, долго п.

— Ведникова Вера Ивановна.

— Год рождения?

— 1941-й.

— Где работаете?

— В гастрономе, продавец овощного отдела.

— Местожительство?

— Оружейный переулок, 3, квартира 7. Недалеко от Лели жила — она в Среднем Каретном.

— Рассказывайте, — нетерпеливо попросил следователь.

— Что рассказывать... Шестого июля, в воскресенье, Леля обещала прийти в гости и не пришла. Я позвонила — телефон не отвечал. «Наверное, на дачу уехала», — подумала я. Леля была в отпуске. Потом я еще несколько раз звонила, а 11 июля послала мужа узнать, не случилось ли что. У нас были ключи запасные от Лелиной квартиры, она дала нам на всякий случай — вдруг дверь захлопнется или еще что. Вернулся муж — на нем лица нет. Сказал, что Леля убита, в доме все перевернуто. Тут я и позвонила в милицию.

— Кого-нибудь подозреваете?

— Да кого же подозревать? Бандит какой-то. Не знаю... Леля была осторожной: прежде чем открывать кому, в форточку выглядывает.

— То есть как?

— Дверь в подъезде с кодом, а к себе в квартиру она еще и звоночек от двери вывела — сама открывала, кодом никто не пользовался. Кто позвонит — ей в форточку видно. А когда свои приходили, звонили предварительно по телефону. Осторожной была...

— Она чего-нибудь боялась?

— Да побаивалась. Анна Ивановна, когда умерла, все Леле оставила. А женщина она была богатая, состоятельная. Там много всего: драгоценности, хрусталь, картины какие-то дорогие. Все Леле досталось. Боялась она, что ограбят. Как-то рассказывала, что приходил к ней товарищ детства — фамилию не знаю — пьяный был, зыркал, говорит, по сторонам, как наводчик. Так и сказала: как наводчик. А после его ухода пропала золотая брошка. Больше, сказала, никого не пущу... Да, еще родственники Анны Ивановны очень недовольны были, что все наследство досталось Леле. После смерти Анны Ивановны даже скандалили на поминках, требовали свою долю, хотели самовольно что-то взять. Тут уж и мне пришлось вмешаться, пристыдить. Потом Леля и сама засомневалась: вот, говорит, пройдет немного времени и отдам что-нибудь, но не квартиру, конечно. Собиралась продать часть хрусталя и пожить получше. Она ведь в жизни ничего хорошего не видела — так, полудочь, полу-прислуга, все перешивала из старого, все в обносках ходила. Мы с Лелей — двойняшки, обе в детдоме воспитывались. А потом Анна Ивановна Лелю забрала, а я осталась. Обидно, помню, было, долго плакала, скучала. Она мать нашла, а я последнее

потеряла. Однажды приехали проведать — Леля вся свеженькая, домашняя, ухоженная, с шелковыми бантами. Как будто подразнить приехали меня, замухрышечку безродную. Прянички передали и уехали. Леля, правда, поплакала, но быстро успокоилась. А я... Я все просила Анну Ивановну взять и меня к себе, обещала, что очень хорошей буду, лучше Лели. Леля даже обиделась. Больше они не приезжали, слава богу. Ну да ладно, все в прошлом... Только я живу вот, худо-бедно, а Лели нет, опять я ее потеряла.

— Вы замужем?

— Да как сказать... Замужем в общем, но не зарегистрированы.

— А что так?

— Муж был женат до меня, но там у него не ладилось, ушел он. И вот живем, уже четыре года живем. Жаловаться не могу: спокойный, не пьет — так, возьмет четвертинку, и на весь выходной хватает.

— Почему же не регистрируетесь?

— С жильем проблема. Он не хочет оттуда выписываться, чтобы жилплощадь не потерять, и не подает на развод. Вот будем думать.

— Какие драгоценности были в доме?

— У кого, у нас?

— Да нет, у сестры.

— Не помню, к чему мне их драгоценности считать. Украшений у Анны Ивановны было много, не меньше трех перстней надевала за раз. Леля все это не носила, стеснялась, не для нее это.

— Как вы думаете, могла сестра впустить в дом незнакомого человека?

— Ой, вряд ли.

— Значит, это дело рук кого-то из знакомых?

— Откуда мне знать? При Анне Ивановне дом был как проходной двор, двери не закрывались. А потом народу стало поменьше, в основном приходили из кружка. Скоро Леле это надоело: не успевала полы подтирать, да и давление, а они шумят, бренчат. В последнее время спокойнее стало.

— У сестры были друзья, подруги?

— Да как сказать... Знаю, что одна подруга была, с детства еще, Когтева Любовь. А больше не знаю.

— Из мужчин знакомые были?

— По-моему, только те, которые к Анне Ивановне приходили. О других она мне не говорила.

— А может, у нее были планы на замужество?

— Никого у нее не было, уж это Анна Ивановна постаралась. Купила ее добром, чтобы сиделка была на старости лет.

— Кто чаще всего приходил в дом вашей сестры?

— Да эти, из кружка. Их человек шесть: Пашка Михнюк, ос-

тальные девч
не помню.
— А что из
— Теленок
нятно, мужик

Дело № 23
ходили цвето
ходя обсужда
ным материал
— Смотри-
Усков. — Это ж
работаем, Вен
Лицо Усков
клиентов, он р
— Торгуем,
смесь?

— Это, —
луковиц, — 25
— Кучка?
— Штука,

Ах, это вы, зд
— Здравия

так и будем н
в смысле зем

— Да вы до

— Будем р
рожающе.

— Не надо

— В послед

ное, я могу сор

А следом з

двигался стран

с посадочным

— Почем

— Это лук

— Тогда н

кепке.

— Это, — п

— Фью, —

кая разительн

— Это лук

— Ага, теп

вого и одну

Рассчитавш

жонглировал

В торговом

ловек подозн

тальные девицы — Соня, Катя, Нина Буторина, Ирка — всех их не помню.

— А что из себя представляет этот, Михнюк?

— Теленок, ко всем ластится, всех обцеловывает. Так, непонятно, мужик — не мужик...

Дело № 23385. С уверенностью ревизоров Усков и Веник обходили цветочные ряды колхозного рынка. Приценивались, походя обсуждали конъюнктуру. Подошли к прилавкам с посадочным материалом: семена, луковицы, рассада.

— Смотри-ка, сколько их здесь, Веник, — завистливо отметил Усков. — Это же какой резерв! Вот барыги, вот барыги! Плохо работаем, Веник, плохо.

Лицо Ускова неожиданно посуровело. Узнав одного из своих клиентов, он рванулся к прилавку.

— Торгуем, хозяин? — спросил вкрадчиво. — И почем сорто-смесь?

— Это, — объяснил продавец рассеянно, показывая на кучку луковиц, — 25 копеек, это — 15.

— Кучка?

— Штука, ты что! — возмутился хозяин и... узнал Ускова. — Ах, это вы, здравствуйте, — сказал смущенно.

— Здравия желаем. А как же насчет соглашения? Что ж, так и будем наживаться на благодатной государственной почве, в смысле земле?

— Да вы долго не приезжали, вот я и решил...

— Будем регистрировать, — произнес Усков решительно и угрожающе.

— Не надо регистрировать. Я вот допродам и больше не буду.

— В последний раз, хозяин. У меня ведь терпение не железное, я могу сорваться. Пошли, Вениамин Агафонович.

А следом за Усковым и Веником вдоль цветочных рядов продвигался странный человек в белой кепке. Подошел к прилавку с посадочным материалом.

— Почем лук? — поинтересовался.

— Это луковицы тюльпана, — обиженно ответил продавец.

— Тогда почем луковицы? — поправился человек в белой кепке.

— Это, — показал продавец на кучку, — 25 копеек, это — 15.

— Фью, — присвистнул человек, — дороговато... А почему такая разительная разница?

— Это луковицы первого разбора, это — второго.

— Ага, теперь ясно, так бы сразу и сказал. Тогда одну — первого и одну — второго.

Рассчитавшись, странный человек в белой кепке ловко прожонглировал купленными луковицами и спрятал их в карман.

В торговом зале цветочного магазина «Природа» тот же человек подозрительно внимательно знакомился с цветочной про-

дукцией. Ходил вдоль прилавка, рассматривал ценники, что-то соображал, подсчитывал про себя. Подошел к прилавку с цветочным посадочным материалом: семена, луковицы. Покопался в луковицах, взял одну, вторую, пощупал, помял.

— Что за цветок? — спросил у продавщицы.

— Тюльпан, — капризно и неохотно ответила девушка.

— И сколько стоит?

— Гражданин, там же цена есть, смотреть надо.

— Ага, ясно. Заверните три штуки.

— Три? — продавщица хотела покрутить пальцем у виска, но не решилась.

— Три, три, — охотно подтвердил странный человек в белой кепке, — на балконе посажу.

Синие «Жигули» затормозили у калитки сельского подворья. Человек в белой кепке окликнул хозяина.

— Тюльпаны есть?

Хозяин смотрел непонимающе и подозрительно.

— Ну, тюльпаны, луковицы, — уточнил человек.

— Я все сдаю заготовителям, — с достоинством ответил хозяин.

— А я и есть заготовитель. Райпотребсоюза.

— Только что сдал, — в смятении объяснил хозяин.

— Жаль, жаль... А почему сдали?

— По десять копеек.

— Сортосмесь?

— Ее.

— Ага, ясно. Не покажете, что за смесь? Что-то осталось, наверное? Я, может, и больше бы дал.

Пошли к сараю. Хозяин показал кой-какие остатки.

— Н-нда, не густо, — сказал человек с сожалением. — Штучки три на пробу возьму? Держите, — он отсчитал 45 копеек и двинулся к машине.

Хозяин, в расстройстве от упущенной выгоды, проводил его долгим взглядом.

Дело № 23561. Допрос Сапогова — фактического мужа Веры Ведниковой — ничего нового не прибавил, хотя Сапогов и был самым первым человеком, оказавшимся на месте происшествия.

Он рассказал, что 11 июля по поручению жены пошел навесить Лелю. Подходя к дому, обратил внимание на то, что форточки в ее квартире распахнуты, тогда как перед уходом из дома она всегда их закрывает. У двери подъезда позвонил, но Леля не открыла. Тогда имевшимся ключом он открыл дверь, поднялся на второй этаж к квартире Лели, позвонил еще раз, но тоже безуспешно. Долго возился с ключами, пытаясь открыть дверь, но оказалось, что она закрыта только на защелку.

То, что обнаружил Сапогов в квартире, Петрушину было известно и без того. Когда увидел Лелю мертвой, пояснил Сапогов,

ему стало дурно, и он выскочил из квартиры. Дома все рассказал жене, и та позвонила в милицию.

Сапогов подтвердил осторожность Лели Ведниковой, ее боязнь посторонних людей, которая усилилась и стала особенно заметной в последнее время. В общем все шло к тому, что убийство совершено одним из тех, кто имел доступ в дом потерпевшей и пользовался ее доверием.

«Одним из тех» был и сам Сапогов. Человек как человек — кряжистый, упитанный, с крепкими задубелыми руками, привыкшими иметь дело с вещами явно тяжелее шариковой ручки. Работал водителем автобуса, не судим. Среднего роста, среднего возраста, во всем «по серединке», без отклонений и особых признаков. Лицо типичное, плохо запоминающееся. В толпе незаметен, «как все».

И все же Петрушин присматривался к Сапогову, выискивал в его облике что-то такое, что могло бы выделить его из толпы, нарушить впечатление усредненности. Хотя Петрушин был следователем со стажем и повидал немало, но он сохранил в себе наивную убежденность в том, что человек, посягнувший на жизнь себе подобного, должен обязательно чем-то выделяться, нести в себе что-то аномальное, в том числе и во внешних проявлениях. У преступников, разоблаченных им, он всегда находил это «что-то» — во взгляде, блеске или пасмурности глаз, в тембре голоса или интонации, в движении рук и пальцев. Но когда перед ним представляли люди, еще не клейменные знаком преступника, вся его физиономистика летела к черту, засечь «особые признаки» не удавалось. И никогда не было, чтобы внутренний голос при первой же встрече безошибочно указал: «Это он». Не раз Петрушин сокрушался, что прозевал в нужное время столь очевидные теперь приметы, но, приобретая, казалось бы, опыт, он всякий раз обнаруживал полную неопытность в делах, подвластных шестому чувству.

Сапогов сидел спокойно, перед представителем власти не угодничал.

— Чем вы занимались в день происшествия? — как бы между прочим осведомился Петрушин, используя банальную безобидную хитрость.

— Это когда? — после некоторого замешательства переспросил Сапогов.

— Пятого июля.

— На работе был, — не задумываясь, ответил Сапогов.

— Это была суббота. Вы по субботам работаете?

— Если суббота, то нет, у меня пятидневка.

— И чем вы занимались?

— Это надо вспомнить. Сейчас... — Сапогов наморщил лоб. — Я ездил в пивбар у Тишинского рынка.

— Ну и как?

— Попил.

— С креветками?

— С креветками. Там всегда креветки дают.

— Это когда было?

— С утра ездил, часов в одиннадцать.

— А потом?

— А потом дома был.

— Весь день?

— Весь день.

Это вопросы уже к подозреваемому, а не к свидетелю. Если подозрения не имеют под собой достаточно твердой почвы, задавать их всегда рискованно. В любой момент можно ожидать вполне законного контрвопроса: «А на каком, собственно, основании?..» И тогда останется либо извиниться, либо парировать чем-нибудь жалким, типа «вопросы задаю я» — кому что подходит.

Вообще Петрушин попал в щекотливое положение. Знакомых этого дома может быть много — как их просеять с наименьшими издержками? Подозрения, даже в самой мягкой, косвенной форме, ни у кого энтузиазма не вызывают. Хорошо вот, что Сапогов правильно понял трудности следователя и не стал «качать права». А где гарантия в том, что и другие отнесутся с пониманием и добровольно укротят свое благородное негодование ради столь же благородной цели торжества справедливости?

В папке с делом документов все прибавлялось.

«Сообщаем, что, по данным маркировочной ленты, модель сорочки № 508 изготовлена 4.07.1977 г. и за период с 5.07.77 г. по 8.07.77 г. была отправлена в магазины «ЦУМ», «Руслан» и в Новокаширское отделение Каширского торгового дома. И. о. директора фабрики «Москва» Прошлецов».

«Справка. Интересующие вас сорочки модели № 508 были в продаже 5 июля 1977 г. Зав. секцией «Сорочки» магазина «Руслан» Крупина».

«Справка. Сорочки модели № 508 были полностью проданы 5 июля с. г. в основном здании ЦУМа. Зав. отделом Лепина».

«Директору швейной фабрики «Москва». В связи с расследованием уголовного дела прошу по представленным данным маркировочной ленты выдать под расписку предъявителю сего одну рубашку и образцы тканей, из которых она шилась. Следователь Петрушин».

«Управляющему Московской швейной базой «Росторгодежда». В связи с возникшей необходимостью прошу отпустить эталонный образец брюк мужских, модель № 75422, артикул 1156-16 сроком на 10 дней. Следователь Петрушин».

Петрушин зря нервничал, время убийства Ведниковой оказалось возможным установить и по времени изготовления и продажи рубашек модели № 508. Поистине все в этом мире завязано в один узел, и прав поэт: сдунешь с ладони сережку ольховую — и чем это обернется, никто не скажет.

Еще подозреваемый не фигурировал даже в предположениях, а следователь Петрушин уже готовил тылы, как говорят юрис-

ты, доказательственную базу. Поскольку все одновременно делать невозможно, важно хорошо рассчитать, что за чем должно следовать, чтобы потом что-то из чего-то могло вытекать и следствия не шли впереди причин.

Намерения Петрушина были вполне определены: заполучить образцы сорочки и брюк и попытаться обнаружить такие же у подозреваемого, а потом экспертным путем установить, что обрывок маркировочной ленты, найденный на месте происшествия, и то, что осталось от этой ленты на рубашке, составляли когда-то единое целое. Экспертиза невесть какая, не чудо НТР. Концы оборванной ленточки состыковываются, фотографируются и многократно увеличиваются. Теперь милости просим засвидетельствовать: каждая ниточка нашла свое продолжение, волосок сомкнулся с волоском, оборванные связи восстановлены, все опять стало единым целым. Конечно, шансов на такой исход может оказаться и немного, но кто их считал? Убийца вполне может уничтожить рубашку, но может и сохранить: жалко, все же вещь. Убийца — человек жадный, это определено, иначе бы не пошел на такое.

Рассчитывать на глупость преступника следователь имеет такое же полное право, как и на его коварство. И даже более того, рассчитывать на глупость предпочтительнее, чем на всякие хитрости и каверзы, — доказано практикой. Убийцы в большинстве своем субъекты ущербные и по части нервов, и по части интеллекта. Наука криминология говорит, что лишь около 10 процентов из них совершают преступления по заранее рассчитанному умыслу. Остальные — из пещерной ярости, плохо контролируемой недоразвитым сознанием. Животного в них больше, чем человеческого.

Дело № 23385. За приставным столиком кабинета Бурдина сидело два человека. Шел деловой разговор.

— ...Это очень нужное дело, очень. Мы окажем вам всяческое содействие. Действительно, как-то зачихло наше движение «зеленых патрулей». А ведь это большая помощь, да и воспитательное значение трудно переоценить, — Бурдин говорил убежденно, горячо, заинтересованно.

Но разговор неожиданно и грубо прервал телефонный звонок.

— Николай Семенович, — услышал Бурдин в трубке игривый голос Ускова, — это я, Дед Мороз, подарок вам принес.

— Потом, потом, слышите? Потом, — торопливо пресекает разговор Бурдин.

— Что значит «потом», Николай Семенович? Сверхурочные же, — их надо получить. Порядок есть порядок.

— Я же говорю — потом. Я занят, понимаете? — раздраженным полупшепотом ответил Бурдин.

Повесив трубку, он какое-то время удрученно молчал. Затем, вздрогнув всем телом и как бы сбросив оцепенение, не глядя на собеседников, изрек деревянным, механическим голосом:

— Вовлечение широких слоев населения в общественную работу по охране, рациональному использованию природных богатств — задача большого значения. Воспитание у населения чувства любви и бережного отношения к природе... — голос его крепчал, набирал силу и уверенность.

Забит до отказа рабочий день Николая Семеновича Бурдина. Вот и сейчас, не успел решить дела с общественниками, а в приемной его уже ждут, и все неотложное, все срочное. Пришли заместитель его Симонин и главбух Софья Ивановна Скрябина.

— Опять претензии от потребителя, — сказала раздраженно Скрябина. — И ведь правильно жалуются, это же черте что, шарашка какая-то! Надо прикрывать лавочку.

— Вот это да! — энергично вмешался Симонин. — Как вы все просто решаете: прикрыть — и никаких забот. Софья Ивановна, миленькая, мы же бедны как церковные крысы. Посадочный материал — это единственный источник средств для нашей скромной организации. Это единственное, что нам помогает свести концы с концами. Это просто счастливая находка! Как же вы, бухгалтер, можете так рассуждать?

— Все это я уже слышала. И вновь повторяю: не можем обеспечить качества продукции, нечего и браться. Тем более что оптовые операции такого рода вообще не для нас.

— Софья Ивановна права, — вяло вступил Бурдин, — мы должны повысить качество...

— О чем мы говорим? — упорствовал Симонин. — Это что — галоши? Это же цветы, товарищи! Одному нравятся тюльпаны, другому — лютики, третьему — этот, как его... львиный зев. Ну и что? При чем тут качество? Да и потом, мы не выращиваем цветы, мы их закупаем. Что дают, то и берем. Неужели это непонятно?

— Тогда надо привести в соответствие цены, — не унималась Скрябина.

— Да, да, цены, — поддержал Бурдин.

— Так... Значит, предлагаете обанкротиться, — Симонин многозначительно посмотрел на Бурдина. Бурдин виновато опустил глаза. — Не понимаю... Ведь если мы снизим цены, то лишимся прибыли. Вы этого хотите, Николай Семенович?

Бурдин неопределенно пожал плечами.

— Тут неизвестно, чего больше — прибыли или неприятностей, — брюзжала Скрябина.

— Софья Ивановна, вас нервируют претензии? Хорошо, беру их на себя, — попробовал пойти на компромисс Симонин.

— А может быть, все-таки насчет цен подумать? Нет ли какой-то возможности... — робко возвратился к проблеме Бурдин.

— Надо с заготовительными ценами разобраться, не много ли мы платим, — заявила Скрябина. — Этот коробейник, как его... лупит с нас, небось. Что-то он уж больно приохотился.

Бурдин заерзал на стуле, стал тереть футляр от очков, перекладывать бумаги с левого угла стола на правый.

— Ну, знает
на... прокуратуру
— Да, действ

Дело № 2356
адресных книжек
ступил к состав
друзей и знаков
их, этих людей,
ренным взглядом
нанным? Неужел
Петрушина одоле

Когда-то, лет
Ломброзо, насмо
чившись скудных
выдвинул сенса
врожденность, за
на внешнем обли
к антропологиче
тавленные им ха
ных категорий «
желые челюсти,
развитые надброс
хвалялся погря
могу узнать вро
когда ему пред
зывал на члено
аристократии. Л
ся и уверенно
этот человек —
значит, что его
и Ломброзо, и
тем не менее п
ными. Ломброз
категоричных в
Но они оказал
руководствовал
но вполне допу
уважения к че
что и те и дру
гарантировать.
В список
ты — явление
87 человек, 5
«рассортирова
сия дает ори
задумался, по
кусанный, и
55 лет

— Ну, знаете, — занервничал и Симонин, — это уже похоже на... прокуратуру какую-то. Я думаю, такой тон нас не украшает.

— Да, действительно, — подтвердил Бурдин.

Дело № 23561. Следователь Петрушин выложил на стол 14 адресных книжек Анны Ивановны Ланской-Грюнфельд и приступил к составлению своего собственного алфавитного списка друзей и знакомых этого дома. 495 фамилий. Вот бы выстроить их, этих людей, всех в ряд и пройти вдоль шеренги с прищуренным взглядом. Неужели этот один так и остался бы неопознанным? Неужели он ничем не отличается от всех остальных? Петрушина одолевала все та же мысль.

Когда-то, лет сто назад, итальянский тюремный врач Чезаре Ломброзо, насмотревшись вдоволь на своих пациентов и удручившись скудным однообразием их физиономических признаков, выдвинул сенсационную идею о врожденном преступнике. Эта врожденность, заключил Ломброзо, отпечатывается прежде всего на внешнем облике. А чтобы не быть голословным, он приступил к антропологическим исследованиям. Результатом явились составленные им характеристики и признаки внешнего облика разных категорий «врожденных» преступников. Фигурировали и тяжелые челюсти, и тонкие губы, и отвислые уши, и угрожающе развитые надбровные дуги, и, само собой, узкий лоб. Теперь, похвалялся погрязший в трясине позитивизма натурфилософ, я могу узнать врожденного преступника даже по фотографии. Но когда ему предъявляли разные фотопортреты, он все больше указывал на членов парламента и иных представителей родовой аристократии. Ломброзо, надо отдать ему должное, не тушевался и уверенно настаивал на истинности своих выводов. То, что этот человек — маркиз, надменно заявлял антрополог, еще не значит, что его будущее будет чистым и безупречным (благо, что и Ломброзо, и его оппонентам примеров было не занимать). И тем не менее подобные предсказания признавались неубедительными. Ломброзо пришлось отказаться от многих своих чересчур категоричных выводов и встать на более умеренные позиции. Но они оказались столь же шатки. Не знаю мотивов, которыми руководствовался итальянский врач при создании своей теории, но вполне допускаю, что нечто подобное могло родиться и из уважения к человечеству, от органического неприятия мысли, что и те и другие ничем не отличаются и ничего нельзя заведомо гарантировать.

В список Петрушина попали только мужчины. Леди Макбеты — явление нынче редкое. Оказалось их не так уж и много — 87 человек, 53 из них жили в Москве. Этих людей предстояло «рассортировать» по возрасту. «Пенсионеров долой. Типовая версия дает ориентировочный возраст от 33 до 36 лет». Петрушин задумался, покусал кончик шариковой ручки, порядочно уже обкусанный, и решил на всякий случай расширить диапазон до 55 лет, так сказать, до границ физической активности. «Методи-

ка методикой, а дело расследовать мне, — подумал Петрушин. — Учесть судимость и антиобщественное поведение надо, тут ученые правы, хотя и без них давно известно, что плохими делами занимаются чаще всего те, кто и раньше хорошими делами мало занимался. А вот насчет местожительства — это уж дудки! Это мы высчитаем потом, когда раскроем преступление. Представляю, как обхохочутся надзирающие инстанции, ограничь я поиски радиусом в один километр... Оставить тех, у кого сорок восемь третий рост».

Немногое осталось от типовой версии. Но Петрушин, похоже, и этим немногим решил пренебречь. В план расследования был включен пункт «проверить возможную причастность к преступлению кого-либо из службы быта: сантехники, ремонтники, электрики, газовщики и т. д.» Нужно ли так расширять круг лиц? Перестраховка, типичная перестраховка, стремление учесть все возможные варианты, чтобы не дать повод для начальственных придирок. Перестраиваться надо, следовательно Петрушин. В дверь стучится самая передовая наука, XXI век на пороге. Надо смело внедрять в практику все новое, прогрессивное. Ну да, конечно... Следователя никто не упрекнет в чрезмерном расширении диапазона расследования, разве что о сроках напомнят деликатно. Но если случится, что дело застопорилось, забуксовало, тут ему скажут многое: пошел на поводу одной версии, проявил ограниченность, упустил возможность собирания доказательств по другим направлениям и так далее. Следователь Петрушин это слышал тысячу раз и сделал для себя соответствующие выводы.

И снова документы:

«Докладываю, что произведенной мною проверкой установлено, что гр-ка Ведникова за услугами по ремонту квартиры в пункт «Ремонт квартир» не обращалась».

«Доношу, что в комбинате бытовых услуг «Заря» № 3 проверил книгу заявок с 1 января по 15 июля. Гр-ка Ведникова за указанный период ни по какому вопросу в комбинат не обращалась. В диспетчерской РСУ при ЖЭК № 4 проверил книгу заявок за тот же период. От Ведниковой заявок не поступало».

«Ставлю вас в известность, что в целях розыска преступника проверялась инспекция Госстраха на предмет выявления, проводила ли гр-ка Ведникова какие-либо виды страхования и кому она завещала страховые суммы в случае своей смерти. Установлено, что договоров страхования Ведникова не заключала».

Похоже, что Ведниковой удалось создать вполне автономную систему жизнеобеспечения. «Школьный товарищ» с глазами наводчика и пропавшая брошь из чистого золота научили ее быть осторожной. Наверно, именно тогда она приобрела молоток с шероховатой ручкой, который покоился на рояле после ее смерти, чтобы начать самостоятельное освоение домашних ремесел, освободиться окончательно от внешней зависимости.

Следователь
что убийство бы
ка. Ему хотелось
ми хотелось раз
ственно и с по
сожаление насто
действия. Члове
представления
ло, а добро в
рить человеку л
ется в доказате
всегда получает
чиняться обстоя
— Что это у
тель.

— Это я та
свидетель и спр

— Вы что,

— Нет, я...

— Понятно,

Так начался
ших учеников

— Анна Ив

мало. А уж чел

помогала начин

рытно. Это б

быть вхожими

— Павел Т

Анна Ивановн

Ведникова уб

— Да-да, и

ли я ничего н

не представля

— Значит,

никовой?

— Соверш

— Ну а ч

хорошо знал

— Хорошо

нюк. — Эта ж

кий человек,

шой контраст

невольно соп

она была пр

ношения: до

ховность, са

ке. Знаете,

она даже не

с такой воли

Следователь Петрушин еще надеялся какое-то время на то, что убийство было делом рук случайного, постороннего человека. Ему хотелось на это надеяться. С близкими этому дому людьми хотелось разговаривать только как со свидетелями — сочувственно и с пониманием — и верить, что их слезы, возмущение, сожаление настоящие и за ними не надо искать подвоха и лицедейства. Человека угнетает подозрительность. Она меняет в его представлениях исходный порядок вещей, обращает зло в правдо, а добро в исключение, делает мир зыбким и неудобным. Верить человеку легче, чем не верить, потому что вера не нуждается в доказательствах и изнуряющих душу отрицаниях. Но не всегда получается как легче, и хочешь не хочешь, а надо подчиняться обстоятельствам...

— Что это у вас с пальцами? — осторожно спросил следователь.

— Это я так... играю... дурная привычка, — смущенно ответил свидетель и спрятал руку под стол.

— Вы что, пианист?

— Нет, я... вокалист.

— Понятно, — удовлетворенно подытожил Петрушин.

Так начался разговор с Павлом Михнюком, одним из бывших учеников вокального класса Ланской-Грюнфельд.

— Анна Ивановна была прекрасной певицей, мастер, каких мало. А уж человек... Готова была всю землю обнять. Она часто помогала начинающим певцам, мучилась с ними долго и бескорыстно. Это был добрый гений для всех нас. Многие мечтали быть вхожими в этот дом, но не всем выпадало...

— Павел Трофимович, — деликатно перебил следователь, — Анна Ивановна умерла благополучно, собственной смертью. Это Ведникова убита, о ней речь.

— Да-да, извините, отвлекся. Об обстоятельствах смерти Лели я ничего не знаю... Я не был там полгода. Это ужасно, но я не представляю, кто такое мог сделать.

— Значит, примерно полгода вы никак не общались с Ведниковой?

— Совершенно верно.

— Ну а что вы можете сказать о самой Ведниковой? Вы ее хорошо знали?

— Хорошо ее знать — дело нехитрое, — усмехнулся Михнюк. — Эта женщина была без сложностей. Леля — добрый, мягкий человек, но на фоне Анны Ивановны, извините... Это большой контраст. Всю жизнь они жили вместе, вдвоем, и поэтому невольно сопоставляешь. Леля не была частью Анны Ивановны, она была принадлежностью ее квартиры. Станные какие-то отношения: дочь — не дочь, непонятно. Анна Ивановна — сама духовность, сама музыка. А Леля при всем при этом, тихо, в уголке. Знаете, у нее был неплохой голос, мягкое, уютное меццо, а она даже не попробовала что-нибудь с ним сделать. Жила рядом с такой волшебницей и не попробовала! Я ездил к Анне Иванов-

не каждую субботу из Рязани. Из Рязани! Это уже потом перебрался в Москву...

— А каким образом?

— Я женился. Да... Так вот, они были совсем разные — и по происхождению, и по духовности, и по интеллекту. Больших антиподов, кажется, и не найти. Леля ни к чему не стремилась, жизнь ее была вечной дремой. Ей было хорошо и ничего не требовалось. Даже состоятельностью Анны Ивановны она не могла воспользоваться, просто не хотела, не было надобности. Она не имела никаких потребностей. Хранительница бесполезного, бабушка в шлепанцах при музейных сервизах. Анна Ивановна была чудесным человеком, но Лелю она взрастила для собственной старости. По-моему, она и не старалась устранить или хотя бы смягчить кричащую разницу между ними. Анна Ивановна растила Лелю, ничего не передав ей от себя. Столько людей стали учениками Анны Ивановны. Леля не стала. Вы видели сестру Лели? Так вот Леля — ее копия, причем не только внешне. Они близнецы во всем, хотя жили в совершенно разных условиях. Может быть, Анна Ивановна и пыталась что-то сделать, не знаю. Может, просто не получилось, не удалось сломать закодированность ее личности.

— У Ведниковой были знакомые мужчины?

— А почему вы об этом спрашиваете у меня?

— Ну, вдруг вам что-то известно. Сейчас важна любая деталь.

— По-моему, она не способна на это. Я уже сказал, у нее не было потребностей. Разговоры заводились, но это так... — с Лелей тоже надо было о чем-то говорить, вот и говорили. Это была любимая тема, нравилась она и Леле. Она даже пыталась кокетничать. Но лейтмотив был у нее всегда один: все хотят жениться не на ней, а на квартире. Господи, какие «все»! Сроду никого не было. Правда, когда-то давно, когда я жил еще в Рязани, такие шутки и со мной играли — вот, мол, подходящий жених. Намекали на мое желание перебраться в Москву. Но я, естественно, не придавал этому значения.

— А как с уроками Анны Ивановны — помогли они вам?

— Конечно. Я окончил Гнесинское, у меня лирический тенор, тщу себя надеждой, что приличный, работаю... Правда, на эстраде сегодня бельканто не идет. Все визги, фальцет, хрипы. Какое-то помешательство всеобщее, гримасы с офортов Босха. Заведи этих ребят в задрапированную комнату, отключи электричество, поставь к роялю — и я посмотрю, что они запоют. Ничего, мое время настанет, я подожду. Пока гастролирую, география, как говорится, широкая... Конечно, хотелось бы и в опере попробоваться, но это пока не для меня, не пускают. Там кроме голоса еще кое-что нужно, и не только от творчества. Ну да ладно, не будем.

— Ну да ладно, — согласился Петрушин.

Свидетельство Михнюка показалось Петрушину содержатель-

ным, хотя и не
рактеристика —
не всегда добу
мжность в б
и деталями.

Петрушин
пристрастие к
тратил на эт
суд дело не пр
личности», но
ности этого ма
ряться сведени
ществанных на
ность в поиско
ведения. Где,
мальчик сверн
встал «на нак
тому уголовно
рактеристик и
умер педагог.

— Дорогой
курор. — У суд
водных дел х
А ты тонкие д

Но Петруш
ет требование
это требование

Я считаю,
опередил врем
мне оно пред
ства будет во
вости будут с
вы, долго дум
вить человека
для нас с ва
ги, и психоло
профессий, ни
и следовательно
плодом долге
как равный
листочки буд

Дело №
дал Симонин
с едва замет

— Можно

— Обижа

Все как в а

ным, хотя и не дало конкретного материала для работы. Но характеристика — это тоже материал. Сиюминутную пользу из нее не всегда добудешь, конечно, зато получаешь общий план и возможности в будущем упорядоченно заполнить его частностями и деталями.

Петрушин испытывал не совсем типичное для следователя пристрастие к характеристикам. Он очень любил собирать их и тратил на это уйму времени. Понятно, что без характеристики суд дело не примет, потому что наказание назначается «с учетом личности», но Петрушин всегда выходил за границы достаточности этого материала. Там, где суд вполне мог бы удовлетвориться сведениями о выполнении производственных норм и об общественных нагрузках, Петрушин развивал неадекватную активность в поисках психологических истоков противоправного поведения. Где, на каком рубеже добрый и ласковый поначалу мальчик свернул незаметно на «кривую дорожку», а потом и встал «на наклонную плоскость»? И вот к одному тощенькому тому уголовного дела присовокупляется второй пухлый том характеристик и характерологических свидетельств. В Петрушине умер педагог.

— Дорогой мой, когда же это читать? — мягко корит его прокурор. — У судов много работы, одних алиментных и бракоразводных дел хватит, чтобы дезорганизовать судебную систему. А ты тонкие движения души исследуешь месяцами.

Но Петрушина этими доводами не возьмешь. Он хорошо знает требование о всестороннем исследовании личности, и если это требование кому-то мешает, то это его проблема.

Я считаю, что Петрушин — модель следователя будущего, он опередил время, и потому не все его понимают. В будущем, как мне оно представляется, главным вопросом всего судопроизводства будет вопрос о мере наказания. Мудрые отцы справедливости будут собираться в почетном месте и, сдвинув седые головы, долго думать и совещаться, как, какими средствами исправить человека с наименьшими издержками для него самого и для нас с вами. Свое слово будут говорить и юристы, и педагоги, и психологи, и другие умные люди, представители наук и профессий, ныне еще неведомых. Войдет в совещательный круг и следователь Петрушин со своей пухлой папкой под мышкой — плодом долгих и кропотливых изысканий. И принят он будет как равный среди равных. А папка его пойдет по кругу, и все листочки будут изучаться неторопливо и по отдельности.

Дело № 23385. В безлюдном сквере на лавочке Усков передал Симонину что-то завернутое в потрепанную газету. Симонин с едва заметной брезгливостью положил это в карман.

— Можно не пересчитывать?

— Обижаете, Сергей Анатольевич, мы же порядочные люди! Все как в аптеке, — заверил Усков.

— Ну-ну... Да, вот какое дело — хотел посоветоваться. Потребитель опять бунтует, на качество жалуется, на цены. Что там за качество такое, гниль, что ли?

— Избави бог, Сергей Анатольевич! Цибули гарантированной всхожести. Сам смотрю, каждый корнеплод прощупываю.

— Так надо как-то объяснить, успокоить...

— Объясним, о чем разговор, — пообещал Усков.

— Да-да, объясни там, кому надо. А то председатель нервничает, главбух наша насторожилась.

— Бухгалтерия, понятное дело, — успокоил Усков. — А может быть, и ее на «сверхурочные» перевести?

— Нет, не выйдет, она родилась бухгалтером, выдра. У нее это дело в генетике заложено.

— Генетика, фонетика — это все тайны, а «сверхурочные» — вещь материальная...

— Нет, Петр Прокопьевич, не будем... Да, вот еще что: вы с Бурдиным поделкатнее. Человек он ранимый, переживающий, возьмет и закроет нашу... инициативу. Он не должен знать о размерах всего этого. Так что поскромнее с ним, поумереннее... и в «сверхурочных» тоже.

— Сергей Анатольевич, а может, действительно снизим цены... несколько? Куда нам... Я на Полтавщине спокойно обходился меньшим. Главное, чтоб все по-порядочному.

— Потом, по обстановке, — спешно закруглял разговор Симонин. — Цены — это дело комиссионное. Будем ориентироваться на конъюнктуру рынка. Может, и снизим, но не сейчас. Ну, будьте здоровы, — Симонин брезгливо протянул руку компаньону.

Дело № 23561. Читая и перечитывая протокол допроса Михнюка, Петрушин вспомнил его пальцы, отбивающие стремительное аллегро на невидимых клавишах. Что это? Волнение, невроз или и вправду дурная привычка? Волноваться вроде бы нет причин. Хрупкая нервная организация? Экзальтация? Что-то есть: поза, чувственность, злоупотребление восклицаниями и вопрошаниями, риторика. А может быть, все-таки страх? Может быть, та самая паника, которая заставляет накрывать выключенный телефон еще и двумя подушками?

Такие вопросы можно задавать долго, но ответов на них не получишь. Даже печально известный «детектор лжи» дискредитировал себя из-за невозможности объективно интерпретировать скачущие на его осциллографе импульсы. Врет человек или волнуется — как отличить? Люди не всегда волнуются, когда врут, и не всегда врут, когда волнуются. Право исповедует негласный принцип: поведение обвиняемого на следствии и в суде не может быть использовано как доказательство — обвинительное, оправдательное — все равно.

В качестве доказательства не может, но в качестве знака «внимание!» — почему бы и нет? Если следователь не будет учитывать поведение обвиняемого, он многое потеряет в тактике,

потому что так
следователю сл
для себя выво
лампы, высвечи
души нераская
Сейчас другой
дневное время

...Допросы,
формация. Лю
просы, допросы
ды не нужны,
объем информа
го порога, за
бочку, а матер

— С Анной
ну Александр
время. Знаком
лет назад на к
тях с женой. Б
только почтов

— Ланскую
В гостях у нее
тельную откр
равления ко во

— Знаю Ан
лей Ведников
вой девушкой,
ла за порядком
Лели читали в
последние 10
открытки. Ан
ношений не б
— С Ланск
с днем рожден
не знаю.

— В доме
ти. Я собирал
ее был до ре
его личность
новны знаком

— У Ланс
60-х годов. У
женщина. Вид
ва. Старый ф
ности, но что

— Послед
ее похорон. Н
Запомнился

потому что тактика — это психология. Да и кто может запретить следователю следить за реакциями по ту сторону стола и делать для себя выводы? Только не нужны эти вульгарные настольные лампы, высвечивающие направленным лучом закоулки темной души нераскайвшегося злодея. Это прием эпохи электрификации. Сейчас другой век. Да и закон разрешает допрашивать только в дневное время суток, кроме случаев, не терпящих отлагательства.

...Допросы, допросы, допросы. Сейчас Петрушину нужна информация. Любая. Где-то что-то должно выскочить. А пока допросы, допросы, допросы и никаких выводов. Вымученные выводы не нужны, в них мало проку, а дельные придут сами, когда объем информации достигнет критической точки, диалектического порога, за которым вода превращается в пар, куколка в бабочку, а материалы следствия в обвинительное заключение.

— С Анной Ивановной я познакомился через Полякову Иоанну Александровну, с которой вместе работал продолжительное время. Знакомство с Анной Ивановной произошло около восьми лет назад на курорте в Пярну. Лет семь назад был у нее в гостях с женой. Больше никогда ее не видел. Мы обменивались только почтовыми поздравлениями к праздничным дням...

— Ланскую-Грюнфельд я немного знал по работе в ЦДРИ. В гостях у нее ни разу не был. Однажды послал ей поздравительную открытку ко Дню 8-го марта. С тех пор получал поздравления ко всем праздникам, хотя сам не удосуживался...

— Знаю Анну Ивановну с 1957 года, был ее учеником. С Лелей Ведниковой познакомился у них дома. Леля была молчаливой девушкой, очень оберегала Анну Ивановну, ревностно следила за порядком в доме. Если мы делали что-то не так, в глазах Лели читали выговор. Скажу откровенно, побаивались мы ее. В последние 10 лет дома у них не был, изредка звонил, посылал открытки. Анна Ивановна отвечала взаимностью, но очных отношений не было...

— С Ланской-Грюнфельд встречался лишь до войны, однако с днем рождения мы всегда друг друга поздравляли. Ведникову не знаю.

— В доме Анны Ивановны был один раз — за год до ее смерти. Я собирал материалы для книги, которую сейчас пишу. Отец ее был до революции хранителем сокровищ Оружейной палаты, его личность меня и интересовала. С родственниками Анны Ивановны знаком не был...

— У Ланской-Грюнфельд был в доме несколько раз в конце 60-х годов. У меня сложилось впечатление, что это состоятельная женщина. Видел картины мастеров, запомнилась икона Васнецова. Старый фарфор, хрусталь. Анна Ивановна носила драгоценности, но что именно, я не помню...

— Последний раз был в доме Ланской-Грюнфельд во время ее похорон. Народу было очень много, большинство незнакомые. Запомнился один неприятный эпизод. Какой-то мужчина — как

потом мне сказали, он был из домоуправления — ходил по дому в нетрезвом состоянии и присматривался к вещам. Когда уходил, прихватил статуэтку, бросился бежать вниз по лестнице, но его догнали...

Допросы, допросы, допросы, десять, тридцать, сто. Они убавляют бессодержательностью, и все чаще начинает казаться, что дело обречено на бесплодность. Восприятие тупеет, однообразие рождает скуку и усталость. Рутинка, рутинка. Шариковая ручка бежит по листу все быстрее, буквы становятся все крупнее, размашистее, и вот уже почти ничего не разобрать. Кто это прочтет? Эй, Петрушин, встряхнись, выйди на воздух, погуляй. Не идет.

— «С моих слов записано верно и мною прочитано». Да-да, вот здесь, в конце. Так и пишите: «С моих слов...» — и распишитесь вот здесь. И еще на каждой странице. О чем расписываться? О том, что вы предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а равно за отказ от дачи показаний. Формальность, знаете ли, но надо. Давайте отмечу повестку. Пригласите следующего...

Хорошо бы иметь на эти случаи помощника — подмастерья, ассистента, младшего юриста. Валяй, дерзай, раскрывайся, доказывай преданность профессии. Если через год не сбежишь, хорошим следователем станешь. Испытание рутинкой — самое верное испытание, хотя и самое безжалостное.

— Алло, Петрушин? Это из прокуратуры республики. Дело по факту убийства Ведниковой у тебя в производстве? Имей в виду, мы его на контроль берем. Артистка, сам понимаешь. Тут звонили, просили ускорить.

— Я и не замедлял еще...

— В общем, высылай справку о ходе расследования. Пока.

Так, пошли справки и объяснения. Там, наверху, надзор, там все знают и все понимают, с полуслова, полусправки. Как надо работать, скажут вряд ли, зато точно скажут, как не надо. Если преступление вовремя не раскрыто, скажут точно: так работать нельзя. А это важно для последующей мобилизации усилий. Спорить, а тем более ссориться, не рекомендуется. Хотя бы потому, что «там» продлеваются сроки следствия, когда ты не укладываешься в отведенный двухмесячный период. Пока нет арестованного, срок продлят без особых хлопот, лишь бы усилия в работе были видны. А уж если арестовал, бери ноги в руки, тут твое время будет отсчитывать хронометр. Опытный следователь никогда до срока не арестует, даже если придется ходить по лезвию босыми пятками.

Звонок «сверху» подхлестнул Петрушина. Надо объясняться, а у него нет даже намек на что-то конкретное, осязаемое, что можно было бы представить «туда». Одни идеи и никакой материализации. Есть план, есть список лиц в алфавитном порядке на семи листах, который нужно реализовать, прежде чем строить предположения. Но список — это иллюзия, это твое личное, а

требуется уже результат, хоть какой-то промежуточный результат.

В план расследования на первое место переместились «школьный товарищ» и представитель домоуправления, пытавшийся умыкнуть статуэтку в момент всеобщего траура. Инстинкт Петрушина сопротивлялся этим вариантам, но обстоятельства требовали выхода на реальную личность, и уже сейчас.

Петрушин развил активную деятельность. Печатаются поручения уголовному розыску, рассылаются отдельные поручения и повестки, свидетели выстраиваются живой очередью. За день собралось полтома бумаг, за неделю — два. Нашли и «школьного товарища», и похитителя антиквариата. Первый был, оказывается, в Москве проездом, когда заглянул к Ведниковой. Жил он в Туле. Странности своего поведения отрицал, как и похищение золотой брошки. Покойницу обзывал дурными словами за такие наговоры и дал ей в целом нелестную характеристику. Было установлено, и это главное, что через месяц после посещения дома Ведниковой он завербовался и уехал работать на северную метеостанцию, откуда в день убийства не отлучался.

Второй подозреваемый сначала все отрицал, в том числе и свое пребывание в доме Ланской-Грюнфельд в интересующее следствие время. Но затем, припертый к стенке опознаниями и очными ставками, сознался, что статуэтку трогал и даже брал в руки, но интерес его был сугубо эстетический и ничего он в мыслях не держал. Поскольку времени прошло много, а умысел на хищение доказать не представлялось возможным, содеянное было оставлено без последствий. Петрушин установил, что любитель античности действительно работал в то время в домоуправлении сантехником, но в связи с заболеванием алкоголизмом был уволен, а потом направлен в лечебно-трудовой профилакторий, где и находился на излечении в момент происшествия.

Чтобы окончательно расчистить место для серьезной работы и освободиться от раздражающих внимание периферийных версий, Петрушин решил развязаться заодно и с «обиженными наследниками», как они фигурировали в его плане расследования. Их было двое: Григорий Всеволодович Ланской-Грюнфельд, божий одуванчик, и одинокая пятидесятилетняя племянница Анны Ивановны — Софья Петровна Козельская. Как оказалось, на мебель и ценности они не претендовали, хорошо сознавая недостаточность своих юридических и моральных прав. Но Григорий Всеволодович считал, что родовой архив покойницы должен перейти к нему как к последнему представителю этой фамилии, чтобы сохранилась связь времен. Софья Петровна хотела получить часть библиотеки (десять-пятнадцать раритетов) и несколько картин. Эти пожелания были высказаны в деликатной форме, приличествующей моменту, однако Вера Ивановна Ведникова почему-то восприняла их с крайним раздражением и настроила соответствующим образом Лелю. Григорий Всеволодович и Софья Петровна были вынуждены выразить свои заверения в

весьма искреннем почтении, а свои пожелания по поводу наследства решили обсудить с Лелей в будущем, когда время затянет раны. Версия «обиженных наследников» не выдержала критики после первого же разговора с ними.

Четыре тома уголовного дела, посвященные отработке указанных версий, потом всегда лежали особняком — и на столе у прокурора при утверждении обвинительного заключения, и на судейском столе. Они выглядели новенькими, аккуратненькими кирпичиками на фоне взлохмаченных, затертых томов, и это было очень удобно, поскольку их сразу можно было обнаружить и отложить в сторону. Эти «кирпичики» не стали краеугольным камнем расследования. Ну что ж, так часто бывает. Где найдешь, где потеряешь, кто знает?

Отчитавшись перед надзирающим прокурором о проделанной работе и создав о себе неплохое впечатление, Петрушин еще раз желчно прошелся по бюрократам от следствия и приступил к «восстановлению логики расследования». Надо заметить, что следователи не всегда бывают правы, отвергая вмешательство вышестоящих инстанций. Без контроля, пусть даже и бюрократического, в таких делах не обойтись — это понятно. Но можно понять и следователя: не каждый способен примирить в себе стремление к творческой свободе с осознанием необходимости контроля во избежание злоупотребления этой свободой. Человек, поработавший на ниве следствия несколько лет, — личность самоуверенная. Требуется периодическое очищение ее от спеси в целях восстановления здоровой неудовлетворенности и осторожности в действиях.

Дело № 23385. С большим старомодным портфелем на двух замках Усков сошел с подножки вагона, осмотрелся по сторонам и направился к зданию вокзала. Рядом — неразлучный Венник с кейсом. Товарищи по работе вышли на стоянку такси, взяли машину и отправились в город. Вот и то, что нужно: управление благоустройства. Усков уверенно, как к себе на работу, заявился в приемную начальника управления.

— Здравия желаю, — галантно поздоровался он с девушкой-секретаршей. — Категорически рад познакомиться с красивой, симпатичной девушкой, — и достал из портфеля плитку шоколада. — Экстра-люкс, специально для вас. Вез большой букет тюльпанов, но в вагоне стырили — очень красивый был. Так что в другой раз, ладно? Начальство у себя?

— У себя, — растерянно сказала секретарша.

— Сделаем официальный визит, — объявил Усков и открыл дверь кабинета.

— ...Мы рады сотрудничать, — горячо убеждал Ускова начальник управления, — но вы же нас подводите. Мы платим деньги за высокодекоративные сорта, а получаем, извините, дерьмо!

— Ну почему те тюльпаны — красные?
— Ну вот, слышали не понимают желтого. А у вас длина стебля самодеятельность стыдно смотреть.

— На цветы, стыдно, — укоризненно, — всегда цветет, он всегда цветет. Очень тюльпан, уж как бы, так лучше цветы нужны, как Емельянович, может быть, когда.

— Да поймите мне про Ерему. с нас сдрючиваетесь.

— Но это же вырастет. А луешь ее, хоть потать над повыштая задача. Буд

Усков достал — Ну, бываю. Начальник узял, не спеша чальник застыл на середину кабинета вошла секретарша за спину.

— Анатолий секретарша.

— Нет, я не Анатолий Емельянович.

Секретарша — Клава! — решительно под

Вновь вошла резко закинула чилось как-то

— Слушаю Анатолий Е

— Усков у

— Ну почему же? — лояльно возразил Усков. — Вы получаете тюльпаны — красивый, облагораживающий цветок...

— Ну вот, снова-здорово. Да ведь цветок цветку — рознь, неужели не понятно? Мы же не в огороде у себя сажаем, а в парках, скверах. А значит, все должно быть гармонично, соответствовать требованиям эстетики: красный к красному, желтый к желтому. А у вас все луковицы вперемешку: разные сорта, разная длина стебля, разный период всхожести. Какая-то дохлая самодеятельность! Разбили газон перед исполкомом, теперь стыдно смотреть на ваши цветы. Могу показать.

— На цветы, Анатолий Емельянович, смотреть никогда не стыдно, — укоризненно заметил Усков с обидой в голосе. — Цветок, он всегда цветок, он жизнь украшает и любоваться на себя заставляет. Очень вы, Анатолий Емельянович, капризный. Даже тюльпан, уж какой цветок, и то особый подавай! А если не особый, так лучше вообще без цветов, так что ли? Не-ет, народу цветы нужны, как же без них. Не дожили мы еще, Анатолий Емельянович, до того времени, чтобы цветами брезговать. Это, может быть, когда-нибудь, после нас...

— Да поймите же вы, в конце концов! Я вам про Фому, а вы мне про Ерему. Речь о деньгах идет, об оплате, понимаете? Вы с нас сдрючиваете по высшему прејскуранту, а поставляете сортосмесь.

— Но это же потом становится ясно, что сортосмесь, когда вырастет. А луковицу как разберешь — цибуля и цибуля, хоть ешь ее, хоть под микроскопом... Ну, в общем, ясно: надо работать над повышением качества. Будем работать, это наша святая задача. Будем повышать, заверяем. Вот гарантийное письмо.

Усков достал из портфеля конверт и положил на стол.

— Ну, бывайте, — он быстро раскланялся и удалился.

Начальник управления бросил взгляд на конверт, потянулся, взял, не спеша вскрыл. В конверте лежала стопка купюр. Начальник застыл в изумлении, затем с деньгами в руках выбежал на середину кабинета и в растерянности остановился. Неожиданно вошла секретарша. Начальник резко забросил руку с деньгами за спину.

— Анатолий Емельянович, к вам Гаврилюк, — доложила секретарша.

— Нет, я не могу сейчас... — звонко и взволнованно ответил Анатолий Емельянович.

Секретарша пожала плечами и удалилась.

— Клава! — тут же позвал он властно. — Клава! — быстро и решительно подошел к столу, нажал кнопку звонка.

Вновь вошла секретарша. И вновь Анатолий Емельянович резко закинул руку с деньгами за спину. Он не хотел, все получилось как-то само собой.

— Слушаю вас, — покорно сказала секретарша.

Анатолий Емельянович молчал, не зная что сказать.

— Усков ушел? — спросил наконец он, прочистив горло.

— Это кто?

— Ладно, идите.

Дело № 23561. «Директору музея «Оружейная палата» Московского Кремля. В связи с возникшей необходимостью прошу выделить для участия в следственных действиях художника-ювелира. Желателен специалист по ювелирному творчеству XIX—начала XX веков. Следователь Петрушин».

Это была поистине ювелирная работа. Петрушин задался целью реконструировать в форме и цвете фамильные драгоценности Анны Ивановны. Собственно, это не было сверхзадачей. Петрушину наступал на пятки уголовный розыск. С каждым днем все настойчивее он требовал перечень похищенных вещей и их индивидуальные признаки. Наконец в кабинет следователя явился капитан Красин и нервно объявил, что он не может ждать, пока Петрушин переберет всех блаженных и преподобных наследников славной фамилии. С него, Красина, начальство требует оперативности, а не количества протоколов, подшитых в уголовное дело и пронумерованных в правом верхнем углу. По этому, если у Петрушина есть дела более срочные, пусть он рискует доверить разработку этого вопроса ему, Красину, милиционеру с высшим юридическим образованием и 17-летним стажем работы, и перестанет тянуть кота за хвост, потому что в конце концов им обоим будет плохо. Петрушин раздраженно попросил не учить его жить, но пообещал заняться инвентаризацией похищенного имущества в самое ближайшее время.

Вопрос этот можно было бы без особых издержек передать оперативникам, но Петрушин боялся, что в свойственной им спешке они не сделают всего как нужно. А здесь было над чем поработать, и этим куском Петрушин не захотел делиться.

Сначала следователь пригласил их, учениц Ланской-Грюнфельд, порознь. Они вспоминали все, что в состоянии были вспомнить об украшениях Анны Ивановны, и изображали их как могли простым карандашом. Когда индивидуальное художество было закончено, Петрушин устроил совместное обсуждение. Каждый рисунок подвергался коллективному анализу, уточнялись и отбирались варианты, наиболее удовлетворяющие всех участников. Затем настала очередь художника. Под общим наблюдением он создавал стремительными штрихами импровизации на заданные темы, а участники корректировали их возгласами восторга или протеста. Появились контурные наброски, затем рисунки в масштабе и пропорциях, и, наконец, расцвеченные гуашью кольца, серьги, кулоны, браслеты заиграли праздничным блеском благородного металла и холодным свечением бриллиантов. Когда рисунки были распечатаны на цветных фотоснимках, Петрушин позвал капитана Красина. Притворно постным голосом следователь огласил список похищенного, иллюстрируя фотографии:

брошь непр
нии по жемчу
кольцо в ви
золотая цеп
серьги в вид
брошь в вид
серьги кру
серьги с са
кольцо плат

де латинской бу
серьги в вид
золотой зна
перстень, еш
Далее. Чась

дома Романов
икона в зол

платиновое

корона инкруст

— Ну, доста

ключил Петруш

— Откуда э

фотографии.

— Из Оруже

если вяжет, то

— Неплохая

— Хорошая

которые из этих

еще в одна тыся

му нас учат уро

время, а сегодня

дов печать тлен

рока сохранили

дан, в особеннос

капитан Красин

Будь бдителен,

опасен, этот мет

фиях.

— Это ты чт

перебил Красин

— За адвока

сказать. «Все, ч

неизбежность. И

кнулись с дейст

вестного в теори

мого во внимани

понятие де-факт

на инстанции. П

ной звездой. То

дим, что нет ни

брошь неправильной формы в виде сетки, в каждом пересечении по жемчужине,

кольцо в виде лепестка с бриллиантом,

золотая цепь с крупными плоскими звеньями,

серьги в виде цветка с розовым бриллиантом,

брошь в виде жука из янтаря,

серьги круглые с подвесками из бриллиантов,

серьги с сапфиром,

кольцо платиновое с изумрудом и монограммой на нем в виде латинской буквы «N» — надо полагать «Наполеон»,

серьги в виде звездочек,

золотой знак в виде лиры,

перстень, еще перстень, еще перстень — этого много.

Далее. Часы-луковица золотые с надписью «Трехсотлетие дома Романовых»,

икона в золотой ризе-футляре, выложенной жемчугом,

платиновое колечко в виде трона с короной и орлами. Орлы и корона инкрустированы бриллиантами.

— Ну, достаточно, пожалуй, остальные сам разглядишь, — заключил Петрушин, передавая Красину кипу фотографий.

— Откуда это? — недоуменно спросил Красин, разглядывая фотографии.

— Из Оружейной палаты, брат. Фирма веников не вяжет, а если вяжет, то только фирменные.

— Неплохая работа, — признался капитан.

— Хорошая работа, — поправил Петрушин. — По-моему, некоторые из этих симпатичных штучек подлежали экспроприации еще в одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Вот видишь, чему нас учат уроки классовой борьбы: недосмотрели в нужное время, а сегодня пожинаем. Эти вещи пронесли сквозь череду годов печать тлена и разложения. Заключение в них бациллы порока сохранили способность и сегодня заражать наших сограждан, в особенности с ослабленным иммунитетом. Перед тобой, капитан Красин, материализованные пережитки капитализма. Будь бдителен, ибо люди продолжают гибнуть за металл. Он опасен, этот металл, своей ядовитой красотой даже на фотографиях.

— Это ты что, за прокурора выступаешь или за адвоката? — перебил Красин.

— За адвоката, капитан, за адвоката. Ему здесь будет что сказать. «Все, что случилось, товарищи судьи, — это фатальная неизбежность. И не надо искать виновного, его нет, ибо мы столкнулись с действием непреодолимой силы — понятия, хорошо известного в теории, но чрезвычайно редко, к сожалению, принимаемого во внимание практикой. Давайте же сегодня признаем это понятие де-факто, признаем честно и мужественно, без оглядки на инстанции. Пусть только теория права будет нашей путеводной звездой. Тогда мы еще раз со всей убедительностью подтвердим, что нет ничего практичнее хорошей теории». У меня такое

чувство, что жертва непреодолимых пережитков будет оправдана. Тебе это не кажется?

— Ты говорил хорошо, поэтому, возможно, так и будет. Послушай, а может, и искать не стоит? Мы сдадим сокровища в Оружейную палату и тем самым довершим дело наших славных предшественников.

— А ты, капитан, не переживай, я уже его вычислил, тебе остается только узнать фамилию.

— Я ее уже знаю, — спокойно ответил капитан.

— Нет, серьезно?

— Почти.

— Тогда говори.

— Пока воздержусь. У тебя еще двухмесячный срок не вышел.

Странные взаимоотношения. Следователю иногда кажется, что коллега-оперативник его попросту дурит. Что он там делает, чем занимается? У следователя каждый шаг зарегистрирован и в опись включен. А этот? Пошушукался с кем-то, посуетился втихую — и на, получай результат. Оперативник трудно и честно добыл «лицо» и, ликуя, как дитя, преподносит его на блюдечке следователю. А тот неблагодарно ворчит: «Ну, это мы еще посмотрим, это еще надо доказать». А доказав, убедившись, редко вспомнит, с чего начинал. Соперничающие и взаимодополняющие психологии — психология анализа и психология действия. Трудяга-следователь, ломовая лошадь правосудия, в глазах оперативника — кабинетный сидень, досужий бумаготворец. Вечно завешенный волчком оперативник в глазах следователя — тип с проблематичными возможностями и сомнительной продуктивностью. Следователю сдается, что коллега в спешке выдает ему слишком «сырой», некондиционный материал, а коллега, полагающийся на безошибочное чутье, сетует на завышенные запросы следователя, вызванные бюрократизмом и перестраховкой. Идиллическое, бесконфликтное сотрудничество этих людей — детективная сказочка. Да и система оценки их работы, наверное, небезупречна. И оперативник оценивается по раскрываемости, и следователь. У того своя отчетность, у этого своя. Оперативник утверждает, что именно он раскрыл преступление, а у следователя имеются резоны записать раскрытие на свой счет. Так засчитывают один сбитый самолет за два, когда возникают недоразумения между зенитными батареями. Но друг без друга следователь и оперативник не могут, не получится.

— Лелю Ведникову я знаю давно. Мы вместе работали в институте физического воспитания, она была лаборантом. Леля очень порядочный, добрый человек, честности безукоризненной. Многие годы она была бессменным казначеем кассы взаимопомощи.

«И здесь «хранительница», — отметил про себя Петрушин.

— Леля выделялась большой любовью к труду, ее никогда

не видели сидя
явление нечаст
шенна. Особен
людях, — терял
нужные, мелкие

— Нет-нет,

— Вы знае

дала средним

назвать ее неск

но быстро, но

ей что-нибудь

шим трудом. В

бок от рассеян

отпуск, и она с

отпуске, пришла

в обычном рас

день, но она от

она взяла под

мол, в отпуске

— Как вела

быть, замечала

дений?

— Что сказа

трудно. Она тя

в больнице. Ко

удар. Леля оче

ко всему равно

Болела опять д

Скажу больше:

собой, лучше од

обычно в старе

Это сразу же б

уж не кавалер

то обронила: «И

грело солнышко

мешан мужчин

— А когда

— Да приме

— И что же,

— Леля был

сказала, это уж

когда не говор

— Какие-ни

— Что вы!

— Она ниче

— Нет, мы

лось, собрали

но от нашей

не было. Да и в

не видели сидящей без дела, что в условиях НИИ, согласитесь, явление нечастое. Характер? Несколько застенчива, неуравновешенна. Особенно смущалась, когда ей надо было выступать на людях, — теряла связность речи, краснела, делала какие-то ненужные, мелкие движения... Может быть, я не о том говорю?

— Нет-нет, продолжайте, — закивал Петрушин.

— Вы знаете, у меня сложилось впечатление, что Леля обладала средним интеллектом. Если усилить, можно с натяжкой назвать ее несколько ограниченной. Работу выполняла достаточно быстро, но любила однообразную, счетную работу. Поручишь ей что-нибудь другое — тут же теряется, переключается с большим трудом. В последнее время заметно участились случаи ошибок от рассеянности. В конце июня я посоветовала ей уйти в отпуск, и она с радостью согласилась. 3 июля она, находясь в отпуске, пришла собирать деньги в кассу взаимопомощи, была в обычном расположении духа. Я ей предложила отгул за этот день, но она отказалась — это, говорит, общественное. Тогда же она взяла под расписку 50 рублей из кассы взаимопомощи — мол, в отпуске, пригодится.

— Как вела себя Ведникова в последний период? Может быть, замечалась какая-нибудь необычность, странность в поведении?

— Что сказать?.. В последние годы ее жизнь складывалась трудно. Она тяжело болела, не работала месяцев шесть, лежала в больнице. Когда несколько оправилась, умерла ее мать — опять удар. Леля очень тяжело переживала эту утрату, говорила, что ко всему равнодушна, ничего не хочется делать, все постыло. Болела опять долго. Потом отошла, стала активнее, оживленнее. Скажу больше: Леля заметно преобразилась: больше следила за собой, лучше одевалась, сшила несколько новых платьев (она обычно в стареньком ходила), даже губы стала подкрашивать. Это сразу же бросилось в глаза. Наши приставали: что да как, уж не кавалер ли появился? Леля уходила от расспросов, но как-то обронила: «Кажется, и мне улыбнулось солнышко» или «согрело солнышко» — точно не помню. Мы так поняли, что тут замешан мужчина.

— А когда это произошло?

— Да примерно за полгода до смерти.

— И что же, так она и не поделилась ни с кем?

— Леля была очень замкнутым человеком. Даже то, что она сказала, это уже для нее много. О своей личной жизни она никогда не говорила.

— Какие-нибудь украшения вы на ней видели?

— Что вы! Да и откуда?

— Она ничего не рассказывала о своей матери?

— Нет, мы только знали, что она умерла. Когда это случилось, собрали немного денег на похороны. Деньги Леля взяла, но от нашей помощи отказалась, никого из наших на похоронах не было. Да и вообще мы у нее не бывали.

Что-то наметилось. Петрушин боялся спугнуть это «что-то». Неужели французское «ищите женщину» распространяется и на мужчину? Позвал еще раз Веру Ивановну Ведникову.

— Нет, ничего не говорила, — ответила та на вопрос о мужчине.

— Она с вами была откровенна?

— Я всегда считала, что у нее нет никаких секретов. У нее вообще не было ничего своего, все чужое. А чужое мне неинтересно.

Вера Ведникова была настроена зло и отчужденно. Может быть, от того, что она не удостоилась быть поверенной в сердечной тайне родной сестры? А может быть, старая обида или неразрешенный спор?..

— Уж не Пашка ли Михнюк? — усмехнулась Ведникова. — Этот — жених хоть куда...

— Вы говорили о подруге детства Лели. Напомните, как ее зовут.

— Когтева, Любовь Когтева. Она все знает, все секреты. Телефон могу дать. И еще товарища разыщите, который брошку упер, он тоже в курсе. Много их, друзей-товарищей, объявляется, когда почуют запах вкусенького.

— «Товарища» я нашел, он отрицает кражу брошки.

— Как же, признается, дурак что ли? Отпустили?

— Отпустил.

— Вы всех отпускаете, кто это... отрицает? А Михнюк кому будет долг отдавать, вы случайно не скажете?

— Какой долг?

— А тот, что у Лели брал, — сорок рублей. Мелочь? А хоть бы и так. Только почему это Пашенька должен на дармовщинку пользоваться?

— Пойдите, пойдите, когда Михнюк брал эти деньги?

— Да еще месяца за три до смерти. Обещал через неделю отдать, да вот дотянул.

— Вам об этом Леля сказала?

— А то кто ж.

— И что же конкретно она говорила?

— То и говорила — взял и не отдает. Теперь, сказала, никому не дам.

— Когда состоялся этот разговор?

— Она мне несколько раз говорила. Последний недели за две до смерти.

Петрушин срочно встретился с Михнюком.

— Павел Трофимович, есть данные, что вы брали у Ведниковой деньги в долг.

— Глупости! — возмутился Михнюк. — Я — у Ведниковой? Этого еще не хватало!

— А может быть, подумаете? Какой резон Вере Ивановне Ведниковой на вас наговаривать?

— Я ничего не знаю.

«Странная штука, — говорит о болоте, а здесь уж трудно не верить. Впрочем, кого-то еще. Вспомни сама. Как же, е...»

Петрушин по своему закону, по своему стороннему, полноте дел в Ведниковой? В... оно «не основано»

«В случае, если возможным, — во-первых, принять убедительные меры, вряд ли удастся следствие».

Дело № 2338

гой мебельный и кресла, которые все, подлинная масса дорогих вещей, никакой возможности.

Жена Симони, ка, устроившись на спицах.

— Манюньчик, в этом доме, верн...

— Ку-ку, — раззания.

— А что у м...

— Что же у т...

— У меня ко...

— Ты моя пр...

Симонин полет...

— Эта копееч...

— Кто такой...

кого интереса...

9 Зака...

— Я ничего не брал, — отчеканил Михнюк и «заиграл» пальцами.

«Странная амбиция, — подумал Петрушин. — И это из-за сорока-то рублей! А может быть, Михнюк почему-либо не хочет говорить о более поздних фактах общения с Ведниковой — ведь он утверждал, что видел ее в последний раз за полгода до смерти, а здесь уже речь идет о трех месяцах? Вере Ведниковой трудно не верить. Хотя... Михнюка она, кажется, не жалуется. Впрочем, кого она жалуется, со всеми по-черному... Скрыга, видно, та еще. Вспомнила. Небось рассчитывала получить эти деньги сама. Как же, единственная наследница».

Петрушин пытался оценить показания свидетелей, как велит закон, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Кому верить — Михнюку или Ведниковой? Внутреннее убеждение говорило: Ведниковой. Но оно «не основано» и вряд ли будет «основано».

«В случае, если противоречия устранить не представляется возможным, — всплыло в памяти другое правило, — следовательно вправе принять одни показания и отвергнуть другие, приведя убедительные мотивы этого». Но и мотивов нет. По-видимому, вряд ли удастся Вере Ведниковой получить свое скромное наследство.

Дело № 23385. Двухкомнатная стандартная квартира. Дорогой мебельный гарнитур, массивные обтянутые атласом стулья и кресла, которым в квартире явно тесно. Старые картины, скорее всего, подлинники, дорогой фарфор за стеклом в «стенке», масса дорогих безделушек. Все заставлено, и, кажется, нет уже никакой возможности втиснуть что-нибудь еще в квартиру Симониной.

Жена Симониной — полная флегматичная блондинка лет сорока, устроившись в глубоком кресле у телевизора, что-то вязала на спицах.

— Манюньчик, ку-ку, — игриво поздоровался, как заведено в этом доме, вернувшийся с работы Симонин.

— Ку-ку, — равнодушно ответила жена, не отрываясь от вязания.

— А что у меня есть, — заигрывающе просюсюкал Симонин.

— Что же у тебя есть? — в тон ему ответила жена.

— У меня копеечка есть.

— Ты моя прелесть! — отозвалась жена, считая петли.

Симонин полез в карман брюк, достал носовой платок, благоговейно развернул его и показал жене монетку.

— Эта копеечка, Манюньчик, называется «рублевый ефимок Алексея Михайловича».

— Кто такой Алексей Михайлович? — спросила жена без всякого интереса.

— Это царь наш бывший. Монетку отчеканил в одна тысяча шестьсот пятьдесят четвертом году, «ефимок с признаками».

— И что же там за признаки?

— Вот смотри: мужик в шубе и на лошадке, — показал монетку Симонин.

Жена мельком взглянула и вновь принялась за вязание.

— А у шубы-то, Манюньчик, одного рукава нет, забыл резчик рукав вырезать, схалтурил. И халтура эта сделала ефимок особо ценной монеткой. Представляешь?

— Ага, — отозвалась жена.

— Это и есть «признак». Этой копеечке цены нет, Манюньчик.

— Золото?

— Серебро. Но дело не в этом. Таких монеток уже почти не осталось на белом свете. А у меня, видишь, есть.

— Сережа, ты... сколько получаешь? — неожиданно поинтересовалась жена.

— В каком смысле? — опешил Симонин.

— В месяц.

— Манюньчик, я все тебе отдаю до копеечки, всю получку.

— У нас не конфискуют все это? — скучно спросила она.

— Господи, ну что за глупости ты говоришь! Как тебе не стыдно?

— А эти «копеечки», они дорогие?

— Они очень редкие и... красивые. Ах, Манюньчик, если бы ты знала, какие они красивые! — Симонин достал из ящика «стенки» картонную коробку с коллекционными монетами, сел в кресло, поставил коробку на пол перед собой и принялся трепетно разглядывать коллекцию.

— «Гангутский полуторарублевик», Манюнь. Смотри: Петр Первый — гро-озный, глаза выпучил. Хор-рош! Да-а, вот она, вечность. Мы умрем, а они останутся, они тысячу лет будут жить. Чудесно!

— Тебе-то что от этого? — ухмыльнулась жена.

— А я, Манюньчик, тоже останусь с ними жить. Хочешь, скажу, что придумал? Ну-ка вот, смотри, что на ребешке написано.

Жена оторвалась от вязания, чтобы угодить Симонину.

— Не вижу, мелко.

— Тут написано: «С. А. Симонин». Знаешь, как этот полуторарублевик будут после меня называть? «Гангутский полуторарублевик Симонина». И в каталогах так будет писаться. Все государство оставлю, музею. За такое дело, Манюньчик, и душу дьяволу не жалко продать. Это же национальное достояние! Его надо собрать, собрать по крохам, с миру по нитке. А кому собирать? Некому, Маша, некому. А мне вот, видишь, больше всех надо... Так хочется, Маша, оставить себя хоть в чем-нибудь. Ведь страшно подумать, что останется только прах и тлен и бесконечное космическое забвение... Вот те же тюльпаны взять: красиво, кажется, а что остается? Месяц сроку — и на свалку. Суета. В де-

тях бы остаться,
должений после
Жена прекрат

угол комнаты.
— Эс А Сим

пристроил, что
ли серьезно, то

Дело № 2356

взглядом кожан

изъял с места п

дывал с руки на

Лет двадцать

листике. Но суд

ковой и даже ск

он на место про

перчатки. В их

ке понюхать пер

нюхала, нюхала,

стояния, а когда

кинолог стал ра

здесь, — отчаянно

найдем, обязатель

когда собака тер

отдохнули и сам

расписывал нюха

что он и через не

И тут у Петр

ет на абсолютно

леновый пакет, ч

щется, проверить

На подозреваемо

но доказательств

дружников, пос

при понятых пак

секунд Джек сви

стро. Эффект б

сознался.

Петрушин офо

вие не было пред

ми, в обвинитель

доказательств. П

ние утвердил без

ли не играло, бы

нированные.

Суд осудил пр

говоре тоже сосл

из доказательств

уголовно-процессу

9*

нях бы остаться, да не дал бог... А ведь смысл жизни — в ее продолжении после смерти, хотя бы в виде памяти.

Жена прекратила вязание и застыла, уставившись куда-то в угол комнаты.

— Эс А Симонин, — произнесла врасстяжку. — Ты бы и меня пристроил, что ли: «Симонин с супругой», — предложила она то ли серьезно, то ли с сарказмом — не поймешь.

Дело № 23561. Складывая бумаги в сейф, Петрушин зацепил взглядом кожаные перчатки в полиэтиленовом пакете, который изъял с места происшествия. Взял в руки, повертел, поперекидывал с руки на руку и тяжело вздохнул: молодость вспомнил.

Лет двадцать назад сделал он большое открытие в криминалистике. Но судьба его оказалась неудачной — шумной, бестолковой и даже скандальной. Вот так же, как и в этот раз, выехал он на место происшествия и так же, как в этот раз, обнаружил перчатки. В их группе был тогда кинолог с собакой. Дали собаке понюхать перчатки и пустили по следу. Бежала она, бежала, нюхала, нюхала, загнала бедного кинолога до обморочного состояния, а когда уже казалось, что цель рядом, и полуживой кинолог стал расстегивать кобуру, след потеряла. «Здесь он, здесь, — отчаянно уверял молодой кинолог. — Давайте искать, найдем, обязательно найдем!» Но группа знала, что это такое, когда собака теряет след. Кинолога успокоили и дали отдохнуть, отдохнули и сами. Но, и успокоившись, кинолог не уговорился, расписывал нюхательные способности своего Джека, заверял, что он и через неделю разыщет негодяя.

И тут у Петрушина возникла идея (впрочем, он не настаивает на абсолютном приоритете): запечатать перчатки в полиэтиленовый пакет, чтобы «не выходил дух», а когда преступник сыщется, проверить собакино обоняние на практике. Так и сделали. На подозреваемого вышли только через месяц. Он все отрицал, но доказательства были. Пригласили пятерых добровольцев из дружинников, поставили их в ряд с подозреваемым, распечатали при понятых пакет и дали Джеку понюхать перчатки. Через пять секунд Джек свирепо облаял подозреваемого и вытащил его из строя. Эффект был таким очевидным, что тот тут же при всех сознался.

Петрушин оформил все это протоколом и, хотя такое действие не было предусмотрено никакими методиками и инструкциями, в обвинительном заключении сослался на него как на одно из доказательств. Прокурор сказал: «Мальчишество», но заключение утвердил без поправок. «Собачье» доказательство особой роли не играло, были и другие — проверенные, надежные, санкционированные.

Суд осудил преступника без каких-либо осложнений и в приговоре тоже сослался на факт собачьего облаивания как на одно из доказательств. Так самодеятельная акция Петрушина стала уголовно-процессуальным фактом и официальным прецедентом.

Новинка криминалистики попала на страницы юридической печати. Сначала оценки были осторожными — надо, мол, проверить, накопить эмпирический материал, а потом, по мере накопления, стали появляться все более восторженные отзывы. Молодые аспиранты рвали из рук друг друга эту тему, чтобы сделать открытие теперь уже в теории. О Петрушине вспоминали, но вскользь, как об авторе одного из опытов. Это было обидно, но ему говорили, что он еще молод для таких открытий, что у него еще все впереди.

А потом выступил авторитетнейший представитель уголовно-процессуальной науки и учинил открытию форменный разгром. «Как мы, серьезные люди, можем полагаться на нюх собаки в столь ответственном деле, как правосудие! Где доказательства, что собака обладает безошибочным нюхом? Есть ли у нас инструментарий, чтобы определять ошибки? Мы знаем, что так называемая «реакция облаивания» отрабатывается дрессировкой. Но где гарантия, что дрессировка была достаточной и квалифицированной? Где гарантии того, что собака будет всегда облаивать только по обонятельному признаку и никакому другому больше? Где гарантия того, что она не облает человека, будучи, например, напуганной его резким движением? Кто будет интерпретировать смысл «облаивания»?» В общем, вопросов было поставлено много, открытие закрыли, вспоминать о нем в приличном обществе стало признаком дурного тона.

Что ж, Петрушин и не набивался в открыватели, так получилось. Но внутренне ему было жаль расставаться со своим детищем. Обидно, что между восторгом и хулой у нас не бывает полутонов. Нет бы трезво разобраться, оценить разумные границы применения этого метода, именуемого сейчас словом «одорология». Ведь не обязательно его использовать как доказательство, можно использовать в розыскных целях, как обычно используют собак. Что тут порочного, если собака находит преступника не сразу, по горячему следу, а спустя какое-то время по законсервированному запаху? Принцип один и тот же.

Петрушин крутил в руках пакет с перчатками и не мог придумать им практического применения — ведь одорология была запрещена. «Пусть пока полежат, — вздохнул он, — а там видно будет».

— ...Ужасно обидно, — темпераментно сокрушалась свидетель Когтева, — в такой момент! Ведь все обещало пробуждение, воскрешение, а вышло — хуже не придумаешь. Леля буквально расцвела, я ее никогда не знала такой, она стала женщиной, чертовски обаятельной женщиной! В нее действительно можно было влюбиться! Она даже кокетничать научилась. У нее чудесные глаза, и она это узнала, наконец. Как же обидно! Кто же это животное, которое надругалось над Лелей в самый ее звездный час?!

— Вы давно ее знаете?

— Тысячу лет
но она ко мне
ненавязчивой, го
легко. В школе
Это ужасно! По
хающей: дела, а
Перезванивали
еще была жива
«дружба», по-м
получили второе
чаще бывать у
выхода из один
жила только св
чего кроме муз
по-нашему, по-б
кажется, она со
сядет в уголке
Долго может та
оказаться надое
метней, как баб

Да, так вот
ни фамилии, ни
ла, стеснялась с
поэтому мы в се
примерно с год
го выпили, и он
Анной Иванов
ний не было, пр
Ивановну надо
рес оставляет: п
ляли друг друга
же посылку с я
Ивановны, он б
читал в газете
А это как раз
Помянули Анн
уехал. Потом о
приездов сказа
С женой отнош
жет. Однажды
Леля сказала, ч
известно от не
— Когда вы
шин.

— Где-то в
шутила. Я так
этот раз Леля о
— А когда в

— Тысячу лет, еще со школы. Особенно близки мы не были, но она ко мне всегда тянулась. Леля была очень застенчивой, ненавязчивой, говорила мало, все больше слушала. С такими легко. В школе она была моим «оруженосцем». Была, была... Это ужасно! После школы наше общение пошло как-то по затухающей: дела, знаете ли, институт, новые знакомые, потом семья. Перезванивались, но виделись не часто. А года три назад, когда еще была жива Анна Ивановна, наши отношения — я не говорю «дружба», по-моему, этого не было, — наши отношения как бы получили второе дыхание. Леля опять ко мне потянулась, стала чаще бывать у меня дома, звонить. Чувствовалось, что она ищет выхода из одиночества. Анна Ивановна человек хороший, но она жила только своими интересами: музыка, музыка, музыка и ничего кроме музыки. Леля попроще, конечно, ей хотелось жить по-нашему, по-бабьи... Придет, поплачется, и легче станет. Мне кажется, она согревалась в нашей семье. Детишки играют, а она сядет в уголок, руки на коленках сложит и сидит, умиленная. Долго может так просидеть — тихо, как мышка. Она все боялась оказаться надоедливой, помешать нам, и старался быть незаметней, как бабушка из деревни.

Да, так вот самое главное. Был у нее мужчина. Я не знаю ни фамилии, ни имени, ни отчества — она никогда его не называла, стеснялась страшно. Знаю только, что был он из Запорожья, поэтому мы в семье называли его Запорожцем. Открылась Леля примерно с год назад. Был какой-то торжественный день, немного выпили, и она рассказала. Познакомились в Рузе, где они с Анной Ивановной отдыхали в доме отдыха. Никаких ухаживаний не было, просто сидели в столовой за одним столом. Анну Ивановну надо знать — парой слов перебросится — и она уже адрес оставляет: пишите, заходите. Оставила и ему адрес. Поздравляли друг друга с праздниками. Однажды Запорожец этот даже посылку с яблоками прислал. А потом, после смерти Анны Ивановны, он был проездом в Москве, позвонил, сказал, что прочитал в газете извещение о ее кончине, выразил соболезнование. А это как раз на сорок дней было. Ну, Леля его и пригласила. Помянули Анну Ивановну, посидели немного, и Запорожец уехал. Потом он не раз бывал у Лели, часто звонил. В один из приездов сказал, что она ему нравится, но у него есть семья. С женой отношения плохие, а решиться на разрыв пока не может. Однажды предложил жениться и уехать куда-нибудь, но Леля сказала, что из Москвы не уедет. Вот, собственно, что мне известно от нее.

— Когда вы встречались в последний раз? — спросил Петрушин.

— Где-то в середине июня. Она была оживленной, смеялась, шутила. Я так поняла, что с Запорожцем все нормально, но в этот раз Леля о нем ничего не сказала.

— А когда в последний раз звонили вы ей или она вам?

— Я хорошо запомнила последний разговор, это было числа девятого июля...

— Девятого? Вы не ошибаетесь? — взвился Петрушин.

— Восьмого-девятого, это точно.

— Ну продолжайте, — усмирил себя следователь.

— Я почему запомнила: у дочки была ангина, а к этому времени она пошла на поправку, стала вставать, смотрела телевизор. Я сама в отпуске находилась. Утром, часов в девять, позвонила Леле узнать, как она собирается проводить свой отпуск. Была мысль вместе пожить у нее на даче. Разговаривали долго, около часа.

— О чем?

— Так, по пустякам, как обычно. В конце я хотела ее о чем-то спросить или что-то сказать, но Леля вдруг прервала разговор и так быстро-быстро сказала: «Ты извини, ко мне сейчас должны прийти, мы договорились. Передай привет маме». Голос был оживленный. Во время этих слов я услышала какой-то звук из ее квартиры. Что это было — или голос, или радио, или что другое — не поняла.

— Может быть, звонок?

— Не знаю, может быть. Я хотела спросить Лелю, кто к ней пришел, но она положила трубку. У меня даже остался неприятный осадок от того, что Леля так внезапно прервала разговор. Я вошла в гостиную, мама и дочка смотрели телевизор. Я передала им привет от Лели. Да, помню, Танечка недовольно так отмахнулась: «Не мешай». Показывали, видно, что-то интересное, но я не запомнила.

— Постарайтесь вспомнить: кино, мультики, детская пере-
дача?

— Нет, не вспомню, совершенно выскочило.

— Может быть, еще какие-нибудь детали разговора запомнились, мелочь какая? Это очень важно.

— Да нет, больше вроде бы ничего...
Понимаю?

— Ну хорошо — решила Катя. — Подумайте, прошу вас, подумайте, — молил Петрушин.

— Ну хорошо, — решила Когтева. — Предложили мне на работе югославские босоножки — беленькие такие, с симпатичной пряжечкой. Шестьдесят рублей плюс десять — надбавка. Дороговато, конечно. Да не то слово, грабеж! Но хороши! Утром померила — как раз, тютелька в тютельку, точно по ноге, а вечером — маловаты. Жарко, нога отекает. Вот и обсуждали, что делать.

— Ну и?..

— Ну и?..

— Леля не советовала брать. Дороговато, сказала, для босоножек, можно и подешевле найти. Да еще и маловаты. Зачем, говорит, тебе мучиться за такие деньги. Ну вот и все, — несколько виновато и растерянно закончила свидетельница.

— Ну прямо и не спом. В

— Ну прямо и не знаю... Разве что это... Когда я позвонила Леле, та что-то жевала в трубку — «дозавтракиваю», сказала.

— Вот, вот, вот, — подбадривал Петрушин, — дальше.

— Все... Да, она еще запуталась и рассмеялась: «дозавтракиваю, дозавтракиваю»...

Петрушин отложил ручку и долго, долго смотрел сквозь Когтеву. А та ерзала на стуле, поправляя прическу, теребила сумочку и не знала, куда себя деть.

— Сколько вашей дочери лет? — прервал наконец молчание Петрушин.

— Десять скоро.

— Подходяще.

Таня передачу вспомнила, только не могла сказать, в какой это было день.

— Показывали «Освободительный фронт действует». Фильм был не наш, слова переводились и плохо было слышно, неразборчиво. Мама пошла звонить и приглушила звук, стало еще хуже. На самом интересном месте, там, где показывали про освобождение подпольщиков, где в букет с цветами спрятали автомат — мужчина пришел как будто с цветами, а там был автомат, — влетела в комнату мама, такая довольная, радостная, и сказала, что тетя Леля передает привет. Мы с бабушкой на нее зашикали в один голос: тут спасают, самое интересное, а она мешает...

Петрушин смотрел на Когтеву и ее дочь Таню с плохо скрываемым обожанием. Как только они ушли, он заметался в поисках программы телевидения. Пустяк, а когда нужно — не сразу найдешь. Фильм «Освободительный фронт действует» демонстрировался 5 июля, утром, с 9¹⁰ до 10¹⁵, то есть в день убийства Ведниковой. Эпизод освобождения подпольщиков, по справке Центрального телевидения, шел спустя 55 минут с момента начала фильма, то есть в 10 часов 5 минут.

Петрушин еще раз сделал раскладку. 9.00 — звонок Когтевой. Ведникова «дожевывает» завтрак (судебно-медицинская экспертиза: смерть Ведниковой наступила спустя 2—3 часа после приема пищи). 10 часов 5 минут — звонят в квартиру (?). Ведникова прерывает разговор с Когтевой. 11—12 часов — время убийства.

Жаль, что Когтева уезжала из Москвы, эти показания можно было бы получить значительно раньше.

В юстиции тоже есть своя эстетика. Свидетельства Когтевой, дополненные ее дочерью, были красивы и изящны. Не по форме своей, не по красноречию, не по логике даже — по информативной насыщенности и юридической содержательности в драгоценном сочетании с простодушной неосознанностью сказанного. Ни один оппонент не смог бы упрекнуть свидетельницу в предвзятости и лукавстве, потому что истинный смысл сказанного был скрыт от нее самой неизвестными ей обстоятельствами.

Дело № 23385. В кабинете Петрушина сидел Валерий Павлович Бартошевич — инспектор ОБХСС. На этот раз он был без белой кепки.

— Все втихомолку, втихомолку, — посетовал Петрушин.

— Работа такая... тихая, — оправдывался Бартошевич.

— Тихая-то тихая, но мне бы тоже хотелось кое-что знать, одно дело делаем. С угрозой у меня, между прочим, контакт получше. Ну ладно. Так что же там вырисовывается?

— Вырисовывается вот что. Усков скупает у населения луковицы тюльпанов. Скупает оптом, в массовых количествах, без разбора по сортам. Платит 10 копеек за луковицу — в общем по-божески. А сдает в магазин «Природа» общества охраны природы по 20 копеек. Магазин, в свою очередь, отправляет потребителям те же луковицы уже по 25 копеек. По преysкуранту № 70-09 это максимальная цена за высокодекоративные, трудноразмножаемые сорта тюльпанов. Фактическая цена поставляемой сортосмеси — 9—12 копеек. Таким образом, потребителя нагревают почти в два раза. 10 копеек с луковицы имеет Усков и компания, 5 копеек — «общество» и магазин в виде торговой прибыли. Цифры удобные, считать будет легко: пятью пять — двадцать пять и так далее.

— А почему же потребители соглашаются на такую цену?

— Так, поди их разбери, луковицы-то. Для этого специалисты нужны. А когда взойдет да расцветет буйным цветом, вроде и поздно скандалить, поезд ушел. Кроме того, полезно посмотреть, не пахнет ли тут взяткой: некоторые потребители уж слишком покладисты.

— Что ж, картина достаточно четкая, — сказал Петрушин. — А доказать сможем? Я имею в виду фактическую закупочную цену.

— Практически всю клиентуру Ускова я знаю, объездил лично. Адреса есть. Скрывать фактическую продажную стоимость им нет никакого резона.

— И сколько же времени эта коммерция продолжается?

— Около трех лет.

— Это же сотни, тысячи! И все так просто!

— Увы, к сожалению...

Дело № 23561. «На ваш К-2 Дом товарищества ВТО «Руза» сообщает: в указанный вами период времени из жителей г. Запорожья в Доме творчества отдыхал с 15 по 26 января 1973 г. только Черемных С. А., 3-я Центральная улица, д. 5, кв. 81, путевка № 224339.

С 17 по 28 января 1973 г. у нас отдыхали также Ланская-Грюнфельд А. И. и Ведникова Е. И., путевки № 224421 и № 224422».

...Учитывая, что в помещении Московской центральной международной станции могут находиться имеющие значение для дела перфолента междугородных телефонных разговоров с телефона Ведниковой Е. И., а также оплаченные и неоплаченные счета-квитанции, руководствуясь ст.ст. 167, 169—171 УПК РСФСР... произвести выемку указанных документов, поручив ее инспекто-

ру УР ГУВД
рушин». «Представл
которые велис
од с января по
9.03. Запо
вора 1 мин., ст
13.04. Запо
ра 9 мин., сто
26.05. Запо
вора 4 мин., ст
Все разго
1.07. Запо
вора 7 мин.,
спектор Крас

Итак, Чере
ная, дом 5, к
Ведникову сча
рано. Надо п
вестно, что пр
Правда, встае
вдруг это он?
ком? А если н
дозрений и тем

В таких сл
гаясь к цели,
дится рискова
самые надежн
приведшая к н
увы, легче пр
следователи п
ная чувствител
больно, другом

— Ты Сап

Петрушина к

— Допраш

— Судим с

ное хулиганст

немного, два

— А мне о

— Они ск

— Что за

— С этим

вор в нарсуде

картотеку.

— Отправ

— Не тя

ру УР ГУВД Мосгорисполкома Красину Л. С. Следователь Петрушин».

«Представляю копии машинограмм телефонных разговоров, которые велись с домашнего телефона Ведниковой Е. И. в период с января по июль 1977 г.

9.03. Запорожье, телефон 421-182, продолжительность разговора 1 мин., стоимостью 0-24 коп.

13.04. Запорожье, телефон 421-182, продолжительность разговора 9 мин., стоимость 2 руб. 30 коп.

26.05. Запорожье, телефон 421-182, продолжительность разговора 4 мин., стоимость 1 руб. 05 коп.

Все разговоры оплачены.

1.07. Запорожье, телефон 421-182, продолжительность разговора 7 мин., стоимость 1 руб. 80 коп. Разговор не оплачен. Инспектор Красин».

Итак, Черемных С. А., город Запорожье, улица 3-я Центральная, дом 5, квартира 81, телефон 421-182. Этот человек сделал Ведникову счастливой, и он же, возможно... Нет, вывод делать рано. Надо проверять, проверять, проверять. Сейчас, когда известно, что проверять, работать будет легче: есть определенность. Правда, встает вопрос: как проверять? Поехать допросить? А вдруг это он? Засуетится, уничтожит улики. Нагрянуть с обыском? А если не он? Любовь к женщине еще не основание для подозрений и тем более для обыска.

В таких случаях не обойтись без проблем. Можно, продвигаясь к цели, все переломать, как слон в посудной лавке. Приходится рисковать, маневрировать, выбирать варианты, подчас не самые надежные, а порой и чреватые провалом. Щепетильность, приведшая к неудаче, увы, не оправдание. Зато бесцеремонность, увы, легче приводит к успеху, и победителя, увы, не судят. Это следователи понимают, но все равно работают по-разному: разная чувствительность у людей... Одному нехорошо, когда кому-то больно, другому — ничего, терпимо.

— Ты Сапоговым не занимался еще? — поинтересовался у Петрушина капитан Красин.

— Допрашивал, а что?

— Судим он, этот Сапогов. 206-я, часть третья, — особо злостное хулиганство с попыткой применения оружия. Дали, правда, немного, два года. Видно, без последствий дело было.

— А мне он сказал, что не судим.

— Они скажут...

— Что за оружие, не знаешь?

— С этим разбирайся сам. Вот справка о судимости, приговор в нарсуде. Я что пришел. Ты бы отправил дактилопленки в картотеку.

— Отправляю, вот разгребу маленько и отправлю.

— Не тяни, отправляй.

— «Отправляй!» А что я буду делать, если вдруг срочно понадобится? Ведь если отправлять, то все сразу. А потом ищи-свищи? Ладно, отправлю. А ты давай пошустрей с Запорожцем.

— Даст бог, управлюсь и с ним. Давай с Саноговым сперва разберемся, он ближе.

— Все вместе надо, — вздохнул Петрушин, хорошо понимая, что все вместе нельзя, не получится, рук не хватит. — Фотокарточки раздал?

— Этим занимаемся.

— Смотри, как минимум Москву и область надо охватить.

— Да? Это как же ты себе представляешь?

— Я это никак себе не представляю, это ты представляй. У меня своих представлений хватает, — нервно парировал Петрушин.

— Хор-рош...

— Слушай, а может быть, уж заодно и Запорожье взять?

— Ничего себе «заодно»! — возмутился капитан.

— Пожалуй, я это тебе письменным поручением оформлю, чтоб без дураков, — пообещал Петрушин.

— Слушай, Петрушин, мы с тобой пока неплохо работаем. Может без бумажек обойдемся? Я ведь на твою бумажку сотню своих написать могу. Знаешь, как придавлю? Дело твое будет очень солидное, многотомное, только, извиняюсь, нераскрытое.

— Как и твое тоже, — огрызнулся Петрушин.

— Как и мое. Поэтому давай без этой, без канцелярии, — я ее не перевариваю, — последнее слово Красин любил оставлять за собой.

Бывшая жена Сапогова — Тамара Степановна, слесарь-ремонтник завода автотракторной аппаратуры, очень охотно и обстоятельно рассказала Петрушину о своей прежней жизни и попросила еще раз привлечь Сапогова к уголовной ответственности, поскольку выводов из прошлой отсидки он никаких не сделал. Петрушин писал сразу набело, так как рассказ был последовательным и хорошо ложился на бумагу. Чувствовалось, что свою семейную биографию Тамаре Степановне приходилось излагать не раз в следственных кабинетах: она ее подавала, как доказательство теоремы.

«С 1952 года живем в Москве. В первое время Сапогов не скандалил, а потом стал увлекаться спиртными напитками и скандалить, угрожать убийством. Осенью 1972 года, месяц точно не помню, пришел домой пьяным, выражался нецензурной бранью, схватил двуствольное ружье и замахнулся на меня прикладом, то есть хотел беспричинно ударить. Но попал в дверь и насквозь пробил фанеру, до сих пор видно. То место повреждения мы не стали ремонтировать, чтобы он не забывал, за что сидел. Ружье он держал всегда над кроватью на стене, со своей стороны, а патроны к ружью держал под подушкой. А еще он замахивался ударить меня ножницами в живот, но ножницы ото-

брали. Был при
бранью в мой ад
потом прокурор
ма. После тюрьмы
но приходит, как
ледный раз прих
дал, оскорблял
рил.

Раньше, прим
ется покупать ма
своей. Дочери Га
вклады: на одно
машину совсем
что скоро купит
ний раз скандал
типа «я тебе все
равно сидеть. «За
сказал: «Это теб
он безбожно, хи
себя невинным.
оскорблял меня,
горло, хватал за
ниться в милици
этому поводу н

Вопрос: каког

Ответ: костю
ку, кажется, 40-
располнел и раз
писано верно и м

Последние сл
подсказки — резу
ми органами.

Затребованны
подтвердил вино
минировала его

Дочери Сапо
ность собственн
го Сапогова, —
не могу». Скро
точно, чтобы д
гову. Выпить и
его интерес. Мо
ки, ценностные
имели у Сапого
если не сказате
тывал разочаро
таким человеко
бил активно фу

брали. Был при этом Сапогов пьяный и ругался нецензурной бранью в мой адрес. За это его сначала посадили на 15 суток, а потом прокурор отменил, и ему дали два года усиленного режима. После тюрьмы он ушел жить к Ведниковой, а к нам все равно приходит, как напьется. Требуется размена жилплощади. Последний раз приходил где-то неделю назад. Устроил пьяный скандал, оскорблял меня нецензурной бранью, но на этот раз не ударил.

Раньше, примерно с год назад, Сапогов говорил, что собирается покупать машину на паях с Ведниковой, сожительницей своей. Дочери Галине показывал даже сберкнижки. На них были вклады: на одной — тысяча, на другой — две. Он говорил, что на машину совсем немножко не хватает. На днях Сапогов сказал, что скоро купит машину. Дополняю: когда Сапогов последний раз скандалил, он говорил в мой адрес нецензурные слова типа «я тебе все равно кишки выпущу». Он сказал, что ему все равно сидеть. «За что? — спросила я. — Не аварию ли сделал?» Он сказал: «Это тебя не касается». Хочу сказать про него, что врет он безбожно, хитрый очень по характеру, но может выставить себя невинным. Дополняю: в прошлый раз Сапогов нецензурно оскорблял меня, как обычно (он без этого не может), душил за горло, хватал за телефонный провод, чтобы я не могла дозвониться в милицию. Но я все равно дозвонилась, однако мер по этому поводу не приняли.

Вопрос: какого размера покупал Сапогов одежду?

Ответ: костюм, как помню, 48-й или 50-й, 3-й рост, а рубашку, кажется, 40-го размера по воротнику. Уточняю: сейчас он располнел и размер, наверное, носит больший. С моих слов записано верно и мною прочитано. Сапогова».

Последние слова она написала самостоятельно и без всякой подсказки — результат прежнего опыта общения со следственными органами.

Затребованный Петрушиным текст приговора почти дословно подтвердил виновность Сапогова в деяниях, которые ему инкриминировала его бывшая жена Тамара Степановна.

Дочери Сапогова Гале, 12 лет, была представлена возможность собственноручно изложить свои показания. «Про отца своего Сапогова, — начала протокол Галя, — ничего хорошего сказать не могу». С скромного словарного запаса девочки оказалось достаточно, чтобы дать почти исчерпывающую характеристику Сапогову. Выпить и поизмываться над женой — вот, пожалуй, и весь его интерес. Мотивационная сфера, цели, побуждения, установки, ценностные ориентации и другие психологические параметры имели у Сапогова только эту направленность. Сапогов был прост, если не сказать примитивен. Психолог-любитель Петрушин испытывал разочарование. Ему очень бы не хотелось иметь дело с таким человеком, даже если это дело уголовное. Петрушин любил активно функционирующую личность, а здесь активно функ-

ционировал только организм. Но субъектов преступления не выбирают.

Итак, Сапогов. Что имеется «за» и что «против»? «За»: пьянство, дерзкий нрав, склонность к насилию с применением приклада, ножниц и других бьющих и колюще-режущих предметов. Свободный доступ в квартиру Ведниковой. Фантазии о покупке машины. «Против»: звонок в дверь и радостное возбуждение Ведниковой. «Ты извини, ко мне должны прийти», — сказала Леля быстро-быстро и прервала разговор. Нет, не Сапогова она ждала так нетерпеливо, не Сапогова...

Вдруг Петрушина как обожгло. Он в спешке собрал бумаги со стола и вышел на улицу. Двадцать минут шагал широким шагом до Среднего Каретного переулка. Здесь, у дома Ведниковой, он остановился, развернулся и направился, отсчитывая время и расстояние, к Оружейному переулку. Дом Веры Ведниковой и ее сожителя Сапогова находился от Среднего Каретного на расстоянии не более одного километра.

Итак: пол мужской, возраст 38 лет, знакомый по месту жительства, пьянство, антиобщественное поведение, судимость за хулиганство, живет в пределах одного километра от места происшествия. Полный типовой набор! Петрушин даже вспотел от волнения: ничего подобного не ожидал. К составленным кем-то схемам он всегда относился со здоровым скепсисом, предпочитая больше полагаться на то, что наработал сам. Жизнь по схемам не разложишь, она отчаянно сопротивляется всяким заранее установленным регламентам, все время норовит выскочить за пределы, которые мы так разумно определяем для нее. А здесь, поди ж ты! Впечатлительный Петрушин срочно отправил на проверку дактилоскопические пленки с отпечатками, изъятыми с места происшествия.

Машинограммы телефонной станции Запорожья показали, что Черемных звонил Ведниковой довольно часто, едва ли не каждую неделю. Последний звонок был вечером 4 июля.

«Сообщаем, что на авиалинии Запорожье — Москва курсируют два рейса: № 15-69 ежедневно (пассажирский), вылет из Запорожья в 7 часов 15 минут, и № 16-11 по понедельникам (грузо-пассажирский), вылет из Запорожья в 15 часов. Время в пути 1 час 35 минут».

«Докладываю, что в авиационной кассе Запорожья зарегистрирована продажа билета на 5 июля, рейс № 15-69 на имя Черемных С. А. В кассе аэропорта «Быково» (Москва) зарегистрирована продажа билета на имя Черемных на 6 июля — пассажирский на Запорожье, вылет по расписанию в 16 часов 35 минут».

К встрече с Сергеем Андреевичем Черемных, заместителем директора Дворца культуры «Днипро», надо было подготовиться. В Запорожье вылетел капитан Красин. Вскоре Петрушин получил телефонограмму: возраст 44 года, брюнет, среднего роста и телосложения, вторая группа крови, не судим.

Не судим —
Остается расчес
кованном и оп
Петрушин, ка
зу срочно, оче
общей очереди
биологов долго
мещений, кадро
вателей и так д
каких-то крупн
зи с этим прок
тиза — последн
венно, получен
Обнаруженн
ствовали второ
сились к этой ж
считывать на д
выведет его на
ланным.

Собственно,
ственное значе
доме? Так это
волоса, только
он, возможно,
ту поведении
по запретным
мен утраченной
верности. И во
пертиза. Во-пе
когда не повр
объективный,
хологический
кто решается
вранье все это
уважительно,

Вернувшийся
шина протоко

— Ты уж
ка Бельдейко
Женщина, мех
рожда недурн

Петрушин

венные дела н

— Послуш
ли переложил
своя работа

— Это осс
снять с нее эт

тики, это мо

Не судим — значит, отпечатки пальцев пока не используешь. Остается расческа и два волоса, ожидающие своего часа в упакованном и опечатанном виде.

Петрушин, как всегда, попросил биологов провести экспертизу срочно, очень срочно, но натолкнулся на холодное «в порядке общей очереди». Делать нечего, надо ехать самому. Начальник биологов долго рассказывал о своих проблемах, о нехватке помещений, кадров, реактивов, возмущался настырностью следовых каких-то крупных неприятностях, которые ждут его лично в связи с этим проклятым делом, говорил, что биологическая экспертиза — последний шанс и что-то еще. Разрешение было, естественно, получено.

Обнаруженные на расческе пото-жировые выделения соответствовали второй группе крови. Представленные два волоса относились к этой же группе и принадлежали мужчине-брюнету. Рассчитывать на двойную хромосому в генетическом коде, которая выведет его на дебила, Петрушин не стал и удовлетворился сделанным.

Собственно, расческа имела весьма ограниченное доказательственное значение. Что доказывать? Что Черемных был в этом доме? Так это и без того ясно. Ну был, ну забыл расческу и два волоса, только это было давно, а вовсе и не 5 июля. С тех пор он, возможно, успел раскаяться в легкомысленном не по возрасту поведении и уже не теряет больше остатки своей шевелюры по запретным квартирам. А новая расческа, приобретенная взамен утраченной, может быть, стала тайным символом семейной верности. И все же Петрушину нужна была биологическая экспертиза. Во-первых, запас карман не тянет и лишняя улика никогда не повредит. А во-вторых, заключение экспертизы как объективный, научно обоснованный документ — это хороший психологический козырь при допросе. Этот вид доказательства мало кто решается отвергать просто так, за здорово живешь — мол, вранье все это и знать ничего не знаю. К экспертизе относятся уважительно, потому что — наука.

Вернувшийся из Запорожья Красин положил на стол Петрушина протокол допроса.

— Ты уж извини, допросил без твоего разрешения. Гражданка Бельдейко Серафима Юрьевна, буфетчица кафе «Ветерок». Женщина, между прочим, роковая, каких мало. У твоего Запорожца недурный вкус.

Петрушин всегда ревниво следил за тем, чтобы в его следственные дела никто не вступал без особого на то указания.

— Послушай, Красин, ты меня несколько не обременишь, если переложешь допросы на мои плечи. У тебя, я знаю, какая-то своя работа имеется.

— Это особый случай. Я нашел Бельдейко, и я должен был снять с нее эти, как их, показания. Ты вроде любишь характеристики, это мой маленький презент.

Петрушин взял протокол.

«С Черемных Сергеем Андреевичем я познакомилась в феврале 1977 года. Раньше несколько раз встречала его у себя в кафе, каждый раз он говорил, что ему меня приятно видеть и, если понадобится что-то, например билеты на концерт, я могу обратиться в любое время. В феврале во Дворце культуры, где работает Черемных, был концерт ансамбля «Желтые ромашки». Билеты оказалось достать очень трудно, и я обратилась к Черемныху, попросила два билета. Меня тогда удивил его разговор: он сказал, что сегодня ревновать не будет, но впредь ему бы хотелось, чтобы я заказывала только один билет. На концерт я пришла одна, так как подруга внезапно заболела. Он подсел ко мне, а после концерта сказал, что проводить не сможет, очень занят, но постарается встретить меня с работы. На следующий день он встретил меня в 7 часов вечера, проводил домой. Дома рассказал о своем детстве, о семье, о том, что с женой у него неурядицы. Потом сказал, что я ему давно нравлюсь и он хочет, чтобы я была с ним. Своим поведением, своими такими разговорами он очень расположил меня к себе. Я подумала: какой человек, сколько испытал в жизни и смог остаться таким порядочным! Каждый день он встречал меня с работы, провожал, говорил о своих чувствах ко мне. На 8 Марта он подарил мне маленькую сумочку. Больше никогда никаких подарков не делал. Встречались почти каждый день. Он говорил, что очень любит меня, что с женой уже давно не живет, что она за всю свою жизнь не прочитала ни одной книжки и что вообще они с женой разные люди. Говорил, что дочь Катя — очень больной человек, что она его любит и уход из семьи станет для нее трагедией. Но пообещал, что летом все же разведется, женится на мне и мы уедем в другой город: или Омск, или еще куда-нибудь. Он даже собирался занять у брата деньги на переезд. В апреле он сказал, что хочет поехать со мной в отпуск. Я сначала не соглашалась, говорила, что мне надо отдохнуть одной, но он настаивал, твердил об этом каждый день. По его настоянию и инициативе я взяла путевки на теплоход «Абхазия», и в конце мая мы с ним отправились в круиз. Проплавали десять дней, а потом сняли в Ялте комнату. Вернулись в Запорожье 22 июня. До 26 июня побыли с ним у меня на даче. На ваш вопрос отвечаю, что о своих знакомых в Москве он мне ничего не рассказывал. 4 июля я позвонила ему на работу и сказала, что у меня неприятности и что мне надо срочно с ним встретиться. Он ответил, что собирается в командировку в Москву. 7 июля он позвонил, сказал, что командировку отменили, и вечером мы с ним встретились. По существу заданных вопросов больше пояснить ничего не могу».

Петрушин побарабанил пальцем по столу.

— Значит, теперь надо полагать, что с обыском у Черемных ничего не выйдет, она все ему рассказала...

— Нет, не должна, — успокоил Красин. — Они на днях кошмарно поругались, обсуждая судьбу их будущей крошки. Я не

стал лезть в детали данка Бельдейко, не желает. Похоже кол допроса Бельдинах, чтобы не со детельница вела воды.

— Не спросил, понедельник, когда рушин.

— Эх, Петрушин, что ком состоянии, что состоянии. Ты пони и еще один от позд

— Фотокарточка

— Занимаемся,

посвящать следоват да туманом, время из которых явствов что-то такое, от че а потом сильно-сил случае миновало у приходило.

Однажды капит раньше. Посидел токолы.

— Ты знаешь, — недавно две с поло нравится?

— Когда имен

— Где-то в м

— Откуда знае информации, чтобы

— Вот это ли плетень Красин. —

ся только я да еш вот, слушай даль

которые дал ему тотализатор хотел

серый в яблоках

— Он что, иг вал.

— Да как тебе

— Послушай, Петрушин, — их уж

— Бог любит

— Ты-то уж, кто у тебя там зна

— Не шепну.

стал лезть в детали — дело, сам понимаешь, семейное, — но гражданка Бельдейко сказала, что видеть этого обманщика больше не желает. Похоже, что Черемных это вполне устроило. Протоколов допроса Бельдейко я постарался составить в нейтральных деталях, чтобы не создалось впечатление предвзятости, но своды.

— Не спросил, в каком состоянии был Черемных 7 июля, в понедельник, когда вернулся из Москвы? — поинтересовался Петрушин.

— Эх, Петрушин, какое там состояние! Она сама была в таком состоянии, что могла говорить исключительно об этом самом состоянии. Ты понимаешь, что такое двое детей от первого брака и еще один от поздней, зато светлой любви?

— Фотокарточки в Запорожье раздал?

— Занимаемся, — уклончиво ответил Красин. Он не любил посвящать следователя в детали. Свою работу обволакивал всегда туманом, время от времени делал многозначительные намеки, из которых явствовало, что все «на мази» и вот-вот произойдет что-то такое, от чего сердце Петрушина сначала сладко заносит, а потом сильно-сильно заколотится от восторга. Но в данном случае миновало уже полтора месяца, а обещанное состояние не приходило.

Однажды капитан Красин заявился к Петрушину с утра пораньше. Посидел в молчании, покурил, полистал, не читая, протоколы.

— Ты знаешь, — прервал он наконец молчание, — Михнюк недавно две с половиной тысячи на бегах просадил. Как тебе это нравится?

— Когда именно? — насторожился Петрушин.

— Где-то в мае.

— Откуда знаешь? — следователю вынь да положь источник информации, чтобы его можно было запротоколировать.

— Вот это лишнее, этого не надо, — начал наводить тень на плетень Красин. — Тотализатор — вещь хитрая, в ней разбираются только я да еще несколько человек. Ты этого не поймешь. Так вот, слушай дальше. Михнюк проиграл две с половиной тысячи, которые дал ему тесть на жилищный кооператив. Видимо, через тотализатор хотел получить трехкомнатную, но промахнулся, его серый в яблоках пришел последним.

— Он что, играл постоянно?

— Да как тебе сказать... Не так чтобы постоянно, но поигрывал.

— Послушай, капитан, — после долгой тяжелой паузы сказал Петрушин, — их уже стало трое, не хватит ли?

— Бог любит троицу, — легкомысленно заметил Красин.

— Ты-то уж, небось, отчитался — такой выбор! Шепнул бы, кто у тебя там значится по отчету.

— Не шепну.

— К сожалению, — вздохнул Петрушин, — при таком раскладе у нас нет гарантий в том, что не появится кто-нибудь еще, четвертый.

— Нет, троих достаточно, — решил Красин.

Дело № 23385. Накануне Симонину снился страшный сон. Снился день рождения. Домой приходили незнакомые люди и дарили цветы, роскошные цветы с дурманящим ароматом. Люди приходили, оставляли цветы и уходили, приходили и уходили, приходили и уходили... На столе, креслах, стульях, серванте, софе, диване — всюду лежали горы цветов, а люди все приходили и уходили, приходили и уходили. И вот уже цветами завален весь пол. Он, Симонин, стоит в цветах уже по колено... уже по пояс... уже по грудь, а люди все приходят и уходят — радостные, улыбающиеся. Вот уже и дышать нечем, он рвет на себе рубаху, пытается выбраться из-под цветов, открыть окно, но никак не может. Он кричит, зовет на помощь, но голоса не слышно — голос вязнет, пропадает, теряется. Разбудила его жена. Потом уже, утром, он понял причину своего сна: жена положила в белье сверхмеры ароматизированных бумажных листиков. Они хоть и импортные, хоть и пахнут тонко и изысканно, но требуют дозирования.

Возвращаясь с работы, Симонин уже в подъезде почувствовал что-то неладное, какую-то тревогу. Дверь его квартиры оказалась распахнутой. В квартире были четверо работников милиции и какие-то люди. Симонин растерялся, но быстро взял себя в руки.

— По какому праву?! — возгласил он с ложным пафосом.

Работники милиции оставили свои дела и повернулись в недоумении к Симонину.

— Это мой муж, — объяснила им законная половина, а затем весьма невозмутимо сообщила. — Сережа, нас обокрали.

Симонин obeжал глазами обстановку, расслабился и несколько виновато спросил:

— Что украли?

— Твою коллекцию, — ответила жена.

Симонин потрясенно застыл, затем рванулся к «стенке», распахнул дверцы ящика. Пусто. Ноги его ослабли. Симонин опустился на пол.

— Что, ценная коллекция? — участливо спросил капитан милиции.

Симонин не отреагировал, вместо него ответила жена:

— Очень ценная. Ефимка с этим... с признаками.

— Какие признаки, опишите, — деловито попросил капитан.

— Прекрати, Маша, — приходя в себя, процедил Симонин.

— Будем искать, — пообещал капитан не очень уверенно. — Вы нам опишите поподробнее монеты, признаки, чтобы легче было.

— Они все подписаны «Симонин», — опять встряла жена.
— Маша! — с досадой оборвал Симонин. — Пустое... Что упало, то пропало. Ничего особенного... Так, увлечение, — произнес он с придыханием.

Жена удивленно поглядела на Симонина, вроде бы опять намеревалась встрять, но не решилась.

Дело № 23561. Секретарша вручила Петрушину пакет, который он ждал с нетерпением.

«...Изучением следа, обнаруженного на внешней поверхности крышки ящика-сейфа при опылении восстановленным железом в смеси с сажей и откопированного на светлую дактилопленку, установлено: в следе отобразилась центральная часть завиткового папиллярного узора, внутренний рисунок которого имеет вид петли-спирали. Потоки папиллярных линий направлены по ходу часовой стрелки. В следе отобразилось достаточное количество мелких признаков, что позволяет признать его пригодным для установления личности...»

Переведя дух, Петрушин с опаской и надеждой принялся читать дальше.

«...Сравнительным исследованием установлены совпадения как по общим, так и по мелким признакам, которые в своей совокупности индивидуальны и дают основания для вывода о том, что след участка ладони на лицевой части крышки ящика-сейфа оставлен ульнарным участком кожного покрова ладони левой руки Сапогова».

Петрушин облегченно вздохнул и расслабился: «Это уже что-то, с этим надо считаться. Но главное впереди, на следующей странице акта».

«...В представленном фрагменте следа, обнаруженного на внутренней поверхности крышки ящика-сейфа, папиллярные линии проходят двумя потоками. В левом потоке они образуют сложный рисунок в виде петли, у которой ножки направлены влево. В правом потоке папиллярные линии проходят снизу вверх, вертикально. Оба потока образуют у основания фигуру в виде дельты...»

Изучать «потоки» и их «основания» у Петрушина не хватило терпения, и он, перевернув страницу, заглянул в конец.

«...В результате раздельного сравнительного исследования установлен ряд совпадающих признаков фрагмента следа, оставленного на внутренней поверхности крышки ящика-сейфа, с оттиском ладонной поверхности правой руки Сапогова. Однако совокупности этих признаков недостаточно для идентификации личности».

Эти заключительные строки нельзя было читать без глубокого разочарования, и следователь испытал его. Он потерял верную улику. След, обнаруженный на внешней поверхности крышки, говорил лишь о том, что Сапогов прикасался к ящику, и не более

того. Этот факт можно использовать в психологических целях, но сделать из него доказательство вряд ли возможно. Внешняя поверхность заветного ящика не являлась для Сапогова запретным местом — запретным были его внутренности. А здесь вышла осечка. Поскольку на самого Сапогова изливать досаду не имело смысла, а на кого-то излить надо было обязательно, Петрушин излил ее на эксперта-перестраховщика, который испортил ему улику. «Совокупности недостаточно», — раздраженно повторял он про себя. — А кто определяет эту достаточность? Сколько нужно совпадений этих завитков и петель с раскоряченными в разные стороны ножками, чтобы было достаточно, — шесть, восемь, десять?»

Петрушин не сомневался в том, что след оставлен Сапоговым. Достаточно положить рядом фотоснимки, и их идентичность определится невооруженным взглядом. А если этого мало, можно наложить друг на дружку негативы и посмотреть на свет — линии совместятся, как защитная сетка на денежных купюрах. Да, это один след.

Но слава богу, что вопросы эти решает все же эксперт, а не следователь. Эксперту ровным счетом все равно, раскроет Петрушин это преступление или нет, — он за следствие не отвечает. Это один из немногих случаев, когда ведомственность, межучрежденческие барьеры и рогатки приносят обществу пользу. Эксперт должен отвечать и отвечает только за качество своей экспертизы. И пусть не один Петрушин, но и сам Сапогов клятвенно заверяет, что след принадлежит ему и никому другому, эксперт повторит свое заключение: «Совокупности признаков недостаточно».

Показав эксперту кукиш в кармане и сняв таким простым, проверенным способом раздражение, Петрушин стал прикидывать, можно ли использовать как-либо и этот ущербный отпечаток.

«Вызвать на допрос Сапогова и показать ему экспертизу следа на внешней поверхности крышки. Будет заметная растерянность, нервное дрожание нижней губы, вероятен синдром кататонического ступора. Затем, после мучительной паузы, возможны два варианта. Вариант номер один: тело Сапогова обмякает, лоб покрывается испариной, он просит воды, а затем охрипшим от пережитого голосом объявляет о своем чистосердечном раскаянии в содеянном и выражает желание тут же показать, где зарыты награбленные сокровища. Вариант номер два: Сапогов обмякает, лоб покрывается испариной. Неуверенным хриплым от пережитого голосом он делает заявление: «Ничего не знаю и знать не хочу. Отпечаток мой, но я оставил его тогда, когда по просьбе свояченицы Лели передвигал ящик, чтобы вынести из угла мусор и снять паутину». Хорошо, предположим. Я соглашусь и медленно достаю две другие фотокарточки. «Взгляните сюда, Сапогов, — говорю я. — Вот это — дактилоскопический отпечаток вашей ладони, зафиксированный несколько лет назад во время вынужденной процедуры ареста за особо злостное хули-

ганство, сопряженный с отпечатком (я обнаруженный... I внутренней... цифрами совпадения стресса жить повторно до будет конче

Но, увлекшись версиями. «А чаток действительное совпаде

«...Повреждение характера пред был относитель

Петрушин медицинского дотошностью, ум, анализировать их скрытый смысл. Но скрытое сказать.

Орудие было мая потребностью казалось, что лось само собой ромбовидный стараясь пред кой странной крывал глаза, цвете и форме знакома, он м коулки памяти работе, и на предмет». Нак вился на мест ковой. Рылся все углы, вым вать бумагу р комбинациями никало. Что ж мышлял Петру дитель автобу еще из автом сего путного турного работ

ганство, сопряженное с попыткой применения оружия. А это — отпечаток (я не буду говорить «ваш», пусть он сам это скажет), обнаруженный на внутренней поверхности крышки. Понимаете — внутренней... Посмотрите внимательно, здесь отмечены красными цифрами совпадающие признаки». Сможет ли Сапогов после первого стресса и наступившего вслед за ним расслабления пережить повторное потрясение, еще более кошмарное? Вряд ли. Дело будет кончено за полчаса».

Но, увлекшись, Петрушин выпустил из памяти две оставшиеся версии. «А вдруг этот непригодный для идентификации отпечаток действительно не Сапогова, вдруг это случайное, маловероятное совпадение?»

«...Повреждение имеет ромбовидную форму. Установить вес ранящего предмета не представляется возможным, однако, исходя из характера повреждения, можно полагать, что вес предмета был относительно небольшим, предмет не был массивным».

Петрушин многократно возвращался к этим строкам судебно-медицинского заключения, вчитывался, вгрызался в них со всей дотошностью, на какую был способен изощренный следственный ум, анализировал каждое слово, будто надеялся, расшифровав их скрытый смысл, получить зримый образ орудия преступления. Но скрытого смысла не было, эксперт сказал все, что мог сказать.

Орудие было необходимо. Сейчас, когда возникла неотвратимая потребность проверки трех версий одновременно, Петрушину казалось, что знай он орудие преступления — все бы образовалось само собой. «Ромбовидный предмет, ромбовидный предмет, ромбовидный предмет», — по многу раз повторял следователь, стараясь представить себе, что же за предмет скрывается за такой странной формой. Порой ему даже что-то виделось, и он закрывал глаза, чтобы сосредоточиться и поймать это «что-то» в цвете и форме. Его не покидало ощущение, что вещь эта ему знакома, он может и должен вспомнить ее, если проникнет в закоулки памяти. Это превращалось в навязчивое состояние. И на работе, и на улице, и дома он искал взглядом «ромбовидный предмет». Наконец, не выдержав, взял понятых и вновь отправился на место происшествия — в опечатанную квартиру Ведниковой. Рылся на кухне в посуде, перетряхнул кладовку, обыскал все углы, вымел из-под ванны. Ничего. Петрушин стал исчерчивать бумагу ромбами, изрисовывать ее всякими трехмерными комбинациями, но ничего реального, узнаваемого из этого не возникало. Что же за монстр такой в мире вещей объявился? — размышлял Петрушин. — Стоп! — вдруг осенило его. — Сапогов — водитель автобуса, значит это может быть деталью либо чем-то еще из автомобильной оснастки». Он отправился в автопарк, беседовал со слесарями, общупал все собственными руками — ничего путного опять не вышло. Для вокалиста Михнюка и культового работника Черемных Петрушин тем более ничего не

смог придумать в смысле их профессиональной оснастки твердыми ромбовидными предметами.

Капитан Красин и коллеги Петрушина оказались бессильными назвать хотя бы один предмет с такой возмутительно безобразной формой. Красин, не привыкший терять репутацию в любых ситуациях, в конце концов заключил: «Это ошибка эксперта. Бывает. Определить точную конфигурацию ранения на голове очень непросто. Эксперт переоценил свои возможности». Но эксперт с презрением отверг эти домыслы и просил передать Красину, чтобы он не морочил людям голову и не совал нос в чужую компетенцию. Эксперт-медик оказался человеком предусмотрительным.

— У меня сохранился образец кожной ткани из области раны, — сказал он Петрушину. — Может быть, попытаться провести экспертизу на предмет определения наличия микрочастиц наложения и их химической природы?

Петрушин ухватился за эту идею. Экспертиза была проведена. Она обнаружила на кожной ткани следы меди. Ромбовидный предмет был медным, однако следствию это пока ничего не прибавило. Петрушин решил плюнуть на этот дурной ромб, так как свет клином на нем не сошелся и помимо геометрии есть другие науки, которые готовы протянуть ему руку помощи.

Перед следователем сидел благообразный ухоженный старичок в застиранной сорочке и галстук-бабочке.

— Так с чего начнем? — спросил он, как бы предвкушая удовольствие. — С Ланской-Грюнфельд или с Михнюка.

— Как вам будет угодно, — любезно ответил Петрушин.

— Ну хорошо, начну с себя. Я, как вы знаете, вел вокал в Рязанском музыкальном училище. Сейчас на пенсии, но дело не бросил. Искусство — это праздник, который всегда с тобой, правильно сказано. Я сейчас, знаете ли, охочусь за голосами. Думаете, избирателей? Нет, за голосами певческими. Хожу по кружкам самодеятельности, по концертам и охочусь. Найду голос — и радость, и праздник. Потом хлопотать начинаю: как устроить, как не упустить дарование, дать дорогу. Это редкость, большая редкость — хороший голос. Вернее сказать, хороших голосов много, но ведь и хороший слух к нему нужен, а вот вместе — это уже редкость. Так порой бывает обидно: голос божественный, а слуха никакого. А еще обиднее, когда есть слух, но несовершенный. Бьешься, бьешься, чтобы сделать его музыкальным, а он все между нот, все вокруг да около.

Петрушин приготовился слушать долго. Старик заметил это и заторопился:

— Что это я сам вокруг да около. Все, все, перехожу к делу. Ланскую-Грюнфельд я знал с довоенных лет по совместным концертам. Да-да, я когда-то еще и пел... Последний раз виделись перед войной, больше не довелось. А Пашу Михнюка знаю как самого себя — это же бывший мой ученик. Правда, лет пять уже не встречались. Как уехал в Москву, забыл старика Наумова.

Он что-нибудь
Это ему не

— Нет-нет

— По хари

хочет, добьес

— Как э

— Я что

внимательны

готворила. Э

там ему буде

няла Пашу

ла, конечно,

время она п

бы!), писала

моему, по ра

зять?.. Не п

ги транжири

А это ему н

вый, выдержи

Свидетель

— Михню

ланта. Таков

Рязанскому

ны только д

перестает пр

ленно всяку

шения до те

Потом — все

старик учил

Как стал не

неискреннос

Бахвалился:

тивно. Его н

дупредитель

зять — это

Да ладно, х

тесь, но не

лению, это

приспособл

неспособны

— А уб

токола.

— Убит

знаю... Это

— А во

— Да н

драками н

— У ва

Он что-нибудь натворил? — испуганно встрепенулся Наумов. — Это ему не повредит?

— Нет-нет, ничего, — уклончиво успокоил Петрушин.

— По характеру Паша очень волевой человек: если чего захочет, добьется любыми путями.

— Как это любыми?

— Я что-то не так сказал? Извините... Паша очень умный, внимательный, уважительный. Анна Ивановна его буквально боготворила. Это же я его устроил к Ланской. Когда я понял, что там ему будет лучше, я написал ей и попросил, чтобы она приняла Пашу в свой класс. Анна Ивановна его прослушала и взяла, конечно, — у него же изумительный голос! Через некоторое время она прислала мне письмо, благодарила за ученика (еще бы!), писала, что Паша становится артистом. Женился он, по моему, по расчету. Ему очень хотелось в Москву. Ну что еще сказать?.. Не пьет, не курит. Парень, кажется, не жадный, но деньги транжирить не любит. Что еще?.. Хитроватый, самолюбивый. А это ему не повредит? Он очень уважительный, очень! Вежливый, выдержанный. Он добьется своего, у него для этого все есть. Свидетель Сытин оказался более определенным.

— Михнюк? Это девяносто процентов наглости и десять — таланта. Таково кредо его семьи, так учил его папа. Я знал его по Рязанскому музучилищу. Карьерист откровенный. Люди ему нужны только для того, чтобы подняться наверх. Как только человек перестает приносить ему пользу, Михнюк порывает с ним немедленно всякую связь. Со мной, например, он поддерживал отношения до тех пор, пока я аккомпанировал ему на фортепиано. Потом — все, как отрезало. С Наумовым та же история. Пока старик учил, помогал — а помогал он ему крепко — был нужен. Как стал ненужным, сразу же забыл. Опасный человек. Во всем неискренность, фальшь. Как-то встретились мы с ним в Рязани. Бахвалился: «Тут мне одна пташка кооператив строит...» Противно. Его надо знать, это оборотень. То — сама вежливость, предупредительность, весь сочится елеем, может на коленках поползать — это когда надо для дела. Не надо — и затоптать может. Да ладно, хватит... В общем я не знаю, почему вы им интересуетесь, но не удивлюсь, если Паша плохо кончит. Только, к сожалению, это редко бывает с такими людьми. Они умеют хорошо приспособляться к условиям среды обитания. Тип самый жизнеспособный, по Дарвину.

— А убить может? — жестко спросил Петрушин не для протокола.

— Убить? Ну вы даете! — испугался Сытин. — Это я не знаю... Это каким же надо быть... Да нет, Паша не может.

— А вот вы говорите, что затоптать может.

— Да нет, это я фигурально. Так-то он трусоватый парень, драками не увлекался. Его, бывало, били, он — никогда.

— У вас с ним, насколько я понял, отношения неприязненные?

— Очень неприязненные, не люблю его. Может быть, и наговорил чего лишнего. Так что прошу это учесть.

— Когда Паша Михнюк пришел к нам в кружок, — сообщила свидетельница Храмова, — все мы очень обрадовались: «Девочки, теперь хоть мужской дух почувствуем!» Паша был у нас единственным мужчиной. Но вскоре он нас разочаровал: вечно какой-то масляный, сюсюкающий. Ужасно любит целоваться, это просто стихийное бедствие. От его поцелуев мы не знали, куда деваться. Стали уже загодя предупреждать: «Паша, не подходи». Не помогало. Чуть зазеваешься — он уже тут как тут. Целовал что попадется: то ручку схватит, то в щечку чмокнет. Может стул поцеловать, шкаф, дверь. Да он, по-моему, всю мебель перецеловал, нежные чувства питал, можно сказать, ко всему — и органическому, и минеральному. Паша не пил, не курил и одеконился — с ума сойти! Наши надежды на «мужской дух» трагически разбились. Когда мы решительно отвергли его поцелуи, он всю свою радость жизни стал изливать на Анну Ивановну и Лелю. Им нравилось. Анна Ивановна, та была просто без ума от Паши, и Леле он нравился: милый, любезный дружок. В общем, не было у нас мужика и это не мужик. Мы его звали «нашей подружкой». Ну а как еще? Он был безобидным и глупым. А уж услужливый! В лепешку расшибется! Пол пропылесосит, пыль смахнет (заодно перецелует все портреты), за молоком сбегает. Анну Ивановну посвящал во все свои сокровенные тайны. Они часто уходили в другую комнату, шушукались. Первое время Паша ухаживал за Лелей, той это нравилось, и Анна Ивановна говорила, по-моему достаточно серьезно, что Паша с Лелей — хорошая пара. А потом вдруг Паша сделал предложение Оле Лепешкиной. Оля была вне себя: это же видно невооруженным глазом, что Паше нужна московская прописка. Да и вообще, выйти замуж за такого милочку? Брр... Впрочем, Паша простой, общительный, веселый парень. Кому-то и он может понравиться... Через год он действительно женился — на Свете Тарасовой, которая иногда бывала у Анны Ивановны. Девочка умная, волевая, но со скромными внешними данными. Красавец Паша, почти народный артист — и Света. Ну ладно, это их дело. Живут, кажется, неплохо, но он ее обманывает, это я знаю.

— Откуда?

— Не скажу, секрет.

— Были ли у Михнюка с Анной Ивановной какие-либо отношения материального характера?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, может быть, деньги брал взаймы.

— У Анны Ивановны брал, у Лели — не знаю.

— А никаких недоразумений не возникало в связи с этим?

— Я не в курсе. Знаю, что однажды Паша был на гастролях с группой композитора Полетаева и там вышла неприятность. Пашу назначили бригадиром группы и материально ответственным лицом. Воспользовавшись тем, что Полетаев очень плохо ви-

дит, Паша взял у
100 рублей, по-мо
в органы, но Пац
последнее время
ему желаемого и
кой-нибудь адми
него, здесь он м
сать пение: поющ
ния. К моему сове

— Послушай,
ративником Петр
цами, меня это у

— Выбрось М
— Двое — это
он мне интересе
Михнюка, — пок

— Что значи
на что намекае
маюсь.

— Я что-то
Петрушин.

— А за Сап
уешь? У меня,
что они тоже
истории.

— С этими

— Что поня
брать Сапогова
лигентские слю

— А Черем

— И его

— Как, сра

— Там раз

садим, перед

стояние нетер

стоим посреди

ности выбрать

ребят — снова

как ты будеш

во? Меня мам

раз с тобой в

ный стол, буд

— капита

то промолви

Красин за

— Есть и

Ты, я знаю,

кавицы, пора

дид, Паша взял у него печать и обманным путем получил аванс — 100 рублей, по-моему. Когда Полетаев узнал, хотел даже заявить в органы, но Паша упросил не делать этого. Скандал замяли. В последнее время Паша стал поговаривать, что пение не приносит ему желаемого и он подумывает сменить амплуа, заняться какой-нибудь административной работой. Думаю, это как раз для него, здесь он может развернуться. Я ему посоветовала не бросать пение: поющий администратор и в вокале добьется признания. К моему совету он отнесся вполне серьезно.

— Послушай, Красин, — сказал при очередной встрече с оперативником Петрушин, — я не могу гнаться сразу за тремя зайцами, меня это угнетает. Надо что-то делать.

— Выбрось Михнюка — останутся двое, — посоветовал Красин.

— Двое — это тоже много. А Михнюка я не могу выбросить, он мне интересен и антипатичен. Капитан, найди что-нибудь на Михнюка, — покорно, без гордыни попросил Петрушин.

— Что значит «найди»? — деланно возмутился Красин. — Ты на что намекаешь?! Я девушка честная и этим делом не занимаюсь.

— Я что-то чувствую за Михнюком, — уныло продолжал Петрушин.

— А за Сапоговым с Черемных ты, часом, ничего не чувствуешь? У меня, например, зарождаются смутные предположения, что они тоже могут иметь некоторое касательство к данной истории.

— С этими проще, понятнее...

— Что понятнее, что понятнее! — взорвался Красин. — Надо брать Сапогова и не размазывать по бланкам протоколов интеллигентские слюни. Хватит в конце концов играть в жмурки!

— А Черемных? — спросил Петрушин.

— И его тоже.

— Как, сразу двоих? Ты считаешь, что они соучастники?

— Там разберемся. Надо брать и делать обыски. Одного посадим, перед другим извинимся, и дело кончено. Нынешнее состояние нетерпимо. Мы сейчас в положении буридановых ослов: стоим посреди трех стогов сена и подышаем с голоду от неспособности выбрать и действовать. А если завтра кто-нибудь из этих ребят — снова ромбовидным предметом по темени? Перед кем и как ты будешь извиняться? Этика-эстетика? Нравственное чувство? Меня мама так учила? Я хотел быть хорошим? Чтоб я еще раз с тобой в паре работал — дудки! Пусть переводят в паспортный стол, буду прописки оформлять.

— Капитан, дай мне что-нибудь на Михнюка, — опять виновато промолвил Петрушин.

Красин замер с открытым ртом. Помолчали. Покурили.

— Есть идея, советник, — заговорщически сообщил Красин. — Ты, я знаю, пионер в области одорологии. Вынимай из сейфа рукавицы, пора. Мы этих троих «обнюхаем» буквально за минуту и

никому ничего не скажем. Я все беру на себя. Для оперативных целей одорологию никто не запрещал.

— Кончай фантазии, — кисло отреагировал Петрушин. — Я стар для таких авантур, я о душе уже подумываю. Известный тебе турецкоподданный завещал чтить уголовный кодекс, а я завещаю чтить уголовно-процессуальный: так спокойнее, бессонница не мучит. Да и, не скрою, пенсию хочу получить, а до нее надо дослужиться.

— Какой-то ты стал вялый, Вова, вялый, рассудительный и неинтересный. Ты стал бояться рисковать, ты покрываешься академической плесенью.

— Мудреем, — вздохнул Петрушин. — Я, знаешь ли, понял, что заканчивать дела можно и без особого риска, а месяцем раньше, месяцем позже — в этом ли суть? Героем, кстати, я никогда и не был. Я по натуре добрый, мягкий и домашний человек — так мне говорит мама. В молодости это проявлялось не очень заметно, а сейчас, с годами, мне все больше неприятно, когда люди обо мне плохо думают, пусть даже и плохие люди. Правильно, я хочу быть хорошим. Я не разделяю заповедь о непротивлении, но и «противление» до оголтелости — это тоже не заповедь.

Дело № 23385. Бурдин с портфелем решительно шагал по улице, решимость читалась и в глазах его. Зашел в сберкасса, взял бланк ордера, но неожиданно заметил Ускова. Тот сидел спиной к Бурдину и старательно заполнял ордер. Николай Семенович замер с бланком в руке, решимость сменилась смятением. Осторожно развернувшись, он почти на цыпочках вышел на улицу и поспешно удалился. Завернув в ближайший переулок, Бурдин сбавил шаг, а потом и вовсе остановился. Переждав минут пятнадцать, он вновь направился к той же сберкассе. Ускова уже не было.

Бурдин принялся внимательно изучать вывешенные на стенах объявления. Он явно что-то искал. Вот, кажется, нашел. Заполнил бланк и стал к окошечку контролера. Молодая блондинка по ту сторону окошка, бегло просмотрев ордер, округлила от удивления глаза. Потом, придя в себя, выглянула в окошко, внимательно рассмотрела клиента и быстро удалилась. Бурдин нервничал. Вскоре девушка-контролер возвратилась.

— Вот здесь, — указала она на бланке, — напишите свою фамилию, имя и отчество.

— А без этого нельзя? — справился Бурдин.

— Никак нельзя.

Бурдин достал ручку, постоял в сомнении, а затем, решившись, вписал фамилию и передал ордер в окошечко.

— В кассу, пожалуйста, — пригласила контролер.

Бурдин подошел к окошечку кассира, открыл портфель и вытряхнул на стойку кучу денег. Стоявшая сзади старушка застыла в изумлении. Бурдин достал портмоне и добавил к сданному

еще несколько купюр. Покончив с этим, он медленно развернулся и, сутулясь, вышел на улицу.

А через два дня секретарша доложила Бурдину, что в приемной его дожидается корреспондент.

— Николай Семенович, — бойко начал он, — нам сообщили, что вы перевели в Фонд мира крупную сумму своих сбережений. Мы бы хотели подготовить материал...

— Зачем? Не надо! Не выдумывайте! — испуганно запротестовал Бурдин осипшим от волнения голосом. — Ну сдал и сдал...

— Николай Семенович, — деликатно прервал корреспондент, — я понимаю — скромность... Но ведь нужен, нужен такой материал, не мне вам объяснять.

— Зачем трубить, зачем обязательно трубить? — с мольбой в голосе возражал Бурдин. — Неужели мы не можем без этого!?

— Сегодня мы уже дали небольшую информацию...

— Где, что дали?

— В «Вечерке». Так что факт уже стал достоянием, как говорится. Теперь-то чего скрывать. Знаете что? Не буду вас пытаться, напишу все сам, только согласую некоторые моменты. Вы участник войны?

— Да.

— Видели ужасы, кровь, разрушения?

— Да.

— Это не должно повториться...

— Да.

— Все понятно, не волнуйтесь, простите, ради бога, больше не буду.

— Не надо этого, прошу вас, — еще раз безнадежно и устало попросил Бурдин.

— Все, ухожу, ухожу. До свидания.

— Господи, да что же это такое! — прошептал Бурдин в отчаянии.

В кабинет ворвался Симонин с газетой.

— «Патриотический поступок», — процитировал он язвительно и бросил газету на стол Бурдина. — Неплохая афиша для проворовавшегося председателя. Как это понять, Николай Семенович?

— Замолчите и подите вон! — истерически взорвался Бурдин. — Я не обязан отчитываться перед вами в своих поступках!

Симонин сменил тон:

— Успокойтесь, давайте объяснимся. Как это понимать все же, Николай Семенович?

— Так! Я оставляю за собой право распорядиться своей ворованной долей по своему усмотрению. Понятно?

— Но вы же подставляете не только себя...

— Мне плевать на себя и тем более на вас!

— Это несерьезно.

— Это серьезно, — неожиданно спокойно сказал Бурдин. — Я

больше не могу, не в состоянии. Когда-то это должно было кончиться, вот и пусть кончится сегодня.

— Ничего не понимаю, — Симонин нервно пожал плечами.

— Мне не нужны деньги, не нужны, не нужны, вот и все.

— Готовите себе реабилитацию, понятно. Ну что ж, неплохо придумано. Трогательно, весьма, весьма. Бескорыстный жулик — хорошо, но уже было... Да поймите же вы наконец, что прокуратуре наплевать, как вы распорядитесь ворованными деньгами. Вы можете их пропить, можете зарыть, можете обратить на что-то весьма полезное — на борьбу с грызунами, например. Это ваше дело. Только ведь квалификация преступления от этого не изменится. Все останется по-прежнему, за исключением того, что вы лишаетесь возможности добровольно погасить ущерб от вашей преступной деятельности. Нечем! А ведь это очень, очень принимается во внимание. Ваша акция с прессой — это, извините, цинизм, от которого даже мне противно. До такого фарисейства я бы не додумался, честно говорю. Есть такие пределы, за которыми окончательно перестаешь себя уважать. Вы их преступили...

— Подите прочь, — сказал Бурдин устало и опустошенно.

Дело № 23561. «...За время учебы в школе показал вполне удовлетворительные знания и прекрасную дисциплину. Отличался честностью, вежливостью и трудолюбием. Принимал активное участие во всех мероприятиях, проводимых школой и городом. Был очень внимательным к товарищам».

«...В музыкальном училище зарекомендовал себя как добросовестный учащийся. Отличался работоспособностью, настойчивостью. Учился на «хорошо» и «отлично». Проявил организаторские способности, работал руководителем самодеятельного хора в ателье, откуда имел благодарность».

«...За время службы показал себя грамотным, дисциплинированным, трудолюбивым воином. В совершенстве овладел военной специальностью. Активно участвовал в солдатской художественной самодеятельности, создавал световые газеты. Пользовался авторитетом среди командиров и товарищей по службе. В работе проявлял хорошие организаторские способности и разумную инициативу».

Петрушин приступил к собиранию характеристик, хорошо, впрочем, сознавая, что из ста характеристик не сделаешь и одного доказательства, как из ста котов не сделаешь одного тигра.

...По характеру добрый. Старался помогать товарищам, когда им было плохо.

На деньги скуп, попусту не тратится, мечтает купить машину.

Скромн, тактичен, вежлив. Хотел попасть в Москву, в артистические круги. Искал себе невесту в Москве.

Человек положительный, не пьет, не курит.

Работником был не очень добросовестным, говорил, что работает временно и его ждет профессиональная сцена.

Самолюбив, общителен.

Любит
Спокое
Уравно
Человек
лив, преду
неискренно
Исполни
Сибари
Челове
Проявил
Мне по

ным.
Недобро
качества
ководителя
сказывания
Зарплат
ло доводил
вел себя
Жестоко
да ровный
Он был

старался у
Кто же
териала, те
Добрый —
ный — нерв
барит. И в
ствительно
принимал
считать, а

«А что,
привязался
личность с
Собираю м
душу, взве
пытаюсь об

Требуе
ловека. И
то должна
или не дол
нипулирова
ристик, ста
сочетаниях
слова оста
был, не о

Петруш
их до абсу
тин, с кот

Любит деньги, очень практичный человек.
Спокоен, выдержан, немного самолюбив.
Уравновешенный, деловой, в отношениях очень симпатичный.
Человек сложный: вспыльчив чрезвычайно, подчеркнуто вежлив, предупредителен, что иногда раздражало — чувствовалась неискренность. Энергичен, пробивной, обидчив.
Исполнительный, деятельный, но жадный.
Сибарит, работать не любит.
Человек нервный.
Проявил себя как хороший организатор, вежлив, тактичен.
Мне показался он добрым, но легкомысленным и слабовольным.

Недобросовестно относился к своим обязанностям, проявил качества приспособленца и риториста. Стараясь занять место руководителя клуба, выступал с неоправданными, порочащими высказываниями. Симпатией не пользовался.

Зарплатой в 104 рубля был недоволен. Много начинал, но мало доводил до конца. Был хорошим семьянином. С женщинами вел себя скромно.

Жестокости никогда в нем не замечала, всегда ласковый, всегда ровный.

Он был ласковый, добрый, отзывчивый, имел мягкий характер, старался услужить людям.

Кто же такой Михнюк? Чем больше Петрушин набирал материала, тем чаще приходилось ему задаваться этим вопросом. Добрый — жадный, выдержанный — вспыльчивый, уравновешенный — нервный, слабовольный — пробивной, трудолюбивый — сибарит. И все в одном лице. И зверь и ангел. А может быть, действительно достаточно такого: «Учился на «хорошо» и «отлично», принимал активное участие...» Это все можно подсчитать и высчитать, а «добрый — злой» — в каких баллах это измеришь?

«А что, собственно, мне надо от Михнюка, почему я к нему привязался? По-моему, я сам себе ищу сложностей. Я напал на личность с выраженной полярностью, и мне это просто интересно. Собираю материал на Михнюка, а заглядываю в собственную душу, взвешиваю на неверных весах, чего в ней больше, и тайно пытаюсь обмануть самого себя» — так думал Петрушин.

Требуется злодей, отъявленный негодяй, способный убить человека. И если его качества не проявляются во внешнем облике, то должна же проявиться его душа, черная, как сажа? Должна или не должна? Петрушин не мог ответить на этот вопрос. Он манипулировал оценочными понятиями, выписанными из характеристик, ставил их в различной последовательности и в различных сочетаниях, стараясь выявить возможную закономерность. Но слова оставались словами. Их действительный смысл, если он и был, не открывался.

Петрушин любил проверять свои суждения путем доведения их до абсурда. Это полезно напоминало об относительности истин, с которыми он имел дело, и помогало быть осторожным в

сценках и выводах. «А теперь другой вариант, — рассуждал он. — Чтобы понять Михнюка, я должен как минимум сходить с ним в разведку. Но тогда я перестану быть следователем и стану свидетелем, столь же ненадежным, как и те, с кем имею дело я. Бесконечная черед, ведущая в никуда. А может быть, достаточно просто посмотреть в глаза, последить за «играющими» пальцами, послушать модуляции голоса? Кто знает...»

Дело № 23385. Ужинали молча. Бурдин покашливал время от времени, поглядывал исподтишка на жену. Жена, хотя внутренне напряглась, нервничала, старалась этого не показать. Во всем чувствовалась невысказанность, взаимное ожидание объяснений, но никто не решался начать первым.

Ужин закончился. Супруги остались за столом. Молчание стало невыносимым. Жена сосредоточилась, набираясь решимости.

— Коля, откуда у тебя деньги? — спросила она дрожащим голосом, но как можно спокойнее.

— Какие деньги? — трусливо переспросил Бурдин, будто надеясь, что все еще образуется.

— Которые ты сдал в Фонд мира.

— Сонечка, прости меня, я запутался. Это... это не мои деньги, это... дурные деньги.

— Ты... взял их на работе?

— Да.

— Зачем?

— Н-не знаю, так получилось, сам не пойму как. Сначала неожиданно, потом незаметно как-то. Сам не пойму...

— Я чувствовала, чувствовала, — жена запинаясь, давилась слезами. — Ты очень изменился. Глаза беспокойными стали. Ты мучился, да? Это ужасно, ужасно! Ты был всегда такой слабый. Как я просмотрела! Как я не догадалась! Что же делать-то теперь?! Как же дальше? Ты не тратил эти деньги, нет?

— Нет, Сонечка, что ты! — ужаснулся Бурдин такому предположению.

— Конечно, ты не мог...

— Я не мог, Сонечка, Я их сдал, все до копейки, и свои сдал — все, что было. Я теперь больше... не буду.

— И правильно, Коля, правильно! — горячо поддержала жена. — Ты нашел в себе силы, ты поступил мужественно. Теперь надо пойти и все рассказать, все, все, слышишь?

— Да, да, надо пойти, — легко согласился Николай Семенович поначалу, а потом вздрогнул и растерялся: — А как же мы... будем? Ведь меня посадят и уже не выпустят. Я узнавал: там до пятнадцати лет и даже больше... Мы никогда не увидимся...

— Да что ты, Коленька! — ужаснулась жена.

— Да, да, Соня, это конец, — прошептал Бурдин.

— Как же быть? Ведь и так тоже нельзя, мы же не сможем... Ах ты господи! Ну почему пятнадцать лет! Ну почему обязательно! Ты же не злодей какой, не убийца. Ты хороший человек, но

слабый. Ну кто до меньше, гор убедить и успокоя. Как-то нежном положении

— Я не хот «просто» ничего птица в силке

— Это всегда вать, да еще ес тельно, а то еш

— А сын

— Я Лёне

— Но ведь уехал.

— Я объяс

— Ой, нехор

нам. И ты совс

— Я к теб

— Ты приез

Утром Бурд

все рассказать

открыл почтов

лась маленькая

лихорадочно п

сел на ступеньк

— Я по выз

— Проходит

гласил Петру

Бурдин осто

— Как пра

следовательно, гл

— Бурдин,

ного материала

тянувшееся мо

— Да-а, «п

побарабанил п

объясниться.

— Вы знае

тельно наша а

телей, и прави

атива, как гов

населения, а о

разумения... и

купаем оптом,

ся... иной раз,

новиться, бояс

— Не о то

стально посмо

слабый. Ну кто тебе сказал, что обязательно пятнадцать? Гораздо меньше, гораздо меньше! — истово убеждала жена, стараясь убедить и успокоить саму себя. — Я вот что подумал еще, Коля. Как-то неправильно получилось с деньгами, ты оказался в ложном положении. Это стыдно, нестерпимо.

— Я не хотел, Сонечка, я думал просто сдать. А оказалось — «просто» ничего не бывает. Хочешь лучше, а получается... Как птица в силке.

— Это всегда так, Коля, когда лукавить начинаешь, обманывать, да еще если и не умеешь. Поэтому очиститься надо обязательно, а то еще хуже будет.

— А сын как же?

— Я Лёне все объясню.

— Но ведь этого не объяснишь. Не в командировку же уехал.

— Я объясню, объясню, — убеждала жена, — он поймет.

— Ой, нехорошо-то как! А Самойловы? Они уже не придут к нам. И ты совсем одна останешься.

— Я к тебе приеду.

— Ты приезжай, приезжай. А то я умру там...

Утром Бурдин решительно настроился идти в прокуратуру и все рассказать — честно, без утайки. Спускаясь по лестнице, он открыл почтовый ящик и достал газеты. На пол плавно опустилась маленькая синеватого цвета бумажка. Бурдин поднял ее, лихорадочно пробежал глазами, и сердце его захлебнулось, он сел на ступеньки. Это была повестка в прокуратуру.

— Я по вызову, Бурдин моя фамилия.

— Проходите, садитесь, — едва оторвавшись от бумаг, пригласил Петрушин.

Бурдин осторожно, бочком присел на стул.

— Как правильно — Бурдин или Бурдин? — поинтересовался следователь, глядя в бумаги.

— Бурдин, на «и» ударение... Наверное, по поводу посадочного материала? — высказал предположение Бурдин, прервав затянувшееся молчание.

— Да-а, «посадочного материала» накопилось, — Петрушин побарабанил пальцами по толстой папке с документами. — Пора объясниться.

— Вы знаете, качество посадочного материала — это действительно наша ахиллесова пята. Претензии получаем от потребителей, и правильные претензии. Но у нас свои трудности. Инициатива, как говорится, наказуема. Материал мы заготавливаем у населения, а он у них часто низкосортный. Вот и выходят недоразумения... иной раз. И в чем главная трудность: материал закупаем оптом, каждую луковицу не проверишь. Вот и получается... иной раз, — Бурдин говорил быстро, торопливо, боясь остановиться, боясь, что перебыют, и тогда все...

— Не о том говорим, Николай Семенович, — Петрушин пристально посмотрел на Бурдина.

— А о чем надо? — растерялся Бурдин.

— В руководимой вами организации совершались хищения. По предварительным данным, их общая сумма составила 326 тысяч рублей.

— Сколько?! — сдавленно прошептал Бурдин.

— 326 тысяч, — жестко повторил Петрушин.

— Боже, какой ужас! — Бурдин рванул галстук. — Я не знал, я этого не знал!

— Что, совсем не знали?

— Знал, конечно, знал, — торопливо подтвердил Бурдин, — но... не столько. Откуда это?

— Все оттуда, с посадочного материала. Я вынужден арестовать вас, Николай Семенович.

— Как, прямо... сейчас? Может, я бы сходил попрощаться? Всего час, всего один час...

— Нет, это невозможно, — отрезал Петрушин.

— Ну да, ну да...

Петрушину было откровенно жаль этого человека — униженного, обезоруженного, растерявшего последние остатки достоинства.

— ...С чего это началось? Ах, если бы знать, с чего это начинается, то и не начинал бы. — Бурдин в раздумье пожал плечами. — Всю жизнь гол как сокол, ничего не нажил. Вы посмотрите на мою квартиру — ничего нет там, ничегошеньки. Да и не стремился, поверьте. Работал учителем биологии. Работу любил. Олимпиады, инициативы... Заметили, назначили председателем общества. Да я и не хотел, отказывался. Но надо — значит, надо... И зачем я туда пошел?!

— Ну да, — посочувствовал Петрушин, — «общество» испортило. Сейчас бы работали себе учителем и были бы честным и порядочным человеком.

— Я вас понял. Честность не определяется должностью. Это здесь, глубже, — Бурдин постучал пальцем по груди. — Честный, пока нет возможности воровать. Многие так и умирают честными... А мне вот не довелось. Я познал себя. Сполна.

— Кстати, давайте уточним. У вас сколько сберкнижек?

— Три, было.

— Правильно, — подтвердил Петрушин, изучая соответствующую бумагу, — общая сумма вкладов — 13 тысяч 635 рублей. Деньги со счетов ни разу не снимались, за исключением последнего «патриотического поступка».

— Не-ет, ни разу, избави бог! — испугался Бурдин. — У нас ведь всю жизнь ни копейки на книжке не было. Да и самой книжки не было. Зачем? А тут, лет пять назад, собрались завести. Мебель старая, развалилась, решили скопить на новую. Скопили, больше тысячи. И вот тут, помню, червячок зашевелился внутри: надо снимать деньги, а жалко. Жалко, и все тут! С этой проклятой тысячей как-то надежнее было, увереннее. Возраст, что ли, такой подошел? Долго тянул, потом снял. И как без кры-

ши над головой остался. А тут Симонин со своей идеей... Проходимца этого приволок...

— Это кто проходимец? — попросил уточнить следователь.

— Усков, кто же. И ведь заманчиво было: цветочный посадочный материал действительно нужен, а у нас его много, только организуй. Ну и организовали... Как же можно испохабить идею!..

Бурдин умолк, уставившись отсутствующим взглядом в окно.

— Вот меня всегда интересовало, — прервал молчание Петрушин, — как это делается в первый раз, в самый первый? Как переступают эту черту? Трудно, наверное, без подготовки: честный, честный — и вдруг сразу вор. Муки, потрясения, да? Или проще все?

— Посочувствовать хотите, — горько усмехнулся Бурдин.

— Ну если муки, почему не посочувствовать? Жалко ведь. Я тут одно дело о взятках вспомнил. Ответственный тоже товарищ был. Долго не решалось жулье к нему подступиться, потом все-таки решилось. И уж как готовились: купюры одну к одной подобрали, новенькие все, хрустящие. Папку красивую нашли, куда взятку вложить. Понимали люди, что трудно в первый раз. Решили таким вот эстетическим путем облегчить нравственные страдания. Ну а потом просто срам один: купюры мятые, разномастные — тройки, пятерки. И хоть бы в конверте, так нет — резинкой перетянут, и сойдет. А у вас?

— Примерно...

— Понятно.

— Судить будут открыто? — спросил Бурдин.

— Открыто. Какие у вас секреты?

— А закрыто... никак нельзя?

— Нет, никак.

— Стыд какой, ужасно!

— Ну, судя по сумме, дело будет длинным, привыкнете.

— К этому не привыкнешь.

— Но привыкли же к «сверхурочным».

— Нет, нет, — сокрушенно прошептал Бурдин.

Дело № 23561.

— Как с «ромбовидным предметом», советник? — с ходу поинтересовался Красин при очередном посещении кабинета Петрушина. — Не вспомнил? Понятно. Вот что, есть идея. Гипноз. Под гипнозом все вспомнишь. Я узнал об одном деле аналогичного характера. Свидетель забыл номер телефона, а это был телефон подозреваемого. Под гипнозом вспомнил. Все получилось в лучшем виде.

— Я консерватор, Красин, — вяло отреагировал Петрушин. — И потом, я боюсь насмешек начальства.

— Так оно не узнает, — заверил Красин.

— А если узнает?

— Послушай, у меня есть знакомый психотерапевт, Фрейда читает, психоанализом балуется на досуге. А уж гипнотизер!..

Глазищи — во! Только глянет — и спать, спать, спать. Хочешь — на дому, хочешь — прямо здесь, не отходя от кассы. И полная тайна исповеди...

— Давай говори, что у тебя, — перебил Петрушин, догадываясь, что Красин пришел не с пустыми руками.

— Нашел кольцо в виде лепестка с бриллиантом. В скупке обнаружил. Вернее, само-то кольцо давно продано, но служитель скупки узнал вещь, как не узнать — штучная работа. Подняли документы. Оказалось, что сдал кольцо некто Заведерский, торговец лотерейными билетами, бывший интеллигент, выбитый из седла алкоголем. Так уж и быть, откроюсь. Узнал я об этом достаточно давно, но Заведерский куда-то исчезал, и мне не хотелось беспокоить тебя раньше времени, я же понимаю — дел по горло. Но сейчас он объявился. Говорит, что отдыхал в деревне, но есть подозрения, что ездил за анашой в Джамбулскую область. Ну это ладно, разберемся. По поводу вещишки не запирался, рассказал сразу. Сдать попросил его Сапогов, на комиссионных началах. Знают друг друга давно и питают взаимное доверие.

— Когда сдано кольцо?

— Вот документы. Двадцать седьмого июля сего года.

— Значит, Сапогов... — после долгого молчания произнес Петрушин полувопросительно-полуутвердительно.

— Я тебе давно говорил, — скромно подтвердил капитан. — Есть, правда, один нюанс, прямо и не знаю, как ты к нему отнесешься... — замялся Красин.

— Что еще? — с опаской спросил Петрушин.

— Еще Заведерский сдал брошку с янтарным жуком. Но было это пятого января, то есть ровно за полгода до убийства. И говорит, что тоже получил от Сапогова.

Петрушин присвистнул, присвистнул в ответ и Красин.

— Уж не та ли это брошка, о которой говорила Ведникова? Значит, «школьный товарищ» реабилитирован. Надо проверить по сберкассам счета Сапогова — он ведь машину собирался купить.

— Надо арестовывать Сапогова и производить обыск, иначе я за себя не ручаюсь, — объявил Красин.

— Надо арестовывать, — решительно подтвердил Петрушин, а потом вдруг обмяк и жалостливо спросил: — А с Черемных как же?

— Да-а, Черемных... — неопределенно подтвердил Красин. — Может быть, арестуем Сапогова и все прояснится?

Сделали, как решили. Сапогова арестовали. Дома у него и Веры Ведниковой был произведен обыск. Пришлось перебрать все по тряпочке, по иголочке, по гвоздику, особенно в кладовке. Там и был обнаружен в уголке под инструментом узелочек из пакли, а в нем платиновое кольцо в виде трона с короной и орлами и золотые часы-луковица с надписью: «Трехсотлетие дома Романовых». Когда Вера Ведникова увидела эти вещи, она устроила об-

морок и обеща-
уже вне предел
стей не обнару
Сапогов дав

образцы котор
вание, найти

Когда уже
разуется, Крас

— Ты тут н
капитан. — Я п

он мне тоже ра

значился в отъ

он живет этаж

что вроде бы е

— Где вид

— У дома,
геевич его зо

— С Траки
в Запорожье,
Ученик 9-г

ным меркам,
оперативником

ственными ор

— Значит,
чистку палас

ня идет этот

ром этаже...

Тракин за

нечего, — инф

— Подожд

ватель. — Ко

— Это б

— Почему

— В воск

и отдыха. М

поеду. Это о

нул, говорит

— Какого

— В ЛТО

— А в ка

— Я тор

обеденным

— Ну и

— Успел

— А ско

— Да пр

пешком, с

— И где

знаешь?

морок и обещала «оторвать паразиту голову», но «паразит» был уже вне пределов ее досягаемости. Больше ничего из драгоценностей не обнаружили.

Сапогов давать показания отказался. Ни рубашки, ни брюк, образцы которых Петрушин заблаговременно получил в пользование, найти не удалось.

Когда уже показалось, что развязка близка и вот-вот все обрисуется, Красин пришел к Петрушину со странной новостью.

— Ты тут насчет Михнюка просил, — виноватым тоном начал капитан. — Я покопался в свободное время, и, ты знаешь, что-то он мне тоже разонравился. В день убийства Ведниковой Михнюк значился в отъезде — был в Гурзуфе на отдыхе. А один малый — он живет этажом выше квартиры Ведниковой Лели — говорит, что вроде бы его видел, и именно пятого июля.

— Где видел? — насторожился Петрушин.

— У дома, естественно. Ты поговори с ним. Тракин Иван Сергеевич его зовут.

— С Тракиным я поговорю. А нам с тобой надо собираться в Запорожье, пора зачищать концы.

Ученик 9-го класса Иван Тракин, низкорослый по современным меркам, но крепкий в плечах подросток, после разговора с оперативником проявил живой интерес к сотрудничеству со следственными органами.

— Значит, так, — с удовольствием начал он. — Я нес в химчистку палас. Открываю дверь, смотрю — метрах в десяти от меня идет этот, ну который часто ходил к этой, к артистке, на втором этаже...

Тракин застыл, в растерянности от того, что сказать больше нечего, — информация оказалась исчерпанной.

— Подожди, давай по порядку, — пришел на помощь следователь. — Когда это было?

— Это было в субботу.

— Почему в субботу?

— В воскресенье мы уезжали в ЛТО, ну этот... лагерь труда и отдыха. Мама сказала, что если я не отнесу палас, никуда не поеду. Это она потому, что я еще раньше обещал отнести. Дотянул, говорит, до последнего, теперь неси, иначе не отпущу.

— Какого числа это было?

— В ЛТО я уезжал шестого. Значит, это было пятого июля.

— А в какое время, не припомнишь?

— Я торопился, боялся опоздать. Значит, это было или перед обеденным перерывом, или перед закрытием химчистки.

— Ну и успел?

— Успел, впритык прямо.

— А сколько на дорогу ушло?

— Да примерно минут тридцать. Тут вообще-то недалеко, я пешком, с передышками.

— И где ты увидел этого человека? Кстати, фамилию его не знаешь?

— Откуда? Я видел, что он часто приходил к артистке. И после ее смерти приходил. А фамилию я у него не спрашивал.

— Понятно. Ну а как ты его увидел?

— Открываю дверь подъезда, а он впереди идет, метрах в десяти.

— К дому или от дома?

— От дома.

— Значит, ты его видел со спины?

— Да.

— А как же узнал?

— А я и не говорю, что узнал. Похоже... Он голову немного вбок повернул, ну мне и показалось, что это он. Очень похож.

— Как он был одет?

— Этого не помню. В рубашке, кажется, и в брюках.

— Понятно, что в брюках. Цвет не запомнил?

— Нет.

— Он что-нибудь нес в руках?

— По-моему, нет.

«Надо провести опознание Михнюка по фотографиям», — отметил про себя Петрушин.

Три версии, и ни одна не хотела уступать другой в праве на истинность. Три человека, ничем не связанные друг с другом, оказались связанные каждый по отдельности с одним и тем же местом и временем действия. Три разрозненные версии превратились в сознании Петрушина в некую единую версию — триаду, странную, ирреальную, не поддающуюся разумному толкованию. Вначале это нервировало, раздражало, настоятельно требовало определенности. Потом мозг устал и сам себя предусмотрительно заблокировал от стремления постичь непостижимое. Петрушин сбросил напряжение, успокоился и стал воспринимать свою нелепую версию-триаду как объективную данность, ничего не предвещая и ничего не стараясь постичь раньше, чем придет для этого время. И даже, когда он арестовал Сапогова, ни один из членов «триады» не потерял полноправия, все они фигурировали в расчетах Петрушина, как если бы одно и то же преступление каждый совершил самостоятельно, независимо друг от друга. Ясно, что такое состояние возникло от дефицита реального знания, от пустот и пробелов, которые невозможно заполнить одновременно, и в то же время от необходимости проверять все три версии сразу, вперемешку, в очередности, диктуемой не логикой, а условиями каждого нового дня. Уже потом, в конце, следовательно, скомпонует наработанный материал в том логическом порядке, который удобен для восприятия сознанием и поможет легче уяснить полученные выводы. И тогда три сегодняшние версии расположатся каждая в отведенном для нее месте, в отдельной упаковке. И кто-нибудь, разложив следственные тома по кучкам-версиям для наглядности, воскликнет: сколько же лишней работы сделано! А ведь так все было ясно с самого начала!

Дело № 23385. «Жигули-универсал», нагруженный коробками, подъехал к задам магазина «Природа». Усков с Веником сноровисто выгрузили очередную партию продукции, сложили коробки у дверей подсобки. Усков скрылся в магазине, а Веник остался сторожить. Совсем скоро Усков вернулся с видом несолоно хлебавшего.

— Сдается, Веник, нам дали расчет, — сообщил он.

Веник вопросительно посмотрел на него, ожидая разъяснений.

— Сказали, что принимать больше не будут.

— Почему? — был задан естественный вопрос.

— Почему — не говорят. Наверное, не нужны больше наши цветы, видать, все клумбы засадили...

— А это куда? — Веник показал на коробки. — Жалко.

— Жалко, Веник, жалко, — задумчиво подтвердил Усков. Но неожиданно к нему пришла решимость: — А ну давай помогай, — приказал он, поднимая коробку с луковицами.

Вдвоем они мигом перенесли коробки обратно в машину и резко тронулись.

... На обочине загородной дороги стояли «Жигули-универсал», оклеенные винными и сигаретными этикетками иностранного производства. Вплотную к дороге подступало свежеспаханное поле, а в поле трудились Усков с Веником: Усков сажал луковицы, засыпая лунки руками, а Веник рыл лунки — все новые и новые. Работа спорилась, даже вспотели, Усков с трудом разогнулся, растер натруженную поясницу, посмотрел из-под ладони на солнце.

— Что, Веник, идет дело! — воскликнул удовлетворенно. — Это тебе не деньги считать, коммерсант. След на земле оставляем, так-то...

Дело № 23561. В Запорожье Петрушин с Красиным прежде всего удостоверились, что официальной командировки в Москву Черемных не имел. И тогда настала очередь его допроса.

— Гражданин Черемных, вам разъясняются права подозреваемого, предусмотренные статьей 52 УПК РСФСР, — следователь Петрушин в таких случаях был строг и предельно официален. Акция ответственная, любые недоразумения должны быть по возможности исключены. Черемных обязан почувствовать, что имеет дело не просто с человеком, работающим следователем, а с лицом, представляющим или даже олицетворяющим Закон, его строгую, неотвратимую суть. — Прошу ответить на следующие вопросы. Где вы были пятого июля 1977 года и чем занимались?

— Я не помню.

— Поставлю вопрос более определенно: отлучались ли вы в этот день из Запорожья?

— Я хочу прежде всего знать, в чем меня подозревают. Я ничего не совершил.

— Законом не предусмотрена такая обязанность следователя на данном этапе. Вам будет сообщено об этом в нужное время.

— Я ничего не сделал, — растерянно повторил Черемных.

— В таком случае вам тем более нечего скрывать.

— Пятого июля? — наморщил лоб Черемных. — Кажется, я был дома. А я имею право не отвечать на этот вопрос?

— Полное, — подтвердил Петрушин.

Черемных помялся, поерзал.

— Я был на рыбалке, — соврал он неуклюже и вызывающе.

— Вы были в Москве, Черемных. Улетели из Запорожья пятого июля рейсом № 15-69 в 7 часов 15 минут. Это очевидно, и не это мы хотели узнать от вас. Нас интересует вопрос: были ли вы пятого июля в районе Медведково, на улице Полярной, у дома номер шесть?

Маленькая безобидная хитрость. Вреда не причиняет, а пользу иногда приносит. Наслаждаться ложью Черемных у Петрушина не было ни времени, ни настроения, а поэтому надо было побыстрее выйти на главные вопросы.

— Я никогда не был в районе Медведково, — уверенно, даже с некоторым пафосом, но и с видимым облегчением заявил Черемных.

— Тогда постарайтесь указать максимально точно, где вы были в этот день.

— По приезде я был в районе Петровки.

— Поточнее можно? — перебил Петрушин.

— Средний Каретный переулок.

— С какой целью вы там были?

— Я приезжал к... знакомому, — слегка сбился Черемных.

— Он это может подтвердить?

— Мне бы не хотелось... его впутывать. Давайте разберемся сами, в конце концов! Ведь это же очевидное недоразумение, зачем же беспокоить людей?

Петрушин понял: это не он.

— Фамилию вашего знакомого мы знаем — Ведникова Елена Ивановна, — спокойно объявил Петрушин.

— Ничего не понимаю... — растерялся Черемных. — Чего же вам от меня надо?

— Уточнить несколько моментов. Первое: когда вы прибыли к Ведниковой и когда ушли от нее?

— Я у нее не был, — пролепетал Черемных.

— Вы у нее были.

— Я у нее не был, не был, не был! — капризно повторил он.

— Черемных, вы оставили в доме Ведниковой свою расческу...

— Ничего я не оставлял! Чего вы от меня хотите?

— Если вы отрицаете, мы проведем опознание.

— Чего опознание?

— Расчески.

— Зачем?

— Чтобы установить окончательно, кому она принадлежала. Придется, видимо, привлечь к этому делу и вашу жену.

— Зачем? Что случилось? Я ничего не понимаю? При чем тут моя жена! Ну хорошо, я был у нее, и расческа моя. Только не надо ничего опознавать, ради бога! — взмолился Черемных.

— Итак, в котором часу вы пришли к Ведниковой?

— Я не был у нее в этот день, я был раньше. Да, я прилетел и решил навестить Ведникову, но ее дома не оказалось.

— В котором часу это было?

— Примерно в обед, часа в два. Прямо с аэропорта я решил заглянуть, но ее дома не оказалось, и я ушел по своим делам.

— Если прямо с аэропорта, то вы были у дома Ведниковой где-то в десять-одиннадцать часов утра.

— Нет, около двух. Самолет задержался с вылетом, и я прилетел в Москву примерно в половине первого.

Петрушин прервал допрос и попросил Черемных побыть в коридоре.

— Ты уточнял фактическое время вылета и прибытия? — спросил он у Красина.

— Уточнял. И то и другое значит по расписанию.

— Странно. Черемных не врет. Тут что-то не то. Проверь еще раз.

— Сделаю. А ты закругляйся с этим альфонсом, да в Москву бегом — дела ждут.

Петрушин вновь позвал Черемных.

— А теперь рассказывайте все по порядку. Елена Ивановна Ведникова убита и ограблена. Это случилось пятого июля, — жестко проинформировал Петрушин.

— Убита? — трагическим шепотом переспросил Черемных. — А я тут при чем?

Вопрос оказался неожиданным даже для Петрушина.

— Она ждала вас в этот день, вас, понимаете? Она очень вас ждала.

— Ну и что? — отреагировал он в том же тоне.

— Черемных, выпейте воды и посидите, успокойтесь.

Черемных последовал совету следователя, а Петрушин стоял у окна и наблюдал за жизнью на улице. В нем закипало раздражение, надо было как-то отвлечься. Наконец оба они привели себя в относительный порядок и вновь уселись по обе стороны стола.

— Хорошо, я расскажу, только обещайте, что все останется между нами. Вы обещаете? — Черемных умоляюще заглядывал в глаза Петрушину.

— Я вам ничего не обещаю, подозреваемый, но вашу просьбу приму к сведению.

— Познакомились мы в Рузе, на отдыхе. У Лели была очень милая обаятельная мать — Анна Ивановна. Старушка интересная, общительная, мы быстро нашли общий язык. Она много рассказывала о жизни эстрады, вспоминала корифеев, любопыт-

ные факты и эпизоды. Перед отъездом Анна Ивановна дала адрес, пригласила в гости. Своего адреса я не мог оставить: жена, знаете ли, не так поймет... Знакомство запало в память, такие люди притягивают. Я посылал ей поздравления, однажды выслал посылку с яблоками. Ну, это мелочь... И вдруг читаю в «Советской культуре» сообщение о смерти Анны Ивановны. Я был, признаюсь, очень взволнован. Когда я оказался в Москве, позвонил Леле, посочувствовал. Она пригласила меня домой. Потом мы изредка перезванивались. Бывая в Москве, я заходил на чашку чая. Вот и все, пожалуй. Никаких таких особых отношений у нас не было. Леля, правда, была радушна, но и только. Мы говорили об Анне Ивановне, слушали пластинки с ее записями.

— С гражданкой Бельдейко вы тоже пластинки слушали?

— Боже, вы все знаете, — растерянно пролепетал Черемных. — Я сам себя казню, поверьте! Да, мы понравились друг другу...

— Вы о ком, о Бельдейко? — перебил Петрушин.

— Да нет же, при чем тут эта хищница? Бельдейко — роковая случайность. Это глупость, которую я никогда себе не прощу. С Лелей было совсем по-другому. Леля чистая женщина, у нас все было чисто. Однажды она пригласила меня остаться переночевать — время было позднее, но я не остался, пошел пешком через полгорода. А вы говорите... С Лелей было просто хорошо и спокойно. И больше ничего. Ведь может же быть просто хорошо и спокойно? И совсем не обязательно в этом копаться и что-то искать. Боже, как чудовищно все вышло!

— И тем не менее, — заметил Петрушин, — придется произвести у вас обыск.

— Только не это! — вновь взмолился Черемных. — Надо сперва разобраться, ей богу, что же так сразу, ведь это гражданская смерть.

— А как же без обыска мы будем разбираться, верить вам на слово?

— Верьте мне, верьте, я невинный! — горячо взмолился Черемных.

— Ну хорошо, — после некоторого раздумья согласился Петрушин. — Обыск пока отложим, вы свободны.

«Неужели и таких любят?» — с удивлением подумал Петрушин.

Красин вернулся скоро. Черемных оказался прав. Самолет летел из Запорожья с задержкой на четыре часа. В аэропорту как и во многих других учреждениях, шла борьба за показатели. Задержку сочли пустяковой, и рейс прошел по документам как состоявшийся точно по расписанию.

Петрушин и Красин возвратились в Москву «облегченными» на треть. Две оставшиеся версии представлялись теперь не столь недоступными здравому разумению. Что касается Красина, то он облегчил себя сразу на две трети, поскольку относительно Са-

погова у него не было сомнений. Петрушин продолжал сохранять заторможенное состояние созерцательности.

Вспомнив наблюдательного и трудолюбивого школьника Ваню Тракина, Петрушин решил сходить в химчистку, куда тот относил палас в злосчастный день 5 июля. Нашел квитанцию на имя Тракина. По журналу учета заказов установил, что палас он сдал где-то в середине рабочего дня, а значит, действительно до перерыва, а не перед концом работы. Следовательно, Михнюка Тракин мог видеть приблизительно в 13—13³⁰. Все это было бы хорошо и даже отлично, если бы мальчик уверенно узнал Михнюка. Такое доказательство стоило бы многого. «Очень похож» — это же почти узнал. Еще самую малость «поработать» с парнем, и он бы узнал окончательно. «Ваня, у нас есть данные, что именно этот человек и есть преступник и именно он был у дома в то самое время, когда ты его видел». И Ваня уверенно скажет: «Да, конечно, это был он». Как соблазнительно! Какое доказательство! И всего-то чуть-чуть недотягивает. Но этих «чуть-чуть» как раз и должен больше всего опасаться следователь. Малейшая натяжка может стоять большой ошибки. Лучше недотянуть, лучше оставить неопределенность и сохранить возможность для маневра, чем связать себя по рукам и ногам фальшивой «определенностью».

Неопределенность, если ее подкрепить, продублировать, уточнить другими материалами, может стать неплохим доказательством. Из этого во многом и состоит уголовное дело — из многократного повторения одного и того же, увиденного под разными углами зрения или с разных точек. Набирая запас прочности по каждому доказательству, каждой улике, следователь отнюдь не считает, что зря тратит время. Запас, как говорится, карман не тянет.

Дело № 23385.

— ... Вы ведь были судимы? — спросил Петрушин.

— Совершенно верно, — убежденно ответил Усков, — только судили меня неправильно. Я и тогда не соглашался, и сейчас просто категорически не согласен. Мы строили дорогу на Полтавщине...

— Кто это «мы»? — перебил Петрушин.

— Бригада наша, по частному подряду работали.

— Шабашники, что ли?

— Это грубо, но допустим. От зари до зари ломались. Ну зарабатывали, конечно. По тыще выходило. Так это же какая работа! До сих пор живот болит. Ну, а председатель колхоза от этой дороги что-то себе сэкономил. Но вышла судебная ошибка, адвокат так и сказал. Я вообще-то не в претензии, все мы люди, все ошибаемся...

— Усков, почему вы не хотите работать как все люди? Зачем вам приключения?

— Э-хе-хе, — вздохнул Усков. — Кем я могу работать с неполным средним образованием в размере шести классов — копать глубже, кидай дальше? А у меня голова работы просит, голова, понимаете? Умственного я труда человек с самого своего рождения. Был у меня в бригаде на Полтавщине один инженер. Не плохо работал, только жалко мне его было, не уважал я этого инженера. «Мне бы твой документ, — думаю, — я бы таких дел наворочал! А ты гудрон месишь, только что название — инженер. Несправедливо, я вам скажу, дипломы распределяют. Нам бы поменяться с ним дипломами, тогда бы все было правильно.

— Значит, построили дорогу, потом решили цветами заняться, землю украсить?

— Ага, украсить. На общественных началах. По договору с обществом охраны природы заготавливали посадочный материал — луковицы тюльпана и сдавали в общество, а они рассылали.

— Это что же, задаром украшали?

— Да нет. Мы ж как проклятые мотались, от зари до зари. Имели, конечно.

— А почему вы все в прошедшем времени?

— Чувствую, что больше не разрешите.

— Правильно, не разрешим. Ну так сколько же «имели»?

— Нормальная зарплата. Со сверхурочными...

— А точнее?

— Я не понимаю, ей богу! Опять что-нибудь не так? Мы же не тунеядцы какие, ей богу, ведь от зари до зари...

— По какой цене вы закупали луковицы?

— По всякому было. Кто как продаст. Пятнадцать-двадцать копеек...

— А сдавали?

— Почти так же, ну чуть-чуть дороже, чтобы труды окупить.

— Усков, давайте не будем темнить. Вы закупали луковицы по десять копеек за штуку, а сдавали в общество по двадцать копеек. Разницу делили с Бурдиным и Симониным. Ваши закупочные квитанции — подложные. Вот показания ваших клиентов-поставщиков.

— А ну, а ну, — Усков заинтересованно углубился в чтение протоколов. — Действительно, чего же скрывать, согласен. Коммерческое посредничество, статья 153 УК РСФСР, до трех лет лишения свободы или ссылка.

— Да нет, вы ошибаетесь, — поправил Петрушин, — хищение.

— Гражданин следовательно, это вы ошибаетесь! Я не должностное лицо, а частное.

— Для частного предусмотрен особый случай — соучастие. Соучастие в хищении в особо крупном размере. Статья 93-прим УК.

— Вышка?! — с ужасом прошептал Усков.

— Это дело суда.

— Как же так, — бормотал Усков, — не может быть, мне же

говорили, я же узнавал... Максимум, говорили, коммерческое посредничество...

— В таких делах легко ошибиться, — посочувствовал Петрушин.

— Это что же, мотался, рвал жилы — и все хищение? А за работу мою ничего не полагается? Сколько моим луком-цветами городов усеяно, и все хищение? Много денег получал?.. Так они же сами шли, из ничего, можно сказать. Я их ниоткуда не воровал, мне столько и не надо было, они вон все целые почти. Мне дело нужно было, чтобы кипело, чтоб от зари до зари, чтоб сам все — головой, руками... Почему же так легко все было, если это воровство? Надо, чтоб трудно было, я бы и не стал. Просто обидно даже: так хорошо работалось... И пользу видел. А что цветы не того сорта, так все равно ведь цветы. А так бы совсем без цветов. Лучше, что ли, совсем без цветов?

По большому городу ехал грузовик. Было чудесное раннее утро. Лучи солнца играли, дробились, искрились на мокром, умытом асфальте. В кабине рядом с водителем сидел грустный-прегрустный Веник с потасканным чемоданчиком на коленях. Выехали за город, помчались полями. Вот Веник беспокойно заерзал, высунул голову в открытое окно кабины, внимательно всматриваясь в окружающее пространство. Прозжали поле, где он с Усковым сажал цветы. Чахлые редкие всходы. Сломанные ветром головки тюльпанов пожухли, побурели, не успев распуститься.

Дело № 23561.

— Вы обвиняетесь в том, что 5 июля 1977 года совершили умышленное убийство из корыстных побуждений Ведниковой Елены Ивановны и похитили принадлежавшие ей ценности, то есть совершили преступление, предусмотренное статьей 102, пункт «а», УК РСФСР, — огласил Петрушин постановление и, немного помолчав, добавил, — кроме того, ранее вы совершили кражу золотой броши с янтарным жуком, принадлежавшей гражданке Ведниковой, что подпадает под признаки преступления, предусмотренного статьей 144, частью первой, УК РСФСР.

Сапогов тупо смотрел на Петрушина, кажется не улавливая смысла страшных слов.

— Признаете ли вы себя виновным полностью, частично или не признаете?

Сапогов молчал. Петрушин повторил вопрос. Сапогов молчал. Наконец медленно сбрасывая оцепенение, помотал головой, словно убеждаясь, что она на месте, и угрюмо выдавил:

— Не признаю.

Потом, прокашлявшись, как бы со скрытой иронией глухо добавил:

— Признаю кражу брошки.

— Распишитесь, что признаете частично, — предложил Петрушин, протягивая ручку.

— Не буду.

— Ваше дело, — вздохнул следователь. — Показания по существу обвинения давать будете?

— Не буду, — буркнул Сапогов.

— Хорошо, так и напишем: «От дачи показаний отказался».

— Все равно не поверите.

— Почему вы так считаете? Скажете правду — поверю.

— Не надо, гражданин следователь, — поморщился Сапогов. — Я знаю ваши порядки. Делай свое дело, а я помолчу покамест — может, что и вымолчу, всяко бывает.

И тут Петрушин вспомнил, вспомнил ясно и отчетливо. Нажав на кнопку и попросив увести Сапогова, он не спеша вышел из следственного изолятора, прошелся по улице, подышал воздухом. Куда торопиться, зачем? Это от него уже не убежит. Сегодня он не пойдет в Средний Каретный. Завтра, пожалуй, а может быть, послезавтра — в общем как дела позволят. Вечером Петрушин не выдержал и позвонил из дома Красину.

— Капитан? Советник говорит. Это не ты случайно утверждал, что убийцу тянет на место преступления? Нет? Ну и правильно. Никуда его не тянет. Это следователя тянет, грехи его тяжкие тянут. Подготовь на завтра понятых: буду изымать оружие, которое так позорно прошляпил. Пока.

Вот и гостиная. Кажется, что здесь он знает все и знает не хуже, чем ушедшие хозяева, а может быть, даже лучше, потому что облазил на коленках, обшарил, общупал все темные углы и закоулки. И все же одну вещь он выпустил из виду, хотя она находится на самом видном месте. Вот ведь как можно переиграть самого себя.

Часы. Старинные часы в медной оправе. Стрелки остановили свое движение на отметке 11 часов 43 минуты. Возможно, вместе с ними остановилась и жизнь Лели Ведниковой. На медных цепях медные гири ромбовидной формы в основании. Какой изощренный ум придумал эдакую форму вместо проверенной веками цилиндрической? Такое могло породить только загнивающее, исчерпавшее себя барокко.

Петрушин осторожно снял гирю, взял двумя пальцами за ребрышки, покрутил на свету у окна и трепетно опустил в полиэтиленовый пакет. Покрутил другую, заметил крохотное бурое пятнышко, поставил под косой свет — проявились два овальных следа с мелкими причудливыми штришками. Эту гирьку Петрушин не знал куда и положить. Метнулся на кухню, взял граненый стакан, опустил туда гирьку так, чтобы ни один штришок не потревожить. Все, больше здесь делать нечего.

— Вера Ивановна, давайте же наконец объяснимся. Муж ваш молчит, вы молчите, а нам что же делать прикажете?

Ведникова, злая и подчеркнуто безразличная, постно поджала губы.

— Я предъявил вашему мужу обвинение в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Это серьезно. Может быть, хоть вы что-то поясните?

— Не убивал он, — процедила Ведникова. — Мы взяли свое.

— Что вы взяли? — несколько растерялся Петрушин.

— Мы взяли свое, — упрямо повторила Ведникова. — Я одна у Лели была, значит, все мое.

— Вы поконкретнее можете? — нетерпеливо подгонял Петрушин.

— Поконкретнее, а потом под расстрел?

— Ну, это совсем не обязательно, — успокоил Петрушин как мог.

— Нет уж, — отрезала Ведникова.

— Послушайте, Сапогов действительно не убивал?

— Не убивал. Он взял имущество. Не взяли бы мы — все прахом бы пошло. Вы бы сами и растащили.

— То есть как? — опять растерялся Петрушин.

— Знаем как. В карман положили, и никто не заметил. А потом ищи-свищи.

— Значит, вы признаете, что взяли драгоценности из ящика?

— Взяли. И никого не спросили.

— Так... взяли. Вместе или один Сапогов?

— Я ему сказала — он взял. Так что, считайте, вместе.

«Это любопытно», — подумал Петрушин. При обыске Ведникова была огорошена тем, что в доме обнаружены драгоценности. Эта женщина не умеет играть, у нее все на лице. Значит, она действительно не знала, а сейчас выставляет Сапогова лишь исполнителем своей воли. Здесь не обошлось без советчиков...

— А когда взяли?

— Одиннадцатого, как узнали про убийство. Ключик от ящика в матрасе хранился. Достали и взяли.

— Понятно... А чем ваш муж пятого июля занимался?

— Пятого июля он не убивал, а чем занимался — спросите у него.

— Вера Ивановна, надеюсь, вы понимаете, что даже в этом случае вы совершили хищение, кражу в крупном размере?

— Дело ваше, а только имущество это мое, я буду жаловаться прокурору.

— Ну как же ваше? — не выдержал Петрушин. — Ведь вы не заработали эти огромные ценности, вы их взяли даром, палец о палец не ударив. Это что же, справедливо, по-вашему?

— А Леля их заработала? Заработала?! Стало быть, если у нее имелась бумажка, то все по справедливости, а если нет бумажки, то в тюрьму? А Анна Ивановна заработала? Как же, перетрудилась. С мое бы постоjala у прилавка в грязи да в гнили. Вы поглядите на мои руки, их уже никакие кремы не берут. «Не заработала»...

— И что же вы хотели делать с этими деньгами?

— Кремы французские покупать! Устраивает?

— Ну хорошо, — невпопад заметил Петрушин, не зная, что и сказать. — Да, а с той брошкой, о которой вы говорили, все выяснилось. Ее ваш муж украл и сознался уже, — сообщил Петрушин не без скрытого злорадства и желания отыграться.

— Дурак, что с него возьмешь, — равнодушно отреагировала Ведникова.

Переснять с гири на дактилопленку обнаруженные следы Петрушин сам не решился, чтобы ненароком не испортить дело. Он принес гирю в лабораторию и попросил эксперта сделать это в его присутствии. На всякий случай следы сфотографировали, потом криминалист опылил их посредством специальной магнитной щеточки и откопировал на темной пленке. Один след вышел нечетко, смазанно, папиллярные узоры прерывались или забивались порошком. Другой получился вроде бы получше, но эксперт никаких гарантий его пригодности для идентификации не дал. Красин, присутствующий тут же, умолял работать аккуратно, угрожал криминалисту какими-то последствиями, если тот все испортит. Предварительное сравнение потребовали провести сразу же, но криминалист воспротивился и выгнал их обоих из кабинета, заявив, что без постановления экспертизы проводить не будет. Правильно, конечно.

...На столе следователя в прозрачном целлофановом пакете лежала медная гиря — та, которая была «чистой» и для экспертизы интереса не представляла. Она была определенным образом прикрыта газетой. Петрушин отошел подальше от стола, присмотрелся внимательно. Что-то ему не понравилось. Он чуть пододвинул гирю к ближнему от него краю стола, еще посмотрел так и эдак, поправил газету. Присел на стул для посетителей, прикинул, еще поправил. Кажется, теперь в самый раз. Гиря должна быть хорошо различима и в то же время не очень мозолить глаза, не создавать впечатление нарочитости. Петрушин готовился.

В дверь постучали. Вошел Михнюк. Он сел у стола и приготовился к очередному допросу. Следователь не торопился, перебирал бумаги, делал какие-то пометки. Михнюк ждал, внимательно рассматривая свои пальцы. Петрушина это не устраивало, и он продолжал весьма неучтиво заниматься своими делами. Наконец, обследовав пальцы, Михнюк стал проявлять признаки томления. Взгляд его рассеянно побежал по кабинету, по голым стенам. Ни за что не зацепившись, перебросился на стол, несколько раздраженно остановился на Петрушине, потом пошел блуждать по разложенным бумагам. Вот, кажется, остановился. Михнюк заинтересовался, но гиря лежала не очень удобно для обозрения. Он незаметно отклонился, пытаясь получше рассмотреть, что там. Раза два зыркнул на следователя, потом опять на гирю, снова немного подался в сторону, чтобы поймать наиболее удобную точку обзора. Поймал и, уже не в силах скрыть интереса, завороченно уставился во все глаза. Петрушин продолжал шелестеть бумагой. Михнюк нервничал уже явно, и пальцы его.

как и тогда
еще минуты
Петрушин о
и уперся в
чего начать
— Что э

чим. Петру
в эпилоге.

Михнюк
пальцы лад

— Я вы
вание на пр
Ведниковой.

Михнюк
— Прис

Петруши
с поролоно
лик. Выдав

— Начн
палец. Так..

Петруши
го простран
но Михнюк

— Не н
шептал он
кой реакци

— Я вс
нюк, — тол
рите скоро

Петруш
но в сейф,

— Расс
истерически

— Я пр
Я убийца.

— Поя
— Я по

с половино
пасть в эт
взнос, ког
деньги.

— На
вать сво

— На
казаться
покончить

«Госпо
подумал

как и тогда, выбивали стремительное аллегро. Потянув резину еще минуты три, чтобы окончательно подготовить «клиента», Петрушин оторвался от своих липовых на данный момент дел и уперся в Михнюка долгим взглядом, как бы раздумывая, с чего начать.

— Что это у вас с пальцами? — спросил он словно между прочим. Петрушин не мог отказать себе в удовольствии повториться в эпилоге.

Михнюк не ответил, но, чтобы унять пляску, грубо придавил пальцы ладонью, крепко придавил — до побеления ногтей.

— Я вызвал вас для того, чтобы провести дактилоскопирование на предмет установления вашей причастности к убийству Ведниковой, — официально объявил следователь.

Михнюк молчал.

— Приступим.

Петрушин достал из сейфа бланк дактилокарты, коробочку с поролоновой прокладкой, тюбик с типографской краской, валик. Выдавил на поролон червячок краски, раскатал валиком.

— Начнем с правой руки. Промокните хорошенько большой палец. Так... А теперь давайте я вам помогу.

Петрушин взял палец Михнюка, вдавил в отведенное для него пространство на бланке, покатал с боку на бок. Неожиданно Михнюк с силой вырвал руку. Его заколотила дрожь.

— Не надо этого, не надо, только не это, — панически прошептал он и разрыдался. Петрушин совершенно не ожидал такой реакции.

— Я все скажу, — заикаясь и давясь словами, умолял Михнюк, — только не надо этого... Уберите, я не могу смотреть, уберите скорее! Мне это страшно!

Петрушин убрал дактилоскопические принадлежности обратно в сейф, вернулся на свое место и сел, подперев щеку кулаком.

— Рассказывайте, Михнюк, — разрешил Петрушин, переждав истерический пик.

— Я прошу занести в протокол чистосердечное признание. Я убийца. Я убил Лелю вот этой гирей, убил на кухне.

— Поясните.

— Я попал в трудное положение, безнадежное. Тесть дал две с половиной тысячи на кооператив. Нам очень нелегко было попасть в этот кооператив. И вот, когда надо было платить первый взнос, когда выходил уже последний срок уплаты, я проиграл эти деньги.

— На бегах, — подсказал Петрушин, чтобы продемонстрировать свою осведомленность.

— На бегах. Это был рок. Я не знал, что делать, не мог показаться жене на глаза. Я был загнан в угол, скрывался, хотел покончить с собой...

«Господи, какая старая история, как это скучно и ужасно», — подумал Петрушин.

— И я решился. Пошел в тот единственный дом, где когда-то мог рассчитывать на помощь. Я умолял Лелю, ползал на коленях. Боже, перед ней на коленях! Я просил одолжить денег всего на полгода. Мне нужна была всего одна брошка из ее музея, одна паршивая брошка из ее вонючего ржавого ящика, из ее могильного склепа с бессмысленно похороненными драгоценностями. И она мне отказала, она стала вспоминать какие-то сорок рублей! Я целовал ей ноги, я предлагал сердце этому... саксаулу, этому... кактусу, этому... перезрелому помидору, — белое лицо Михнюка опять пошло пятнами, толстые губы стали мокрыми, обширные залысины покрылись испариной, длинные лохмы волос как-то сами собой свернулись в сосульки.

— Перестаньте, Михнюк, — брезгливо попросил Петрушин, сглатывая подступивший к горлу комок тошноты.

— Нет, не затыкайте мне рот! — закричал Михнюк. — Я имею право говорить! Я имею право быть понятым!

Неожиданно он затих и опять заплакал.

— Она меня пыталась прогнать, как собаку, — скулил он, давясь слезами. — За паршивую, вонючую брошку, которую она сама никогда не наденет и даже не вытащит из ящика. Какая нелепость! Как глупо все устроено! Я не мог простить ей унижения. Ведь и в прошлом мне приходилось унижаться перед ней, заискивать перед этим... пустоцветом, выросшим на жирном черноземе, чтобы угодить Анне Ивановне, чтобы она оставила меня в кружке, чтобы я имел возможность петь, заниматься делом своей жизни...

— Какие ценности вы взяли? — перебил Петрушин тошнотворную исповедь.

— Мне нужна была всего одна брошка, всего одна! Я перерыл все, но ключа не нашел, замуровали надежно. Я ушел ни с чем.

Петрушин достал из ящика стола бланк протокола допроса:

— Сами запишите, или мне это сделать?

— Я не могу, руки дрожат... Пишите вы.

Петрушин принялся заполнять атрибуты титульного листа.

— С анкетой все без изменений? — походя поинтересовался следователь. — Женат... Не судим... Работаете там же...

— Нет, уволился недавно, — нехотя пояснил Михнюк.

— Что так?

— Нет перспектив.

— И где же сейчас трудитесь?

— В обществе охраны природы.

— Что-о? — изумленно выдохнул Петрушин. Михнюк в испуге отшатнулся. — И кем же вы там?

Михнюк замялся:

— Да пока на общественных началах. Посадочный материал заготавливаю.

— Тюльпан?

— Тюльпан.

— Почем штука?
— Когда как. Пятнадцать-двадцать копеек...
— Да нет же, Михнюк. Закупали вы по десять копеек, а сдавали в магазин по двадцать. Ваше счастье, что не успели всласть поработать на этой ниве. Впрочем...

А следы по гире оказались все-таки непригодными для идентификации. Правда, биологическая экспертиза дала заключение, что бурое пятнышко, обнаруженное на гире, — это кровь человека, II группы, то есть той же, что и кровь Ведниковой. А судебный медик подтвердил, что рана на голове потерпевшей могла быть причинена представленной на экспертизу гирей. Тоже немало. Ну и рассчитывать на след пальца Михнюка — это было бы уже слишком, такие подарки следователь получает не часто.

Дело № 23385.

— Еще раз повторяю: никаких денег я не брал и к этой афере непричастен, — отпирался Симонин.

— А показания Бурдина, Ускова?

— Не знаю. Не знаю, почему нужно верить этим жуликам, чем они заслужили доверие. Ни один документ я не подписывал и подлогами не занимался. А так, знаете, можно кого угодно...

— Но именно вы настаивали на расширении этого дела. Вот и Михнюка Павла Трофимовича недавно подключили к заготовкам.

— Я видел в этом деле полезную сторону и не видел закулисной. Я был обманут.

— Ну хорошо, оставим это, — Петрушину надоело препирательство. — Давайте поговорим о другом деле. Вы ведь недавно сами оказались потерпевшим? Я имею в виду кражу коллекции.

— Да, был такой случай, — нехотя подтвердил Симонин.

— И что, ценная коллекция?

— Да как сказать...

— Она была зарегистрирована в отделе культуры?

— Нет.

— Почему?

— Для души собирал, не видел нужды в этих формальностях.

— В ней были монеты из благородного металла?

— Так... немного.

— Тогда вы обязаны были зарегистрировать.

— Я этого не знал.

— Я слышал, что вы не настаивали на розыске? Разве не жалко?

— Я не очень верю в возможности розыска.

— Ну зря, Сергей Анатольевич, зря. А вот нашли вашу коллекцию.

— Нашли? — насторожился Симонин.

— Нашли, нашли, — с удовольствием сказал Петрушин. — Ваша фамилия помогла. Уж и не знаю, все ли, но и то, что наш-

ли, — это, я вам скажу... Откуда такие деньги, Сергей Анатольевич?

— Я обязан отвечать на ваш вопрос?

— Этот вопрос уже к обвиняемому, а не к потерпевшему, так что ваше дело.

— Ну что ж... Я собирал эту коллекцию всю жизнь. Я вкладывал в нее все, что у меня было.

— На такие ценности и двух жизней не хватит. Это же уникальные единичные экземпляры, им место в музее.

— Именно для этого и собирал. Я хотел вернуть их государству.

— Значит, если я правильно вас понял, вы отказываетесь от коллекции в пользу государства?

— Да, после моей смерти.

Петрушин позвонил по внутреннему телефону:

— Лена, пригласи, пожалуйста, Черняка.

Вошел пожилой аскетического вида мужчина.

— Лев Борисович Черняк, — представил Петрушин, — нумизмат, научный сотрудник музея. Мы попросили Льва Борисовича ознакомиться с вашей коллекцией. Послушаем?

— В коллекции представлены уникальные монеты, — приступил к оглашению своего заключения Черняк. — Талер Лжедмитрия, Гангутский рублевик — их было выпущено десять экземпляров. Рубль Константина 1825 года, известно всего несколько экземпляров. Судьба каждого прослежена вплоть до сегодняшнего дня. Штемпель этой редчайшей в мире монеты хранится в Эрмитаже. Рублевый ефимок Алексея Михайловича, в каталоге Спасского описано 34 экземпляра. Семейный полуторарублевик — уникальная монета.

— Лев Борисович, вы не могли бы оценить коллекцию? — попросил Петрушин.

— Это очень трудно, особенно одному, нужна комиссия. Официальных ценников нет. Подобные монеты оцениваются чрезвычайно дорого. Ну, если, например, взять цены международных аукционов, то семейный полуторарублевик потянет, пожалуй, тысяч на восемь.

— Вы слышите, Сергей Анатольевич? — обратил внимание Петрушин. — Сумасшедшие деньги, не каждому музею по карману. Ну хорошо... Вы ничего не хотите добавить, Лев Борисович?

— Я хочу сказать товарищу Симонину, что ставить свою фамилию на монетах — это варварство, это недостойно интеллигентного человека. Это... это все равно, что расписаться на лице Моны Лизы, — Черняк не скрывал негодования. — Вы опасный человек, ведь вы могли бы испортить бесценные памятники материальной культуры. Счастье, что монеты оказались фальшивыми.

— Нет, нет, что вы! — ошарашенно пролепетал Симонин. — Это подлинное, я консультировался, это подлинное!

— Это красивые, но примитивные подделки, — злорадно возразил Черняк — Сработано способом отливки, о чем свидетель-

Сергей Анатоле-
потерпевшему, так
ю жизнь. Я вкла-
тит. Это же уни-
вернуть их госу-
отказываетесь от

ствуют следы швов на стыке двух форм лицевой и оборотной стороны. На гурте монет вместо имеющихся надписей «С. А. Симонин» должны быть инициалы начальников монетных отделений.

— Как же так, я же консультировался... — повторял Симонин.

— Мы нашли вашего консультанта, — сказал Петрушин, — и ювелира нашли. Три года ювелир работал на вас без праздников и выходных. Кстати, вдвоем же они и украли вашу коллекцию, чтобы не засорять нумизматику. По их делу вы пойдете не как потерпевший, а как обвиняемый в нарушении правил о валютных операциях.

ушин, — нумиз-
ва Борисовича
еты, — присту-
лер Лжедмит-
ять экзempla-
несколько эк-
сегоднешнего
ится в Эрми-
талогe Спас-
левик — уни-
кцию? — поп-
иссия. Офи-
тся чрезвы-
дународных
жалуй, ты-
внимание
по карма-
Борисович?
свою фа-
нтеллигент-
лице Моны
ий человек,
териальной
имонин. —
адно воз-
свидетель-

Дело № 23561. Потребовалось еще значительное время, чтобы привести в порядок уже полученные доказательства и обнаружить новые. С Михнюком все ясно. Сапогову было предъявлено обвинение почти по всем пунктам статьи 144 УК РСФСР: кража, совершенная повторно, по предварительному сговору, причинившая значительный ущерб. Вместе с ним была привлечена к уголовной ответственности и Ведникова.

В двухмесячный срок расследования уложиться не удалось. Петрушин пошел к прокурору просить еще месяц. Прокурор Колесников полистал дело, прочел постановление о продлении срока следствия, еще раз полистал. Что-то его не устраивало.

— Украл, говоришь? — спросил он хитро. — А у кого украл?

— У Ведниковой, — ответил Петрушин и... осекся. Он понял.

— У Ведниковой, значит, — с удовольствием проконстатировал Колесников. — У мертвой, значит, украл. А можно ли лишить мертвого права собственности, которого он уже и так лишен собственной смертью?

Петрушин молчал. Он никогда не чувствовал себя сильным в вопросах квалификации преступлений. Как-то не до этого было, не до казусов, не до прецедентов. Одна забота всегда — доказать да в срок уложиться.

— Н-да, — размышлял прокурор, — если нет кражи, то что есть? Что-то же должно быть, как думаешь?

— Должно, — нехотя отозвался Петрушин.

Вопрос действительно оказался не таким уж простым. Прежде всего, кому теперь принадлежит имущество? Если нет завещания, наследников, имущество признается бесхозным, выморочным, как говорят юристы, и переходит в собственность государства. Значит, похищенные ценности — государственное имущество? Значит, имеет место хищение государственного имущества в особо крупных размерах? Нет, непохоже. С этой статьей шутки плохи, ее санкция предусматривает 15 лет и даже смертную казнь. Чтобы предъявить такое обвинение, нужно твердо установить, что похититель знал о принадлежности имущества государству, субъективно относился к нему как к государственному. Здесь этого нет. Да и вообще, когда преступник лезет в частную квартиру, его редко можно упрекнуть в том, что он ворует государственное, да-

же если это и так. Ему всегда сдается, что в квартире должно лежать только личное.

Прокурор Колесников открыл Уголовный кодекс.

— Тут такая малоприметная статья имеется: присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, принадлежащего государству. Давай обсудим этот вариант. Имеется в виду присвоение клада или находки. Как считаешь?

— Ничего себе находка! — возмутился Петрушин.

— Да, на находку не похоже... Тогда, может быть, клад?

Встал вопрос: что такое клад. В самой статье УК это понятие не расшифровывалось. Подняли словари. У Даля такого слова вообще не оказалось. Петрушин настаивал, что клад — это нечто зарытое в землю или замурованное. Колесников предложил обсудить менее романтические варианты, тем более что энциклопедический словарь давал такую возможность: клад в праве — зарытые или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен или в силу закона, утратил на них право.

— Вот видишь, «сокрытые иным способом», — обратил внимание Петрушина прокурор. — Разве железный ящик сюда не подходит?

Но Петрушин извлек в ответ метод доведения до абсурда.

— А если скрыто в шкатулке, предположим, малахитовой? А если в шкафу под бельем?

— Н-да, это, пожалуй, не клад, — неуверенно заметил Колесников.

— А если в том же железном ящике, но не замкнутом на ключ? — накалял дискуссию Петрушин. — И вообще, давайте разберемся. Если из ящика взял — присвоение клада. А если со стола или из комода — никакого, значит, состава преступления? Ерунда какая-то.

— Ерунда, — подтвердил прокурор. — Кладом можно считать саму квартиру, — предположил Петрушин, — Она закрыта от посторонних, сокровища под охраной замков — чем не клад?

Однако встал другой вопрос. У Сапогова были ключи, он имел разрешение на доступ в квартиру от самой хозяйки. Значит, драгоценности не были для него «скрытыми иным способом», значит, квартира для него не являлась кладом.

— Тогда присвоение находки, — вернулся Петрушин к ранее отвергнутому варианту. — Для находки не нужны требования «сокрытости», ценности могут быть доступны каждому.

— А может быть, самоуправство? — внес ответное предложение Колесников. — Ты говорил, что сестра потерпевшей имела вроде как притязания на ее имущество.

Открыли статью о самоуправстве. «Самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившего существенный вред гражданам либо государственным или общественным

организациям», наказывается исправительными работами, или штрафом до 50 рублей, или общественным порицанием.

— Итак, — подытожил Колесников, — если Сапогов не был в сговоре с женой, он должен нести ответственность за присвоение находки. Если они соучастники, то должны отвечать за самоуправство.

— По-моему, на общественное порицание они согласятся оба, — съязвил Петрушин.

— Знаешь что, закон есть закон, и не нам с тобой его обсуждать, — закончил дискуссию прокурор.

Да, неисчерпаемая и многообразная жизнь преподносит юристам такие образцы многообразия, которым не так просто дать однозначную оценку. А ведь каждое противоправное действие должно получить свое выражение в четких понятиях уголовного закона. Кодекс содержит чуть больше 200 составов преступлений — этих общих формул человеческого поведения, признаваемого преступным. Но в жизни варианты столь бесконечны, что поиски для каждой из них нужного закона часто становятся одним из главных вопросов уголовного процесса.

На столе лежали аккуратными стопками протоколы, рядом — толстая игла и моток шпагата. Петрушин старательно вывел фломастером на новой коричневой корочке очередную цифру «12» и принялся подшивать бумаги. Остальные одиннадцать томов лежали здесь же, в уголке на полу. Следствие продолжается. Дни бегут быстро, а сделать надо еще многое. Сейчас, когда ситуация более или менее прояснилась, самая и работа: проверять, закреплять, перепроверять. Надо сделать так, чтобы суду было все ясно, и следователь Петрушин должен постараться.

Дней за пять до окончания срока расследования Петрушин раздобыл документы, вызвавшие в нем гамму противоречивых чувств. Двое суток он приводил их в порядок, а на третьи позвонил Красину.

— Тебе не кажется, что Михнюк попросту опередил Сапогова? — с ходу поделился мыслями Красин.

— Мне кажется, что они оба в чем-то опередили друг друга. А впрочем, это теперь не имеет роли, как говорят в Одессе.

— За Сапоговым еще брошка с жуком осталась, между прочим. Ведь он увел ее при жизни Ведниковой, — без энтузиазма заметил капитан.

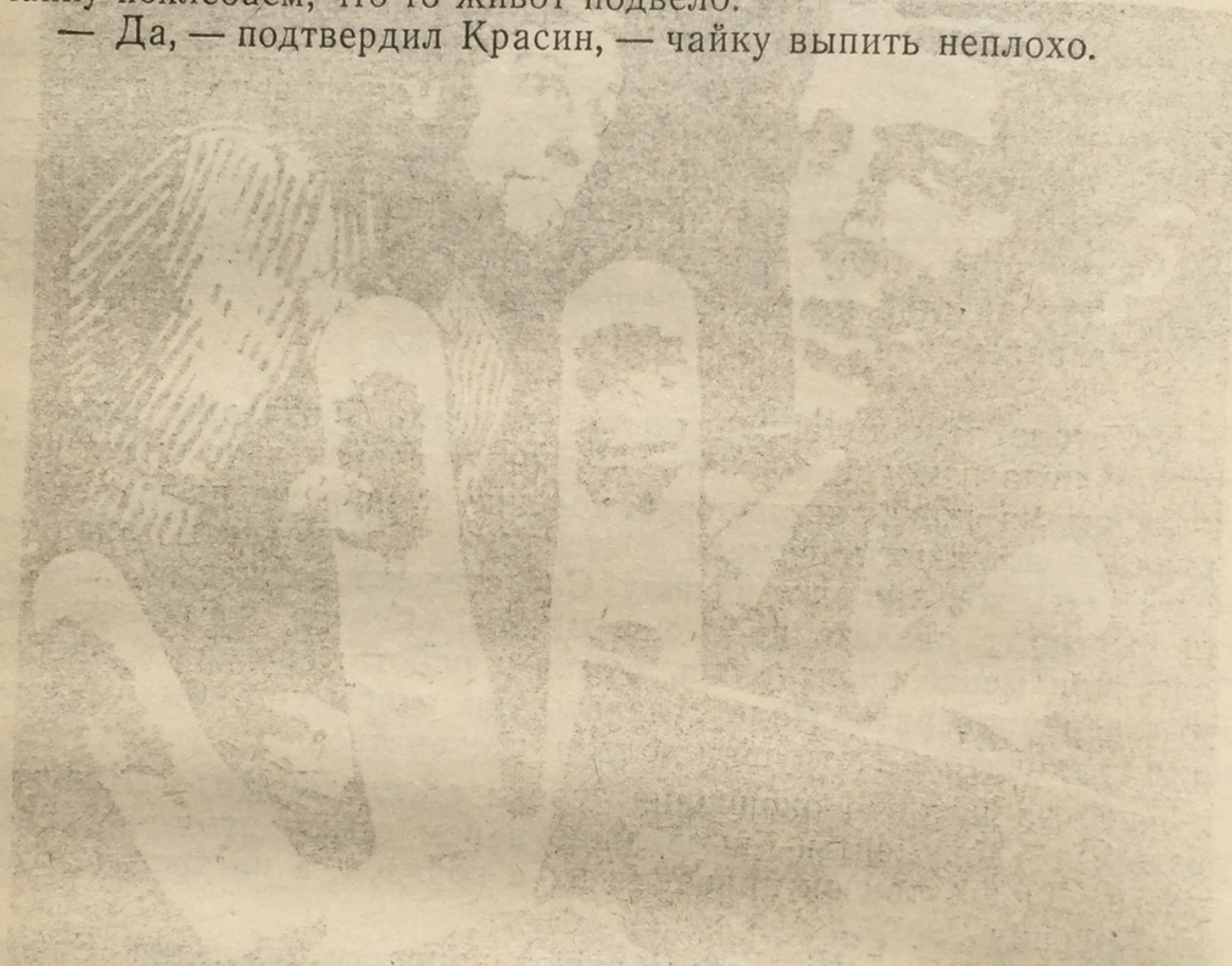
— Посмотрим, — неопределенно пообещал Петрушин. — Послушай-ка лучше, что я тебе прочитаю, — он не спеша достал из папки бумагу, прокашлялся, — «Завещанием» называется. Оглашаю текст, любезно предоставленный мне Первой Государственной нотариальной конторой. «Все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, я завещаю Черемных Сергею Андреевичу. Е. И. Ведникова».

— Черемных! — вскричал Красин. — Этот сальный, зализанный тип с ямочками на рыхлых щеках?!

— Ну-ну, не надо, — осек его Петрушин, уже переваривший новость и успевший подавить в себе эмоции. — Ведникова тяжело и неизлечимо болела, я узнал. А этот человек увидел в ней женщину и согрел в последние ее месяцы и дни. Такого подарка ей никто не делал. Только она одна могла оценить его по достоинству, и она оценила. Спешите делать добро, и вам воздастся, так-то... Ищи, капитан, ценности, хозяин ждет.

— Подождет, — прокряхтел Красин. — А пока пойдем, Вов, чайку похлебаем, что-то живот подвело.

— Да, — подтвердил Красин, — чайку выпить неплохо.

Анатолий

Горы

сальный, зализан-
уже переваривший
— Ведникова тяже-
ловек увидел в ней
ни. Такого подарка
енить его по досто-
о, и вам воздастся,
тока пойдем, Вов,
неплохо.

Анатолий Безуглов

Горькие плоды

Вечером 21 августа 1969 года дачный поселок Быстрица жил размеренной, спокойной жизнью. На улицах было много детворы. С волейбольной площадки доносились азартные возгласы играющих и гулкие удары по мячу. Пожилые дачники чинно гуляли по поселку. Кое-кто возвращался из леса с лукошком, где лежали ядреные подберезовики и боровики.

В начале восьмого Александр Карпович Ветров, директор мастерских по изготовлению школьных пособий, уважаемый всеми человек, пошел поработать в свой сад. Сначала он хотел позвать в помощники сына — студента шестого курса медицинского института Бориса и одиннадцатилетнюю дочь Ларису, но те увлеченно читали что-то, и он решил не мешать им. А так как жена, Надежда Федоровна, задержалась в городе, Александру Карповичу пришлось возиться на участке одному.

Через час Ветров вернулся в дом с ведром собранных яблок. Сын по-прежнему сидел в своей комнате на кровати с книгой в руках.

— Где Лариса? — спросил Александр Карпович. — Надо бы компот поставить варить.

— Не знаю, — ответил тот. — Может, пошла к Фая?

Это была подруга сестры.

Александр Карпович выглянул во двор. Калитка отворена — значит, дочь вышла погулять. Время еще не позднее, волноваться нет причин. Правда, несколько дней назад у девочки было пищевое отравление, что всполошило всю семью, но Лариса уже поправилась и дала слово ни у кого ничего не есть.

Вечер стоял прекрасный. Здесь, в Быстрице, вдалеке от шумного города, отдыхали, как говорится, душа и тело. За разговором с сыном Ветров не заметил, как за окнами постепенно сгустились сумерки. Александр Карпович любил беседовать с Борисом. Сын был начитан, разбирался в политике, литературе, искусстве.

Лариса что-то задерживалась, и это начало беспокоить отца, так как с наступлением темноты девочка обычно была уже дома.

— Сбегал бы ты к соседям, — попросил Александр Карпович сына.

Борис сходил к подруге сестры. Но там ее не было. А Фая, одноклассница Ларисы, сказала, что виделась с ней около полудня.

Сообщение сына встревожило Александра Карповича. Когда из города приехала Надежда Федоровна, уже совсем стемнело. Тревога за дочь еще больше возросла. Все трое — отец, мать и Борис — пошли по соседям, расспрашивали о Ларисе, громко звали ее. Но никто не видел девочку вечером.

Вернувшись домой, обнаружили, что нет Ларисиных красных туфелек, в которых она обычно уходила играть на улицу. Александр Карпович вспомнил про отворенную калитку и про ключ от нее, который лежал на крыльце дачи. Борис на всякий случай осмотрел весь участок, даже слез на чердак: может, сестренка решила пошутить и заснула там? Но Ларисы нигде не было. Дело принимало серьезный оборот.

Никто из Ветровых даже не помышлял об ужине. Думали-гадали, куда могла пойти Лариса. Вечером, когда отец уходил в сад, а Борис находился в своей комнате, девочка читала в гостиной — так именовали Ветровы большую общую комнату на даче. Раскрытая книжка осталась лежать на столе.

И снова все трое отправились на улицу. Опять ходили по поселку, звали девочку. К поискам подключились участливые соседи. Кто-то высказал предположение, что Лариса, никому ничего не сказав, отправилась в город и заночевала у кого-нибудь из родных. Это предположение оставляло единственную надежду в том отчаянии, которое все больше охватывало Ветровых.

До утра никто не ложился спать. Александр Карпович и Надежда Федоровна пили сердечные и успокаивающие средства, а Борис не находил себе места. С первой электричкой он поехал в город, а с вокзала — сразу к бабе Мане, родной тетке матери, к которой Лариса была особенно привязанна. Баба Маня всполошилась и заявила, что внучатая племянница у нее не появлялась. Борис обзвонил и объездил всех родственников и близких знакомых. Девочка как в воду канула.

Пока Ветров-младший искал Ларису в городе, в Быстрице была поднята на ноги местная милиция. С наступлением дня поиски девочки в поселке были продолжены. В них участвовали многие соседи Ветровых. Особенно тщательно прочесали примыкающий к Быстрице лес. Но все это не дало никаких результатов. Единственной находкой был носовой платок, обнаруженный в траве на перекрестке Баркановской и Красной улиц. Родители опознали его — платок принадлежал их дочери.

Давая объяснение работникам милиции по поводу исчезновения Ларисы, Ветровы отметили одну немаловажную деталь: из дома пропали две настольные игры дочери, в картонных коробках, которые обычно находились в гостиной. Вероятнее всего Лариса отправилась куда-то с этими коробками, но куда и к кому — этого никто не знал.

Борис, вернувшись из города, первым делом спросил: «Нашли?» Ответ читался на заплаканных лицах родителей.

По инициативе инспектора уголовного розыска Быстрицкого отделения милиции был вызван проводник со служебно-розыскной собакой. Но и это ничего не дало.

Ларису не нашли ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день...

Работники милиции, занимающиеся поисками, опрашивали соседей по даче, родных. Все говорили, что Лариса не по годам крупная, почти с оформившейся женской фигурой — словом, акселератка. Это наталкивало на мысль: а не могла ли она стать жертвой насильника? Не исключалось, что ее куда-то заманили, а потом убили. Тем более, одна из соседок рассказала, что за несколько дней до исчезновения она якобы видела Ларису с незнакомым мужчиной.

Но и труп обнаружить пока не удавалось.

Был объявлен розыск. Размноженные фотографии девочки с ее словесным портретом разослали по всей области. Более того, об исчезновении Ларисы Ветровой было сообщено в областной газете, а фото показано по местному телевидению. К населению обратились с просьбой: если кто видел девочку или знает что-либо о ее местонахождении, пусть срочно сообщит об этом в милицию. Но сообщений не поступало. Зато в квартире Ветровых беспрестанно звонил телефон: знакомые и малознакомые люди выражали сочувствие. Каждый звонок рождал надежду: а вдруг это Лариса или человек, который сообщит, где она? Но всякий раз Ветровых ждало разочарование, что еще больше сгущало и без того гнетущую атмосферу.

Из газеты и телепередачи узнали о горе Ветровых сокурсники Бориса. Кое-кто звонил, а некоторые приехали на дачу, чтобы поддержать товарища.

Но хотя родные и близкие, соседи по дачному поселку и по городской квартире, сослуживцы и все знакомые окружили Александра Карповича, Надежду Федоровну и Бориса вниманием, это мало чем могло их утешить. Трудно было сказать, кто из них переживал сильнее.

Семья Ветровых жила дружно и счастливо. В ней царили согласие и любовь. Многие им завидовали. Как говорится, хорошей завистью. А завидовать, по мнению окружающих, было чему.

Ветров-старший имел неплохое положение, пользовался как руководитель авторитетом у себя в коллективе. Трудолюбивый, выдержанный, отличный семьянин. Сам не пил и не любил пьяниц, что не мешало ему быть хлебосольным хозяином. В доме Ветровых на праздники и торжества собирались многочисленные гости — солидные, уважаемые люди.

Под стать Александру Карповичу и Надежда Федоровна — любящая жена и мать, уважаемый человек на работе.

Что касается детей — родители были ими довольны. Дочь — послушная и ласковая, а Борис — гордость семьи. Еще бы, поступил в институт, в который так трудно попасть из-за большого конкурса. Учеба шла успешно. Ветров-младший был на хорошем счету у преподавателей, участвовал в работе студенческого научного общества. К пьянкам и пустому времяпрепровождению его не тянуло. При этом имел видную внешность. Не удивительно, что от невест не было отбоя.

Когда отец получил участок в Быстрице, дом поднимали сообща. Александр Карпович трудился над возведением дачи самозабвенно, не чурался никакой работы, даже самой черной. И не раз соседи корили своих лентяев-сыновей, приводя в пример Ветрова-младшего: тот и забор поможет отцу поставить, и дом покрасит, и огород вскопает. Словом, помощник хоть куда.

Что говорить, дружная была семья. Труженики. Отсюда и достаток: отлично обставленная двухкомнатная квартира в городе, добротная дача. Поговаривали, что Ветров-старший намеревался приобрести «Волгу». В этом имелся свой резон: у Бориса была не-

веста, симпатичная скромная девушка, Ольга Каменева. Ее принимали в доме как свою. По мнению родителей, дело явно шло к свадьбе. А какая свадьба без подарка, солидного и в то же время нужного? С машиной поездки на дачу стали бы удобнее и менее хлопотны.

И вот на эту семью, которую многие считали образцовой, обрушилось несчастье.

Лариса была любимицей родителей и брата. Наверное, потому, что младшая и девочка. Мысль о том, что с ней случилось страшное, была невыносима. Надежда, теплившаяся какое-то время после ее исчезновения, растаяла. Конечно, каждый из Ветровых старался поддержать, подбодрить другого, но отчаяние становилось с каждым днем нестерпимее.

Александр Карпович постарел лет на десять. Ничто его не радовало. Между тем приближался его юбилей — шестидесятилетие, к которому давно готовились дома и на работе. Теперь думы о том, что этот день он встретит без дочери, жгли душу. Дачный поселок постепенно пустел. Многие уже выехали в город, чтобы подготовить детей к школе: купить новую форму, учебники. И это еще больше растравляло рану. Первого сентября нарядные, с букетами цветов, все ученики придут к первому звонку, а Ларисы среди них не будет... Борис делился своими опасениями насчет отца с невестой и матерью. Сам Александр Карпович признался ему: «Я, конечно, держусь, но уж если споткнусь, то так упаду!.. Я чрезвычайно устал... Мне очень трудно выносить все это... Не знаю, как мне еще удастся держать себя в руках».

Наверное, то же самое могла сказать о себе и Надежда Федоровна. На грани отчаяния находился и Борис, что трудно было не заметить родителям и друзьям. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, родители приглашали на дачу приятелей, просили Олю Каменеву чаще бывать с ним. Александр Карпович и Надежда Федоровна считали, что из всех знакомых девушек она лучше всех понимает Бориса, относится к нему внимательнее и нежнее. По их просьбе Оля находилась при женихе неотлучно.

Подошло 28 августа — день шестидесятилетия Александра Карповича. На дачу приехало несколько самых близких родных и знакомых семьи Ветровых. Не для того, чтобы поздравить юбиляра, — просто люди хотели быть рядом в тяжелую минуту. Кто-то остался ночевать, кто-то быстро уехал, не в силах вынести тягостную атмосферу.

В народе говорят: беда не приходит одна.

Наступило 31 августа. Вечером в поселке было тихо. Не доносились с улицы голоса: начинался учебный год, детей увезли в город.

На даче Ветровых находились Александр Карпович, Надежда Федоровна, Борис и Оля Каменева.

В половине четвертого ночи, когда весь поселок спал крепким сном, к дому Бобринских, соседей Ветровых, прибежала бледная, насмерть перепуганная невеста Бориса и отдала им двуствольное

ружье. Из малосвязного рассказа девушки соседи поняли только одно: сейчас произошла трагедия, Александр Карпович из этого охотничьего ружья убил свою жену и застрелился сам. Борис в таком состоянии, что Ольга боится, как бы он не сделал что-нибудь с собой, поэтому она решила унести ружье из дома.

Поспешившие на место происшествия Бобринские увидели страшную картину. В двуспальной кровати лежали супруги Ветровы. Ужасные ранения головы у обоих не оставляли никакого сомнения в том, что они мертвы. Александр Карпович выстрелил в себя с помощью шнура, привязанного к спусковому крючку ружья.

Борис, как сомнамбула, бродил по дому в трусах и майке, не замечая вокруг никого и ничего, потрясенный случившимся.

Скоро о трагическом событии узнали и другие жители Быстрицы. Многие собрались в доме Ветровых. Кто-то позвонил в милицию. В поселок приехала дежурная группа из райотдела внутренних дел. Вместе с ней прибыли заместитель районного прокурора младший советник юстиции Речинский и судмедэксперт.

После того, как место происшествия было осмотрено и сфотографировано, Речинский решил побеседовать с Борисом.

Молодой человек находился чуть ли не на грани помешательства.

— Я так и думал... Я все время боялся этого... — без конца повторял он. Его трясло — то ли от нервного шока, то ли от холода. Утро выдалось свежее, а на нем была легкая рубашка с короткими рукавами.

Зампрокурора района попросил Бориса рассказать о случившемся.

— Лег я в двенадцать часов, — начал Ветров. — Родители легли в своей комнате еще раньше, в начале одиннадцатого. Мне показалось, что они уже заснули... Вообще-то с тех пор, как исчезла Лариса, ну, сестра, они не обходятся без снотворного... Я тоже никогда не могу уснуть... И сегодня так же. Все время ворочался. Потом будто куда-то провалился. И вдруг — выстрел! — Борис замолчал и обхватил голову руками так, что побелели суставы.

— В котором часу это было? — задал вопрос Речинский.

— В половине четвертого. Это я потом посмотрел на часы, когда зажег свет. Ольга тоже проснулась. Моя невеста...

— Вы спали с ней в одной комнате?

— Да, в моей. Вместе. Понимаете, фактически мы уже муж и жена. Хотели подавать в загс. И поэтому...

— Понимаю, понимаю, — кивнул Речинский. — Продолжайте, пожалуйста.

— Ольга шепнула: сходи в их комнату, там что-то случилось. Хочу встать, пойти, но боюсь чего-то... Сам весь в поту... В последнее время отец был какой-то странный... Я сразу догадался, что в спальне родителей произошло что-то ужасное. Откуда-то появилась мысль: вот открою их дверь, а он в меня... Вдруг — еще выстрел... Тут уж я вскочил.словно пружиной подкинуло... Бро-

сился к ним. Распахнул дверь. Темно, почти ничего не видно, а включить свет — страшно... И, главное, тихо. Абсолютная тишина. Я сдернул с отца одеяло. Ружье упало на пол. Я стал на ощупь искать у отца рану и вдруг заметил, что вокруг его головы все темное. Это была кровь... И на маминой подушке тоже... Я выскочил из спальни. Включил в большой комнате свет. На часах — около половины четвертого.

— А точнее? — спросил Речинский.

— Не то двадцать четыре минуты, не то двадцать семь... Зашел к Оле. Говорю: отец убил мать и себя... Мы вместе прошли в комнату родителей... Я поднял ружье с пола, но Оля зачем-то отняла его у меня и выбежала из дома... Потом появились Бобринские, ну, соседи... Потом еще какие-то люди... Потом — вы...

— Вы сказали, что ваш отец в последнее время был какой-то странный. Когда это началось и в чем выражалось?

Борис рассказал, как пропала сестра, как переживал Александр Карпович. Да и вся семья тоже.

— Вдруг он стал все прятать, — продолжал Ветров. — Никогда ничего не прятал, а тут... Раньше у нас в холодильнике или в буфете стояли бутылки с вином, коньяком. Для гостей. Вообще-то отец не любитель спиртного. Мама и я тоже не пьем. А отец зачем-то спрятал все бутылки... И еще. Ни с того ни с сего говорит мне: «Все равно Ларочка всегда будет со мной». Я стал успокаивать его: конечно, конечно, она, мол, найдется, и мы опять будем все вместе. Он как-то странно посмотрел на меня и тихо произнес: «Не с вами... Ларочка будет со мной»...

— Когда произошел этот разговор? — задал вопрос зампрокурора.

— Дней пять назад. Я передал его маме. Она очень расстроилась. Опять, говорит... Я стал допытываться, что она имеет в виду под словом «опять»? Мама расплакалась. Потом рассказала мне, что у папы было уже однажды душевное расстройство. Во время войны. Ты, говорит, Боря, медик, поймешь меня... Вспомни, мол, дядю Ваню...

— Кто такой дядя Ваня? — поинтересовался Речинский.

— Мой дядя, родной брат отца. Когда он умер, я был еще маленький. Ну, а они скрывали, от чего умер дядя. Я узнал об этом совсем недавно. Папа проговорился. Оказывается, Иван Карпович покончил с собой. Также застрелился...

— Ваш отец находился на учете у психиатра?

— Не знаю, — пожал плечами Борис. — Спрашивать у него было как-то неудобно. Сами, наверное, понимаете: такие вещи скрывают. И маму не расспрашивал... Одно мне известно доподлинно: отец был освобожден от службы в действующей армии во время войны. По состоянию здоровья.

— Какая болезнь?

— Не могу сказать. Я видел его освобождение от военной службы. Но там только цифровые и буквенные обозначения. Что скрывается за этим шифром, понятия не имею.

— Где находится это свидетельство?

— В городской квартире. Оно всегда лежало в буфете. Могу вам привезти.

— Хорошо, если понадобится, я скажу,— кивнул зампрокурора.— Александр Карпович не говорил конкретно о намерении покончить с собой?

— Конкретно?— повторил Ветров и ненадолго задумался.— Что-то вроде этого было... После того, как пропала сестра, отец все время твердил: «Зачем нам жить?»

— Кому это «нам»?

— Ну, ему, маме и мне. Раз, говорит, Ларочку не уберегли, то и жить не стоит... Особенно плохое настроение было у него в день рождения. Три дня назад. Смотрю—ходит по саду. К нам люди приехали, а он бросил всех и ушел на участок. Мы боялись оставлять его одного, поэтому я тоже вышел. Глянул на отца, а у него глаза какие-то безумные. Спрашиваю: «Что с тобой, папа?» Он тяжело-тяжело вздохнул и опять: «Зачем жить? Умереть ведь так просто. Один миг»... И так посмотрел на меня, что я испариной покрылся... Стал отвлекать его разговорами. А он словно и не слышит. Взял меня за руку и говорит: «Может, втроем? С тобой и с мамой?..» Честно говоря, я его понимал. Мне самому так тошно было... Тут нас позвали в дом.

— А об этом разговоре вы сообщили матери?

— Хотел, но не успел,— вздохнул Борис.— То гости мешали, то она приезжала поздно. Короче, случай не представился,— Ветров помолчал, глядя куда-то сквозь Речинского.— Если бы я знал!.. Надо было сказать маме, отвезти отца к врачу... Тогда ничего не произошло бы...

— Кому принадлежит ружье, из которого были произведены выстрелы?— спросил Речинский.

— Это папино ружье. Он иногда ездил на охоту.

— А где оно обычно висело?— продолжал зампрокурора.

— В их комнате. Прямо над кроватью. Не знаю, может, у меня было предчувствие... Позавчера я перенес ружье в большую комнату. Смотрю, вчера утром отец снова повесил его на прежнее место. У меня была идея спрятать ружье и патроны. У отца их целая коробка... Не успел,— сокрушенно закончил Борис.

— Когда вы переносили ружье в большую комнату, оно было заряжено?— задал вопрос Речинский.

— Нет, не заряжено. Это я хорошо помню.

Речинский хотел поговорить и с невестой Бориса, но девушку в нервном расстройстве увез в город кто-то из соседей—так сильно подействовало на нее пережитое ночью.

Приехала машина из морга. Трупы были отправлены в город для вскрытия и проведения судебно-медицинской экспертизы.

Сколько ни искали представители следствия посмертную записку, обнаружить ее так и не удалось.

На что обратил внимание Речинский, так это на заряженный патрон шестнадцатого калибра, лежащий на тумбочке возле из-

голова кров
с той сторон
Выходит,
рон, если Ал
предназнач

По факт
ное дело. С
ковский.

Судебно-м
наступила в
рельным ору
шее Алексан
надцатого к
Патроны был

Выстрел
приблизител
вич пристави
ную—на ра
спущен им п
торцовую ча

Рудковски
шествии, тот
ранее замест

— Что же
сил следова

— Пропаж
переживал. З
нимаете, он с

— Объяс
мере виновн

— За нес
ссора с па

— Из-за

— В пос

видели с ка
с ней, преду

делась. Знае
увеличенном

ривать с род
попросил м

ласково. Се
Когда она г

ло... Теперь
вздыхал, по

себе этого
— Когда
— Через
что Лариса

головья кровати в комнате родителей Бориса. Патрон находился с той стороны, где было обнаружено тело Александра Карповича. Выходит, зачем-то нужен был Ветрову-старшему третий патрон, если Александр Карпович держал его под рукой. Видимо, он предназначался для сына.

По факту гибели супругов Ветровых было возбуждено уголовное дело. Следствие вел следователь областной прокуратуры Рудковский.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть обоих наступила в результате ранения головы, причиненного огнестрельным оружием. И этим оружием явилось ружье, принадлежавшее Александру Карповичу Ветрову, — охотничья двустволка шестнадцатого калибра производства Тульского оружейного завода. Патроны были заряжены дробью.

Выстрел в Надежду Федоровну был произведен с расстояния приблизительно семидесяти сантиметров. К себе Александр Карпович приставил срез ствола ружья во время выстрела почти вплотную — на расстоянии 2—4 сантиметра. Спусковой крючок был спущен им посредством шнурка, перекинутого скорее всего через торцовую часть приклада.

Рудковский допросил Бориса Ветрова. Рассказывая о происшествии, тот повторил, правда более подробно, то, что сообщил ранее заместителю прокурора района Речинскому.

— Что же, по вашему, толкнуло отца на самоубийство? — спросил следователь у Бориса.

— Пропажа сестры Ларисы, — ответил Ветров. — Папа очень переживал. Это подействовало на него чрезвычайно сильно... Понимаете, он считал себя в какой-то мере виновным...

— Объясните, пожалуйста, что значит «считал себя в какой-то мере виновным»?

— За несколько дней до исчезновения сестры у нее произошла ссора с папой.

— Из-за чего?

— В поселке ходили грязные сплетни... Как будто бы Ларису видели с каким-то взрослым парнем... Отец деликатно поговорил с ней, предупредил, что есть, мол, нехорошие люди... Сестра обиделась. Знаете, как бывает у детей? Они все воспринимают в преувеличенном виде. Лариса замкнулась в себе, не хотела разговаривать с родителями. Они к ней так и этак — безрезультатно. Отец попросил меня поговорить с Ларисой... Я решил подойти к ней ласково. Сестра расплакалась. Уйду, говорит, из дома и все... Когда она пропала, я сказал о ее словах отцу. Конечно, не стоило... Теперь жалею об этом. Он страшно расстроился. Весь день вздыхал, потом признался: «Если Ларочка не найдется, никогда себе этого не прощу»...

— Когда состоялся этот разговор?

— Через день, кажется, после исчезновения сестры. Отец решил, что Лариса не простила ему того разговора и ушла из дома. Мы

с мамой, разумеется, пытались разубедить его...—Борис вздохнул и замолчал.

— Дальше?

— Конечно, с его больным воображением.

— Что вы имеете в виду?—спросил Рудковский.

— Нормальный человек не натворил бы такого,—сказал Борис и пояснил:—Я уже говорил. Отец был душевнобольным. Понимаете, раньше я не особенно придавал значения его странностям. Все люди разные. Одни веселые, другие мрачные. Каждый, как говорится, чудит по-своему... За несколько дней до этого убийства с самоубийством мать призналась мне, что у отца было психическое заболевание. Честно говоря, для меня это не явилось новостью. Поймите правильно, я ведь без пяти минут врач. Изучал психиатрию, бывал в больницах. Симптомы знаю. По-моему, основная причина случившегося — его болезнь.

— Если это так, почему вы ничего не предпринимали?—спросил следователь.—Почему не заставили его лечиться?

— Легко сказать,—тяжело вздохнул Борис.—Ну, во-первых, психиатрия такая область, где случаи, подобные отцовскому, сразу распознать трудно. Надо принимать во внимание и возраст. В его годы у многих наблюдается старческий склероз. Во-вторых, речь шла о таком близком человеке, как отец. Согласитесь, нелегко признать, что твой отец — шизофреник. Хоть ум и требует признать, а сердце все равно сопротивляется. В-третьих, его болезнь прежде от меня скрывали. Как и то, что в их роду дурная наследственность. К сожалению, я узнал об этом буквально дня за два-три до случившегося.

— Что же вы узнали?

— То, что его брат — шизофреник. И что он застрелился. Моего деда по отцовской линии тоже признавали психически ненормальным. Он чуть в тюрьму не угодил... Как-то взял топор и стал на улице рубить столб. Это было в тридцатых годах. Ну, его арестовали как вредителя. Правда, потом разобрались что к чему и выпустили. Поняли, что его лечить надо... И тетя, между прочим, ведет себя подозрительно. Сестра отца. Я ее люблю и не могу понять, почему она не пришла на похороны, хотя была очень привязанна к папе...

— В чем, по вашему, выражалось странное поведение отца?

— Неадекватность реакций... Простите, это научный термин. Постараюсь объяснить популярно. Настроение не зависело от видимых причин. Вдруг становился мрачным, замкнутым без всякого повода...

Борис рассказал следователю о появившейся у Александра Карповича перед самоубийством мании прятать деньги, вещи, в частности бутылки со спиртным, а потом забывать, куда спрятал. И о странных словах отца «Ларочка всегда будет со мной».

— И еще. Я стал замечать за ним какую-то непонятную ритуальность... Придавал большое значение тому, где что находится. Например, фотография деда должна была лежать в правом ящи-

ке письменного стола, а фото дяди Ивана — в левом. Мать случайно положила их в один ящик. Отец сделал ей настоящий выговор... Ружье на стене должно было висеть так, чтобы дуло было выше приклада. Перед сном он обязательно должен был дотронуться до серебра: ложки, подстаканника — в общем, что было под рукой. Явные признаки больной психики... Знаете, после всего этого я стал заниматься самоанализом: не передалось ли мне по наследству? — Борис печально усмехнулся. — Это вообще отрицательная черточка в нашей профессии — искать у себя симптомы всех болезней... Но, кажется, судьба меня помиловала. Победили мамины гены. Она с крепкой, здоровой психикой. Была...

— А ваша сестра? — поинтересовался Рудковский.

— Лариса еще маленькая, чтобы делать какие-то выводы. Шизофрения — болезнь, которая обычно проявляется в период полового созревания...

Раз уж разговор коснулся Ларисы, следовательно расспросил подробнее о событиях, происшедших 21 августа.

— Знаете, — сказал Борис в заключение, — я не верю сплетням, будто бы ее видели с каким-то мужчиной. Злые языки... Не понимаю, зачем кому-то трепать наше имя...

Рудковскому было известно, что милиция продолжает поиски Ларисы Ветровой, но пока безрезультатно.

Конечно, исчезновение любимой дочери могло послужить поводом для решения Александра Карповича покончить с собой. Особенно если учесть его болезненное состояние.

Допрошенная невеста Ветрова, Ольга Каменева, показала: после исчезновения Ларисы Борис не раз говорил ей о том, что его очень беспокоит поведение отца, он боится, как бы Александр Карпович не сделал чего-нибудь с собой, и что лучше всего было бы поместить его в больницу для лечения. Она подтвердила, что во время выстрелов находилась вместе с Борисом в одной комнате.

О том, что у Ветрова пропала сестра, его приятели и сокурсники узнали из передачи областного телевидения. Теперь же они узнали и о другой трагедии в семье Бориса — гибели родителей. Друзья старались не оставлять своего товарища одного в беде. Приходили к Ветрову домой, звали к себе в гости.

Студентам шестого курса, на котором учился Ветров, вскоре предстояло разъехаться на практику. Борис должен был отправиться в небольшой городок Средней Азии.

— Боря, — говорили ему друзья, — тебе нельзя сейчас отлучаться из города. А если найдется Лариса? Как она перенесет смерть родителей? И вообще, кто заменит ей отца и мать?

— Не могу я оставаться, — отвечал Ветров. — Хочу уехать куда-нибудь подальше, хоть немного забыться... Я уже не верю, что Ларису найдут. Разве что произойдет чудо...

— Нужно надеяться, — твердили товарищи. — Ведь в милиции еще не сказали ничего определенного.

В конце концов Ветров соглашается: да, надо надеяться. Товарищи Бориса по курсу уговаривали его обратиться в ректорат института с просьбой, чтобы его оставили практиковаться в городе. Хотели даже направить целую делегацию. Ветров, уступив уговорам, пошел к проректору сам.

Проректор, профессор Петряков, отнесся к просьбе Ветрова очень внимательно.

— Мы обязательно что-нибудь сделаем для вас,—сказал он.— Правда, возможно оставить в самом городе не удастся, но попробуем устроить вас на практику в области. Например, в районе, где, кажется, находится ваша дача. В Быстрице, так?

— Да,—кивнул Борис.

Петряков был осведомлен, где пропала сестра Ветрова.

А поиск Ларисы продолжался. Так как в области не удалось обнаружить ни девочку, ни ее труп, милиция объявила всесоюзный розыск.

В начале октября Борис женился на Ольге Каменевой. И хотя со дня смерти его родителей прошел всего месяц, никто не осуждал его: родные и друзья понимали, как трудно вынести горе в одиночестве. К тому же на плечи Бориса свалилась масса дел и забот по дому и даче. И год предстоял ответственный — преддипломный.

Ольга переехала жить на городскую квартиру Бориса. Знакомые, бывая у них, видели: молодая женщина делала все для того, чтобы он поскорее оправился от пережитого.

Вместе они разбирали бумаги и документы, оставшиеся от родителей. И как-то наткнулись на пожелтевший от времени листок. Это была выписка из истории болезни № 1062. В ней говорилось, что в 1943 году Александр Карпович Ветров находился на лечении в Свердловской психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения».

Ветров-младший представил выписку следователю Рудковскому.

— Когда-нибудь раньше вы этот документ видели?—спросил следователь.

— Нет, никогда. Родители, по-видимому, не хотели, чтобы я знал о болезни отца,—ответил Борис.

Рудковский приобщил выписку к делу. То, что Ветров-старший действительно страдал психическими заболеваниями, теперь было подтверждено документально.

Итак, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, подтверждающего, что Александр Карпович мог убить жену, а затем выстрелить в себя, и принимая во внимание болезнь Ветрова-старшего, которая привела его к убийству жены и самоубийству, следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела.

Когда об этом известили официальным письмом Бориса, он, читая его жене, не без сарказма заметил:

— А еще
о самоубийстве
— А как
— Надо бы

Многих вз
было прекра
выражались
и себя. Одна
стителя прок
назвать себя
— Ветров

Зампроку
из архива, с
высказываем
что осмотр
ровых был п
казаниях сви
начала Рудк
сию — версии

Было ре
Посоветовал
ственная гру
лам Владим

Ознаком
предшестве
пятен» в дел
Карпович В
у каждого и
сослуживца
ваний из-за
самоубийств
в темных м
один-единст
чтобы не с
что Борис
он опасалс
дителей по
патрон. Вс

Владим
но самоуб
ковский эт
что Ветро
преступлен
Ветров
ные вещи,
комнате, и
Проникну
ник не зн

— А еще юристы! Смотри, как неграмотно написано: «Дело о самоубийстве ваших родителей прекращено»...

— А как надо?—спросила Ольга.

— Надо было так: «Дело об убийстве жены и самоубийстве...»

Многих взволновала трагедия в семье Ветровых. И хотя дело было прекращено, в прокуратуру поступали письма, в которых выражались сомнения в том, что Александр Карпович убил жену и себя. Однажды раздался телефонный звонок в кабинете заместителя прокурора области. Какая-то женщина, не пожелавшая назвать себя, коротко сообщила:

— Ветровых убили. Ищите получше!—и бросила трубку.

Зампрокурора решил еще раз ознакомиться с делом. Взяв его из архива, скрупулезно, лист за листом, изучил его. Сомнения, высказываемые в письмах, охватили и его. В частности, он понял, что осмотр места происшествия после обнаружения трупов Ветровых был произведен поверхностно. Имелись разногласия в показаниях свидетелей — соседей по даче. Но главное — с самого начала Рудковский фактически разрабатывал только одну версию — версию самоубийства Ветрова и убийства им жены.

Было решено отменить постановление о прекращении дела. Посовествовались с вышестоящим руководством. Была создана следственная группа во главе со следователем по особо важным делам Владимиром Георгиевичем Гольстом, приехавшим из Москвы.

Ознакомившись с документами, которые достались ему от предшественника, Владимир Георгиевич пришел к выводу: «белых пятен» в деле предостаточно. Что из себя представляли Александр Карпович Ветров и его жена Надежда Федоровна? Какие были у каждого из них взаимоотношения с родственниками, знакомыми, сослуживцами? Не было ли у Ветрова-старшего, помимо переживаний из-за пропажи дочери, и другой причины, толкнувшей на самоубийство? Может быть, женщина? Или он оказался замешан в темных махинациях? Бывает, человек так запутается, что видит один-единственный выход из создавшегося положения — смерть. И чтобы не обрекать на позор семью, убивает своих близких. То, что Борис остался в живых, могло быть случайностью. Недаром он опасался, что отец убьет и его, когда он вбежит в спальню родителей после первого выстрела. На тумбочке ведь лежал третий патрон. Все это требовало проверки.

Владимир Георгиевич рассуждал дальше. А почему обязательно самоубийство? Может быть, убийство? Ни милиция, ни Рудковский эту версию не отработывали. Между тем не исключено, что Ветровы пали жертвой убийцы (или убийц). Причем мотивы преступления могли быть самые разные. Первое — ограбление.

Ветровы слыли обеспеченными людьми. На даче имелись ценные вещи, возможно, и деньги. Охотничье ружье всегда висело в комнате, где спали Александр Карпович и Надежда Федоровна. Проникнуть в их спальню — дело пустяковое. Возможно, преступник не знал, что на даче помимо старших Ветровых в ту ночь на-

ходились Борис и его невеста. И этим вызвано то, что ограбление сорвалось. Убив супругов и услышав в соседней комнате шум, злоумышленник бежал через окно. Отпечатки пальцев на подоконнике, а также другие следы никто не искал.

Убить Ветровых могли и не с целью грабежа. Например, из мести. Не исключено, что Александр Карпович обидел кого-нибудь из своих подчиненных. Уволил, например, работника с неважной записью в трудовой книжке, и тот решил расквитаться.

Все осложнялось и тем обстоятельством, что за десять дней до гибели Ветровых исчезла их дочь.

А не было ли здесь единого, хорошо продуманного умысла: сначала убить Ларису, затем — ее родителей? Мог быть и такой вариант: человек, соблазнивший и убивший девочку, боялся, что ее родители что-нибудь припомнят или заподозрят, поэтому убил также их.

И еще. Не мог Александр Карпович сам убить свою дочь? Умышленно или по неосторожности. Труп спрятал. А раскаяние в содеянном довело его до убийства жены и самоубийства. Тогда становилось более понятным его странное поведение после исчезновения Ларисы. Правда, это поведение можно было объяснить и шизофренией.

Шизофрения... Гольст не мог понять, как человек столько лет скрывал свою болезнь, будучи начальником, а значит, на виду? Неужели никто ничего не замечал — ни подчиненные, ни его руководство?

Словом, вопросов, требующих ответа, имелось немало. И предстояло ответить на них.

При первой встрече Гольст отметил, что у Бориса Ветрова интересная внешность. Продолговатое лицо, внимательные умные глаза с чуть припухшими веками под черными бровями с красивым изломом. Глаза широко расставлены, что придает лицу мужественное выражение. Прямой нос, сжатые губы с ямочками в уголках, выдающийся вперед волевой подбородок. Лицо и вся его фигура выдают собранность и целеустремленность.

В начале допроса Гольст попросил Бориса рассказать об исчезновении сестры. Тот подробно изложил следователю события, происшедшие 21 августа на Быстрицкой даче, поиски сестры и последующие действия милиции, родителей и его самого.

Так же подробен был рассказ Ветрова о гибели матери и отца. Гольст отметил про себя, что Борис хорошо владеет речью — говорит ясно и литературно грамотно и что это начитанный, интеллигентный молодой человек.

— Как относился к Ларисе ваш отец? — спросил следователь.

— Папа любил ее, — просто ответил Ветров. — Правда, она не всегда была послушна, особенно последнее время. Но папа всегда прощал Ларису. Их ссору перед исчезновением можно считать недоразумением.

— Александр Карпович никогда не бил дочь?

— Что
руку на Л
пустить в
с ней дра
конечно,
паю, а чер
жалко ее,
что бы я
нять...

— Скаж

Вероятн

— Враг

ответил.

— Мож

что-нибудь

— По-м

честнейши

и даже ма

— А на

— Отец

на фабри

фильмах —

Гольст

как в спа

шума.

— Я сп

выстрела.

— А ко

села занав

— Мне

когда я то

подушках

— Как

— Чер

На воп

на убийств

— Исче

сильно под

Фабрик

койный Ве

неказистое

прошлом

окнами, о

оставляла

рика.

Потом

нал, что

Александр

— Что вы! — искренне удивился Борис. — Чтобы папа поднял руку на Ларочку! Он был строг, это верно. Мог наказать — не пустить в кино, к подружке. Но ударить — ни за что! Уж если кто с ней дрался, так это я. — Ветров печально улыбнулся. — В детстве, конечно, и не во всю силу. Знаете, иной раз так допечет... Нашлепаю, а через пять минут уже сидим в обнимку. Она плачет, мне жалко ее, маленькая ведь, — Борис тяжело вздохнул. — Не знаю, что бы я отдал, только бы еще раз погладить ее по голове, обнять...

— Скажите, у вашего отца были враги? — задал вопрос Гольст. Вероятно, этот вопрос был для Ветрова неожиданным.

— Враги? — переспросил он и после некоторого размышления ответил: — Не знаю... Не думаю...

— Может быть, кто-то завидовал ему или затаил обиду за что-нибудь? — уточнил следователь.

— По-моему, таких людей не было, — сказал Ветров. — Папа — честнейший человек. Труженик. И если делал что-то для знакомых и даже малознакомых, то только хорошее. Все уважали его.

— А на работе? Среди подчиненных?

— Отец не очень любил делиться со мной тем, что происходило на фабрике. А вот поговорить о политике, любимых книгах, кинофильмах — всегда пожалуйста...

Гольст попросил вспомнить, не слышал ли Борис перед тем, как в спальне раздались роковые выстрелы, подозрительного шума.

— Я спал, — ответил Борис. — Проснулся только после первого выстрела.

— А когда вбежали в комнату, не заметили, правильно ли висела занавеска, было ли закрыто окно?

— Мне было не до этого, — признался Борис. — Помню только, когда я толкнул дверь в спальню, то увидел темные пятна на подушках отца и матери... Вокруг головы...

— Как вы сумели разглядеть это?

— Через окно падал свет от фонаря на улице.

На вопрос следователя, что, по мнению Бориса, толкнуло отца на убийство жены и самоубийство, тот ответил:

— Исчезновение Ларисы. Отец ходил сам не свой. Это очень сильно подействовало на его психику...

Фабрика школьных учебных пособий, которой руководил покойный Ветров, ютилась на окраине города. Когда Гольст увидел неказистое двухэтажное здание, построенное, наверное, еще в прошлом веке, с темными стенами из красного кирпича и узкими окнами, он усомнился, тот ли адрес ему дали? Но сомнений не оставляла вывеска, подтверждающая, что это действительно фабрика.

Потом уже, в разговоре с новым директором, следователь узнал, что раньше здесь были мастерские, которыми заведовал Александр Карпович. Всеми правдами и неправдами он постепен-

но превратил мастерские в то, чем теперь является это предприятие.

Директор вздыхал и охал, что ему досталось тяжкое наследство. Производственная база никуда не годится, не хватает квалифицированных кадров, материалы приходится выбивать с боем.

— Только Ветров мог тянуть эту лямку,—со вздохом сказал он.—А я не умею бить поклоны начальству. Мне претит ловчить, химичить... Дайте фонды, гарантируйте поставщиков — тогда я развернусь...

Директор знал Ветрова только понаслышке и мало что мог сообщить о покойном.

Поразмыслив, Гольст решил поговорить с председателем группы народного контроля. Тот работал в полуподвальном помещении. В здании витали запахи масляной краски, свежей извести, свежераспиленного дерева. И все это вперемешку со столярным клеем и ацетоном.

Проходя мимо одной из комнат, следователь увидел, что там трудятся маляры. Внизу, в цокольном этаже, стоял сырой холод.

— Саранцев,—представился Гольсту мужчина лет тридцати пяти, в синем халате, надетом поверх телогрейки. Это и был председатель группы народного контроля. Несмотря на холод, он был весел.

— Слава богу, начали ремонт,—сообщил Саранцев следователю.—Новый крепко взялся за дело. И правильно. Перво-наперво надо создать людям условия на рабочих местах.

— Да, атмосфера у вас, прямо скажем, неуютная,—поежился следователь.

— Ничего!—оптимистично заявил Саранцев.—Это временно. Через неделю поднимемся наверх. Хоть и негоже плохо говорить о покойнике, но Ветров больше думал о том, как бы поуютнее оборудовать дачу в Быстрице, а не цеха...

— Приходилось воевать с ним?—спросил Гольст.

— Еще как!—вздыхнул Саранцев.—Ладно, что теперь вспоминать. Нет человека...

— И все же я хотел бы поговорить именно о нем,—сказал следователь.

Они поднялись наверх, в пустую, только что отремонтированную комнату.

Поначалу Саранцев говорил неохотно — чего, мол, ворошить прошлое. Но постепенно разговор наладился. Председатель даже начал горячиться — слишком много, как оказалось, накопилось обид от прежнего директора. Выяснилось, что Ветров злоупотреблял служебным положением — дача практически построена из материалов, добытых якобы для ремонта фабрики. Окружил себя людьми, готовыми делать все, что он прикажет. Вместе делили «навар».

— Какой?—поинтересовался следователь.

— Сам-то Александр Карпович в огонь за каштанами не лез...

Все норовил чужими руками... Например, каждый год посылал своего «мальчика» — так мы называли его прихлебателей — в командировку во Владивосток. На целых два месяца. За счет фабрики. И чем, вы думаете, занимался этот «мальчик» на берегу Тихого океана? — спросил Саранцев и сам же ответил. — Фотографировал. На пляже. Привозил выручку до пяти тысяч. Куш, конечно, делил пополам с Ветровым.

— Как вы узнали это?

— Узнали, — усмехнулся Саранцев. — Помимо проезда, командировочных, материал тоже был наш, фабричный. Фотобумага и прочее...

Вскрывала группа народного контроля и другие «художества» прежнего директора.

— Ну и что вы предпринимали? — задал вопрос следователь.

— Ставился вопрос...

— Результаты были?

— А как же, — снова усмехнулся Саранцев. — Я получил выговор. У Ветрова была рука где надо...

«Честнейший человек», — вспомнил Гольст слова Бориса, сказанные об отце. Неужели близкие не знали, откуда дача, дорогие мебельные гарнитуры, деньги на «Волгу»? Или Александр Карпович, как Янус, имел два лица: на службе — одно, а дома — другое?

То, что у Ветрова были доходы помимо зарплаты, следователь заподозрил, когда выяснил, какой оклад у директора фабрики. На трудовые деньги он не мог построить такой коттедж, который красовался в Быстрице на участке Ветровых, кстати, самом большом в поселке. Какими же чарами окутал Александр Карпович местные власти, чтобы получить лишние сотки? Это тоже предстояло выяснить.

Гольст побеседовал еще с несколькими работниками фабрики. Самое удивительное заключалось в том, что почти все хвалили Ветрова. Однако в похвалах умершему директору слышался один мотив: сам умел жить и другим давал. Например, когда не шел план, Александр Карпович знал, где можно надавить в верхах. Задание корректировали, и в результате коллектив получал премию.

Ветров покупал уважение и авторитет копейкой, полученной обманом, очковтирательством. Короче говоря, ореол «честнейшего и уважаемого» постепенно исчезал.

Как только Гольст пытался выяснить, не замечали ли сослуживцы у покойного директора признаков психической болезни, все таращили глаза: нормальный, жизнелюбивый человек и весьма себе на уме. Какая уж там шизофрения.

Врач из фабричного медпункта тоже была удивлена тем, что следователь интересуется психическим состоянием Ветрова. Единственное, с чем обращался он в медпункт раза два-три за все время своего директорствования, — с просьбой измерить давление,

которое у него было чуть повышено. Это наблюдается иногда у многих в его возрасте — понервничал, вот и подскочило.

Откуда же диагноз, поставленный в Свердловской психиатрической больнице в 1943 году? Шизофрения не насморк. Она не проходит. Тем более если не лечиться. Но Ветров не состоял на учете у психиатра и не лечился.

Все это насторожило следователя.

Бобринские в Быстрице не были дачниками, они жили там постоянно и задолго до того, как поселок оброс дачами. Когда-то здесь разбросанно стояло лишь несколько скромных домиков. Жилища старожилов резко отличались от появившихся позже коттеджей горожан, приезжающих отдыхать на лоно природы только в теплые месяцы. На зиму почти все дачи запирались.

Анастасия Петровна Бобринская не работала — из-за травмы ноги она имела инвалидность третьей группы и получала скромную пенсию. Муж «крутил» кино в клубе, то есть был киномехаником. Когда Ветровы отстроили дом в Быстрице, Анастасия Петровна подрядилась в летние месяцы убираться на их даче, а зимой приглядывать за ней.

Гольст решил побеседовать с Бобринской, надеясь, что она, как человек, часто бывавший в доме Ветровых, может сообщить интересные следственные факты.

Анастасия Петровна заметно хромала. Была она несловоохотлива, так что пришлось потрудиться, чтобы разговорить ее.

— Александр Карпович был хозяйственный мужик, — сказала она о Ветрове. — Что хошь умел достать. Не то что мой лопух... Крышу уж когда менять надо, все железо проржавело... А Ветров покрыл дачу черепицей. Двести лет стоять будет. И красоты какая! Я девчонкой в Прибалтике была, так там домики — что твои игрушки. А почему? Черепица...

Дача Ветровых, которую следователь видел из окна дома Бобринских — напротив, через улицу, действительно выглядела очень солидно.

— Правда, Александр Карпыч цену копейке знал. Прижимистый был... У них в доме строгий порядок: что заслужил, то и получай.

— В каком смысле? — не понял Гольст.

— Приучал детей к строгости и труду. К примеру, надобно забор покрасить. Другой бы со стороны нанял. А Ветров говорит сыну: хошь, мол, заработать — вот тебе краска, вот кисть. Кончил красить — получай заработанное...

— Вы хотите сказать, что Борис выполнял дома работу за деньги? — уточнил следователь.

— Ну да, — подтвердила Бобринская. — Вскопал огород — денежки на стол. У их, как говорится, все было на хозрасчете. Тряпку просто так не выбросят. Но это уже жадность, я так мыслю... Особенно Надежда Федоровна отличалась. Мы даже раза два поцапались с ней.

— Из-за
— Да ла
вспоминать.
— А все
— Обиди

старалась, к
стекла — что
Пришла я
Дала она д
вежливо го
лись». А он
для твоей
тель, я чуть
просила я
сунула. Ла
Федоровны
дила ее. О
скажи. Ну,
Дня через
дуться, при
терку она т

— Давно
— Года

ровых кир
за ограду,
мужа, — гов
рат надо б
до. Ага. По
пыч расчет
Федоровны
род. Спра
Брали. Я с
ном серьез
другом ме
прочитал,
вернулась
не до дра
вступился
той ссоры

— А э

— Да

ла. — Вот
жизни? Н
теперь их
сынка во

— А

— Лар

Петровна
То пирож

— Из-за чего?

— Да ладно,—отмахнулась Анастасия Петровна.—Что уж вспоминать...

— А все же?—настаивал Гольст.

— Обидно,—с горечью проговорила Бобринская.—Я уж у их старалась, как говорится, не за страх, а за совесть. Драишь полы, стекла—чтоб ни пылинки... Думаете, с моей ногой это просто? Пришла я однажды к Надежде Федоровне за месячным расчетом. Дала она деньги. Смотрю, пятерки не хватает. Я этак культурно, вежливо говорю: «Вы, Надежда Федоровна, наверное, обесчитались». А она: нет, мол, милая, все правильно. Забыла, что дала для твоей Фаи Ларочкино платье?» Поверите, товарищ следовательно, я чуть не села. Лариса из платья того выросла. Да и не просила я платье это. На что оно? Надежда Федоровна сама мне сунула. Ладно, думаю, пятеркой не озолчусь, нехай у Надежды Федоровны совесть заговорит... Правда, не сдержалась, пристыдила ее. Она отвечает: ежели не хочешь у нас убираться, так и скажи. Ну, я и лягнула: да, не хочу! Поцапались мы и разошлись. Дня через три Александр Карпович пожаловал. Нечего, мол, дуться, приходи, как прежде. Я уж остыла. Помирились. Но пятерку она так и зажилила...

— Давно это было?—спросил следователь.

— Года два назад. А этим летом?.. Валялся около сарая Ветровых кирпич—половинки, четвертинки. Остатки. Борис вывез за ограду, за деньги опять же. Мой,—так называла Бобринская мужа,—говорит Карпычу: сосед, можно взять кирпич? Нам аккурат надо было пристройку чинить. Ветров говорит: бери, коли надо. Ага. Перетаскали, починили пристройку. Потом дает мне Карпыч расчет за месяц. Гляжу опять пятерки не хватает. Надежды Федоровны как раз не было, она цветы продавать поехала в город. Спрашиваю: где пятерка? Ветров говорит: кирпич брали? Брали. Я ему: так ведь бой, вам все равно не нужен. А он на полном серьезе: раз вам нужен, значит, платить надо. Не у нас, так в другом месте купили бы. И пошло-поехало... Целую лекцию мне прочитал, что каждая вещь свою цену имеет. Ну, плюнула я, повернулась и ушла. Мой как узнал, тут же к Ветровым побег. Чуть не до драки дошло... Но куда моему-то с двоими? Борис за отца вступился. Я решила: все, ноги моей больше у их не будет. После той ссоры не ходила убирать.

— А это когда случилось?

— Да за неделю до пропажи Ларисы,—Бобринская вздохнула.—Вот сейчас все думаю: и чего мы так не бережем хорошее в жизни? Ну, поругались. Из-за чего? Из-за какой-то пятерки. А теперь их уж нет... Я их, конечно, не осуждаю сейчас. Плохо, что сына воспитали по-своему...

— А Ларису?

— Ларочка была золото,—расстроганно протянула Анастасия Петровна.—Ласковая, добрейшая душа. Дружила с моей Фаей. То пирожок принесет, то шоколадку. Всем делилась. Надежда

Федоровна недовольна была, сколько раз отчитывала Ларису. Нет, говорит, чтобы в дом, так ты из дома... Может, Ларочка по этому и убегла?—Анастасия Петровна жалобно посмотрела на следователя.—Сердечко хорошее было у девочки. Сколько раз она плакала вот тут,—хозяйка показала на старенький диван.

Гольст попросил Бобринскую вспомнить о событиях в ночь на первое сентября. Та рассказала, как в половине четвертого к ним прибежала невеста Бориса с охотничьим ружьем и сообщила о трагедии в доме Ветровых.

— Я в первый раз пошла в ихний дом после ссоры. Борис ходит по дому в одних трусах и майке. А что было в спальне — ужас! — Анастасия Петровна передернула плечами. — Я месяц после этого спать не могла...

— Вы слышали выстрелы?

— А как же! Очень даже хорошо слышала.

— А не можете сказать, сколько времени прошло между первым и вторым выстрелом?

Бобринская задумалась.

— Да как вам сказать... Быстро время прошло...

— Ну, сколько минут? Хотя бы приблизительно?

— Какие там минуты! Почти один за другим... Секунды три-четыре.

— Это вы точно помните?—переспросил Гольст.

— Не верите — можете у моего спросить. Он подтвердит. Зачем мне врать?—даже несколько обиделась Анастасия Петровна.

Допросив Бобринского, следователь получил тот же ответ: между первым и вторым выстрелами прошло не более четырех секунд.

— Ну и порядки были в семье Ветровых!—заметил старший следователь Сергей Михайлович Ворожищев, один из участников следственной группы, когда прочитал показания соседей.—Все оценивалось в рублях. А где же сердечность и доброта, о которой говорили все вокруг? Хлебосольево?

— Насчет доброты — это для посторонних. А хлебосольево...—Владимир Георгиевич усмехнулся.—Ветровы приглашали только нужных людей. Александр Карпович имел большой круг знакомых. Например, из стройтреста — чтобы доставать стройматериалы. Начальник телефонного узла — чтобы городской телефон провести на дачу. Замначальника горторга — дефицит... Все как на подбор номенклатурные работники. За столом у Ветровых рекой текли коньяк, марочные вина. Само собой разумеется, икра и другие деликатесы...

— Ну, тогда понятно. И все же странно, человек с таким размахом, а мелочился. За какое-то старое детское платьице удержал у домработницы пятерку. А история с кирпичом — просто курам на смех.

— Это что! — сказал Гольст. — В прошлом году скандал был. Пришли на дачу проверять показания электросчетчика. Дома бы-

ла одна Лариса. Контролер заподозрил что-то неладное: огромный дом, разные электроприборы, даже электрическая пила, а расход энергии — на копейки. И обнаружилось приспособление для кражи электричества. Ветрову удалось замять дело через знакомых.

— Несolidно. Значит, скупердй, да еще нечестный,—подытожил Ворожищев.—Хорошенький пример для детей. Вот так и вырастают хапуги да стяжатели.

Разговор зашел о ночи с 31 августа на 1 сентября.

— Мне не дают покоя показания Бобринских о выстрелах,—сказал Гольст.—Если они не ошибаются, версия о самоубийстве Ветрова и убийстве им жены представляется более чем сомнительной.

— Да, кивнул Сергей Михайлович,—три-четыре секунды... Успеть в такой короткий срок убить жену, потом лечь в постель и выстрелить в себя вряд ли возможно.

Владимир Георгиевич пожал плечами.

— Вообще-то оценка времени субъективна. Зависит от состояния человека. В иных ситуациях и мгновение кажется долгим.

— Надо уточнить у кого-нибудь еще. Рядом с Ветровыми находится дача неких Цыплаковых. Борис говорит, что они прибежали к ним почти одновременно с Бобринскими. Они не спали всю ночь, сидели у постели тяжело больного. Значит, тоже слышали выстрелы. Их сейчас нет в городе, отдыхают в Кисловодске. Скоро должны вернуться. Тогда и допросим.

— Не забывайте, что и муж и жена Бобринские одинаково определили интервал между выстрелами.

— Владимир Георгиевич,—задумчиво произнес Ворожищев,—если предположить убийство... Не мог это сделать Бобринский? Вы же сами говорите, что он едва не подрался с Ветровым из-за той пятерки, которую Александр Карпович вычел из денег домработницы.

— Не едва, а подрался,—уточнил Гольст.—Их разняли и успокоили Цыплаковы.

— Вот видите. Помимо обиды тут могла быть еще и зависть. Для Бобринского Ветровы кто? Барчуки. Заносчивые и к тому же нахальные.

— Обидели мужика крепко, это верно,—согласился Гольст.

— Что представляет из себя Бобринский?

— Несдержанный, вспыльчивый. Его в Быстрице побаиваются. Но чтобы пойти на убийство...—Владимир Георгиевич покачал головой.—На меня он произвел неплохое впечатление. Прямой, справедливый, рассуждает трезво.

— А может, довели его эти Ветровы?

— Будем проверять,—сказал Гольст.

Допрос тетки Надежды Федоровны, бабы Мани, как называли ее в семье Ветровых, провел следователь Ворожищев.

Мария Ивановна была еще крепкой старухой. Простое крестьянское лицо, круглые щеки с мелкими розовыми прожилками, мягкий деревенский выговор.

Чувствовалось, что Мария Ивановна недолюбливала супруга своей племянницы.

— Бог ему судья,—сказала она об Александре Карповиче.— Но одно хочу заметить: до него Надя была другая. Это уж при Александре стала она такой жадной. У Ветрова ведь раньше была другая жена. Развелись сразу после войны. Я слышала, она сама ушла. Допек муженек своей скаредностью. А Надежда пошла за Александром — как в омут кинулась. Еще бы, мужиков вокруг мало, погибли на войне... Ветров был с положением, солидный. Сошлись они в сорок пятом, а через год Боря родился. Живут год, другой, третий, а все не расписываются. Я как-то спросила у Нади: почему не оформляете брак по закону? Не боишься, что он бросит тебя с сыном — и поминай как звали? Она отвечает: нет, не бросит. А не регистрируемся, потому что мне пособие платят как матери-одиночке. Это ее Александр подучил. Уж я срамила Надежду, так срамила. Не стыдно, мол, перед людьми? Да и не гоже государство обманывать. Может, кому-то это пособие действительно нужно позарез, а с их доходами... Она говорит: как муж скажет, так и будет. Зарегистрировались аж в пятьдесят первом году! Ветрову смотреть на белый свет день-ги глаза застили! Надя — солидный человек, заведующая детским садом, а до последнего времени цветы продавала, клубнику. Сама! — старушка покачала головой. — Или я чего-то не понимаю, или свет перевернулся. Не знаю...

— Как Александр Карпович относился к своим детям? — спросил следователь.

— Борьку в свою веру обратил. Деловой... Не чихнет за просто так. Отец сызмальства приучил: получит в школе четверку — день-ги на мороженое, пятерку — на кино. В институт поступил — на тебе пятьсот рублей.

— За что? — удивился Ворожищев.

— Ну, потруился, мол, заработал.

— Так ведь институт сыну нужен, а не отцу.

— Вот и я говорила: кого растите? — она сделала ударение на первый слог, отчего слово прозвучало как-то значительнее. — Он же сам потом, когда в старости будет ухаживать за вами, плату потребует...

— Это вы Александру Карповичу говорили?

— Наде. Она только молчит... Да и что с нее взять — на мужа, как на икону, молится, — баба Маня вздохнула. — Что вы хотите, сыну шестой годок шел, а ему бочонок подарили, чтобы деньги копил. Вот и вырос такой же, как папаша...

— А Лариса?

Мария Ивановна расплакалась. Внучатую племянницу она любила. Единственную из всех Ветровых. За ее приветливый нрав, доброту и бескорыстие.

— Пове
как Ларо
Ворожи
психическо

— В п
был отме

— А ег

— А что

— Он в

— С че

Любил то
делом неча
еще что пр
вышло. Во
головой.

Проверк
Ветрова, И
Ни шизофр
страдал.

Беседы
вали: никто
рики была

Все это
нее усомни
дела с авто
что А. К. В
лен в зап

Тогда п
Откуда поя
творечие.
надо было
из-за шизо

Чтобы р
медицински
что же вы
да в армию
служил чет
В 1943 году
больницу. Т
армии по

— Значи
констатиров

— Ну д
ние. Но это
довой стаж
года, то ест
время еще
Александр

— Чтоб

— Поверите, — сказала старушка, — своих детей так не любила, как Ларочку...

Ворожищев поинтересовался, известно ли Марии Ивановне о психической болезни Ветрова-старшего.

— В первый раз слышу! — удивилась старушка. — По-моему, был отменного здоровья мужчина...

— А его брат, Иван Карпович?

— А что брат? — в свою очередь спросила баба Маня.

— Он ведь, говорят, покончил с собой. На почве шизофрении.

— С чего это взяли? Тоже был нормальный. На охоте погиб. Любил того, — она щелкнула себя по воротнику, — вот под этим делом нечаянно и выстрелил в себя. Ружье чистил вроде бы или еще что произошло... Факт только, что по неосторожности это вышло. Вот до чего вино доводит, — она осуждающе покачала головой.

Проверкой было установлено: действительно, родной брат Ветрова, Иван Карпович, погиб в результате несчастного случая. Ни шизофренией, ни другими психическими заболеваниями он не страдал.

Беседы со знакомыми Александра Карповича также доказывали: никто даже не подозревал, что у бывшего директора фабрики была шизофрения.

Все это казалось более чем подозрительным. Гольст еще сильнее усомнился в болезни Ветрова, когда ознакомился из личного дела с автобиографией Александра Карповича. Из нее вытекало, что А. К. Ветров находился на фронте и после контузии был уволен в запас.

Тогда при чем тут Свердловск, психиатрическая больница? Откуда появилась выписка из истории болезни? Тут явное противоречие. Если его, контуженного, уволили в запас, зачем надо было освобождать от военной службы во второй раз, уже из-за шизофрении?

Чтобы разобраться в этом, Гольст сделал запрос в военномедицинский архив. Ответ пришел буквально на третий день. И что же выяснилось. А. К. Ветров был призван в ноябре 1942 года в армию Бийским городским военным комиссариатом и прослужил четыре месяца в запасном полку в городе Комышове. В 1943 году он был направлен в Свердловскую психиатрическую больницу. Там его признали больным шизофренией и уволили из армии по состоянию здоровья.

— Значит, сведения, сообщаемые в автобиографии, — ложь, — констатировал Ворожищев.

— Ну да! Фронтовик, контуженный — такое вызывает уважение. Но это далеко не первая и не последняя ложь Ветрова. Трудовой стаж, по его документам, начинается у него якобы с 1924 года, то есть с пятнадцати лет. По другим сведениям, он в это время еще учился в школе. И вот я думаю: не организовал ли Александр Карпович себе шизофрению сам?

— Чтобы избежать отправки на фронт?

— Вот именно.

— Но ведь выписка из истории болезни подлинная,—сказал Ворожищев.

— А болезнь могла быть мнимая. Симуляция. Как видно, Ветров никогда не стеснялся в выборе средств. Обманы и подлоги—это стиль его жизни.

Чтобы выяснить, болел Ветров шизофренией или нет, Гольст вынес постановление о назначении посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Следственная группа, возглавляемая В. Г. Гольстом, работала в тесном взаимодействии с уголовным розыском. Непосредственное участие в расследовании принимал капитан Леонид Витальевич Самойлов, опытный работник городского управления внутренних дел. С Владимиром Георгиевичем они встречались чуть ли не ежедневно.

Как уже говорилось, Гольст не исключал возможность, что к исчезновению Ларисы Ветровой и гибели ее родителей мог быть причастен один и тот же человек. Розыскное дело Ларисы было затребовано из Быстрицкого отделения милиции. Владимир Георгиевич попросил Самойлова обратить особое внимание на тот факт, что девочку незадолго до исчезновения видели якобы с незнакомым мужчиной.

Снова и снова были допрошены соседи Ветровых по даче. Где, когда видели Ларису с тем человеком? Как он выглядел? Из местных ли? Капитан тщательно изучил картотеку лиц, состоящих на учете в районной милиции.

Когда следователь поинтересовался у Самойлова результатами, тот ответил:

— По существу, Владимир Георгиевич, никаких определенных примет о том мужчине никто сообщить не может. Более того, я так и не нашел ни одного человека, который бы лично видел Ларису с ним. Короче, тетя Маша слыхала, что бабка Дарья видала...

— Считаете, сплетни?

— Похоже.

— И все же надо искать возможного соблазнителя.

— Разумеется,—кивнул Самойлов.—Но...—он улыбнулся.— У кого это из писателей: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно...

— Если кошки там нет,—тоже с улыбкой закончил Гольст.— Однако, как говорится, дыма без огня не бывает. Лариса, судя по показаниям знакомых, была не по годам развита, с мальчиками заигрывала.

— Уж кто действительно не по годам вел себя с представителями противоположного пола, так это ее старший брат,—заметил капитан.

— Борис?

— А кто же еще. Родители, мне кажется, закрывали глаза на то, что их сын слишком рано узнал женщин.

— Есть факты?

— Судя по тому, что говорят соседи и знакомые... Когда родители и сестра бывали на даче, Борис приводил девушек на городскую квартиру. А когда пустовала дача — заявлялся с компанией туда. Причем женщины каждый раз были разные. Некоторые значительно старше самого Бориса.

— А может, родители об этом ничего не знали? — высказал предположение следователь.

— Трудно поверить, — ответил инспектор уголовного розыска. — Я понимаю, парень он привлекательный...

— Интересный, — согласился Гольст.

— Но ведь родители должны были как-то сдерживать его. Воспитывать, что ли, цельность, высокие нравственные качества, — увидев, что следователь задумался, капитан спросил: — Появилась какая-то идея?

— Очередная. Я вот что думаю: а не замешана ли тут ревность? Точнее, месть на почве ревности?

— Возможно. Или месть за поправленную честь сестры, дочери...

— Вот-вот, — подтвердил Гольст. — Поработайте в этом направлении.

— Хорошо, — кивнул Самойлов.

Через несколько дней капитан сообщил Гольсту, что в прошлом году у Бориса Ветрова была какая-то неприятность, связанная с одной девушкой — Мариной Зубовой. А этой весной вернулся из армии брат Марины — Виктор и якобы обещал рассчитаться с Борисом. Более того, Виктора Зубова вроде бы видели в Быстрице незадолго до трагических событий на даче Ветровых.

Гольст решил побеседовать с девушкой. Марине только-только исполнилось девятнадцать лет. Она очень смущалась.

Тактично, без нажима Владимир Георгиевич все же сумел добиться от нее показаний.

— В прошлом году я лежала в городской больнице... — начала рассказывать Зубова.

— А что у вас было?

— Ревмокардит. Там красивый двор, как парк. Гулять можно. Сажу я как-то вечером на скамеечке, смотрю, идет Боря Ветров. В белом халате...

— Вы были знакомы раньше!

— Ну да! Я знала, что Боря учится в медицинском. Он подошел ко мне, поздоровался, поинтересовался, что со мной. Я сказала, что лежу в четвертом отделении. А он в то время был на практике, и как раз в ту ночь у него было дежурство. Боря спросил, в какой я палате. Когда поужинали и легли спать, он пришел. Говорит — пойдём, послушаем музыку, а то, мол, здесь скучища. Я пошла. А что? Действительно, в больнице от тоски не знаешь, куда деваться. Он повел меня на другой этаж. Зашли в какую-то комнату. Там были только столик и лежанка, обитая

дерматинном, ну, как в больницах бывает. В комнате находился еще один врач, вернее, практикант, как я потом поняла...

— Кто такой?

— По-моему, они с Борисом учатся вместе.

— Его имя, фамилия?

— Борис называл его фамилию... Полонский!

— А имя?

— Не помню. Еще там была медсестра Таня. На столе — две бутылки вина, бутерброды с колбасой. Я спрашиваю: где же магнитофон? Полонский смеется: еще, мол, не купили. И предлагает мне выпить. Я стала отказываться, потому что врачи категорически запретили мне пить спиртное. А Борис на полном серьезе заявил, что все это ерунда и никакой болезни у меня нет, просто издержки переходного возраста. В общем уговорили выпить...

— Вы пили? — уточнил следователь.

— Все пили... Потом поиграли немного в карты. Ну, еще выпили... Я опьянела... Полонский и Таня куда-то ушли... Борис опять заставил меня выпить, произнес тост за мое выздоровление... Потом стал целовать меня... А дальше я не помню...

— Еще пили?

— Кажется. В общем, когда я проснулась, то свет не горел и в комнате никого не было. Я одна и... и... ну, в общем, совсем без ничего... Без одежды...

Зубова замолчала, опустив голову.

— А где был Ветров? — осторожно спросил Гольст.

— Не знаю. Мне было очень плохо... И голова, и все тело болели... Страшно стало: вдруг узнают?

— О чем?

— Ну... — Зубова замаялась. — Борис имел со мной близость...

Из дальнейших ее показаний выяснилось, что о ночной попойке в больнице стало известно главврачу. Поднялся шум. Борис угрозили большие неприятности в институте, но как будто отцу удалось замаять скандал. Пострадала Таня (она ушла с работы «по собственному желанию») и Марина, которую тут же выписали.

— Ну что ж, — сказал Гольст, обсуждая эту историю с Самойловым, — основания для мести у Виктора Зубова имелись серьезные.

— Правда, погибли родители, а не Борис, — заметил капитан.

— А до этого — исчезла Лариса. Может, око за око, зуб за зуб? Надо проверить, какие у Виктора друзья, где он был в день пропажи девочки и в ночь, когда погибли Ветровы-старшие.

— Проверим, — кивнул Самойлов.

— Было бы интересно также узнать, не случались ли у Бориса Ветрова и другие неприятности, подобные этой.

Сергей Михайлович Ворожищев еще раз допросил кое-кого из родственников Ветровых.

— Наша версия о том, что тут убийство, кажется, еще больше подтверждается. Косвенно пока,—сказал он, делясь с Гольстом своими впечатлениями.

— Выкладывайте подробнее, Сергей Михайлович,—попросил Гольст.

— Интересные сведения сообщила сестра Ветрова-старшего, Аделина Карповна. Она была очень близка с братом. Говорит, что поражалась самообладанию Александра Карповича. В те дни, когда пропала дочка, он лучше всех держался в семье. Переживал, конечно, но духом не падал. Искал мастеров для камина...

— Что-что? — не понял Гольст.

— Хотел сделать на даче камин. Представляете?

— Да уж...—Владимир Георгиевич задумчиво чертил на бумаге замысловатые узоры.—Исчезла дочь, а ему—камин...

— Вы слушайте дальше,—продолжал Ворожищев.—В день своего шестидесятилетия, буквально за три дня до смерти. Ветров принимал гостей, пил вино...

— Может, хотел забыться немного, отвлечься от тяжелых дум?

— Не знаю, не знаю,—покачал головой Ворожищев.—Все может быть... Но при этом он опять же поделился кое-какими планами с сестрой. Повел ее на участок, показал, где собирается строить финскую баню...

— Сауну,—уточнил Гольст.

— Точно,—кивнул Ворожищев.—Говорит: будешь, сестра, приезжать париться. Радикулит твой, мол, как рукой снимет. Выходит, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, если вел такие разговоры. Человек жить хотел! И жить красиво! И вдруг... Стреляет в жену, а потом в себя...

— Противоречие, конечно, явное,—согласился Владимир Георгиевич.—Но я вот чего понять не могу: одни свидетели твердят, что он потерял голову от горя, прямо-таки заиклился на этом. А родная сестра... Что-то здесь не то. Где правда? На людях, выходит, одно, а с Аделиной Карповной — другое. Зачем?

— В том-то и дело, Владимир Георгиевич... Может, Лариса действительно убита отцом? И его отчаяние — симуляция? А Надежду Федоровну и Александра Карповича убил кто-то другой...

— Вот и еще одна версия,—вздыхнул Гольст.—Чем больше я думаю о Ветровых, тем сильнее утверждаюсь во мнении: как все-таки поверхностно судят окружающие о людях... Внешняя сторона, так сказать, фасад иной раз совершенно не соответствует сути.

— Это точно,—согласился Ворожищев.—Например, Надежда Федоровна распиналась перед знакомыми, соседями и сослуживцами, какие у нее замечательные дети! Прямо-таки лучше на свете не сыскать. А сама признавалась матери: Борис растет черствым, неблагодарным. Эгоист. Да и с Ларисой не могла найти общего языка. Жаловалась: еще совсем, мол, соплячка, а мать ни в грош не ставит...

— Надежда Федоровна не говорила с родственниками насчет амурных походов Бориса?

— Говорила... Пыталась якобы повлиять на сына, образумить. Но Борис категорически заявил: он уже взрослый и воспитывать его поздно... Между прочим, Ветрова считала, что цинизм Бориса — от ранней связи с женщинами.

— Цинизм? Так и выразилась? — переспросил Гольст.

— Да, Надежда Федоровна произнесла именно это слово. Еще удивлялась, почему Борис так меркантилен. Точнее, она называла его крохобором.

— Уж ей-то не знать, откуда весь этот набор, — усмехнулся Владимир Георгиевич. — Плоды воспитания родителей. Горькие плоды, — он помолчал. — Ну ладно, давайте вернемся к вопросу: убийство ли это? Вопрос наиглавнейший. Жаль, конечно, упущено много времени. Но кое-что все же у нас есть...

И Гольст, и Ворожищев отлично понимали, какая это была помеха для следствия — упущенное время. Тускнеют отдельные факты, исчезают вещественные доказательства, в памяти свидетелей стираются или искажаются детали происшествия.

Повторный осмотр дачи ничего не дал. Комната, в которой погибли Александр Карпович и Надежда Федоровна, не раз уже была прибрана, вымыта, и какие-либо следы, которые как-то помогли бы следствию, отыскать было чрезвычайно трудно. Но оставался протокол осмотра места происшествия и фотоснимки, сделанные оперативной группой, прибывшей в Быстрицу утром первого сентября. Они и явились объектом тщательного изучения. Следователи возвращались к ним еще и еще раз.

— Я вот думаю, — заметил Гольст, просматривая листы дела с фотографиями погибших, — мог ли человек остаться в такой позе после выстрела в себя?

— Мне самому не дают покоя снимки, — признался Ворожищев, разглядывая страшные документы, запечатлевшие трагедию. — Что-то здесь не вяжется с самоубийством.

— Смотрите, лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, — Гольст листом бумаги прикрыл на фотографии голову погибшего. — Полная расслабленность, спокойствие. Словно спит человек. Если бы он стрелял в себя сам, то наверняка после отдачи ружья руки у него были бы откинuty в стороны, туловище несколько развернуто, что ли... В общем, тело лежало бы по-другому.

— Может, положение трупа изменили? — высказал предположение Ворожищев.

— Все свидетели, начиная от Бориса и Ольги и кончая соседями, которые прибежали на выстрелы, говорят, что никто ничего не трогал.

— А убийца не мог?

— Зачем? — в свою очередь спросил Гольст.

— Ну, чтобы инсценировать самоубийство...

— Но откуда убийце знать, как должен лежать самоубийца? Это, во-первых. Во-вторых, в комнате было темно. Вернее, она чуть освещалась от фонаря с улицы. В-третьих, Ветров был укрыт одеялом.

Гольст нашел в деле нужное место — показания Бориса. По его словам, когда он вбежал в комнату, то стащил с отца одеяло, пытаясь разглядеть ранения. Ружье при этом упало на пол.

— Опять же ружье,—развивал свою мысль Гольст.—Могло ли оно остаться на кровати, если бы Александр Карпович стрелял в себя сам?

— Хотите сказать, что в силу отдачи оно должно было упасть на пол?—уточнил Ворожищев.

— Скорее всего. Хотя утверждать это категорически трудно. Надо, по-моему, выслушать мнение баллистов.

— Несомненно,—согласился Ворожищев.—Не понимаю, почему этого не сделал следователь, который первым вел дело.

— Мы должны точно знать,—продолжал Гольст,—под каким углом был произведен выстрел в Ветрова и где должно было оказаться ружье в результате отдачи.

— Да, да, баллистическая экспертиза необходима,—закключил Ворожищев.—Это поможет прояснить картину.

Проведение посмертной психиатрической экспертизы — дело весьма хлопотное и трудное. Психическое заболевание не оставляет явных следов на теле, подобных шрамам, рубцам, изменениям внутренних органов. Если умерший не состоял при жизни на учете в психиатрической больнице, то очень непросто установить, нормальный он был или нет. Для этого требуется выяснить, как он вел себя в кругу родных, знакомых, сослуживцев. А это значит — опросить множество людей. Но и тогда истину установить сложно: сколько людей, столько и мнений.

Александр Карпович Ветров на учете у психиатров не состоял. Единственный раз его признали больным шизофренией в далеком 1943 году. Но чем с большим числом родственников, друзей и сослуживцев погибшего беседовали следователи, тем сильнее укреплялись во мнении, что у Ветрова была вполне нормальная психика. Так почему же в 1943 году его признали шизофреником? Врачебная ошибка? Симуляция?

Инспектору уголовного розыска капитану Самойлову удалось разыскать одного человека, знавшего Ветрова со времен войны. Это был Чичков, пенсионер и инвалид. Он служил вместе с Александром Карповичем в запасном полку. Чичков, в отличие от Ветрова, попал в действующую армию, воевал, был ранен. Встретился со своим однополчанином в конце пятидесятых годов, когда Ветров уже ходил в начальниках. Жилось Чичкову нелегко: часто болел из-за ранения. Он попросил Александра Карповича помочь ему в устройстве на подходящую работу. Тот пообещал и отделялся обещаниями несколько месяцев, так ничего для старого знакомого и не сделав...

— Как же это?—удивился капитан.—А воинская дружба?

— Нашли вояку,—горько усмехнулся Чичков.—Ветров только и мечтал о том, как бы застрять в тылу. Помню, случай у нас был на учениях. Одному пареньку из нашего взвода оторвало три

пальца на правой руке. Патрон взорвался. Комиссовали, естественно. Ветров признался мне тайком, что завидует ему. Я говорю: вот дурья башка, чему завидуешь? Он засмеялся: для настоящего мужчины главное — голова. А что, мол, толку, если руки будут целы, а башку оторвет.

Почему Ветрова отводили от службы в армии, Чичков не знал.

Капитан Самойлов рассказал об этой беседе следователю Гольсту.

— Выходит, Ветров мечтал, чтобы его комиссовали, — прокомментировал свой рассказ Самойлов. — И нашел себе вполне подходящую болезнь: и голова, и руки целы остались.

— Как же его врачи не разоблачили? — покачал головой следователь. — Ведь в те времена были очень большие строгости.

— А может, подкупил кого. Тогда тоже продажные шкуры встречались. В общем, Ветров-старший — тот еще патриот! — Самойлов махнул рукой. — Интересно, что говорила ему совесть, когда он после войны каждый год девятого мая принимал поздравления и подарки?

— Она, вероятно, шептала так тихо, что он ничего не слышал, — усмехнулся Владимир Георгиевич. — Ну что ж, для нас из всего этого важно сделать вывод: болел Ветров шизофренией или нет, мог покончить с собой на этой почве или не мог?

— По-моему, это такое же самоубийство, как и его шизофрения, — заметил капитан.

— Теперь о другом, Леонид Витальевич. О знакомых Ветрова-младшего. Вернее, о его бывших любовницах...

— Этот выкидывал фортели, — сказал Самойлов. — Есть у Бориса дружок, некто Полонский...

— Который был замешан в истории с Мариной Зубовой?

— Да. Знаете, Владимир Георгиевич, прямо противно рассказывать, — брезгливо поморщился капитан. — Обменивались девицами...

— В каком смысле?

— В прямом. Погуляет Ветров с какой-нибудь месяц-другой и передает Полонскому. Тот тоже в долгу не остается.

— Значит, те девицы сами испорченные.

— Не все. Некоторые порывали отношения с такими кавалерами.

— Есть обиженные на Ветрова?

— Есть. Особенно некая Изольда Романова. Подробности пока установить не удалось.

— История с ней была до женитьбы Ветрова?

— Да. В начале этого года.

— Значит, до... — задумчиво произнес Гольст. — Интересно, сейчас он остепенился?

— Да вроде бы.

— Кстати, о женитьбе, — продолжал следователь. — Странно. Все пророчили Борису богатую невесту с высокопоставленными

родителями. И недостатка в таких невестах, кажется, не было. Но почему-то Ветров выбрал Ольгу Каменеву. Скромная девушка, из простой семьи... Может, не такой уж он испорченный? А все его былые похождения — грешки молодости?

— Да, выбор Ольги — непонятная штука... Знаете, Владимир Георгиевич, если хотите получше разобраться в Ветрове, поговорите с Олегом Турковым. Это, насколько мне известно, самый близкий его друг.

— А кто такой этот Турков? — поинтересовался Гольст.

— Учится с Ветровым на одном курсе. Часто бывает у него дома. В институте его называют «тенью Бориса». Говорят, он буквально боготворит Ветрова. И вообще якобы их водой не разольешь.

— Понятно. Значит, вы думаете, он знает сердечные тайны своего друга?

— А как же! Если они так близки... Наверняка в курсе, с какими женщинами бывал Ветров, какие у него случались неприятности из-за них.

— Что ж, возможно, — согласился следователь. — Попробую поговорить с Турковым. Но захочет ли он посвящать нас в секреты Бориса?

Капитан пожал плечами:

— Попытаться все же стоит...

Гольст встретился с Турковым в студенческом общежитии. Это был высокий, слегка сутулый молодой человек со светло-голубыми глазами, которые он все время щурил, глядя на собеседника, — видимо, по причине близорукости, но очков при следователе не надевал.

Сначала Владимир Георгиевич спросил его, как давно он знает Бориса Ветрова, что их сблизило. Выяснилось, что до института они знакомы не были, дружба их возникла на втором курсе, когда оба записались в студенческое научное общество.

— Борис — это голова! — не скрывал своего восхищения Турков. — Его ждет большое будущее.

— Почему вы так считаете? — спросил Гольст.

— Мы, простые смертные, что называется, грызем гранит науки. А он жует его губами, словно пирожное.

— Круглый отличник?

— Круглыми отличниками бывают только зубрилы, — ответил Олег, — которые берут, извините, седалищем. А Борис — вот этим, — Турков постучал себя кулаком по лбу. — Да если бы он захотел иметь одни пятерки, это ему ничего не стоило бы. У нас многие закончили институт с «красными дипломами». Вон сколько портретов висит в вестибюле. А кто из них стал знаменитым? — патетически спросил Олег и сам же ответил: — Что-то ни о ком не слышно... А о Борисе еще узнают, даю голову на отсечение. — Он вдруг замолчал, и долго смотрел на Гольста прищуренными глазами. — Не верите? Думаете, преувеличиваю?

— Почему же, — спокойно сказал следователь. — Все может быть. Что, Борис мечтает стать большим ученым?

— Он имеет на то все основания, — безапелляционно произнес Турков. — Уверен, так оно и будет! Борис никогда не смирится с прозябанием где-нибудь в поликлинике или заштатной больнице. Планы у него — ого-го! Правда... — Олег вздохнул, — не все понимают, какого это полета человек.

— Кто именно не понимает? — осторожно спросил Гольст.

— Да хотя бы в деканате... Это надо же было додуматься: Ветрова, представляете, Ветрова посылать на практику куда-то к черту на кулички! Да его надо в научный институт!

Насколько я знаю, его оставили практиковаться в области, — заметил следователь.

— Это потому, что у него в семье несчастье. А то послали бы, точно. Ладно, он еще докажет.

— Что?

— Какой у него талантище.

— По-моему, талант может проявиться везде, — сказал Гольст. — Это не зависит от того, где работает человек — в обычной поликлинике или же в самом лучшем научно-исследовательском институте.

— Конечно, — вяло согласился Турков. — Для таких людей, как Ветров, не имеет значения место прохождения практики или работы после распределения. Борис добьется своего при любых условиях. Он ни перед чем не остановится. Но зачем создавать лишние трудности? Для чего гению растрачивать свой ум и энергию на пустяки?

«Вот тебе и «тень Бориса»! — подумал Гольст. — Интересно, он высказывает свои мысли или же мысли самого Ветрова?»

А Олег продолжал:

— Обидно видеть, какие люди окружают Бориса, как ведут себя...

— Что вы имеете в виду? — спросил следователь.

— В каком он положении сейчас! Такое горе навалилось... Как он только держится, не представляю. А тут родственнички...

— Какие?

— Обыкновенные. Дяди, тети... Пользуясь случаем, тащат из дома вещи родителей и Бориса, даже заявляют права на дачу...

— Это говорил вам сам Ветров?

— Да нет, я видел. Одна тетка унесла шубу Надежды Федоровны, другая — туфли Александра Карповича, третья — фарфоровую вазу... А ведь Борису очень трудно материально. На стипендию далеко не уедешь. Да еще молодая жена... Иной раз не хватает на еду. Борис вынужден сдавать вещи в комиссионку.

— Свои?

— Да нет. Кое-что из уцелевшей одежды родителей. Я сам ему помогал.

— А что вы можете сказать о жене Бориса?

— Об Оле? Как жена — хорошая. Любит Бориса. Но... — он замолчал.

— Что «но»?

— Понимаете, как бы вам объяснить?.. Между нами, конечно... Честно говоря, я был удивлен, когда Борис на ней женился. Мне кажется, она ему не пара.

— В каком смысле?

— Не понимает, какой человек с ней рядом. Не тот у нее уровень... Возможно, Борис женился на ней с отчаяния. Просто, когда случилось горе, она оказалась рядом, а ему надо было на кого-то опереться... Боюсь, он разочаруется. И скоро.

— Есть признаки?

Турков несколько смешался и, внимательно разглядывая свои руки, ответил:

— Мне так кажется,—но тут же спохватился.—Это, разумеется, мои личные ощущения. В любом случае, будут они жить вместе или нет, Ольге надо поставить памятник при жизни лишь за то, что в самое тяжелое время она была с ним.

— А до Каменевой у Ветрова были девушки?

— Конечно, были. И какие!—воскликнул Турков.—Взять хотя бы Алису Макарову... Вам эта фамилия ничего не говорит?

— Нет. А что?

— Как же, Макаров — известный врач в Москве, член-корреспондент Академии медицинских наук.

— К сожалению, не слышал... Скажите, между Макаровой и Ветровым были серьезные отношения?

— Чуть не поженились. Это было летом. Борис ездил в Москву. Думали, вернется с невестой, то есть с Алисой. Или останется в столице. Но что там произошло, я до сих пор не знаю... Из Москвы он приехал в середине августа. А вскоре пропала его сестра. А еще через десять дней, как вы знаете,—страшная гибель родителей...

Турков замолчал.

Гольст поинтересовался насчет других девушек, которыми увлекался Ветров. Турков назвал дочь заведующего кафедрой в их институте. На ней Борис тоже как будто хотел жениться, но быстро охладел. Как понял Гольст, видимо потому, что появилась Алиса Макарова. Что же касается женщин, относительно которых Ветров не имел серьезных намерений, но с которыми проводил веселые ночи на даче в Быстрице и в городской квартире (разумеется, в отсутствие родителей), о них Турков ничего сказать не мог. Или действительно не знал эту сторону жизни своего друга, или не хотел его компрометировать. Во всяком случае, Олег уверял, что не принимал участия в похождениях Бориса.

Закончив допрос, Гольст предупредил Туркова, чтобы содержание состоявшегося между ними разговора не разглашалось. Олег твердо пообещал молчать.

— Вполне возможно, что Турков действительно не в курсе амурных походов Ветрова,—сказал капитан Самойлов, обсуждая с Гольстом допрос Олега.—Бывает... Борис держит его

возле себя, так сказать, для души. Чтобы тот пел ему дифирамбы. А с женщинами он развлекался на пару с Полонским. Этот более подходит для такой роли.

— Возможно, — согласился следователь. — Вы узнали что-нибудь относительно Виктора Зубова, брата Марины?

— Узнал, Владимир Георгиевич. У него алиби. С пятнадцатого августа по восьмое сентября он был в доме отдыха под Одессой.

— Может, попросил отомстить за сестру кого-нибудь из дружков?

— Таких дружков у Зубова нет. Он не водится с сомнительными типами.

— Ну что ж, эта версия отпадает. Посмотрим, что даст встреча с Изольдой Романовой. Пока все не могу с ней встретиться: болеет. — Гольст заметил, что капитан слушает его рассеянно, и поинтересовался: — Вы еще что-то хотите сообщить?

— Думаю... Странно получается. Турков говорит, что Ветров бедствует, на еду не хватает. А Бориса в последнее время несколько раз видели в ресторане «Метрополь». В частности, позавчера. А ведь это один из самых дорогих ресторанов в городе.

— Да? — удивился следователь. — Может, его приглашают?

— Не его, а он. Сорит деньгами, словно купец. Заказывает икру, коньяк, шампанское...

— Откуда же у него деньги?

— Насчет комиссионки Туров сказал не всю правду. Борис перетаскал туда не кое-что, а всю одежду, которая осталась от родителей, вплоть до нижнего белья. Более того, продал весь хрусталь, ковры и даже кое-что из мебели.

— Кутит в «Метрополе» с женой? — спросил Гольст.

— Нет, она сидит дома. Он бывает там в основном с преподавателями из своего института. В частности, с неким Кирсановым. Это, говорят, правая рука ректора.

— Ну и порядки в их институте! — покачал головой следователь. — Пить в ресторане со студентами! Борис ничего, как известно, не делает просто так. Но они...

— Да, — кивнул капитан, — Ветров явно чего-то хочет.

— Это самое «что-то» разгадать, по-моему, нетрудно. На носу распределение. Метит попасть в аспирантуру или же получить теплое местечко в городе.

— Точно, — подхватил Самойлов. — И еще, Владимир Георгиевич. Ветров нанял адвоката, чтобы тот помог ему получить в сберкассе вклад, положенный родителями на имя Ларисы.

— Любопытно... Но как же так? Жива сестра или нет, неизвестно, а он уже тянется к ее денежкам. Сумма большая?

— Тысяча рублей. Но и это не все. После смерти родителей Борис подал заявление о признании его наследником их имущества, в частности дачи. Как вы знаете, положенный законом срок для установления наследников — шесть месяцев — еще не прошел. А тут поступает еще одно заявление на право наследования — от матери Надежды Федоровны.

— То есть родной бабушки Бориса, — уточнил Гольст.

— В том-то и дело, что не родной, — сказал капитан. У Надежды Федоровны, так сказать, мачеха. Более того, с отцом Надежды Федоровны их брак не был зарегистрирован. Но фактически она воспитывала ее с двенадцати лет. И Борис это знает. Как только он проведал, что бабка претендует на часть дачи, тут же подал заявление в суд, чтобы ее претензии были признаны незаконными. Та, в свою очередь, тоже обратилась в суд, требуя признать ее законной наследницей. Не знаю, сама надумала или кто-то посоветовал... Словом, заварилась каша. Чем все кончится, не ясно.

— В суде разберутся, — задумчиво произнес Гольст. — Выходит, Борис был уверен, что завладеет дачей один?

— Во всяком случае очень бы хотел. Хватка у него, как у родителей. Не желает выпустить из рук ни копейки. Уже имеет покупателя на дачу. Деловой!

— Не по годам, — заметил следователь. — Знаете, о чем я вас попрошу? Если можно, разузнайте, почему расстроилась женитьба Бориса на Алисе Макаровой.

— Это которая дочка московского врача-светилы?

— Совершенно верно, — кивнул Гольст. — Выясните, какая кошка между ними пробежала.

— Можно, — сказал Самойлов. — Но отсюда выяснять трудно. Вернее, не так быстро...

— Съездите в Москву, — предложил Гольст.

— Это очень важно? — на всякий случай полюбопытствовал инспектор.

— Как знать, — улыбнулся Гольст. — Смотря какие сведения вы привезете оттуда.

И они стали обсуждать, что именно должен был выяснить капитан Самойлов у несостоявшейся невесты Бориса Ветрова.

Вернулись из Кисловодска Цыплаковы, те самые, чья дача находилась рядом с ветровской. В роковую ночь на первое сентября они не спали, дежуря у постели тяжело больного человека. Их показания о времени, прошедшем между двумя выстрелами, имели исключительно важное значение.

Правда, другие соседи, Бобринские, уже назвали интервал — 3—4 секунды. Однако Бобринские были разбужены выстрелами. А, как известно, разбуженный человек находится в заторможенном состоянии и не сразу может разобраться в происходящем.

И вот Цыплаковы на допросе категорически заявили: выстрелы со стороны дачи Ветровых прозвучали один за другим с интервалом не более чем 3—5 секунд. Показания соседей совпали.

Сомнительно, чтобы Александр Карпович за эти секунды, выстрелив в жену, успел обойти кровать, лечь, накрыться одеялом, перекинуть через приклад веревку, привязанную к спусковому крючку, и убить себя. Был проведен следственный эксперимент, чтобы выяснить, возможно ли такое. Он показал, что нет. Для всех этих операций пяти секунд было явно недостаточно.

Продолжая изучать фотографии с места происшествия, Гольст обратил внимание на еще одно важное обстоятельство. Как следовало из первого заключения судмедэкспертов, во время выстрела в А. К. Ветрова срез дульной части ружья находился от его головы на расстоянии 4—6 сантиметров. Следовательно, если бы он стрелял в себя сам, то одной рукой держал бы ружье за дульную часть стволов, причем у самого среза. Попали бы в этом случае брызги крови на руку? Остались бы следы пороховой копоти? На фотографиях ни того, ни другого видно не было. В протоколе осмотра места происшествия эти детали тоже не были зафиксированы.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, Гольст вынес постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы (для этого требовалось эксгумировать труп А. К. Ветрова), которую поручили группе авторитетных специалистов.

Тем временем Владимир Георгиевич получил наконец возможность встретиться с еще одной свидетельницей, Изольдой Романовой, и допросить ее.

Девушка выглядела неважно после только что перенесенного воспаления легких. Когда Гольст сказал, что хочет поговорить с ней о Борисе Ветрове, на ее бледных худых щеках выступил лихорадочный румянец.

— А при чем здесь я?—волнуясь, спросила она.

— Вы близко знали его?—в свою очередь задал вопрос следователь.

— Близко?—почти с испугом переспросила Изольда.—Нет... Впрочем... Ну, встречались с ним. Два или три раза. В компании.

— Где именно?

— Ну... У одного моего знакомого... Дома.

Она не знала, куда девать руки.

— Не надо так волноваться,—успокоил девушку Гольст.—Постарайтесь вспомнить, когда это было, кто еще присутствовал при этом.

— Хорошо,—тихо произнесла девушка.—Это было... в декабре прошлого года... Да, в декабре. Я тогда встречалась с другом Бориса Ветрова.

— Фамилия друга?

— Полонский. Его тоже Борисом зовут. Мы слушали музыку, танцевали. Ветров был со своей девушкой, Леной. Фамилию не знаю. Вскоре у нас с Полонским произошел разрыв. А поэтому с Ветровым я больше не виделась. Вот и все...

— Все? — повторил следователь, внимательно глядя на девушку.

Она опустила глаза и не ответила.

— А у нас есть сведения, что в январе этого года вы имели с Борисом Ветровым какие-то отношения. Так?

— Нет!—воскликнула девушка.—Нет! Не могла же я с ближайшим другом Полонского...

Она замолчала, нервно хрустя пальцами,

— Я прошу Гольст.— Это оч- верно?

Изольда молч- — Вам было жить не хотелось?

Девушка тяж- — Ветров име-

— Не Ветров.

да и добавила:—

— Так в чем ж- вероятно, очень ли-

ко по долгу слу- — Хорошо. Я

прерывисто дыша.

В общем я забере-

собирается женити-

Уверял, что жени-

Правда, у него д-

— Способ чег-

— Чтобы пере-

тался. Ветров обы-

«Так, наверное

тель, вспомнив п-

— И многих д-

— Не знаю.

— Ладно, про-

— Я поняла, ч-

с беременностью?

что они сделают

слышались слезы

— Успокойтесь

— Ну, я встре-

избавиться от ре-

что-нибудь придум-

сказал, что догов-

все, что нужно.—

ные слезы. Она в-

ровым поехали к

зал: «Я сделаю те

ждого укола...» Н

янии... Короче, со

помогли. Я увере

лекарство. Позже

трудом уговорила

Сама, дура, винов

было думать, с к

я зла на Ветрова

нулось!—уже со

— Я прошу вас рассказать всю правду,—мягко сказал Гольст.— Это очень важно. Весной у вас были неприятности, верно?

Изольда молча кивнула.

— Вам было очень плохо,—продолжал следователь.— Даже жить не хотелось...

Девушка тяжело вздохнула.

— Ветров имел отношение к этому?

— Не Ветров. Полонский,—с трудом выдавила из себя Изольда и добавила:— Впрочем, Ветров тоже.

— Так в чем же дело? Я понимаю, вам трудно говорить. Это, вероятно, очень личное... Но, поверьте, я спрашиваю об этом только по долгу службы.

— Хорошо. Я скажу...—девушка некоторое время молчала, прерывисто дыша.—Скажу... Полонский обещал жениться на мне... В общем я забеременела от него. И тут выяснилось, что он и не собирается жениться. Я узнала, что он со многими поступал так. Уверял, что женится, а потом бросал... Кстати, Ветров не лучше. Правда, у него другой способ...

— Способ чего?—не понял Гольст.

— Чтобы переспать с кем-нибудь... Полонский как-то проболтался. Ветров обычно подсыпал в вино снотворное.

«Так, наверное, произошло и с Мариной»,—подумал следователь, вспомнив показания Зубовой.

— И многих девушек соблазнил Ветров?—спросил он.

— Не знаю.

— Ладно, продолжайте, пожалуйста, о себе.

— Я поняла, что с Полонским у нас все кончено. Но как быть с беременностью? Если это дойдет до моих родителей, я не знаю, что они сделают со мной и с Полонским,—в голосе Изольды слышались слезы.—Я вас очень прошу...

— Успокойтесь, пожалуйста. От нас никто ничего не узнает.

— Ну, я встретила с Полонским, попросила его помочь мне избавиться от ребенка. Ведь он будущий медик. Он пообещал что-нибудь придумать. А через несколько дней позвонил мне и сказал, что договорился с Борисом Ветровым, который сделает все, что нужно.—Изольда замолчала. Из глаз ее закапали крупные слезы. Она вытерла их ладошкой и продолжала:—Мы с Ветровым поехали к нему на дачу. Там никого не было... Борис сказал: «Я сделаю тебе три укола, но при одном условии... После каждого укола...» Ну, чтобы я легла с ним... Я была в таком отчаянии... Короче, согласилась... А Ветров обманул меня. Уколы не помогли. Я уверена, что он вводил дистиллированную воду, а не лекарство. Позже все равно пришлось обращаться в больницу. С трудом уговорила сделать аборт: времени-то сколько прошло... Сама, дура, виновата!—вдруг с иронией сказала девушка.—Надо было думать, с кем имеешь дело! Вы даже не представляете, как я зла на Ветрова. Низкий, грязный подлец! Ничего, ему это аукнулось!—уже со злорадством закончила Романова. И спохвати-

лась: — Вы не подумайте, что я о несчастье в его семье. Не дай бог! Я о жене...

— Ольге Каменевой?

— Ну да. Ветров думал, что женится на дочке проректора института Петрякова. Дудки! Ольга никакого отношения к Петрякову не имеет!

— Погодите, я вас не очень понимаю, — сказал следователь. — Объясните, пожалуйста, подробнее.

— Ну, поговаривали, что Ольга Каменева — незаконная дочь Петрякова. И якобы он очень любит ее, опекает, помогает деньгами и прочее... А Борис Ветров ради карьеры готов пойти на что угодно. Еще бы! Отхватить дочку такого человека! Петряков очень влиятельный в институте и вообще в медицинских кругах... Выходит, Ветров остался с носом!

«Вот оно в чем дело, — подумал Владимир Георгиевич, вспомнив, как они гадали, почему из всех невест Ветров остановил свой выбор на Ольге. — Но, может, Романова просто хочет очернить Бориса? Из чувства мести?»

— Простите, — сказал он, — а откуда вам это известно?

— Так все знают! Знакомые, друзья Ветрова. Спросите у кого хотите, подтвердят, — заверила девушка.

— Кто конкретно?

— Да хотя бы Полонский. Я видела его месяца полтора назад. Поинтересовалась, как там Борис. Ну, он и рассказал мне... Можете узнать у него.

Гольст и сам хотел встретиться с Полонским: как-никак один из ближайших друзей Ветрова. Но тот находился на практике в другом городе.

— По-моему, это несерьезно, — заметил следователь Ворожичев, когда Владимир Георгиевич ознакомил его с показаниями Изольды Романовой. — Жениться на девушке только потому, что она, по слухам, внебрачная дочь проректора...

— Принимая во внимание принципы Ветрова... — начал было Владимир Георгиевич.

— То, что Ветров готов из чего угодно извлечь выгоду, — да! — Перебил его Сергей Михайлович — Но не такой он человек, чтобы поступать опрометчиво. Обязательно разузнал бы, убедился, действительно ли будущая жена — дочь Петрякова. Хоть и молод еще, но расчетлив.

— Да, в этом Ветрову отказать нельзя, — согласился Гольст.

— Сдается, Владимир Георгиевич, тут кроется что-то другое... Может, ему удобно иметь такую супругу? Все разрешает, на все согласна. Пусть муж гуляет по ресторанам, пусть даже ходит на сторону, лишь бы был с ней. Встречаются ведь такие?

— Встречаются, конечно. И все же отношение Ветрова к Ольге Каменевой для меня окончательно не ясно, — заключил Гольст.

Вернувшись из Москвы, инспектор Самойлов сразу же встретился с Владимиром Георгиевичем.

— В столице я бал, — докладывал

— В каком см

— Ну, прибыл кого проспекта, на выходят из дома лентами. Народу. Целый кортеж... эту кутерьму, так, Открыла старушка мне: только что в человека такое событие женихе...

— Да, действи Владимир Георгие

— Но, — развел прихожу на следую кой, в джинсах, во пондент. Вежливый и деликатненько по дочерью? Но оказа аэропорт — и в свадь ся я, конечно. Не л седовать о Ветрове тайные отношения?

— Затруднитель

— Короче, реш капитан. — Макаров рился. Говорит: это берутся такие? Сло езжал летом в Мос ставил кое-какие

— Интересно, и

— Во-первых, — будущий тесть дол тут в ординатуру молодых. В-третьих «Волгу», но соглас дура, а?

— Весьма... Но удивился следоват

— Разумеется, ными. Что соверше разглаговльствовани

— А как она? трудно выйти заму

— Алиса? — Ин

дая. Бесцветная кан

— В столице я, можно сказать, попал прямо с корабля на бал,—докладывал следователю капитан.

— В каком смысле?—заинтересовался Гольст.

— Ну, прибыл по нужному адресу. Неподалеку от Калининского проспекта, на Арбате. Подхожу к подъезду, а тут как раз выходят из дома невеста с женихом и садятся в «Чайку», увитую лентами. Народу — масса. Еле разместились по такси и поехали. Целый кортеж... Я не очень-то внимательно рассматривал всю эту кутерьму, так, мельком. Поднялся на второй этаж, позвонил. Открыла старушка. Спрашиваю: Алиса Макарова дома? А она мне: только что в загс отправилась. Вот, думаю, незадача! У человека такое событие, а я с расспросами. И о ком? О бывшем женихе...

— Да, действительно, положение щекотливое,—улыбнулся Владимир Георгиевич.

— Но,—развел руками Самойлов,—работа есть работа... прихожу на следующий день. Открывает мужчина, спортивный такой, в джинсах, водолазке. Оказался сам Макаров, член-корреспондент. Вежливый, попросил войти в дом... Ну, я представился и деликатненько поинтересовался: можно, мол, побеседовать с его дочерью? Но оказалось, что дочка вчера после банкета сразу в аэропорт — и в свадебное путешествие. На целый месяц! Растерялся я, конечно. Не лететь же к морю? А с заданием как быть? Беседовать о Ветрове с папашей? А вдруг у Бориса с Алисой были тайные отношения? Положеньице, не правда ли?

— Затруднительное,—кивнул с усмешкой Гольст.

— Короче, решил-таки я заговорить о Борисе,—продолжал капитан.—Макаров, как только услышал его фамилию, нахмурился. Говорит: этот ваш Ветров еще тот деляга. Откуда только берутся такие? Слово за слово, и вот что выяснилось. Борис приезжал летом в Москву, официально просил руки Алисы, но... Поставил кое-какие условия!

— Интересно, интересно,—все больше зажигался следователь.

— Во-первых,—капитан, начал загибать пальцы на руке,—будущий тесть должен устроить Ветрова после окончания института в ординатуру в Москве. Во вторых, отдельная квартира для молодых. В-третьих, подарить автомобиль. Борис не прочь иметь «Волгу», но согласен и на «Жигули» последней модели. Губа не дура, а?

— Весьма... Но неужели Ветров прямо так все и выложил? — удивился следователь.

— Разумеется, не прямо в лоб, а намеками. Но вполне понятными. Что совершенно возмутило члена-корреспондента, так это разглагольствования Ветрова насчет того, что сейчас девушке трудно выйти замуж, особенно если внешность не яркая...

— А как она? — поинтересовался Гольст.

— Алиса? — Инспектор подумал, вспоминая.—Высокая, худая. Бесцветная какая-то. Впрочем, смотря на чей вкус...

— И все же странно,— заметил Владимир Георгиевич.— Вести себя подобным образом с отцом...

— Насколько я понял, мамаша, то есть жена ученого, подерживала Бориса. Наверное, обворожил чем-то. Очень хотела его в зятя. И Алиса была сильно влюблена... Скажем прямо, Ветров может вскружить голову...

— Так почему же их женитьба расстроилась?— спросил Гольст.

— Отец уперся, Макаров. Сказал, что сразу раскусил Бориса. Не дочка ему нужна, а папаша. Вернее, его положение. А он мужик, видать, крутой. Ну и дал Ветрову от ворот поворот. По словам Макарова, Борис, когда уехал, тут же отписал большое покаянное письмо. Мол, что его не так поняли, что любит Алису без памяти и согласен жить с ней хоть в шалаше...

— Письмо сохранилось?— поинтересовался Гольст.

— К сожалению, нет.

— Если, как вы говорите, Алиса была сильно влюблена в Ветрова, почему же так скоропалительно вышла замуж за другого?— спросил следователь.

— Кто знает,— развел руками Самойлов.— Говорят, иногда клин клином вышибают.

— Кто муж?

— Инженер. Старше Алисы на пять лет. Да,— вспомнил капитан,— когда Борис был в Москве, то каждый день заявлялся к Макаровым с цветами. Лучший букет — матери.— Заметив усмешку Гольста, спросил: — Вы что, Владимир Георгиевич?

— Ну и хлюст! Знает, кого надо обхаживать. Между прочим, здесь мы тоже кое-что интересное узнали. Помните, вы раздобыли сведения, что Ветрова несколько раз видели в «Метрополе» с преподавателем института Кирсановым?

— Помню, конечно.

— Так вот, от старшего Ветрова остались золотые часы. Борис сделал на их крышке дарственную надпись и попросил Кирсанова передать подарок ректору института.

— Не теряется парень!— воскликнул капитан.— Кирсанов-то с ректором, как говорится, вась-вась.

— Вот именно.

— Ну и как? Принял ректор подарочек?

— Насколько нам известно, часы пока у Кирсанова. На днях пятидесятилетие ректора. Возможно, тогда и презентует...

То, что предполагали Гольст и его коллеги по расследованию дела Ветровых, подтвердилось и выводами экспертов.

Заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы Ветрова-старшего было категорическим: Александр Карпович никогда не страдал психическим заболеванием.

Сказали свое слово и члены комиссий, проводивших судебно-медицинскую и баллистическую экспертизы. Вот к каким выводам они пришли.

Во-первых, руке, которой тельно должн крови. Но ни не было зафи и не было об ции.

Во-вторых, левую скулов правлении вы в себя и посл жение в кро

В-третьих, снят в позе вытянутыми е если бы Ветр Ветрова-стар

В-четверть в спальню ро пол только п лежать на к Судя по напр находилось в пределы кров было упасть

Теперь со кто?

— Давай сказал Гольс ся за послед мость, корыс — Насчет ется. Скольк пытка ограбл

— Не пох помните, что сковому кр

— Это б

— Конеч нии: для тог прибегать н нажать на с кой.— Так в подготавлив ружье, как и тщательно если не близ ловек.

Во-первых, если бы А. К. Ветров стрелял в себя сам, то на руке, которой он держал дульную часть стволов ружья, обязательно должны были остаться следы пороховой копоти и брызги крови. Но ни крови, ни копоти не было видно на фотографиях, не было зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия, и не было обнаружено на кожных покровах трупа при эксгумации.

Во-вторых, ранение Александру Карповичу было нанесено в левую скуловую область. Эксперты отметили, что при таком направлении выстрела Ветрову было бы крайне неудобно стрелять в себя и после выстрела он обязательно принял бы другое положение в кровати.

В-третьих. На фотографиях труп Александра Карповича снят в позе человека, спокойно лежащего на спине со свободно вытянутыми вдоль тела руками. Такая поза была бы невозможна, если бы Ветров выстрелил в себя сам. То есть смерть настигла Ветрова-старшего во время сна.

В-четвертых. Согласно показаниям Бориса, когда он прибежал в спальню родителей, ружье лежало на постели отца и упало на пол только после того, как сын сдернул одеяло. Но оно не могло лежать на кровати, если бы Ветров-старший покончил с собой. Судя по направлению раневого канала, ружье в момент выстрела находилось в таком положении, что вся его ложа выступала за пределы кровати, и в силу эффекта отдачи оно непременно должно было упасть на пол сразу после выстрела.

Теперь сомнений не оставалось: супругов Ветровых убили. Но кто?

— Давайте еще раз подумаем, кому была на руку их смерть, — сказал Гольст, когда они с Ворожищевым обсуждали появившиеся за последнее время факты по делу. — Что же тут все-таки — месть, корысть или еще что-нибудь?

— Насчет мести, Владимир Георгиевич, пока не вытанцовывается. Сколько людей проверили — никто не причастен. Может, попытка ограбления?

— Не похоже. Мешает одно обстоятельство. Убийца, как вы помните, чтобы ввести в заблуждение следствие, привязал к спусковому крючку ружья веревку. Инсценировка самоубийства...

— Это была его ошибка, — заметил Ворожищев.

— Конечно. А главное — эксперты указали в своем заключении: для того чтобы выстрелить в себя, Ветрову не надо было прибегать ни к каким приспособлениям в виде веревки. Он мог нажать на спусковой крючок сам, так как легко доставал ружье. — Так вот, — продолжал Гольст, — инсценировка самоубийства подготовливалась заранее. Выходит, убийца знал, где висит ружье, каким образом можно проникнуть в спальню Ветровых, и тщательно продумал, как покинуть дачу незаметно. Это был не близкий, то во всяком случае хорошо знакомый в доме человек.

— Даже более того, — добавил Ворожищев. — Он был отлично осведомлен обо всем, что касалось этой семьи. Например, он знал, что Александр Карпович якобы болел шизофренией. Но ведь кроме самых близких родных об этом не знал никто.

— Значит, месть отпадает. Попытка ограбления — тоже. Значит, выгода? Кто получал выгоду в результате смерти супругов Ветровых?

— Если уж говорить о выгоде, больше всего досталось бы Борису, — сказал Ворожищев. — Квартира в городе, дача, все сбережения... Кстати, вас не смущает поведение Бориса после их смерти? Я имею в виду его активную деятельность по распродаже имущества и другие проявления меркантильности.

— И да, и нет, — подумав, ответил Владимир Георгиевич. — Конечно, с одной стороны, слишком ретиво устраивает он свои материальные дела. А с другой... Ну, характер такой у парня. Кстати, взлелеянный отцом и матерью. Честно говоря, Борис производит неоднозначное впечатление... Карьерист, нечистоплотен в отношениях с женщинами. Но ему нельзя отказать в уме, спорен, пошел бы он на убийство? Ведь должен был понимать, что рано или поздно его разоблачат. И потом, в момент гибели родителей он находился в другой комнате.

— Так утверждает Ольга Каменева, — заметил Ворожищев.

— Есть основания не верить ей?

— Пока нет, — пожал плечами Ворожищев. — Знаете, Владимир Георгиевич, у меня идея... Правда, сумасшедшая... А что, если это сделала Ольга?

— Зачем?

— Чтобы остаться полновластной хозяйкой квартиры в городе, дачи и так далее.

— Так ведь и Борис говорит, что они были вместе, когда прозвучали выстрелы. Если мы верим Каменевой, то почему не должны верить Борису? Конечно, мы имеем право сомневаться. Сомневаться, искать, думать... Но категорически утверждать пока ничего нельзя.

Буквально на следующий день после этого разговора Гольсту позвонили из милиции.

— Владимир Георгиевич, — взволнованно сказал замначальника городского управления внутренних дел, — тут к нам зашел один человек, оставил письмо. Касается дела Ветровых...

— Кто такой? — спросил Гольст.

— Говорит, близкий знакомый жены младшего Ветрова.

— Ольги Каменевой?

— Да, ее. Уверен, послание вас крайне заинтересует.

Через полчаса конверт лежал на столе Владимира Георгиевича. В нем была короткая записка, написанная от руки: «Если со мной что-нибудь случится, заявляю, что во время следствия я дала неправильные показания. В ночь на первое сентября на даче

Ветровых в Борисом». И

Действительно сказать своим не пришла сама. Если она говорила запоздалое пр

благовидные и Гольстом, когда

Прежде всего вивший конверт

— Когда К

— Вчера.

— Она про

— Нет, нич

тихая, словно

с ней такое. О

друг, вот тебе

А Оля объясни

говорит, догада

рассказать, что

расплакалась

— Письмо

— Да, — сму

некрасиво, но я

нее было состо

зойдет несчасть

По словам

Дружба эта бы

сильно подейств

случиться? Что

Гольста и с

их могла толь

сать ее.

Каменева пр

за — как у зат

— Что выну

рос Гольст.

Ольга молча

— Я боюсь,

— Пожалуй

Георгиевич гово

— А Борис

том спросила

— Это судя

тил Гольст,

Ветровых в Быстрице в момент выстрелов я не была вместе с Борисом». И подпись: Ольга Каменева.

Действительно, сообщение чрезвычайно важное. Что хотела сказать своим обращением в милицию жена Бориса? Почему она не пришла сама? Почему сделала свое заявление именно теперь? Если она говорила неправду раньше, то с какой целью? А вдруг запоздалое признание — ложь, преследующая какие-нибудь не-благовидные интересы? Все эти вопросы и сомнения овладели Гольстом, когда он прочитал записку Каменевой.

Прежде всего в прокуратуру был приглашен человек, доставивший конверт в милицию. Некто Реутов.

— Когда Каменева передала вам письмо? — спросил Гольст.

— Вчера.

— Она просила отнести его в милицию?

— Нет, ничего не просила. Пришла ко мне какая-то странная, тихая, словно пришибленная. Я, естественно, заинтересовался, что с ней такое. Она говорит: «Не спрашивай ни о чем. Если ты мне друг, вот тебе письмо. Пусть лежит у тебя». Я, конечно, удивился. А Оля объяснила: «Если что произойдет, тогда... В общем сам, говорит, догадаешься, что надо делать...» Я долго уговаривал ее рассказать, что же все-таки случилось, но Оля молчала. Потом расплакалась и ушла.

— Письмо было запечатано? — спросил следователь.

— Да, — смущенно кивнул Реутов. — Виноват. Это конечно, некрасиво, но я не удержался, вскрыл... Вы бы видели, какое у нее было состояние! Я подумал: не дай бог, действительно произойдет несчастье! Так зачем дожидаться?

По словам Реутова, с Каменевой они дружили с детства. Дружба эта была чистая и верная. Видно было, что происшедшее сильно подействовало на него. Он все твердил: «Что с ней может случиться? Что она имела в виду?»

Гольста и самого интересовали ответы на эти вопросы. Дать их могла только Ольга Каменева. Было решено срочно допросить ее.

Каменева пришла в прокуратуру бледная, подавленная. Глаза — как у затравленного зверька.

— Что вынудило вас оставить письмо у Реутова? — задал вопрос Гольст.

Ольга молчала. Следователь повторил вопрос.

— Я боюсь, — выдавила наконец из себя Каменева.

— Пожалуйста, объясните причину вашего страха, — Владимир Георгиевич говорил вежливо, мягко, но настойчиво.

— А Борис не узнает, что я была у вас? — чуть ли не шепотом спросила она.

— Это судя по тому, что вы сообщите нам, — уклончиво ответил Гольст.

— Я больше не могу!— с отчаянием выкрикнула Каменева.— Эти бесконечные разговоры о трупах... Намеки... Свихнуться можно, ей богу!..

— Конкретней, пожалуйста. Вы меня понимаете? Говорите подробнее.

Ольга кивнула. Попросила воды. Пока Гольст наполнял стакан, облизывала пересохшие губы. Залпом выпив воду, стала рассказывать.

— Понимаете, Борис считает, что Ларису убил отец. Александр Карпович... Боря говорит, что он сделал это потому, что ненормальный. Шизофреник. И в силу какой-то ритуальности закопал труп в погреб на быстрицкой даче. Почему именно в погреб? Он находится как раз под маленькой комнатой, где была спальня Александра Карповича и Надежды Федоровны...

— Простите,— перебил Каменеву следователь,— когда именно начались эти разговоры?

— Давно уже. Сразу после похорон родителей Бориса. А что?

— Нет, ничего... Продолжайте, пожалуйста.

— Я спрашиваю у Бори: почему ты так уверен, что Лару убил отец? Он говорит: психи на все способны. И еще, мол, подтверждением служит то, что Александр Карпович убил потом Надежду Федоровну и себя. Я опять спрашиваю: откуда ты знаешь, что Лариса закопана в погреб? Он ответил, что там в одном месте земля рыхлая. Он обнаружил это, когда зачем-то лазил в погреб. И именно под тем местом, где в спальне стоит кровать Александра Карповича. Знаете, после этого я перестала ездить в Быстрицу... Хотя, наверное, все это выдумки. Ну, насчет Лары...

— Вы не спускались в погреб на даче после того, как Борис рассказал вам о своих подозрениях?— спросил Гольст.

— Что вы!— испуганно отмахнулась Ольга.— Я же говорю: больше в Быстрице не была.

— А Борис ездил туда?

— Несколько раз. Он собирается продать дачу. Как только пройдет шесть месяцев и он по закону станет наследником. Покупателей туда возил, показывал,— Каменева обхватила голову руками.— Вы не можете себе представить, какая это пытка— слушать его разговоры! Зачем он на мне женился, а? Чтобы терзать? Я по ночам спать не могу, все думаю: может, он тоже шизофреник?— Ольга повертела пальцем у виска.— Как Александр Карпович? Не поверите, иной раз прямо ужас берет. Особенно ночью. Прислушиваюсь— спит Борис или нет. Кажется, сейчас встанет, возьмет ружье и... Как его отец Надежду Федоровну...

— У вас дома есть ружье?— спросил следователь.

— Есть. Борис иногда ездит на охоту. Вот я и пошла к Реутову.

— Помимо того, что якобы Александр Карпович убил Ларису, муж ничего не рассказывал вам об исчезновении сестры и смерти родителей?

— Для ме
са. Наверное,
— И все
— Вроде
— Может

Бориса?

Каменева

— Я уже

со мной, вним

но не замечае

дит. И приста

были в ночь н

«Ну вот, по

сил:

— А как б

— На само

действительно

нату...

Она смути

— Прошу

росил Гольст.

родители Бор

выстрелов... В

— Да,— к

Федоровна ле

Борей посидел

но, когда я ос

большой комн

пошла спать...

— В котор

— Около д

— В комн

— Да. В б

лег спать. Но

у нас уже бы

вы понимаете,

— Понима

— Еще до

у него: а как

из них встане

— Дальше

— Ну, уше

— Куда?

— В больш

ни, не знаю.

происходит...

В доме везде

рис, зажег све

шивает: слыш

— Для меня и этого достаточно. Я просто столбенею от ужаса. Наверное, уже сама становлюсь ненормальной...

— И все же? — настаивал Гольст.

— Вроде нет...

— Может, вы заметили еще что-нибудь странное в поведении Бориса?

Каменева задумалась.

— Я уже не знаю, когда он странный, а когда нет. То нежный со мной, внимательный, а то вдруг слова за день не скажет, словно не замечает меня. В последнее время все больше бирюком ходит. И пристаёт: мол, если будут спрашивать меня, вместе ли мы были в ночь на первое сентября, чтобы отвечала, что вместе.

«Ну вот, подошли к главному», — подумал следователь и спросил:

— А как было на самом деле?

— На самом деле? — как эхо, повторила Ольга. — Сначала мы действительно были вместе, а потом Борис ушел в другую комнату...

Она смутилась и замолчала.

— Прошу вас, говорите все начистоту, подробно, — мягко попросил Гольст. — Это очень важно. Когда в ту ночь легли спать родители Бориса, что делал он, вы, где кто находился во время выстрелов... Вы поняли меня?

— Да, — кивнула Ольга. — Александр Карпович и Надежда Федоровна легли раньше. Кажется, около одиннадцати. Мы с Борей посидели в большой комнате. Он постелил себе там. Обычно, когда я оставалась ночевать у них на даче, Борис спал в большой комнате, а я — в его. Так было и в тот раз. Потом я пошла спать...

— В каком часу?

— Около двенадцати. Потушила свет, разделась, легла...

— В комнате Бориса? — уточнил следователь.

— Да. В большой комнате тоже погас свет. Я думала, Борис лег спать. Но... — Ольга опустила голову. — Он пришел ко мне... у нас уже была договоренность, что мы поженимся... В общем, вы понимаете, что произошло между нами.

— Понимаю.

— Еще до того, ну, до нашей близости, я шепотом спросила у него: а как же родители? Вдруг что-то услышат? Вдруг кто-то из них встанет? Борис ответил, что они давно и крепко спят.

— Дальше?

— Ну, ушел Борис через час.

— Куда?

— В большую комнату. А я заснула. Сколько прошло времени, не знаю. Вдруг — выстрел. Я спросонья даже не поняла, что происходит... Потом — еще выстрел. Я аж подскочила на кровати. В доме везде темно. Хочу крикнуть и не могу... Тут вбежал Борис, зажег свет. В майке и трусах, бледный, растерянный. Спрашивает: слышала? Я спросила, что произошло. Он ответил, что

Александр Карпович застрелил Надежду Федоровну, а потом себя... Сказал, чтобы я не ходила в спальню к родителям. Я вскочила, кричу: может, они еще живы, может, необходима помощь. Стала терзать Бориса, а он стоит истукан истуканом. Не помню уж, как мы очутились в спальне, кто зажег свет... Жуткая картина! Я как глянула, так и ноги подкосились... — Ольга закрыла лицо руками и замолчала.

— Дальше что? — осторожно спросил Гольст.

— Как в тумане... У меня все поплыло перед глазами. Показалось, что Борис потянулся к ружью...

— Где оно находилось?

— Где? — переспросила Ольга. — Когда я вошла, оно лежало на полу. Но Борис сказал, что сначала оно было на кровати, а когда он сдернул с Александра Карповича одеяло, упало на пол. У меня мелькнула безумная мысль: а вдруг Борис сейчас и в себя тоже?...

— Почему вы так подумали?

— Вы бы видели, в каком он был состоянии!.. Я схватила ружье и решила унести его подальше от Бориса. Побежала к соседям напротив...

— К Бобринским?

— Да, к ним.

Дальше Каменева сообщила то, что уже несколько раз говорила на допросах.

— Почему вы на первом и последующих допросах говорили следователю районной прокуратуры, что в момент выстрелов Борис находился с вами в одной комнате? — задал вопрос Гольст.

— Борис попросил.

— Когда именно он попросил об этом?

— Ну... По-моему, когда я взяла ружье и хотела его унести.

— Значит, сразу после того, как вы вошли в спальню и увидели трупы?

— Да, — еле слышно ответила Ольга.

— А чем Борис объяснил свою просьбу?

— Сказал, что затаскают по милициям, будут трепать нервы. А у него скоро госэкзамены...

— Но ведь вы сказали неправду. Так?

Каменева, вздохнув, кивнула:

— Мне было очень жалко его. Он так переживал... В общем, я боялась за Бориса. Он сказал мне: рассказывай все, как было в действительности, только не говори, что я ушел от тебя в другую комнату. Я выполнила его просьбу — все честно рассказала, только скрыла его уход... Неужели это такая большая вина? — Ольга прижала руки к груди. — Просто я не хотела, чтобы его таскали на допросы, нервировали... Он и без того столько пережил!..

«Похоже, она говорит искренне, — подумал Владимир Георгиевич. — Просто хотела уберечь любимого человека от лишних волнений».

— Как отно...
— Очень хо...
Можно даже ск...
— А как о...
— Любили...
семью. Суще...
Ольга вздохнул...
доть друг с дру...
— А после с...
— Пережива...
— Когда? —
— Перед са...
ра Карповича е...
рис был против...
— Почему? —
— Ну, мол,

залось, ему бы...
Гольст уточн...
писывая проток...
о-ее визите в пр...
Владимир Г...
— Но и у м...
ворите мужу о...
— Конечно,

нет в городе...
— Где же...
— Сказал, ...
ли он... — Ольга...
— Вы сомн...
— Не знаю...
ля. — В прошло...
узнала, что он...
Что с ним поде...
говорила.

— Когда он...
— Послезав...

«Волга» мч...
ный, ясный. С...
мирадами иск...
шил производ...
были следоват...
газике, ехали с...
В «Волге»

том, насколько...
леднем допрос...
мент выстрело...
— А что ес...
высказал пре...

— Как относился Борис к своим родителям?— спросил он.

— Очень хорошо!— с неожиданным жаром ответила Ольга.— Можно даже сказать, идеально. Уважал их...

— А как они относились к Борису?

— Любили... Правда, я не очень давно стала вхожа в их семью. Собственно, даже не успели по-настоящему сродниться,— Ольга вздохнула.— Но меня поразило то, как все они умели ладить друг с другом — Ларочка, Борис и родители...

— А после смерти как он о них отзывался?

— Переживал... Один раз сорвался.

— Когда?— насторожился следователь.

— Перед самыми похоронами. Я приготовила для Александра Карповича его новый костюм, чтобы одели его в морге. А Борис был против. Сказал: пусть в гроб кладут в старом костюме.

— Почему?

— Ну, мол, отец — убийца его матери... Потом, как мне показалось, ему было стыдно за то, что пожалел новый костюм.

Гольст уточнил еще кое-какие детали и закончил допрос. Подписывая протокол, Ольга спросила, можно ли сделать так, чтобы о ее визите в прокуратуру и этой беседе Борис не узнал.

Владимир Георгиевич твердо пообещал, сказав при этом:

— Но и у меня будет к вам просьба. Вы также ничего не говорите мужу о нашей беседе.

— Конечно, конечно,— закивала Каменева.— Да его сейчас и нет в городе...

— Где же он?— полюбопытствовал Гольст.

— Сказал, что едет в деревню на охоту. К приятелю... А там ли он... — Ольга замолчала, печально глядя в окно.

— Вы сомневаетесь, действительно ли Борис на охоте?

— Не знаю,— Ольга перевела грустный взгляд на следователя.— В прошлом месяце тоже говорил, что на охоте. А потом я узнала, что он был у одной женщины,— она махнула рукой.— Что с ним поделаешь? Испортили его всякие... — Каменева не договорила.

— Когда он обещал вернуться?

— Послезавтра,— ответила Ольга, поднимаясь со стула.

«Волга» мчалась по загородному шоссе. День выдался морозный, ясный. Снежный наст по обеим сторонам дороги вспыхивал мириадами искр. После вчерашнего допроса Каменевой Гольст решил произвести обыск на даче Ветровых. Вместе с ним в машине были следователь Ворожищев и капитан Самойлов. Впереди, на газике, ехали сотрудники райотдела внутренних дел.

В «Волге» продолжался разговор, начатый еще в городе. О том, насколько можно доверять показаниям Каменевой на последнем допросе, проведенном Гольстом. Действительно ли в момент выстрелов Борис находился в другой комнате?

— А что если она по какой-то причине хочет насолить мужу?— высказал предположение Ворожищев.

— Мне показалось, что она была искренна, — ответил Владимир Георгиевич. — Видно, что любит его, жалеет.

— И ревнует, — добавил Сергей Михайлович. — А где ревность, там такое может быть...

— Зачем же ей доставлять Борису крупные неприятности? — возразил Гольст. — Тем более раз речь идет о таком серьезном, даже страшном деле. Зачем ей давать нам повод подозревать Бориса в убийстве?

— У женщин на первом плане эмоции, а уж потом логика, если она вообще кому-то из них свойственна, — усмехнулся Ворожищев. — Разве не было в вашей практике случаев, когда ослепленная ревностью женщина без рассуждений шла на что угодно?

— Почему только женщина? — заметил капитан Самойлов. — И мужчина из ревности может такого натворить — не приведи господь!

— Посмотрим, — неопределенно произнес Гольст. — Вернется с охоты Ветров — допросим.

— Удивляет, что Борис не поделился со следствием своими подозрениями о том, что Ларису убил отец, — сказал Ворожищев.

— Наверное, не хотел ворошить память об отце. Того все равно не воскресишь и не привлечешь к ответу... Да и подозрения эти в любом случае бросают тень на самого Бориса. Каково ходить в сыновьях убийцы невинной девочки, а?

Ворожищев ничего не ответил.

Машины въехали в поселок. Газик остановился возле здания отделения милиции. Следом за ним тормознула «Волга».

К группе, отправляющейся на обыск, присоединились участковый инспектор и заместитель председателя исполкома поселкового Совета.

От Ольги Каменевой Гольст узнал, что у Бобринской имелись ключи от дачи, Борис за небольшую плату попросил соседку, как и в прежние времена, присматривать зимой за домом. Дачу открыли и вошли в нее вместе с понятыми, за которыми сходил участковый.

— Начнем с погреба, — сказал Гольст, предварительно объяснив понятым, какие функции они должны выполнять.

В погребе имелаась электрическая лампочка. Выключатель находился наверху, в комнате. Вместе с Гольстом и понятыми в погреб спустился сотрудник райотдела милиции со специальным приспособлением — трупоищем.

Пол был мягкий, посыпан песком. Щуп легко входил в грунт. Сверху, через люк, за происходящим наблюдали Ворожищев, Самойлов и другие.

Стояла мертвая тишина.

— Есть, — вдруг раздался спокойный голос сотрудника милиции, когда щуп в очередной раз погрузился в песок.

— Лопату! — негромко скомандовал Владимир Георгиевич. Он старался быть спокойным, но все-таки не мог скрыть волнения.

Через несколько
коробки с играми
казалась рука, од
Это был полу

Обыск вели
вся дача, а также
среди рухляди Ге
его. Там, в част
сями — что-то вр
Георгиевич изъ

Тело девочки
Гольст успел
Ветровых, оказа
род. В дороге, х
ни на минуту. В
Есть ли связь
скими событиями

— Надо же,
сестра убита и
знал это навер

— Ничего се
го может стать

— Вы хотит
нил Сергей М

— Это одна
рая — Ларису
что-то заподоз
почвой, стал ко

— Но поче
дал вопрос В

— Возмож
тил Гольст. —
Лариса? Тольк

— Девочку
Самойлов. — А

— И это,
Подумайте, к
яму и так дал

на даче все в
вочки, люди
тельному чел

— Да, — с
гибели Ветро
людел, почти

Аргументы
вставал вопр
Совершенно

Через несколько минут откопали красную детскую туфлю, две коробки с играми. Все напряженно замерли. Когда из песка показалась рука, одной из понятых стало плохо.

Это был полуразложившийся труп Ларисы Ветровой.

Обыск вели почти до самой ночи. Была тщательно осмотрена вся дача, а также сарай на участке. В большом деревянном ларе среди рухляди Гольст обнаружил металлический ящик. Вскрыли его. Там, в частности, оказалась толстая общая тетрадь с записями — что-то вроде дневника или памятной книжки. Владимир Георгиевич изъясил эту тетрадь.

Тело девочки отправили в морг.

Гольст успел еще провести допрос Бобринской и двух соседей Ветровых, оказавшихся случайно в поселке. Затем поехали в город. В дороге, хотя все изрядно устали, разговор не прерывался ни на минуту. Вертелся он вокруг одного: кто же убил девочку? Есть ли связь между ее убийством и последующими трагическими событиями на даче Ветровых?

— Надо же, — сказал Ворожищев. — Слова Бориса о том, что сестра убита и закопана в погребе, подтвердились. Интересно, он знал это наверняка или интуиция?

— Ничего себе вопросик, — усмехнулся Гольст. — Ответ на него может стать разгадкой ко всему преступлению.

— Вы хотите сказать: он знал потому, что сам убил? — уточнил Сергей Михайлович.

— Это одна из версий, — ответил Владимир Георгиевич. — Вторая — Ларису убил отец и проговорился сыну. Третья — Борис что-то заподозрил, когда обнаружил в подвале участок с рыхлой почвой, стал копать и увидел труп сестры...

— Но почему в таком случае он не сообщил в милицию? — задал вопрос Ворожищев.

— Возможно, боялся, что подозрение падет на него, — ответил Гольст. — Вспомните, кто находился на даче, когда исчезла Лариса? Только Борис и отец. Выходит, что убийца — один из них.

— Девочку могли убить и не на даче, — подал голос капитан Самойлов. — А потом уже перенесли труп и закопали в погребе.

— И это, конечно, не исключено, — сказал Гольст. — Хотя... Подумайте, какой риск нести тело в дом, лезть в погреб, рыть яму и так далее... Вспомните, что с момента исчезновения Ларисы на даче все время был кто-нибудь из Ветровых. Шли поиски девочки, люди в поселке были встревожены. К каждому подозрительному человеку или событию — особое внимание...

— Да, — согласился инспектор уголовного розыска. — Но после гибели Ветровых и их похорон дом пустовал. Поселок тоже обезлюдел, почти все дачники съехали.

Аргументы Самойлова были вполне убедительны. Но тогда вставал вопрос: кто же мог совершить такое страшное злодеяние? Совершенно посторонний человек — вряд ли, убийца должен был

хорошо знать план дачи, иметь ключи. Значит, кто-то из родственников, знакомых, соседей?

Время в дороге пролетело незаметно. Перед тем как расстаться, наметили конкретные мероприятия, которые следовало провести на следующий день. Обнаружение трупа девочки круто меняло ход расследования.

В эту ночь Владимир Георгиевич так и не смог уснуть. Все думал, сопоставлял, анализировал. Его очень заинтересовала тетрадь, обнаруженная в сарае на даче. В том, что она принадлежала Борису Ветрову, сомневаться не приходилось; стоило лишь сверить его почерк в документах, находящихся в деле, с записями в тетради.

В своем дневнике Ветров записывал мысли, казавшиеся ему значительными, изречения, чем-то поразившие его, отражал в нем некоторые события из своей жизни. Борис не удосуживался, как правило, пометать, кому принадлежат те или иные высказывания. Могло даже показаться, что они — плод размышлений самого Бориса. Но вчитываясь все глубже, Гольст понял: многие из мыслей не его. Некоторые Владимир Георгиевич уже где-то встречал, да и стиль афоризмов выдавал принадлежность их разным авторам.

Вот, например, какие перлы вычитал из дневника Владимир Георгиевич:

«Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне».

«Бескорыстно любите деньги».

«Нет такой высокой стены, через которую не мог бы перешагнуть осел, нагруженный золотом».

«Отсутствие денег у людей — порок. Человек без денег — просто не человек».

Гольст отметил, что деньги и все связанное с ними очень занимали воображение Ветрова. Это был его, если можно так выразиться, пунктик.

Заинтересовали следователя и такие записи:

«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их».

«Зачем надо работать на потомство, когда потомство для тебя все равно ничего не сделает?»

Чем больше Гольст углублялся в чтение, тем ярче представал перед ним человек, писавший этот дневник.

Ветрову нельзя было отказать в целенаправленности. Но что это была за направленность!

«Мораль — это выдумка человека, а не вывод из жизненного опыта».

«Совесть непобедима лишь для слабых духом. Сильные, быстро овладевая ею, подчиняют ее своим целям».

«Коллектив — это сброд, где каждый человек теряет свою индивидуальность».

«Народ — раб, лишь немногие призваны быть господами».

Владимир Георгиевич все больше поражался: откуда у моло-

дого человека та
не считал себя
Каждая строка
ров — один из
это? — думал Гол
санина Бориса н
давало холодной
«Времена све

новали давно.
закона, чужая
Тут же Борис д
ным планам: «Ж
ру, чтобы иметь
иметь деньги».
«Ум кумо», что
вич уже встреча
дневника крупн

Когда Гольст
это писал молод
Ни одной светл
торой бы прогл
ность юности».
то холодному —
веяло опасности
ные идеи, готов

Забрезжил

долгу своей слу

Бориса Ветр

в своей кварти

пехи (ружье в

он действительно

В машине, и

сначала возмущ

но притих.

На допрос

щий день, с ут

рос состоялся

магнитофона.

Когда прив

единой морщи

ко что. Сам о

но спокойные

Следовател

тери и отца. Б

— Это оши

— Значит,

— Не при

Владимира

растерянности

кого-то из родственников. Не считал себя «сбродом», заурядностью, было совершенно явно. Каждая строка его дневника вопила о том, что именно он, Ветров — один из «немногих», которые стоят выше других. «Что это? — думал Гольст. — Больная психика? Бред?» Но на бред писанина Бориса не походила. Ход его мыслей, сами идеи — все отдавало холодной рассудительностью, трезвым, циничным расчетом.

«Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно. Все, что становится поперек дороги, — буква ли закона, чужая ли воля — надо сметать или умело обходить». Тут же Борис делает запись, вероятно, отвечающую его жизненным планам: «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги». После этого откровения он добавляет по латыни: «Ум кумо», что означает «любым способом». Владимир Георгиевич уже встречал это изречение: оно было выведено на обложке дневника крупными буквами...

Когда Гольст кончил читать дневник, он подумал: «Неужели все это писал молодой человек, только-только вступающий в жизнь? Ни одной светлой, романтической мысли. Ни единой строки, в которой бы проглядывали возвышенность устремлений, восторженность юности». Владимир Георгиевич словно прикоснулся к чему-то холодному — куску льда, железа... И еще. От автора дневника веяло опасностью. Ибо человек, вбивший себе в голову подобные идеи, готов на все. Даже самое страшное...

Забрезжил рассвет. Гольст уже знал, что он обязан делать по долгу своей службы в самые ближайшие часы.

Бориса Ветрова арестовали около полудня, когда он появился в своей квартире. Ему разрешили сложить в кухне охотничьи доспехи (ружье в чехле, патронташ, сумку с кабаньим окороком — он действительно был на охоте), переодеться.

В машине, которая везла его в следственный изолятор, Ветров сначала возмущался, грозил, что будет жаловаться, но постепенно притих.

На допрос Владимир Георгиевич вызвал его лишь на следующий день, с утра: дал ему время поразмыслить, все взвесить. Допрос состоялся в следственном изоляторе и велся с применением магнитофона.

Когда привели Ветрова, Гольст удивился: костюм на нем без единой морщинки, рубашка свежая, словно Борис надел ее только что. Сам он тщательно причесан, умыт. Лишь глаза усталые, но спокойные.

Следователь предъявил ему обвинение в убийстве сестры, матери и отца. Борис невозмутимо произнес:

— Это ошибка. Я никого не убивал.

— Значит, не признаете себя виновным? — спросил Гольст.

— Не признаю.

Владимира Георгиевича поразило его хладнокровие. Никакой растерянности или замешательства.

— Так кто же, по-вашему, убил Ларису?

— А разве она убита?— вопросом на вопрос ответил Ветров.

— Да.

Гольст положил перед Ветровым фотографии, сделанные в погребе быстрицкой дачи, где был обнаружен труп девочки.

Борис посмотрел на них. Лоб его слегка побледнел, рот сжался. Некоторое время он сидел молча. Потом медленно произнес:

— Я так и думал... Это отец...

«Ну и выдержка,— мелькнуло в голове у следователя.— Крепкий орешек. Такого голыми руками не возьмешь».

— Почему вы так думаете?— спросил Гольст.

— Я говорил раньше... Отец мне намекал... Простите, она,— Борис указал на фотографии,— была зарыта прямо под спальней, под тем местом, где стояла кровать отца?

— Примерно.

— Это все из-за его ритуальности,— вздохнул Борис.— Типичный признак. Шизофрения...

— Александр Карпович был совершенно здоровым человеком,— спокойно сказал следователь.

— Уж этого можете мне не говорить,— усмехнулся допрашиваемый.— Я как-никак врач. Могу разобраться, что к чему.

— Ну, положим, вы еще только студент,— заметил следователь без всяких эмоций.— А если вас действительно интересует мнение авторитетных специалистов — пожалуйста.

Гольст протянул Борису заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы А. К. Ветрова. Тот прочитал его, пожал плечами.

— Но я лично, своими глазами видел выписку из истории болезни. Отец лежал в свердловской больнице. Его признали шизофреником и освободили от армии. Чему же верить?— искренне удивился Ветров.

— Ваш отец тогда симулировал болезнь,— коротко объяснил следователь.

— Но для чего?— вырвалось у Бориса.

— Сейчас мы не будем вдаваться в подробности. Главное уяснили? Не было шизофрении.

— По-моему, все-таки была. Врачи не боги, простые смертные... Эраре гуманум эст. Простите, это по латыни...

— Я понял. Человеку свойственно ошибаться,— перевел следователь.

Ветров пустился в пространные рассуждения о том, какая сложная и запутанная область медицины — психиатрия. Установить диагноз больному психическим заболеванием иной раз не под силу даже опытнейшему врачу.

— А тем более, когда человека уже нет,— закончил обвиняемый.

«Вступать с ним в спор сейчас, пожалуй, не время»,— подумал Владимир Георгиевич.

— Значит, Лариса убита
— Да, — отв
— Вы делил
— С женой
— А почему
— Подозр
зательств не
— На чем
— На том,
нажды у него
эта навязчивая
нии... И в конц
— Но родни
уйти из жизн
— Интересн

Ветров.
— Ваша ро
отца. Да и не
Следовател
рых указывало
стве дачи, стро
— Эти люд
сын! Перед ни
мною и с мамой
«Логично
— Вы дог
— Догады
погребу, что п
— Сказали
— Жене.
— И не п
— Не дай
от себя. Кстат
Следовател
пертизы. Вра
Борис пр
— Бедная
момент?
— Ладно.
когда исчезл
Ветров до
зано им прех
перь он чуть
время, когда
ей комнате, н
заметно для
дело. Люк на
Бориса.

— Значит, как вы утверждаете, у вас были подозрения, что Лариса убита отцом?— спросил он.

— Да,— ответил Борис.

— Вы делились ими с кем-нибудь?

— С женой.

— А почему ничего не сказали следственным органам?

— Подозрение еще не доказательство. А у меня никаких доказательств не было.

— На чем основывались ваши подозрения?

— На том, как вел себя отец после исчезновения сестры. Однажды у него вырвалось нечаянно, что виноват якобы он. И потом эта навязчивая мысль о самоубийстве... Он был в ужасном состоянии... И в конце концов не выдержал...

— Но родные и знакомые говорят, что у него не было желания уйти из жизни,— возразил Гольст.— Наоборот...

— Интересно, кто мог сказать такую глупость?— усмехнулся Ветров.

— Ваша родная тетя, Аделина Карповна, еще близкий друг отца. Да и не только они...

Следователь дал Ветрову ознакомиться с протоколами, в которых указывалось, что Александр Карпович мечтал о благоустройстве дачи, строил планы на будущее.

— Эти люди не знали истинного положения дел. Но я-то — сын! Перед ними он мог играть, притворяться. С нами, то есть со мной и с мамой, отец не притворялся.

«Логично объясняет»,— отметил про себя Гольст.

— Вы догадывались, куда он мог зарыть труп сестры?

— Догадывался. Вернее, догадка возникла, когда я увидел в погребе, что под спальней родителей рыхлый песок.

— Сказали кому-нибудь об этом?

— Жене. Ольге.

— И не пытались проверить свою догадку?

— Не дай бог! Хоть у меня и были подозрения, но я гнал их от себя. Кстати, каким способом убита Лариса?

Следователь дал Ветрову заключение судебно-медицинской экспертизы. Врачи установили, что девочка была задушена.

Борис прочитал заключение, обхватил рукой лоб.

— Бедная Ларочка,— прошептал он.— Что она думала в тот момент?

— Ладно... Расскажите, пожалуйста, подробно о том вечере, когда исчезла ваша сестра,— попросил следователь.

Ветров долго и обстоятельно излагал то, что уже было рассказано им прежде и зафиксировано в документах дела. Только теперь он чуть-чуть подправил свои показания: по его словам, в то время, когда исчезла сестра, Борис не только читал книгу в своей комнате, но и вздремнул в кресле. Выходило, что отец мог незаметно для него спуститься в подвал и сделать свое страшное дело. Люк находился на веранде и не был виден из комнаты Бориса.

— Уверяю, я совершенно не причастен к гибели сестры,— закончил он.— И вообще подумайте, зачем мне было ее убивать? С какой целью?

— С той же, с какой и родителей,— сказал следователь.

— Да вы что!— не выдержал обвиняемый.— Я зверь, что ли?!

— Как это у Шекспира, помните? «Лей кровь и попирай закон»,— процитировал Владимир Георгиевич выписку из дневника Ветрова.

Это был пробный камень, и он, кажется, попал в цель. Борис посмотрел на Гольста с испугом.

— Но при чем здесь Шекспир?— еле выдавил он из себя.

— Вам же нравятся сильные личности, не так ли?— спокойно спросил следователь.— «Убийство — это объективный акт, и смерть не различает, кто прав, кто виноват»,— снова процитировал Владимир Георгиевич из тетради, найденной в сарае в Быстрице.

— Не знаю, о чем вы говорите,— раздраженно пожал плечами Ветров.

Но было видно, что он отлично знал. Догадался, что его дневник побывал в руках следователя. По залегшей складке на лбу Ветрова Гольст понял: Борис лихорадочно соображает, какая информация из его личных, интимных записей может быть использована против него. «Пусть, пусть соображает,— подумал следователь.— Теперь уж, кажется, он выбит из колеи».

— Хорошо, поговорим о другом,— продолжал Гольст.— Вы ездили в конце июля в Москву?

— Ездил,— ответил Ветров, подозрительно глянув на следователя.

— Зачем?

— По личным делам.

— Поделитесь, пожалуйста.

— Это не представляет для вас никакого интереса.

— Почему же?— возразил Гольст.— Как раз очень интересно.

— Ну, если вы настаиваете... — пожал плечами Ветров.— Там у меня была девушка.

— Невеста, хотите сказать?— поправил Владимир Георгиевич.

— Вроде.

— Вы любили ее?

— Не любил — не ездил бы.

— Любили бескорыстно?

— Нет,— разозлился Борис.— Хотел жениться, обождать и бросить! Как те брачные аферисты, о которых пишут в судебных фельетонах в газетах,— съязвил он.

— Я вас серьезно спрашиваю,— спокойно сказал Гольст.

— Извините, но вопрос ваш бестактный,— Ветров обиделся.

— Увы, такая у нас работа. Приходится порой задавать вопросы и похлеще.

— Понимаю,— примирительно сказал Борис.— Но подобный, мне кажется, не к месту.

«Ишь, задело,— подумал Гольст.— Очень хорошо, пусть беспо-

коится», — и продолжал: — А теперь давайте вспомним о событии в ночь на первое сентября у вас на даче.

— Пожалуйста, я готов, — поспешно согласился Борис. Даже слишком поспешно.

— Расскажите, что вы делали вечером, перед тем, как услышали выстрелы в комнате родителей, и что было дальше. Вопрос ясен?

— Вполне.

Ветров повторил то, что уже говорил раньше.

— Я хочу уточнить кое-какие детали, — сказал Гольст. — Значит, в момент выстрелов вы были с Ольгой Каменевой в своей комнате?

— Совершенно верно. Она это подтвердила. И не раз.

— Пойдемте дальше, — невозмутимо продолжал следователь. — Сколько времени прошло между первым и вторым выстрелом?

— Я же говорил. Полминуты, не меньше.

— И сразу после второго выстрела вы вбежали в комнату родителей. Один или с Ольгой.

— Один.

— Дверь в их спальню была открыта или закрыта?

— Закрыта.

— Это вы хорошо помните?

— Отлично помню! — заверил Борис.

— Ну что ж, так и запишем, — спокойно сказал следователь, занося показания в протокол: — «Дверь в спальню родителей была закрыта»... Вы говорите, что ружье лежало на кровати отца?

— Да. На одеяле. По-моему, между ног...

— Точно на одеяле?

— Точно, — кивнул Ветров. — Потому что, когда я сдернул с него одеяло, ружье упало на пол.

Владимир Георгиевич записал в протокол и это показание.

— Пожалуйста, прочтите и распишитесь, — попросил он. — На каждой странице.

Ветров внимательно прочитал протокол, расписался.

«Волнуется. Не то что прежде, — констатировал Гольст. — Вон как рука дрожит». Он взял протокол. Помолчал. Ветров сидел прямо, выжидательно глядя на следователя. Пауза его тяготила, что также не ускользнуло от внимания Гольста. Потянув еще некоторое время, Владимир Георгиевич спросил:

— Борис Александрович, вы считаете себя умным человеком, не так ли?

— В общем, не дураком, — ответил Ветров осторожно.

— И в институте о вас отзываются как о способном студенте, который мыслит логически, быстро схватывает материал, проявляет недюжинные научные способности...

— Приятно слышать, — усмехнулся Ветров. — Кто же так охарактеризовал меня?

— В частности, проректор.

— Петряков?

— Он самый. Таким образом, я могу апеллировать к перечисленным вашим качествам — уму, логике, умению мыслить аналитически?

— Как вам будет угодно, — чуть наклонил голову Ветров.

— Вы учитесь на врача, — продолжал Гольст. — А врачи, как известно, должны опираться на объективные, фактические данные... Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с последними показаниями вашей жены.

Он дал Ветрову прочесть протокол допроса Каменевой — то место, где она говорила, что Борис не был с ней в одной комнате, когда прозвучали выстрелы.

Следователь внимательно наблюдал за выражением лица допрашиваемого. Оно, увы, было бесстрастным.

— Я так и предполагал, — Ветров усмехнулся. — Мелкая, низкая месть! О женщины! — воскликнул он патетически и, прижав руку к груди, признался доверительно: — Конечно, в семейной жизни я вел себя не совсем безупречно. Но из-за этого сводить со мной счеты подобным образом!.. — он покачал головой.

— Вы хотите сказать, что Каменева сказала неправду? — уточнил следователь.

— Ложь чистейшей воды! — возмущенно произнес Ветров. — Она не раз грозила мне. Каждая женщина по натуре собственница. Мужчина для нее, что вещь, должен принадлежать ей весь, полностью, без остатка. Поверьте, она как-то даже пыталась отравить меня. Снотворным. И вот, докатилась...

«На что он рассчитывает? — думал Гольст. — Надеется, что я поверю ему, или просто выигрывает время для подготовки к обороне? Нет, пора кончать игру в кошки-мышки».

— Во-первых, не она пыталась отравить вас, — жестко произнес следователь, — а вы чуть не довели ее до самоубийства. Более того, Ольга уже выпила смертельную дозу люминала, но вы испугались и промыли ей желудок. Даже «скорую» вызвали, но, когда приехали врачи, вы сказали, что сами справитесь с мнимым сердечным приступом жены. Об этом есть соответствующие показания Каменевой, — Гольст положил руку на папку с делом. — А также врача «скорой помощи». Зачитать?

— Нет, — глухо ответил Ветров.

— Дальше. Выстрелы в спальне ваших родителей были произведены с интервалом в 3—4 секунды, а не через полминуты, как вы утверждаете.

Следователь зачитал показания Бобринских и Цыплаковых.

— Ну и что? — хмуро заметил Борис.

— А то, что ваши родители были убиты.

Гольст дал Ветрову прочесть заключение повторной судебно-медицинской и баллистической экспертиз. Тот ознакомился с документами долго, несколько раз перечитывал отдельные места, видимо лихорадочно думая, как устранить противоречия между бесспорными фактами и своими прежними показаниями. Влади-

мир Георгиевич терпеливо ждал. Наконец Ветров кончил читать.

— Что скажете?— спросил следователь.

— Ничего,— сквозь зубы процедил Ветров.— Вы хотите заманить меня в ловушку. Уверяю вас — не выйдет!

— Вы сами себя загнали в ловушку,— спокойно сказал Гольст. Совершая преступление, вы допустили массу ошибок. А затем усугубили их своими показаниями. Во-первых, вы сказали, что ружье лежало на одеяле, а оно не могло там лежать. Во-вторых, стреляя в отца, вы перепутали спусковые крючки...

— Как?— вырвалось у Ветрова. Но он тут же осекся.

«Не выдержал»,— отметил Гольст.

Однако Ветров попытался исправить впечатление от своего неосторожного восклицания.

— Я... Я хочу сказать, при чем здесь крючки? И вообще я при чем?..

— Готовясь к убийству, вернее, к инсценировке самоубийства отца, вы привязали веревку к левому спусковому крючку, а выстрел произвели из правого ствола. Патроны были одного калибра, но разной маркировки. Состав вещества, из которого сделана дробь, различен. Можете ознакомиться с заключением.

— Это меня не интересует,— холодно произнес Ветров.

— Следующая ошибка. Вы утверждаете, что дверь в спальню родителей была закрыта. Но в момент выстрелов она была открыта.

— Какое это имеет значение?

— Имеет. На внешней стороне двери обнаружены брызги крови вашего отца.

Это обстоятельство следователь выяснил в самое последнее время, когда производил обыск на даче и допросил Бобринскую. Она-то и вспомнила про кровь. Соответствующие исследования подтвердили это.

— Вы отлично помните,— продолжал Гольст,— что дверь открывается вовнутрь спальни. Внешняя сторона двери в открытом положении как раз обращена к кровати, на которой лежал ваш отец. Если бы выстрел был произведен при закрытой двери, то кровь попала бы на внутреннюю сторону. Что вы на это скажете?

Ветров молчал. Минуту, другую, третью...

— Я вижу, сказать вам нечего,— констатировал Владимир Георгиевич.

— Значит, я ошибся,— неожиданно со спокойной дерзостью заявил Ветров.— Дверь действительно была открыта, когда я вбежал в спальню родителей. Но я был в таком состоянии... Не удивительно, что забыл...

«Ну и наглец!»— чуть не вырвалось у Гольста.

Он, ни слова не говоря, перекрутил пленку на магнитофоне, нашел нужное место.

«Дверь в их спальню была открыта или закрыта?»— раздался голос самого следователя.

«Закрыта», — прозвучал ответ Ветрова.

«Это вы хорошо помните?»

«Отлично помню!»

— Странное выпадение памяти, — заметил Гольст. — А о том, что на вашей майке и трусах были брызги крови, которые заметила при стирке Ольга, вы тоже забыли?

— Я мог нечаянно запачкаться, когда сдернул с отца одеяло, — парировал Ветров.

— Где вы стояли, когда сдергивали одеяло? — спросил Гольст.

— В ногах у отца.

— В какую сторону вы потянули одеяло?

Ветров задумался. Вероятно, почувствовал подвох в вопросе.

— Прошу вас ответить, — строго сказал Гольст.

— Ну, потянул на себя...

— На сей раз память вас не подводит?

— Нет, — не очень уверенно ответил Ветров.

Владимир Георгиевич нашел в деле фотографию места происшествия, ткнул в нее пальцем:

— Видите, ноги вашего отца торчат из-под одеяла. Выходит, что одеяло-то вы не трогали, Борис Александрович...

Ветров молчал.

Гольст закрыл папку.

— Я думаю, фактов достаточно, — спокойно сказал он. — Вы запутались.

— Вовсе нет! — Ветров вскочил со стула. — Все, что вы говорили и пытались доказать, — сущая ерунда! Я могу эти же факты истолковать по-другому! Да, да! И не думайте, что напали на сосунка! — он распалялся все больше.

— Уверяю вас, я так не думаю, — не повышая голоса, ответил следователь. — Вы тщательно готовились к преступлению. Все использовали. Мнимую распушенность вашей сестры, мнимую шизофрению отца... Вы даже изучали книги по криминалистике и другую юридическую литературу. Я ознакомился с ней у вас дома. В частности, с уголовно-процессуальным кодексом, что стоит в книжном шкафу. Он заложен на той странице, где говорится о прекращении уголовного дела. Кстати, день, когда дело о гибели ваших родителей было прекращено, вы пышно отметили в ресторане со своим другом Полонским. Не так ли?

— Не помню, — буркнул Ветров.

— Зато это хорошо помнит ваша знакомая, Стелла Виноградова. Вы тогда говорили, что теперь у вас в жизни есть все: деньги и свобода.

— Мало ли что можно наболтать, будучи под градусом. Знаете, если цепляться к словам...

— Слова словам рознь, — заметил следователь. — В тот же вечер той же Виноградовой вы заявили, что убийца часто попадаетея потому, что, совершив одно преступление, боится совершить другое. А своей жене как-то признались, — Гольст открыл дело на нужном месте и процитировал: «Если мне понадобится убить

своих врагов, я полгорода перестреляю. Мне убить человека ничего не стоит».

— Пустая бравада! — запальчиво произнес Ветров.

— Но вы пошли-таки на убийство.

— Господи! Подумайте сами, что я выигрывал в случае смерти родителей? Я ведь зависел от них! И материально, и, если хотите, морально... В конце концов, я по-настоящему любил их. Это подтвердит каждый, кто знает нашу семью. А Ларочка! Я в ней души не чаял!

— Вы говорили людям другое, — Гольст полистал дело. — Вот, например: «Мой отец как Плюшкин: тащит всякое барахло в дом. Над ним смеются».

— Кто это наклеветал?

— Это показания бабы Мани, тети вашей матери. Она же сказала, что вы свою родную мать называли курицей. Неумная, говорили, женщина, не знает значения слова «утрировать»... И вообще ваши родители — цитирую — «глупые, тупые мещане, совсем не близки мне по духу»...

— Ну, знаете! — Ветров задохнулся. — А баба Маня, если хотите знать, вообще выжила из ума! Старческий маразм!

— Нечто подобное о родителях вы говорили еще Аделине Карповне, сестре отца, а также друзьям. Могу зачитать их показания.

— Не хочу слышать! — отрезал Ветров. — Завистники!

— О сестре вы тоже отзывались не очень-то нежно, — невозмутимо продолжал Гольст, листая страницы дела. — «Лариса — дура. Самое страшное, что с ней придется делиться дачей и всем, что останется после родителей».

— Кто?.. Кто все это выдумал? — Ветров от злости и волнения стал заикаться.

— Ваш приятель Геворкян. Эти слова вы сказали ему за три дня до убийства сестры.

— Врет! — выкрикнул Ветров. — Простить не может, что его девушка в меня влюбилась. Он меня ненавидит!

— Я этого не заметил. Геворкян уважает вас. Кстати, он помог вам организовать похороны, присутствовал на них. Правда, его удивило, что вы тогда не пролили ни слезинки...

— Слезы — бабское дело! — парировал Ветров. — Я вообще не помню, когда плакал. Говорят, в детстве я тоже не...

— Да нет, Борис Александрович, — перебил Гольст, — плакали. И даже рыдали.

— Это когда же? — подозрительно спросил Ветров.

— Может, вы действительно не помните... А ваша тетя, Аделина Карповна, помнит. Вам было шесть лет. Вас повезли в Ялту. Мама и тетя. Отец выдал матери тридцать рублей, в старых еще деньгах, на мороженое и конфеты для вас. Мать истратила их по назначению. Вы же потребовали эти тридцать рублей себе. Мол, отец дал их вам. Сколько Надежда Федоровна ни убеждала, что деньги истрачены на вас же, вы не хотели этого понять, кричали на мать, плакали...

— Я действительно не помню этого,— мрачно заявил Борис.— И не пойму, куда вы клоните.

— Все туда же... Объясняю: почему вы убили сестру и родителей.

— Из-за тех тридцати, простите, по-новому трех рублей? — усмехнулся Ветров.— Любой, даже малограмотный психолог посмеялся бы над такими выводами.

— Теперь сумма выражается куда более солидной цифрой. Одна дача сколько стоит! Кстати, какую цену вы запросили с Лебедянского?

— Кого-кого?— словно не расслышал Ветров.

— Лебедянского,— повторил следователь.— Который изъявил желание купить дачу.

— Да, я хочу ее продать,— с вызовом сказал Борис.— Что из этого?

— Странно. Если вы, как утверждаете, не убивали сестру и, естественно, не знали, жива она или нет, то как же могли начать переговоры о продаже дачи? Ведь Лариса по закону являлась такой же наследницей, как и вы.

— Во-первых, я еще раз повторяю, что никого не убивал. Во-вторых, сестра еще маленькая и, будь она жива, я стал бы ее опекуном...

— Допустим. Но ведь на деньги, положенные на имя Ларисы в сберкассу до ее совершеннолетия, вы не имели никакого права. Однако же изъявили желание заполучить их. Выходит, знали, что сестра мертва?

После долгого молчания Ветров произнес:

— Вы основательно покопались в моей биографии. Но почему-то прошли мимо того, что я всегда бескорыстно помогал другим. Спросите в институте, бросил ли когда-нибудь Борис Ветров товарища в трудную минуту? Сколько сил я потратил, занимаясь с Турковым, Геворкяном! Да мало ли?.. — он усмехнулся.— С чего вы взяли, что я мелкая, расчетливая личность?

— Не мелкая,— заметил Гольст.— Планы у вас были серьезные... «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги», — процитировал Владимир Георгиевич из дневника Ветрова и закончил его же словами: — ум кумо!

— А Ольга?— воскликнул Борис.— Какая уж тут карьера? Из самой обыкновенной семьи, скромное положение и достаток...

— Ну, вы думали, что она внебрачная дочь Петрякова, ректора.

— Ерунда! Я с самого начала знал, что это сплетни.

— А вы и не собирались на ней жениться,— спокойно заметил Гольст.

— Вот те на! — изобразил крайнее удивление обвиняемый. — Так зачем же, по-вашему, я все-таки женился на ней?

— Боялись, что она скажет правду.

— Какую?

— О том
тября. Вы де
те давить на
шивать, где
чала, что в
подтверждал
все улики
лей — вы.

Ветров в
— Это за
ния в убийст
На после
отрицать сво

Была пр
женой. След
жену во лж
держала и р

Большин
что он совер
вие глубоко
не найдены.
где-нибудь

были и таки
тяжкое прес
сник, видел
собачонку.

И вообщ
емом замеч
Например,
вали перед

ружье и с
выстрелил п

С детско
ные штыки,
ружья. Как
ным оружи

того, к со
тульскую од

Когда Г
его жестоко

— Насч
увлечение
войну, в ох
Зачем тогд
ков?..
Сколько
чувствовал
ем в доказа
гументов д

— О том, что в действительности было в ночь на первое сентября. Вы держали ее при себе, зная: пока она рядом, вы сможете давить на нее. И постоянно напоминали ей: если будут спрашивать, где вы находились в момент выстрелов, чтобы она отвечала, что вместе с ней. Ольга — единственный свидетель, который подтверждал ваше алиби. А теперь доказано, что алиби нет. И все улики и факты свидетельствуют: убийца сестры и родителей — вы.

Ветров вдруг загадочно улыбнулся и твердо произнес:

— Это заблуждение. Вы никогда не добьетесь моего признания в убийстве, — помолчал и добавил: — Никогда!

На последующих допросах Ветров продолжал категорически отрицать свою вину.

Была произведена очная ставка между Борисом и его женой. Следователей поразила наглость, с какой Ветров обвинял жену во лжи, называя ее ревнивой и мстительной. Ольга не выдержала и разрыдалась.

Большинство родных и знакомых Ветрова не могли поверить, что он совершил такое злодеяние. Некоторые считали, что следствие глубоко заблуждается и настоящий убийца или убийцы еще не найдены. По их мнению, Борис заслуживал не ареста, а отдыха где-нибудь в санатории или на курорте после потрясения. Но были и такие, которых не удивило, что Ветров совершил столь тяжкое преступление. Один из бывших друзей Бориса, одноклассник, видел, как Ветров-подросток зверски убил в лесу бродячую собачонку. После этого их дружбе с Борисом пришел конец.

И вообще выяснилось, что садистские наклонности в обвиняемом замечали давно. И не только по отношению к животным. Например, Ветрову доставляло удовольствие, когда люди испытывали перед ним страх. Он мог навести на человека заряженное ружье и смеялся, если это кого-то пугало. А однажды даже выстрелил поверх головы знакомой девушки.

С детского возраста Борис коллекционировал ножи, трофейные штыки, имел духовое, а потом мелкокалиберное и охотничье ружье. Как ни странно, увлечение сына холодным и огнестрельным оружием не вызывало у его родителей беспокойства. Более того, к совершеннолетию отец подарил ему охотничий нож и тульскую одностволку для охоты.

Когда Гольст на одном из допросов привел Ветрову примеры его жестокости, тот заявил:

— Насчет моих якобы агрессивных проявлений — вранье. А увлечение оружием естественно. Все пацаны в детстве играют в войну, в охотников. В этом нет ничего ненормального, порочного. Зачем тогда существует «Зарница»? Ну, военная игра у подростков?..

Сколько обвиняемый ни упорствовал, Владимир Георгиевич чувствовал: под натиском улик и фактов, приводимых следствием в доказательство его вины, у Бориса все меньше и меньше аргументов для защиты. На одном из допросов он наконец сознал-

ся, что в момент выстрелов действительно находился в большой комнате, а не с Ольгой. Но тут же выдвинул версию, что его родителей убила... Каменева.

Допрос следовал за допросом. Почти ежедневно. Их проводили, сменяя друг друга, Гольст и Ворожищев.

Однажды среди ночи раздался звонок в гостиничном номере, который занимал Владимир Георгиевич. Начальник следственного изолятора взволнованно сообщил:

— Товарищ Гольст, у нас ЧП. Ветров пытался задушить своего сокамерника. Мы поместили его в одиночную камеру. Там он покушался на самоубийство...

— Каким образом? — спросил следователь. У заключенных под стражу в обязательном порядке отбирались все предметы, могущие послужить орудием убийства или самоубийства.

— Пытался повеситься. Разорвал тюфячный чехол и сделал из него петлю. Надзиратель увидел его уже висящим. Сейчас он в тюремной больнице.

— Жизнь его вне опасности?

— Приняли, естественно, меры...

После этого звонка Владимир Георгиевич так и не смог больше заснуть. Еле дождавшись рассвета, он тут же отправился в следственный изолятор. На месте узнал подробности ночного происшествия.

Оказалось, что на своего сокамерника Ветров набросился совершенно неожиданно, когда он лег спать. Хорошо, что тот обладал могучей физической силой и сумел справиться с Ветровым. А попытку самоубийства Борис совершил так: конец веревки из тюфячного чехла привязал к оконной решетке, встал на парашу, просунул голову в петлю и отшвырнул парашу ногой.

После случая с сокамерником надзиратель получил указание особо внимательно наблюдать за Ветровым, поэтому заглядывал в его камеру через глазок в двери чуть ли не каждые пять минут. И заметил висящего Ветрова буквально через несколько секунд после того, как он оттолкнул ногой парашу. Хотя Борис уже успел потерять сознание, но принятые меры устранили угрозу его жизни и здоровью.

Гольст пытался понять, чем вызвано такое поведение подследственного, в частности попытка самоубийства. Что это? Мучает совершенное? Сдали нервы? Но как расценить тогда покушение на сокамерника? Может, между ними произошла ссора? Однако начальник изолятора, беседовавший с сокамерником Ветрова, сказал, что у них не было никаких трений. Все это Гольст намеревался выяснить на ближайшем допросе Ветрова.

Он вызвал его на следующий день, предварительно поговорив с тюремным врачом. Тот заверил следователя, что состояние подследственного удовлетворительное и его можно допрашивать.

Вид Бориса несколько удивил Гольста. И причиной тому были не синяки и ссадины, оставшиеся в результате борьбы с сокамерником. Выражение лица — вот что поразило следователя.

у Ветрова
же блаженны
ни одного во
вил:

— Ларису
Это призн
вое мгновени
включил ма
— Пожа
ло намерени
лал?

«Это ж н
ко времени б
Неожидан
таки насто
ждать каког
— Я не м
чал Ветров.
Окончательн

— Не пов
— В двух
мир! Все пре
тях знаний в
пологии, исто
специальной
Надеюсь, вы
вопросительн
аффектации.

— Какое
идея к убийс
— Самое
дителей.

— В чем
«Это, каж
гиевич.

— Не зна
в окно, слов
Это слишком

— Постар
— Видите
жал Ветров,
было понять
объяснить к
ненужными с
но, но и вре
функция, то
уже не нуже
— Вы сч
жизнь? — ут

у Ветрова был какой-то отрешенный взгляд, спокойный и даже блаженный. Владимир Георгиевич еще не успел задать ему ни одного вопроса из приготовленных заранее, как Ветров заявил:

— Ларису и родителей убил я.

Это признание было настолько неожиданным, что Гольст в первое мгновение даже растерялся. Но быстро справился с собой, включил магнитофон и попросил:

— Пожалуйста, изложите все по порядку. Когда у вас возникло намерение убить своих близких? Почему? Как вы это сделали?

«Это ж надо, — все еще не мог успокоиться Гольст. — Столько времени бился с ним, и вдруг...»

Неожиданность, с какой обвиняемый решил признаться, все-таки насторожила следователя. Что-то подсказывало ему: надо ждать какого-нибудь сюрприза.

— Я не могу сказать точно, когда возникло намерение, — начал Ветров. — К своей гениальной идее я шел давно. Года три. Окончательно она созрела этим летом...

— Не понял — перебил его Гольст. — Какая идея?

— В двух словах не объяснишь... Уверен, она перевернет весь мир! Все представления человечества о смысле жизни, о ценностях знаний в области медицины, психологии, социологии, антропологии, истории будут пересмотрены. Я хочу изложить суть в специальной записке и отослать в Президиум Академии наук. Надеюсь, вы не откажете мне в этом, — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил Ветров. Говорил он спокойно, без всякой аффектации.

— Какое отношение имеет ваша, как вы говорите, гениальная идея к убийству? — спросил следователь.

— Самое прямое. Она объясняет, почему я избавился от родителей.

— В чем же, собственно, ее смысл?

«Это, кажется, и есть сюрприз», — подумал Владимир Георгиевич.

— Не знаю, поймете ли вы... — Ветров посмотрел в потолок, в окно, словно размышляя, стоит ли делиться со следователем. — Это слишком специальная область...

— Постараюсь понять, — заверил Гольст.

— Видите ли, — после некоторого колебания серьезно продолжал Ветров, — я пришел к истине, которую давно бы уже надо было понять. Чтобы особенно не распространяться, попробую объяснить коротко. Я считаю, что человеческий род обременен ненужными особями, существование которых не только бесполезно, но и вредно. Как только человеком выполнена его видовая функция, то есть произведено потомство, родительский организм уже не нужен и должен сойти со сцены...

— Вы считаете, что пожилые и старики не имеют права на жизнь? — уточнил следователь.

— Если хотите, именно так. Кстати, в мире животных в естественных условиях у всех видов взрослые особи, как только у них завершится детородный процесс в организме, тут же погибают. В этом заложен главный экологический и эволюционный смысл. Упрощается конкурентная борьба за источники питания и обеспечивается своевременная смена поколений. А что у людей? Если раньше, ну, еще каких-то двести—триста лет назад, средняя продолжительность жизни была ниже того возраста, когда организм прекращал свою детородную функцию, то теперь — значительно выше. Мужчины и женщины в цивилизованных странах живут семьдесят и более лет. В их руках находятся не только основные материальные ценности: деньги, движимое и недвижимое имущество, — но и реальная власть. Их взгляды, разумеется, консервативны по сравнению со взглядами представителей следующих, идущих им на смену поколений — детей и внуков. Я уже не говорю, что они должны есть, одеваться и так далее. Это само собой разумеется. Бремя для общества огромное. Но главное — их существование тормозит прогресс, что, пожалуй, трудно, даже невозможно оценить в деньгах. Самое страшное, что возрастной потолок все время поднимается. Из этого со всей очевидностью вытекает, что развитие общества будет замедляться. Естественная смена поколений становится все более и более мучительной, болезненной. Новые идеи, которые движут вперед нашу цивилизацию, все чаще натываются на сопротивление... Я выражаюсь достаточно ясно? — вдруг спросил Ветров.

— Вполне, — кивнул Гольст.

— Как я уже сказал, — продолжал Ветров, — в животном мире сход со сцены старших, отживших поколений заложен в генетическом коде. Выполнил свою функцию — умирай. Но то, что у животных регулирует сама природа, человечество должно делать с помощью разума. Можете себе представить, какие кардинальные перемены принесет то, что я предлагаю! С исторической точки зрения это будет настоящая революция! Во всем! В социальном плане, в промышленности, в искусстве... Мир резко движется в своем развитии вперед.

Ветров стал рисовать перед Гольстом картину поистине не земного рая, который наступит, если его «идею» воплотить в жизнь.

«Бред какой-то, — думал Владимир Георгиевич. — Неужели он все это серьезно? Или это симуляция болезни? А может, он действительно сумасшедший?»

— Не думайте, что мои выводы не имеют научного базиса, — сказал Борис. — Геронтологию, то есть науку о старении, я изучил довольно основательно. Очень много дали мне труды профессора Аршавского. Это один из авторитетнейших наших ученых в области изучения возрастной физиологии человека и животных. Правда, Аршавский занимается проблемой продления человеческой жизни. Но я пришел к выводу, что этого-то как раз и нельзя делать ни в коем случае, — Борис печально усмехнулся. — Дос-

тижения медицины имеют и обратную сторону медали. Я уверен — и это мое кредо: разрешать жить особям после выполнения ими основной задачи, то есть после того, как они родили новое поколение, — это значит рубить сук, на котором сидишь. — Ветров замолчал.

— Выходит, вы считаете, что всех людей после определенного возраста надо убивать? — спросил Гольст.

— Вы меня не так поняли, — спокойно ответил Ветров. — Я изложил вам суть, принцип, что ли... Надо вернуть человечеству то, что оно утратило в процессе эволюции. Короче, заложить в его гены то, что происходило с человеком раньше, когда он был животным, то есть умирание по окончании детородной функции. Воплощение моей идеи стало теперь возможным благодаря достижениям генетиков, в частности генной инженерии. Научную сторону вопроса я и хочу изложить в записке, чтобы послать в соответствующий компетентный орган — в Президиум Академии наук. Для доказательства того, насколько я убежден в правоте и чрезвычайной актуальности своей идеи, я решил начать с себя...

— Не с себя, — поправил следователь, — а с родителей.

— Да, — кивнул обвиняемый. — Но сами понимаете, отважиться на такой шаг тоже непросто... Конечно, подобный метод груб и, разумеется, не может быть принят. Но еще раз повторяю: на основе самых последних достижений генетической науки вопрос можно решить самым гуманным способом. Особь будет умирать сама по себе. Кстати, моя идея по своей сути глубоко человечна. Старость ведь не что иное, как болезнь. Страдания старости тяжелы не только для окружающих, но и для самого индивида. Уж лучше уходить из жизни, минуя недомогания и мучения старости, чем угасать в болезнях и немощи. Так что, как вы могли понять, убил я родителей, сообразуясь со своими принципами.

— А сестру? Она ведь совсем еще ребенок, только-только вступала в жизнь. Как-то не согласуется с вашей концепцией.

Ветров не ответил. Владимир Георгиевич снова спросил, зачем Борису понадобилось убивать сестру.

Тот провел рукой по лицу и негромко произнес:

— Что-то неважно себя чувствую. Устал, наверное...

— Просто вам нечего на это ответить, — заметил следователь. — Скажите, когда у вас созрел план преступления?

— Я не считаю это преступлением, — возразил Ветров.

— Хорошо, когда вы поняли, что готовы воплотить в жизнь вашу «идею»?

— Окончательно — в начале августа.

— После вашего возвращения из Москвы и неудачного сватовства к Макаровой? — уточнил Гольст.

— В начале августа, — повторил обвиняемый, игнорируя замечание следателя. — А непосредственно осуществлять ее я начал семнадцатого августа.

— В каком смысле осуществлять? — спросил Гольст.

— Семнадцатого августа, за четыре дня до убийства Ларисы, я вырыл в погребе на даче яму. Дома в это время никого не было: мать и сестра уехали в город, отец возился на участке. Я спустился в погреб, взял с собой лопатку-саперку и простыню, которую привез из города...

— Зачем простыню?

— Чтобы складывать на нее землю из ямы. Ведь на глубине она влажная и могла бы оставить на грунте в погребе мокрое пятно.

— Вы хотите сказать, что заранее приняли меры к сокрытию преступления?

— Еще раз повторяю, я не считаю это преступлением, — сказал Ветров и продолжал: — Я вырыл яму глубиной приблизительно метр двадцать. А когда закрывал крышку люка, то вставил в щель бумажку, половину листа из тетради...

— Для чего?

— Чтобы знать, лазил кто в погреб, видел ли мои приготовления или же нет, — спокойно объяснил Ветров. — Осуществил я свое намерение в отношении сестры, как вам уже известно, двадцать первого августа. Мать продавала цветы в городе, отец работал на участке. Я точно знал, что он будет там не меньше часа.

— Когда ваш отец вышел в сад?

— В половине восьмого вечера. Я позвал в свою комнату Ларису и... — Борис замолчал.

— Ну, продолжайте, — попросил следователь.

— В общем... лишил ее жизни...

— Задушили руками?

Ветров молча кивнул.

— Дальше?

— Убедившись, что она уже не дышит, я перенес ее в подвал и положил в приготовленную яму. Туда же бросил ее красные туфли, в которых она обычно выходила на улицу, и две настольные игры. Закопал яму песком, который лежал на простыне, а простыню свернул и отнес на чердак. Через несколько дней я отвез ее в город. Отец, как я и предполагал, вернулся через час, то есть в половине девятого...

Дальше следовал рассказ о том, что уже было известно: как вернулась из города Надежда Федоровна и начались поиски девочки. При этом, по словам Бориса, он умело разыграл нешуточную тревогу и сам активно участвовал в поисках сестры.

— Почему вместе с телом сестры вы закопали ее красные туфли и настольные игры? — задал вопрос следователь.

— Чтобы создать впечатление, будто она пошла играть к подруге, прихватив с собой коробки, — ответил Ветров.

— В тот вечер соседи нашли в поселке носовой платок Ларисы. Это вы подбросили его?

— Нет, — ответил обвиняемый, — он не принадлежал моей сестре. Но родители приняли его за платок Ларисы, а я не возражал. Даже обрадовался: это обстоятельство было мне на руку,

так как выходило, что Лариса действительно гуляла вечером на улице...

Уточнив все детали, следователь перешел к выяснению обстоятельств убийства родителей. Борис признался, что сразу после «исчезновения» сестры стал склонять отца к самоубийству, старательно подогревал его отчаяние. Вел он подобные разговоры и с матерью. Доказывал, что после гибели Ларисы им уже нельзя жить со спокойной совестью. Все они виноваты в том, что с ней случилось нечто страшное, и так далее и тому подобное.

— Если бы они действительно покончили с собой, — пояснил Борис, — то избавили бы меня от тяжелого бремени — совершить еще два убийства. Но они на это не пошли. И мне ничего не оставалось, как осуществить свое намерение...

Ветров подробно рассказал, как он готовил окружающих, в частности Ольгу Каменеву, к тому, что в его семье возможна еще одна беда. И все потому, что отец — шизофреник. При этом сам Борис не переставал играть роль убитого горем брата, совершенно потерявшего голову из-за исчезновения Ларисы.

За три дня до убийства родителей Борис перенес ружье в их спальню. Предварительно он попытался определить, как может человек выстрелить в себя из ружья? И пришел к выводу, что это можно сделать при помощи веревки, перекинутой через приклад. Веревку он приготовил тоже заранее.

— Вечером тридцать первого августа мы все играли в карты, — рассказывал обвиняемый. — Я, Ольга, отец и мать. Около одиннадцати часов родители пошли спать. Мать, как я уже говорил, в последнее время не могла засыпать без снотворного. В тот вечер я незаметно подсыпал ей в стакан с водой тройную дозу люминала. Отец засыпал и так. Значит, они ушли к себе в спальню, Ольга легла в моей комнате, а я — в большой, на диване. Скоро я услышал храп родителей и пришел к Ольге...

— Она уже спала?

— Задремала. У нас была близость, — спокойно и цинично рассказывал Ветров. — Я сделал это намеренно. В случае разбора милицией случившегося у Ольги могли взять соответствующие мазки. Это служило бы доказательством того, что мы были вместе. Затем я вернулся в большую комнату. В начале четвертого я зашел к родителям. Они крепко спали. Я снял со стены ружье, приладил веревку... Отца и мать я видел отчетливо: в окно падал свет от уличного фонаря. Первым выстрелом я убил отца, потом мать. Затем побежал к Ольге. Дальше вы знаете.

По словам Ветрова, утром он понял, что допустил несколько оплошностей. В частности, сказал следователю районной прокуратуры, что дверь в спальню была закрыта. Испугало Бориса и то, что на майке и трусах у него оказались брызги крови. Но его просчеты не были замечены... Не лучшим образом была проведена и первая судебно-медицинская экспертиза (позже это явилось предметом особого обсуждения в прокуратуре области).

Когда дело о гибели супругов Ветровых было прекращено,

Борис уверовал в то, что ему удалось скрыть содеянное. Последующая отмена постановления о прекращении дела явилась для убийцы полной неожиданностью. Вот почему его больше всего беспокоило, не проговорится ли Ольга о том, что в роковой час он находился в другой комнате. Не давал Борису покоя и труп сестры в погребке. Он даже намеревался перезахоронить тело Ларисы где-нибудь в лесу.

После допроса Гольст выехал с обвиняемым на место происшествия. Ветров снова повторил свой рассказ об убийстве сестры и своих родителей, показав, где и как это произошло. Выезд на место происшествия сопровождался киносъемкой и звукозаписью.

Покушение на самоубийство, а также «идея» Ветрова ставили под сомнение его психическое здоровье. Слишком уж бредовые мысли высказывал он. Возникал вопрос: это плод больного мозга или намерение ввести следствие в заблуждение? Ответ могли дать только специалисты. Гольст вынес постановление направить подследственного в Москву в Институт судебной психиатрии имени Сербского на стационарное обследование.

Комиссия врачей-психиатров пришла к единодушному выводу: Ветров здоров, а его «открытие» — попытка симулировать психическое заболевание. С этой же целью он покушался на жизнь своего сокамерника, а также якобы пытался покончить с собой. Потом Ветров признался, что полез в петлю, лишь когда услышал за дверью камеры приближающиеся шаги надзирателя. Расчет, что надзиратель увидит его висющим и тут же спасет, оправдался.

Таким образом, надежда Ветрова на то, что его признают невиновным, рухнула.

— Назовите истинные причины и мотивы вашего преступления, — попросил Гольст на первом же допросе после возвращения Ветрова из Института имени Сербского.

— Вы их отлично знаете, — ответил обвиняемый. — В моем дневнике, который вы так хорошо изучили, есть ответ и на этот вопрос.

— «Жизнь питается жизнью», — процитировал Владимир Георгиевич. — «Ешь других или тебя съедят». Так?

— Вы правильно поняли меня, — подтвердил Ветров и привел еще одно выражение из своей тетради: — «В мире побеждает только сильный». У меня в жизни все было запрограммировано. Я отлично знал, что уже в тридцать лет буду жить в Москве, иметь ученую степень, если не доктора, то кандидата наук обязательно...

— Ну, а уж квартира, дача, машина — само собой разумеется, да? — подсказал Гольст.

— Естественно.

— Скажите, Борис Александрович, что означают следующие записи в вашем дневнике: «Фрау», «Днепр», «Рентген», «Каланча», «Цыганка»?

— Очень «Фрау» я и отделом. «Д

это Ольга К

— Ваша

рачная дочк

— Да, — горисполкома

накомиться с

быть кандида

— Вы хот

спросил Голь

— Соверш

нии по служб

— Через

— Да. Ко

ре», «Цыганк

Ветров, — я

но, я не отбр

Но время под

хоть на прак

вило, туда ж

та. Чтобы вы

распределения

шив это, поня

намеченной ц

— А заод

вил Владимир

— В обще

Подтверди

всей убедител

ряться со свои

— Я почт

вил он. — Со

Если бы не

щился.

— А вот в

етесь, — возра

обречены на п

— Это поч

— Почему

хотелось бы в

латились за св

— Они тут

— Увы, оч

— Очень просто, — ответил обвиняемый. — Под шифром «Фрау» я имел в виду дочь заместителя заведующего облздравотделом. «Днепр» — дочь ректора нашего института. «Рентген» — это Ольга Каменева...

— Ваша жена, о которой вы сначала думали, что она внебрачная дочка проректора? — уточнил следователь.

— Да, — кивнул Борис. — «Цыганка» — дочь председателя горисполкома. А «Каланча» — Алиса Макарова. Прежде чем познакомиться с девушкой поближе, я узнавал, кто она, может ли быть кандидаткой в жены.

— Вы хотите сказать, будет ли выгодна для вас женитьба? — спросил Гольст.

— Совершенно верно: поможет ли мне этот брак в продвижении по службе.

— Через будущего тестя?

— Да. Когда попытки жениться на «Фрау», затем на «Днепре», «Цыганке» и «Каланче» кончились неудачей, — продолжал Ветров, — я понял, что могу рассчитывать только на себя. Конечно, я не отбрасывал совсем мысль о выгодной женитьбе. Отнюдь. Но время подпирало. Как вы знаете, осенью я должен был поехать на практику в маленький провинциальный городок. Как практика, туда же распределяют на работу после окончания института. Чтобы вызвать к себе сочувствие и добиться отмены этого распределения, я решил первым делом убить Ларису. Но, совершив это, понял, что ее исчезновение не поможет мне в достижении намеченной цели. Тогда-то и возникла мысль убить родителей.

— А заодно стать наследником всего их имущества, — добавил Владимир Георгиевич.

— В общем, так, — не очень охотно подтвердил Борис.

Подтвердил потому, что деваться было некуда: об этом со всей убедительностью свидетельствовали факты. И все-таки смириться со своим поражением Ветров не мог.

— Я почти достиг своего, — после некоторого молчания заявил он. — Согласитесь, все было задумано и сделано точно. Если бы не мои отдельные промашки... — он досадливо поморщился.

— А вот в этом вы, Борис Александрович, глубоко заблуждаетесь, — возразил Гольст. — Ваши планы с самого начала были обречены на провал.

— Это почему же? — усмехнулся Ветров.

— Почему? Ваши жизненные установки в корне неверны. Не хотелось бы вспоминать ваших родителей... Они и так горько поплатились за свои ошибки...

— Они тут не при чем, — нахмурился Ветров.

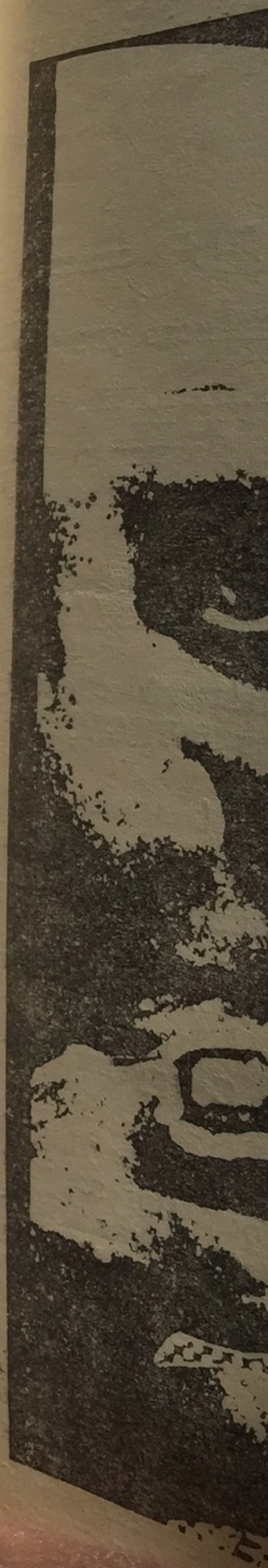
— Увы, очень даже при чем. Вы воспитывались в атмосфере

меркантильности, поклонения деньгам, презрения к чести и совести... И все качества, которыми вы были наделены от рождения, — недюжинный ум, воля — подчинили губительной цели: стать выше всех, добиться заслуг и материальных благ за счет других, — сказал Гольст. — Но не вы первый... И дай бог, чтобы стали последним. Мораль, подобная вашей, приводит и неизменно будет приводить к краху всех, кто встанет на такой путь. Потому что вы — против жизни. А значит, и жизнь — против вас...

Дело по обвинению Бориса Александровича Ветрова в убийстве своей сестры, отца и матери было передано в областной суд. Ветров признан виновным и приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Леонид Слов

Наваж

ния к чести и совес-
лены от рождения, —
ой цели: стать вы-
г за счет других, —
г, чтобы стали пос-
и неизменно будет
путь. Потому что
вас...
Ветрова в убий-
в областной суд.
пючительной мере
олнение.

Леонид Словин

Наваждение

Опыт характеристики следователя по преимуществу материалами уголовного дела.

Повесть в документах.

События, положенные в основу повествования, единственны в своем роде и легко узнаваемы. Поэтому автор не только изменил фамилии участников уголовного дела, но и лишил персонажи конкретных примет биографий и судеб. Прямые аналогии с подлинными действующими лицами этой трагической истории неправомерны. Однако содержащийся в ней нравственный урок должен стать серьезным предупреждением на будущее. Это и заставляет нас вернуться в недавнее прошлое.

I

Начальникам управлений уголовных розысков МВД союзных республик.

Копия: Начальнику Главного управления уголовного розыска МВД СССР.

По розыску преступников, подозреваемых в совершении особо тяжкого преступления 31 марта в г. Вильнюсе. Розыск подозреваемого Шаншевича М. Г. прекратить в связи с его задержанием, розыск остальных преступников продолжать.

Начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР прошу взять проведение мероприятий на контроль.

Обвиняемый ШАНШЕВИЧ М. Г., 20 лет, бывший студент III курса МВТУ им. Баумана, исключен из членов ВЛКСМ. Мера пресечения — содержание под стражей

— Расскажите коротко о себе.

— Москвич. Родители развелись. Мать работает в Доме моделей. Отчим — военный, относился неплохо. И все-таки!

— Все-таки?

— У них с матерью еще двое детей. Ему все ясно. В основном я жил с бабушкой.

— Как вы познакомились с Сильвестровым? С другими обвиняемыми?

— Как ни странно, через мать. Это было, когда я еще учился в школе. Отчим хотел, чтобы я занимался спортом, мог за себя постоять. Мать не хотела записывать меня просто в какую-нибудь секцию. Через знакомых узнала про курсы каратэ. Их вел Сильвестров.

— Как проходили занятия?

— Сильвестров говорил, что обучает нас стилю «вада-рю», основанному на мягкости, гибкости: уйти от удара, поставить блок. В соревнованиях мы не участвовали. Две трети времени отводилось физической подготовке — разминке, согреванию, растяжке. За обучение родители платили 10—15 рублей в месяц.

После запрещения занятий каратэ Сильвестров сразу прекратил наши занятия.

— Бывали у него после этого?

— Очень часто. Я и другие ребята. Сильвестров — кандидат исторических наук. Это особенно нам импонировало. Он жил один, обычно у него в квартире собирались интересные люди, говорили на темы восточной медицины, философии.

— В качестве кого Сильвестров выступал на ваших занятиях? И потом тоже? Только в качестве тренера?

— Есть такое понятие — «сен-сей», наставник.

— Что оно означает?

— Указания сен-сея не должны обсуждаться, они просто выполняются.

— А после прекращения занятий?

— Мы продолжали приходить уже как друзья, хотя он все равно оставался нашим сен-сеем, хотя бы по возрасту.

— Была ли в его занятиях с вами теоретическая часть?

— Да. Часть занятий отводилась беседам. Сильвестров рассказывал нам о философии каратэ, о психорегуляции...

— Если можно, об этом, последнем, подробнее. Что вы имеете в виду?

— Способность человека регулировать происходящие в организме физиологические процессы. Вызывать, например, ощущение тепла, тяжести. Главное же — мгновенно расслабляться, снимать усталость, недомогание. Известно, что люди, владеющие техникой психорегуляции, могут управлять деятельностью других органов, сердца, причем до такой степени, что даже длительное пребывание под землей в заколоченном ящике не может принести им вреда. Наверное, читали об этом.

— Читал.

— От него, например, я впервые узнал, что есть люди, которым достаточно провести руками вдоль тела другого человека, чтобы узнать о его здоровье, поставить диагноз, а иногда тут же и исцелить. Я имею в виду экстрасенсов. Они приезжали к Сильвестрову издалека, но чаще из Средней Азии и Прибалтики...

«Экстрасенс... Это слово еще не вошло в энциклопедические словари, но знакомо, пожалуй, каждому. Лет пять назад на страницах газет и журналов прокатилась волна сообщений о людях, обладающих необыкновенными способностями руками считывать информацию о самочувствии других и, что еще поразительнее, этими же руками лечить больных... Рука в этом случае выступает как физический прибор, излучающий поток тепла, и не исключено, что именно он и оказывает терапевтическое воздействие... На днях мы побывали в подмосковном профилактории, принадлежащем хлопкобумажному комбинату, и увидели медицинских сестер и врачей, практикующих руками. За несколько минут им, напри-

мер, удастся снизить высокое давление хроническим гипертоникам, снять головную боль...»

*«Советская Россия», заметка «Исцеляющие руки»,
рубрика «Экстрасенсы без сенсаций», 1986 г.*

«...В московской лаборатории провели ряд экспериментов... Было установлено, что в обычном состоянии характеристики физических полей Н. С. Кулагиной, так же как и Е. Ю. Давиташвили, не отличались от сигналов контрольной группы. При переходе ее в «рабочий режим» наблюдалось значительное — примерно в тысячу раз — усиление яркости оптического свечения пальцев, резкое импульсивное увеличение проводимости среды около рук, сопровождающееся акустическими щелчками, низкочастотные электрические сигналы...»

*«Известия», заметка «Экстрасенс глазами физики»,
1986 г.*

«...Из этих результатов (последнего исследования природы «экстрасенсов» — Л. С.) вытекает предположение, что лечебный эффект, оказываемый в некоторых случаях «экстрасенсами» (когда это не откровенные шарлатаны), связан, помимо психотерапии, с тем, что они прогревают руками так называемые биологически активные зоны (зоны Захарьина — Геда) и тем самым оказывают воздействие на связанные с ними органы».

«Литературная газета», 24 сентября 1986 г.

Потерпевший ЛАУРЕЦКАС П. З., 34 года, выпускник физфака, младший научный сотрудник

— Еще учась в университете, я вместе с женой заинтересовался паранормальными явлениями психической деятельности. По этим вопросам в дискуссионном клубе университета происходили горячие дискуссии. Те же явления интересовали меня и как физика. В ходе изучения этих явлений я встречался с труднообъяснимыми примерами воздействия одного человека на другого. И даже познакомился с несколькими людьми, обладавшими явно незаурядными свойствами. Фамилии их сейчас не помню. Один мой знакомый, собиравшийся как-то в Москву, пригласил меня и жену съездить к человеку, интересующемуся теми же вопросами, что и мы. Так мы попали на квартиру к Сильвестрову.

— **Что вы можете рассказать о нем? О людях, которых вы там увидели?**

— Прежде всего меня поразило жилище. Кругом — атрибуты различных религий: иконы с изображением Христа, лампы, подсвечники, статуэтки Шивы и Будды. Вся квартира выдержана в оранжевых тонах. Оранжевый цвет был всюду. На стенах — антры, разноцветные восточные орнаменты квадратной формы. Я еще раньше слышал, что они используются для выполнения упражнений на концентрацию внимания. Сильвестров, видя мое

недоумение, о
это время жи
дитацией*. Эт

— Этого н
вас Камал Д

— В отл
зически ущем
вел на меня
подтверждало
шимся у Кам
Вотрина...

Свидетель
диктор ЦТ

— Нескол
ной медицины
Сильвестровы
вольно любоп

— Кого из

— В перв
ва, он играл
ликолепным
нию, не знаю

— Как бы

— Ученый

рекомендацие
жаться в тени
ка, галстук. С
цине, лечении
что рос больн
лями. Неодно
безрезультатн
кабая. Он и о

— Вы обр

— Однаж

тире Сильвес
жа. Мне как
прошла. За л
В то время о
ся экстрасенс
первое место
обещал прив
ну, признанно

* Медитаци
цель которого
сосредоточеннос
эмоционал...

недоумение, объяснил, что он и Камал Досымбетов, который в это время жил у него, производят эксперименты, связанные с медитацией*. Этим термином обычно обозначают...

— Этого не надо объяснять. Какое впечатление произвел на вас Камал Досымбетов?

— В отличие от Сильвестрова, который казался в чем-то физически ущемленным, хотя и преподавал борьбу, Камал произвел на меня впечатление человека незаурядного, что, впрочем, подтверждалось и мнением других присутствовавших, и имевшимся у Камала рекомендательным письмом главного редактора Вотрина...

Свидетель БАРИНОВ П. Н., образование высшее, 52 года, диктор ЦТ

— Несколько лет назад, интересуясь вопросами нетрадиционной медицины, я познакомился с кандидатом исторических наук Сильвестровым и иногда бывал у него дома, где собирались довольно любопытные люди.

— Кого из них вы бы выделили?

— В первую очередь, конечно, киноактера Сабира Жанзакова, он играл обычно роли десантников, суперменов и сам был великолепным каратистом. А затем Камал, фамилии, к сожалению, не знаю.

— Как бы вы его охарактеризовали?

— Ученый, специалист по тибетской медицине. С прекрасной рекомендацией. Вел себя всегда очень скромно, старался держаться в тени. Соответственно одевался — костюм, белая рубашка, галстук. О себе говорил мало, в основном о восточной медицине, лечении травами. Еще? Ему нет тридцати. Знаю с его слов, что рос больным, хилым, страдал изнурительными головными болями. Неоднократно обращался к так называемым светилам, но безрезультатно. Помощь пришла от других. В частности, от Эркабая. Он и открыл ему некоторые свои секреты.

— Вы обращались за помощью к Камалу?

— Однажды я пожаловался на боль в колене, и он на квартире Сильвестрова провел со мной сеанс бесконтактного массажа. Мне как будто стало немножко легче, но боль в ноге не прошла. За лечение Камал никакого вознаграждения не попросил. В то время о Камале только начинали говорить как о выдающемся экстрасенсе, но сам он себя таковым не рекомендовал, уступал первое место Эркабаю — феномену из Каракалпакии, которого обещал привезти в Москву, чтобы показать академику Борискину, признанному авторитету в этой области.

* Медитация (от лат. meditatio) — размышление, умственное действие, цель которого — приведение психики человека в состояние углубленности и сосредоточенности; сопровождается телесной расслабленностью, отсутствием эмоциональных проявлений, отрешенностью от внешних объектов.

Обвиняемый ШАНШЕВИЧ М. Г.

Продолжение допроса

— ...Однажды Сильвестров рассказал мне и другим ребятам, что в Каракалпакии живет интересный человек с необыкновенными способностями, и предложил съездить к нему.

— Вы еще учились в школе?

— В последнем классе.

— А как же школа, родители?

— Это было во время зимних каникул. Сильвестров позвонил родителям каждого. Он не уговаривал их отпустить, просто сказал, что есть интересный человек, возможно, человек будущего. С энергией, которую он черпает из космоса. «Ребятам, — сказал Сильвестров, — наверно, бесполезно встретиться с ним».

— И как родители?

— Меня вначале не пускали, потом согласились.

— Ехали поездом?

— До Нукуса. Дальше автобусом. Так я познакомился с Эркабаем Юнусовым.

— До этого не встречались?

— Один раз, у Сильвестрова дома, но тогда я не обратил на него особого внимания. Мы с ребятами как раз собрались, чтобы поговорить с сен-сеем, обменяться мнениями о прочитанном, о жизни. Это стало для нас привычным. Тут он вышел из второй комнаты — лет пятидесяти, невысокого роста, крепкий. В самодельном халате, брюки он, по-моему, тоже сам шил — широченные. На шее бусы в несколько рядов, колокольчик. По всему халату — значки. Сильвестров нас ему представил.

— О чем-нибудь говорили в тот раз?

— Нет. Он вообще плохо говорит по-русски, обычно его переводил Камал, если при этом присутствовал. Эркабай по очереди подходил к нам, спрашивал: «Как зовут?» Поцеловал каждому руку. Потом пригласил к себе, в Каракалпакию.

— А там, когда приехали?

— Там все по-другому. Эркабай жил просто. Как дервиш. Ни роскоши, ничего. Спал на полу, ел, что подадут. Одежду шил себе сам. Всегда неразговорчивый, несуетливый.

— Он жил один?

— Да. Перед тем как нам уезжать в Москву, прилетел Сабир Жанзаков, он тогда был еще не очень известен как актер. Потом Камал. Один день мы провели все вместе. Сабир Жанзаков показался мне простоватым, со всеми запанибрата.

— Зачем они приехали к Эркабаю?

— Отдохнуть, подлечиться.

— Каким образом?

— Непосредственно общаясь с Эркабаем. Это многих поднимало. Не только Камала. У Эркабая очень сильная биоэнергия.

— Вот как... А что можно сказать о Камале?

— Интеллигентный. Внимательный... Тогда я только с ним познакомился. Узнал, что он аспирант Института востоковедения в

Москве, знает нетрадиционный буддизм. Родители его. Это и видно было по его обществу Камала. — Как относился к нему? — Это сложный вопрос. Он не замечали, несмотря на то, что находился на переднем плане апробированных людей — из научной среды. «Я знаю Камала, он был в первое время

Из рекомендации журнала Вотрина Н.

«...Известно, что в онных способах лечения телекинеза, в последние годы научного внимания. В Каракалпакии наделен необычайным током на весь его организм. Молодой ученый, действие и ведет за

Свидетель АРИ

— С Камалом будущего журнала во Будучи председателем, ких, незаурядных. числе увлекающие конечно, невозможны интерес. Однажды дел молодого человека жавшего себя с ко мне и сказал, ние. Аура бывает ных. Он пожелал уехал вместе с це

— Он представ

— Да. Как а вопросам экстра

— Потом вы

— Во время токоведения. С

Обычно он выст

ческой психики.

Москве, знает нетрадиционные способы лечения, буддизм, дзэн-буддизм. Родители его очень уважаемые люди у себя в Таласе. Это и видно было по тому, как он себя вел. Никому не навязывался. Общества Камала искали. Так и потом было, где бы он ни появлялся: С нами Камал был прост, отзывчив.

— Как относился Сильвестров к Камалу?

— Это сложный вопрос. В присутствии Камала Сильвестрова не замечали, несмотря на ученую степень и возраст. Камал находился на переднем крае науки, занимался делом во многом неапробированным, спорным... Вокруг него сразу появилось много людей — из научной, писательской среды. Просто истеричек. Основным для них была возможность говорить друзьям, знакомым: «Я знаю Камала, он учитель Джуны...» Сильвестрову, по крайней мере в первое время, все это было не по нутру, но он терпел...

Из рекомендательного письма бывшего главного редактора журнала Вотрина Н. Н.

«...Известно, что способности, проявляющиеся в нетрадиционных способах лечения с помощью биотоков рук, в телепатии, телекинезе, в последнее время становятся предметом пристального научного внимания, исследования...»

В Каракалпакии проживает Эркабай Юнусов. Этот человек наделен необычайными способностями, накладывающими отпечаток на весь его образ жизни.

Молодой ученый Камал Досымбетов установил с ним взаимодействие и ведет записи научного характера...»

Свидетель АРИСТАРХОВ Д. В., 34 года, журналист

— С Камалом Досымбетовым я познакомился в редакции нашего журнала во время заседания «Клуба интересных встреч». Будучи председателем клуба, я приглашал на встречи людей ярких, незаурядных. К нам приходили самые разные люди, в том числе увлекающиеся футурологией, знахарством, йогой. Ко всем, конечно, невозможно было относиться однозначно, но в этом свой интерес. Однажды на встрече с известной целительницей я увидел молодого человека восточной внешности, скромного, державшего себя с достоинством. По окончании вечера он подошел ко мне и сказал, что видит вокруг моей головы ауру, т. е. свечение. Аура бывает только у людей очень добрых, благожелательных. Он пожелал мне всяческих успехов, счастья близким. Потом уехал вместе с целительницей.

— Он представился?

— Да. Как аспирант Института востоковедения, эксперт по вопросам экстрасенсорных особенностей.

— Потом вы снова видели его?

— Во время международной конференции в Институте востоковедения. С ним был академик Борискин Илья Демьянович. Обычно он выступает в печати по вопросам особенностей человеческой психики. Еще несколько ученых. Камал был таким, как в

день нашего знакомства — скромный, сосредоточенный. Слава не вскружила ему голову. Держал себя просто, но подчеркнуто независимо, с достоинством. Я обратил внимание, с каким пиететом относились к нему некоторые ученые, в том числе и иностранцы, а один, пожилой — к сожалению, я не прочитал его фамилию на визитке у лацкана, — при всех поцеловал ему руку.

— Камал заметил вас?

— Больше того: он поздравил меня с наступавшим днем моего рождения.

— Как он узнал о нем?

— Это и для меня загадка. Но мне известно, что люди, наделенные такими способностями психики, как Камал, нередко поражают еще более невероятными открытиями.

— С Эркабаем Юнусовым вы тоже знакомы?

— Даже гостил пару дней у него в Бируни.

— И как?

— Ну, это дервиш. Средневековые. В то же время интерес к трудам основоположников. «Мир», «космос»...

— Эркабай тоже был на конференции?

— Да. С ним произошел смешной случай. В кулуарах несколько ученых предложили Эркабаю продемонстрировать опыт телекинеза: поставили спичечный коробок и предложили ему сбросить его, не касаясь руками. Но Эркабай — человек разумный, непосредственный, в каком-то смысле ребенок — очень удивился: «А зачем, если можно так?» — и ладонью оттолкнул коробок.

— Встречались вы еще с Камалом и Эркабаем?

— Один раз, в гостинице «Москва». Мы с женой приезжали навестить остановившегося там родственника и в вестибюле случайно столкнулись с Камалом и Эркабаем. Они объяснили, что возвращаются из гостей, от главного редактора нашего журнала. Тогда я еще в нем работал. Мне бросилось в глаза, что они оба немного выпивши... Эркабай показал бусы, которые ему подарила жена главного, только что возвратившаяся с Филиппин. Кроме того, она дала каждому по своей фотографии. Эркабай был счастлив, как ребенок. «А вы подарите что-нибудь?» — спросил он у моей жены. Ни слова не говоря, жена сняла с шеи янтарное ожерелье и отдала ему. В свою очередь Эркабай подарил ей простой колокольчик; сейчас он стоит у жены на письменном столе. По ее словам, колокольчик и в спокойном состоянии распространяет иногда вокруг себя звуковые колебания — биоэнергию, передающую через него экстрасенсом. Когда у нас собирались гости, каждый старался хотя бы немного подержать его в руках...

Свидетель ВИТАУСКЕНЕ Н. А., 32 года, преподавательница музыкального училища.

— Как вы узнали про Камала и Эркабая?

— Мой муж — он умер в прошлом году от тяжелой болезни почек — постоянно интересовался нетрадиционными формами ле-

чения, народной, официальной — а ему помочь. От сналадил с ними ре Сильвестрова

— Кто там бы

— Известный ститута востоков

только по имени. наши знакомые по

актер «Таджикфи

— Вы с ним не

— Нет.

— Кто лечил в

— Муж почему

роль его вера в во

калпакию, три д

взялся. Посоветов

приехали в Москв

запущена, требует

полагает оставаться

— Досымбетов

— Провел оди

Но после возвращ

го тридцатитрехлет

— Как проходи

— Камал дела

Было видно, что о

вал: «Легче? Сход

«Вроде нет...» — «А

— Взял ли Дос

— Камал? Нет.

Обвиняемый Ш

Продолжение до

— Произшли

ниях с Сильвестр

баем?

— Как я уже

сен-сеем. Так и ос

ми, в том числе

лось, особыми дост

— Как Сильвес

— Мне показал

— Почему вы т

— Я подумал с

осуществляем одни

ния Камала перед

курсов карата

чения, народной, в частности восточной, медициной, поскольку официальная — а он лечился в самых лучших клиниках — не могла ему помочь. От своих знакомых он узнал о Камале и Эркабае и наладил с ними переписку. Камал жил тогда в Москве на квартире Сильвестрова и мы приехали к ним.

— Кто там был еще?

— Известный диктор телевидения, женщина-профессор из Института востоковедения, занимающаяся буддизмом. Я знаю ее только по имени. Еще два-три человека. Кроме того, там были наши знакомые по Вильнюсу — Лаурецкасы, Беата и Пранас. Киноактер «Таджикфильма» Сабир Жанзаков.

— Вы с ним не были раньше знакомы?

— Нет.

— Кто лечил вашего мужа? Эркабай или Камал?

— Муж почему-то больше верил в Эркабая, сыграла, видимо, роль его вера в восточную медицину. Сначала мы попали в Каракалпакию, три дня прожили в доме Эркабая, но лечить он не взялся. Посоветовал вернуться в Москву к Камалу. Мы снова приехали в Москву, но Камал откровенно сказал, что болезнь запущена, требует длительного интенсивного лечения, а он предполагает оставаться в Москве всего несколько недель.

— Досымбетов совсем не лечил вашего мужа?

— Провел один сеанс, мужу как будто стало немного легче. Но после возвращения в Вильнюс он умер. Как раз в день своего тридцатитрехлетия.

— Как проходил этот сеанс?

— Камал делал пассы руками над сидевшим на стуле мужем. Было видно, что очень старался помочь, взмок от пота. Спрашивал: «Легче? Сходи помочись...» — Мужу было плохо, он говорил: «Вроде нет...» — «А теперь?» — «Теперь легче...»

— Взял ли Досымбетов деньги за лечение?

— Камал? Нет. Об этом не было и речи.

Обвиняемый ШАНШЕВИЧ М. Г.

Продолжение допроса

— Произошли ли какие-нибудь изменения в ваших отношениях с Сильвестровым после знакомства с Камалом и Эркабаем?

— Как я уже сказал, Сильвестров был нашим наставником, сен-сеем. Так и остался им. А Камал и Эркабай стали Учителями, в том числе и для Сильвестрова, поскольку, как выяснилось, особыми достоинствами он не обладал.

— Как Сильвестров воспринял все это?

— Мне показалось, он смирился...

— Почему вы так решили?

— Я подумал об этом, когда оказалось, что практически мы осуществляем одни и те же функции. Это было во время появления Камала перед публикой. Сильвестров, я и другие ребята с курсов каратэ взяли на себя роль телохранителей...

— Потом в этом качестве вы и приехали в Вильнюс?

— Да.

— А тогда?

— В первый раз я увидел Камала публично на вечере известного поэта, тот как раз вернулся из Индии. По его просьбе Камал и Эркабай поднялись к нему на сцену. Поэт объявил, что посвящает свой вечер Эркабаю. Огромный зал зааплодировал стоя. Камал был в белом шлеме из чистого хлопка. Эркабай с колокольчиком и бусами. С ними была девушка из Литвы, бритая наголо. Кто-то, стоящий около меня, сказал, что Камал достиг уровня Будды...

— Стал то есть просветленным? Каким образом?

— Одни считают, что состояние просветленности можно достичь путем трансцендентального созерцания, находясь десятилетиями в одиночестве где-нибудь в Гималаях. Но есть точка зрелости. С Камалом же это случилось, когда он, заступаясь за Эркабая, чуть не стал жертвой пьяного хулигана. Один американский дзэн-буддист достиг просветления на автострате во время автоаварии.

— Как относился Сильвестров к этим разговорам о Камале?

— Он их не поддерживал.

— С каким настроением он провожал Камала и Эркабая после вечера в Политехническом?

— По-моему, стихи ему не понравились, хотя многие считали их медитацией — в том смысле, что словами поэта говорил кто-то другой. Сейчас я все забыл... Из Политехнического мы все поехали к Сильвестрову. У меня было такое чувство, что я и ребята, мы защищаем людей будущего... Правда, в тот раз на них никто не нападал. Я уже знал, что Камал крупный специалист по комплексному изучению человека. Вскоре он должен был возглавить институт — какие уже созданы в Западной Европе и в Америке — по изучению человека, что на него и на Эркабая возложены обязанности по отбору экстрасенсов на территории СССР...

Протокол доставления

г. Вильнюс... февраля... дня.

Сего числа ко мне дежурным по Управлению внутренних дел доставлен Сильвестров Владимир Сергеевич, 42-х лет, прож. постоянного в гор. Москве... улица... дом... работает научным сотрудником научно-исследовательского института, кандидат наук, холост, ранее не судим. При личном обыске изъяты: удостоверение НИИ АН СССР, членский билет в библиотеку Института научной информации, деньги в сумме 26 руб. 18 коп., ключи, брошюра «Гармоническое развитие личности»...

Обвиняемый СИЛЬВЕСТРОВ В. С.

Мера пресечения — содержание под стражей

— Мой интерес к Камалу и Эркабаю был интересом ученого

к таинственным
хики. Камал
старше. Взаим
— Где и к
— Через

ученого и эконо
цию, многие
до негде жит
предложил ем

— Как до

— Около
несколько ме
я не спрашив
института по
тей человека.
того, часть в
Киргизии.

— Что вы

жил с вами?

— Большу

поле, параск

реставил меб

убрал мебели

вой драпиров

благоприятны

ные мешки. К

Идет постоян

недаром на

фект. Я уже

се», когда сту

— Заняти

человека здо

— Я исхо

мягких. Ввид

ча, самодис

кто-то из ре

секции. Чтоб

жил всем пр

мал. Суть ес

приемы толь

от нападени

— Как ви

— Как к

вил этой цел

яс».

— А у С

— Как а

или шестое

— Тем н

к таинственным и непознанным особенностям человеческой психики. Камал моложе меня на семь лет, Эркабай — на десять лет старше. Взаимоотношения с обоими нормальные.

— Где и как вы познакомились?

— Через общих знакомых. Камала характеризовали как ученого и экстрасенса. В определенных кругах он вызвал сенсацию, многие хотели с ним познакомиться. В то время Камалу было негде жить, а у меня пустовала трехкомнатная квартира, я предложил ему жить у меня.

— Как долго вы проживали вместе?

— Около года, но за это время Камал прожил у меня всего несколько месяцев. Постоянно куда-то уезжал, о целях поездок я не спрашивал, но считал, что он ездит по делам создаваемого института по изучению биологических и психических возможностей человека. Во всяком случае он глухо на это намекал. Кроме того, часть времени он проводил в Каракалпакии у Эркабая и в Киргизии.

— Что вы можете сказать о том периоде, когда Досымбетов жил с вами?

— Большую часть времени мы проводили в разговорах о биополе, парапсихологии, дзэн-буддизме... По совету Камала я переставил мебель. Из комнаты, где мы занимались аутотренингом, убрал мебель, в частности стулья. Отделали помещение оранжевой драпировочной тканью, цветом, с его точки зрения, наиболее благоприятным для глаз. На пол, чтобы сидеть, положили спальные мешки. Как известно, сидеть на полу полезнее, чем на стульях. Идет постоянное снабжение кровью коленей, кровь фильтруется, недаром на Востоке нет отложения солей. Терапевтический эффект. Я уже не говорю о лечебных позах — «лотосе», «полулотосе», когда ступни кладут на бедра...

— Занятия каратэ не противоречили вашему желанию видеть человека здоровым?

— Я исходил из того, что эти занятия в основном для слабых, мягких. Ввиду сложности приемов требуется огромная самоотдача, самодисциплина, трудолюбие. Одно только замечание, что кто-то из ребят ищет случай подраться, вело к исключению из секции. Чтобы предупредить это, еще в начале занятий я предложил всем принести торжественную клятву, которую сам придумал. Суть ее в том, что мы клялись применять известные нам приемы только в целях самообороны, или для спасения граждан от нападения, или для охраны общественного порядка...

— Как вы сами оцениваете степень их подготовленности?

— Как каратистов? Я считаю, она невысока. Да я и не ставил этой цели. Теперь она у всех у нас одинаковая. «Белый пояс».

— А у Сабира Жанзакова?

— Как актер и каскадер он постоянно тренировался. Пятое или шестое место в республике.

— Тем не менее вам удалось заинтересовать ребят?

— Да. Обычно во второй части урока мы занимались вопросами диеты, аутотренингом. Я клал ребят на спину, просил добиться ощущения тепла в руке, тяжести мышц лица, рук. Вызвать в памяти изображения голубого неба с одним облаком. Так легче представить себе его ясность, голубизну. Снимал напряжение...

— Еще?

— Ребят, например, интересовали факторы риска...

— Что это такое?

— Все жирное, жареное прямо идет на сердце и в желудок. Между тем всего три места-то и надо охранять — сердце, диафрагму и перестальтику! На занятиях мы нередко говорили о том, как их поддерживать в удовлетворительном состоянии. А цель? Быть здоровее физически. Быть устойчивым в социальном плане. Регулировать психологические несовместимости...

— Какую роль в ваших занятиях играли взаимоотношения тренера и ученика?

— Очень важную. Здесь требовалось, как нигде, безоговорочное подчинение ученика учителю. Все было построено на этом...

Следователь

«Что вы там видите?» — интересовался философ, показывая на окно, обращенное к пустырю. — «Ничего», — обычно одинаково отвечали непосвященные. — «Неверно это, — поправлял мудрец. — Перед вами окно!»

Все зависит от направления внимания. Глядя в колодец, можно видеть и воду, и сруб.

Уголовное дело, в котором, кажется, все посвящено обвиняемому, содержит характеристику следователя. Это он формулирует вопросы, даже если они не записаны, а остаются между строк — в ответах свидетелей, обвиняемых. Следователь формирует дело в соответствии с собственными представлениями об объекте, полноте, объективности, поэтому дело, которое он расследует, несет на себе печать его индивидуальности. Смените следователя — и то же самое дело, те же эпизоды будут представляться чуть иными; следователь придает ему неуловимую особенность. Так в спектаклях актеры, занятые в разных составах, произносящие одни и те же реплики, играющие одни и те же роли, даже самые второстепенные, все же делают спектакли непохожими один на другой. Что же говорить о главных действующих лицах!

Голос следователя звучит в деле, которое он расследует, участники уголовного дела невольно, чуть-чуть говорят его языком, повторяют его интонации. Следователь ведет их за собой, он может первым подавать пример прямоты, открытости, доверия. Через много лет отбывшие меру наказания обвиняемые пишут следователям, благодарят их за помощь. Чтобы составить представление о следователях, проверяющие из прокуратуры читают расследованные ими дела.

— Как Шаншевич? — спросил Сильвестров. — Могу я узнать? Как он себя чувствует?

— **Обвиняемый Шаншевич?**

— Да. Понимаете: я считаю себя морально ответственным... Я много старше! И если бы не я, то ребята... Понимаете? Они не попали бы в эту историю... — у Сильвестрова большая голова, непропорциональная по сравнению с короткими туловищем и ногами. — Ребят интересовало многое, и я пытался, как мог, дать им ответ...

— **Вы взяли на себя большую ответственность... Считались ли вы с желанием родителей Шаншевича и самих ребят?**

— Вы совершенно правы. — На Сильвестрове куртка, джинсовые брюки, туристического типа ботинки, выданные ему в следственном изоляторе. Время от времени он поправляет то одну, то другую часть одежды, подтягивает выше куртку. — Вообще-то я не видел ничего предосудительного в том, что мальчики познакомятся с такими людьми, как Камал и Эркабай, задумаются над окружающими нас загадками природы...

— **Родители жаловались вам на ребят?**

— Да. Они заметили, что ребята после посещения Каракалпакии как-то отъединились. «Оставьте в покое наших детей», — был их клич. В свою очередь я ссылался на авторитеты. На академика Борискина, на других ученых, литераторов, видевших Камала и Эркабая, принимавших их у себя. На известного поэта, побывавшего в Гималаях. Новое, непривычное всегда воспринимается нами с трудом...

Пока следователь печатает очередную страницу протокола, Сильвестров читает предыдущую. Берет ручку.

— Пишется «хувараки», через «и»... — Он держит ручку, как вилку, словно хочет взять что-то с общей тарелки, положить себе. — «Ученики»! — Он никак не расстанется со ставшей привычной ролью «сен-сея».

— Вас к телефону, — удивленный дежурный показывается у окошка. — И здесь разыскали!

Следователь удивлен не меньше: он не знает, больше того — никогда не был знаком с человеком, который ему звонит.

— Извините... — Тот, наконец, называет фамилию — известную в республике, человека, безусловно честного. — Извините, что я вмешиваюсь не в свое дело, — он волнуется. — Но я счел своим долгом предупредить...

Следователь привык к такого рода звонкам за время, пока он расследует это дело. Звонили и его предшественнику.

— Вы ведь не хотите, чтобы о вас потом говорил: «Это тот самый, который!..» Так же, как о тех, кто объявлял кибернетику лженаукой и травил генетиков! Какой урон они нанесли нашей науке! Вас ведь не прельщают их лавры! Правда? Вы не обижаетесь?

— **Нет, говорите.**

Больше, чем где бы то ни было, в Прибалтике принято не

спеша и внимательно выслушивать человека, пришедшего к другому со своими сомнениями и неуверенностью.

— Наука пока не сказала своего последнего слова... Существует программа: «Физические поля биологических объектов»... — В трубке раздались знакомые фамилии ученых. — Академик Гуляев, доктор Годик...

— Не беспокойтесь. Дело, которое я веду, науке не грозит. И Юрий Васильевич Гуляев и Эдуард Эммануилович Годик, связанные с этой программой, могут решать свои проблемы, как они их решали...

— Но ведь вы ведете дело против экстрасенсов Камала и Эркабая...

— Успокойтесь. Я веду дело не против экстрасенсов, это просто жулики...

— Вы уверены? — В голосе сомнение.

— У меня есть доказательства. Мы провели большую работу.

Начальнику отдела уголовного розыска УВД Каракалпакской АССР.

По подозрению в совершении тяжкого преступления в г. Вильнюсе задержан Юнусов Эркабай, пятидесяти лет, уроженец и житель колхоза имени Маматкули Каракалпакской АССР.

При Юнусове обнаружены сберегательные книжки на вклады, сделанные в центральной сберегательной кассе г. Нукуса, всего в количестве тридцати по 1000 руб. каждый...

II

Свидетель АРИСТАРХОВ Д. В.

Продолжение допроса

— Поясните, пожалуйста, кто изображен на фотографиях, переданных вам Камалом Досымбетовым и приобщенных к данному уголовному делу.

— На первых трех фотографиях Камал и Эркабай сфотографированы с популярным киноактером и режиссером Сабиром Жанзаковым на съемках его короткометражного художественного фильма «Ремонт». Оба снимались в главных ролях.

— Дальше, пожалуйста.

— Это академик Столповский и Камал. Камал, Эркабай и член-корр Бойзен-Соловьев. Вы всех их будете допрашивать?

— Безусловно.

— Целительница, вы ее знаете. Поэт Задоров с женой и Эркабаем. Вот интересная фотография: Камал в традиционной одежде буддийского монаха. Цвет здесь не виден, но сама одежда тускло-желтого цвета. Этим подчеркивается ее изношенность, скудость. Я уже говорил: во многих отношениях Камал представлялся человеком удивительным. Чтобы изучить механизм психотерапевтического воздействия, он принял обряд крещения, для проникновения в тайны тибетской медицины некоторое время был буддийским монахом...

— Вам из
монахи?

— Я слыш
на Цейлон с
жал авторит
заинтересова

Свидетел
нюсского стр

— От сво
выдающихся

гией. Узнав
хоть к нему

вели в доме
особенного в

мало. Одна
рально окре

ки я с подр
жил учителя

феноменаль
представля

— Плат

— За ле

вали, но, пр
у меня был

ги на обрат
учили нас р

— Пред

время преб
отношения?

— Пред

больше к э

На суде

редственно
ные «да»,

в белой п
на плечик

сойдет с т
злое. Лече

Из ре
журнала

«...Зап
ным Кам

являются
Проси
могать по
Каракал

— Вам известно, каким образом Досымбетов был посвящен в монахи?

— Я слышал разное. Одни говорили, что он был направлен на Цейлон с деликатной миссией, другие — что с Цейлона приехал авторитетный буддийский представитель. Понятно: там тоже заинтересованы в трудах по тибетской медицине...

Свидетель ДОМИНИКАЙТЕ И. Д., 19 лет, учащаяся Вильнюсского строительного техникума

— От своих друзей я узнала, что в Каракалпакии живет человек выдающихся способностей. Он лечит людей биотоками, биоэнергией. Узнав его адрес, я и моя подруга по техникуму решили поехать к нему. Им оказался Эркабай Юнусов. У Эркабая мы провели в доме двое суток, после чего вернулись в Вильнюс. Ничего особенного в его доме мы не делали, даже разговаривали очень мало. Однако после этого посещения я почувствовала себя морально окрепшей. Вообще, духовно красивее. После этой поездки я с подругой ездила еще в город Талас Киргизской ССР, где жил учитель Эркабая — Камал Досымбетов, молодой человек феноменальных способностей, главный специалист в розыске лиц, представляющих интерес для науки.

— Платили ли вы за лечение Эркабаю или Камалу?

— За лечение мы ничего не платили, вернее, с нас не требовали, но, приезжая к Эркабаю, я отдавала ему все деньги, которые у меня были, а когда уезжала, Эркабай обычно давал мне деньги на обратную дорогу. Хочу добавить, что Камал и Эркабай учили нас раскованности, снятию тормозов и комплексов.

— Предлагал ли Эркабай Юнусов вам и вашей подруге во время пребывания в Каракалпакии вступить с ним в интимные отношения?

— Предлагал, но мы отказались. Эркабай не настаивал и больше к этому вопросу не возвращался.

На суде она даст показания еле слышно, обращаясь непосредственно к судьям. Так же тихо ответит на вопросы: сдавленные «да», «нет». Зал ничего не услышит, заскучает, пока фигурка в белой полупрозрачной кофточке с виднеющимися бретельками на плечиках замрет перед столом. Лишь когда свидетельница сойдет с трибуны, всем бросится в глаза ее лицо — нахмуренное, злое. Лечение не пошло впрок.

Из рекомендательного письма бывшего главного редактора журнала Вотрина Н. И.

«...Записи научного характера, которые ведутся молодым ученым Камалом Досымбетовым и посвящены Эркабаю Юнусову, являются целью достаточно длительного эксперимента.

Просим вас оказывать всяческое содействие этой работе, помогать поездкам Эркабая Юнусова и Камала Досымбетова из Каракалпакии в Москву по вызову научных учреждений».

Автограф на книге. «Недра». М., 1984 г.

Дорогому Камалу на добрую память с большой благодарностью за все хорошее и светлое, что вошло вместе с ним в наш дом.

Валентин Хольст

Следователю по особо важным делам прокуратуры Литовской ССР

Направляются протоколы допроса свидетелей — жителей Бирунийского района Каракалпакской АССР в отношении Эркабая Юнусова.

Приложение на...листах.

Свидетель **МИРОВ Е. М.**, 44 года, образование высшее педагогическое, сотрудник районной газеты

— В прошлом году весной в райцентре, на остановке ко мне подошли двое приезжих — мужчина и женщина. Женщина объяснила, что они приехали из Вильнюса, чтобы изучить «феномен» каракалпакского философа и провидца — Эркабая Юнусова, который, как она сказала, обладает незаурядными биосвойствами и экотрасенсорными возможностями. Я ничем не мог помочь, поскольку не слыхал о таком человеке, хотя родился и вырос в Бирунийском районе. Однако дней через пять я случайно увидел приезжих вместе со странным мужчиной лет пятидесяти, одетым в длинный халат или рубашку, подшитую стежками; грудь его была увешана бусами, на одежде висело огромное количество разных значков, в том числе пионерских, на голове был какой-то чепец. Еще на шее у него я заметил множество разных побрякушек, а также колокольчик, который у нас вешают на скот, чтобы он не заблудился. Приехавшие были очень рады, шли со счастливыми улыбками. Они показали на меня мужчине в халате и все вместе подошли. Я чувствовал себя неловко рядом со странным человеком, но тому нравилось быть в центре внимания. Он даже сказал, что слышал внутренний голос, который предупредил его, что мы встретимся на базаре. При таких словах приезжие многозначительно переглянулись и закивали...

Свидетель **МУРАДЖАНОВА Р. Н.**, 56 лет, образование 8 классов, колхозница, пенсионерка

— Эркабая Юнусова знаю много лет, мы его называем «Эркабай-палван», что значит «борец», «богатырь». Обычно он каждый день бывает на действующем кладбище Султан Уаис Баба, куда ездит много людей, особенно на уразу (пасху) и кыркасу (поминки). Женщины часто обращаются к нему за медицинскими советами. Совет стоит от 1 до 3 рублей. Обычно Эркабай-палван ставит диагноз «популасу» — «сглаз». Рецепт от «сглаза» — трава «одраспан» с горы. Ее надо смешать с коровьим или бараньим салом, затем все сжечь, накрыться плотно одеялом и дышать этим дымом, пока не вспотеешь, потом спать — наутро

хворь проходит
рякушки, а ряд
других его заня

Свидетель
нее юридическо
ции, участковы

— Эркабая
свадьбах, где о
республикански
нимал спиртное
ше Султан Уаи
женщин.

Одно время
большинство
Эркабаем и но
наведывался
прошлом году
ным писателем
об исключитель
ни, который он
жить...

Свидетель

Эркабаю пр
шей сестры, до
жизнь с малых
и в настоящее
положил на то
ком, обзавести
из этого не пол
росовестным, в
действовали. В
Уаис Баба, где
кабай стеснял
стал просить
клар на сберк
природе Эркаб
безвозмездной

С некоторы
разных городо
хож на коровн
помочь привес
чего, кроме ра
было. Как при
непонятно, осо
верил у некото
людьми с обра
ками, литерато

хворь проходит. Эркабай-палван носил на шее всякие банки, побрякушки, а рядом ставил мешок, чтобы собирать милостыню. О других его занятиях мне ничего неизвестно.

Свидетель **КАРЫМСАКОВ Д. Д.**, 25 лет, образование среднее юридическое, закончил Ташкентскую среднюю школу милиции, участковый уполномоченный РОВД

— Эркабая Юнусова знаю с детства. Часто видел его на тоях, свадьбах, где он занимался национальной борьбой. Участвовал в республиканских соревнованиях на приз кузнеца Ерназара. Принимал спиртное, но вел себя всегда тихо. Обосновался на кладбище Султан Уаис Баба, где принимал милостыню, в основном от женщин.

Одно время на кладбище стало появляться много приезжих, большинство из Прибалтики. Все они в основном общались с Эркабаем и ночевали у него дома, в связи с чем я неоднократно наведывался к нему, чтобы добиться его трудоустройства. В прошлом году Эркабай показал мне письмо, подписанное известным писателем, главным редактором журнала. В нем говорилось об исключительности Эркабая и важности для науки образа жизни, который он ведет. После этого Эркабая перестали тревожить...

Свидетель **АБДАЛОВ Б. С.**, 52 года, образование 10 классов

Эркабаю прихожусь дядей, знаю его с детства как сына младшей сестры, дом мой находится по соседству с его домом. Всю жизнь с малых лет я тружусь на хлопке в колхозе «Маматкули» и в настоящее время являюсь бригадиром. Много времени и сил положил на то, чтобы помочь Эркабаю стать полезным человеком, обзавестись собственным семейным очагом. Однако ничего из этого не получилось. В колхозе он работал плохо, слыл недобросовестным, в любой момент мог бросить работу. Уговоры не действовали. Все последнее время проводил на кладбище Султан Уаис Баба, где занимался попрошайничеством. Первое время Эркабай стеснялся земляков, прятался при их появлении. Потом стал просить милостыню открыто. Полученные деньги Эркабай клал на сберкнижку, отдельно вкладами по тысяче рублей. По природе Эркабай скуповат, займы не давал, не говоря уже о безвозмездной помощи кому бы то ни было.

С некоторых пор к Эркабаю зачастили люди, приезжавшие из разных городов, чаще из Прибалтики. Дом Эркабая старый, похож на коровник. Без полов. Много раз мы предлагали Эркабаю помочь привести дом в порядок, но он только махал рукой. Ничего, кроме раскладушки и нескольких грязных одеял, в доме не было. Как приезжие устраивались там на ночь, нам всем было непонятно, особенно после того, как я в качестве бригадира проверил у некоторых из них документы. Все приезжие оказались людьми с образованием, а некоторые даже научными сотрудниками, литераторами, учеными! Несколько раз я видел у Эркабая

киноактера Сабира Жанзакова, которого до этого часто видел по телевизору. С их появлением Эркабай внешне преобразился — стал носить рубашку до пят, которую сам себе сшил, бусы, значки.

Однажды Эркабай на несколько недель исчез, а появившись, объявил, что был в Москве, где был принят известными людьми, которые изучают его и прибегают к его помощи.

В ауле, однако, Эркабаю никто не поверил, поскольку люди знают его как «дурачка» — человека никчемного, хотя и безобидного, открытого...

Из заключения судебно-психиатрической экспертизы в отношении Эркабая Юнусова

«...Мышление последовательное, с тенденцией к конкретности, суждения порой примитивны, что подтверждается экспериментально-психологическим исследованием. Запас приобретенных знаний мал, круг интересов ограничен бытовыми подробностями. Критические способности не нарушены.

На основании изложенного комиссия приходит к выводу: Эркабай Юнусов психическим заболеванием не страдал и не страдает, а обнаруживает остаточные явления травматического поражения головного мозга без изменений со стороны психики, что не лишает его возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В период времени, относящийся к инкриминируемому деянию, также не отмечалось признаков временного болезненного расстройства душевной деятельности. Это подтверждается сохранностью у него в тот период ориентировки и речевого контакта с окружающими, целенаправленным характером его действий при отсутствии признаков болезненного толкования реальной действительности...»

Подписи:

Главный эксперт, член Академии наук СССР, академик...

Консультант, член-корреспондент Академии наук...

Свидетель ЯСЮЛЯВИЧЮС М. И., 27 лет, образование высшее, адвокат. г. Вильнюс

— Расскажите о своей встрече с Камалом Досымбетовым на квартире Сильвестрова. О чем вы говорили?

— Камал мне очень понравился. Держался с достоинством, в то же время очень сдержанно, интеллигентно. Было такое чувство, что он понимает с полуслова, о чем бы с ним ни заговорили. Кроме того, сильнейшее биополе!

— Вылечил ли он кого-нибудь из ваших знакомых?

— Кажется, нет.

— А Эркабай?

— Тоже. Правда, должен сказать, что когда я приезжал в

Каракалпакню, и они были оба, то примерно через неделю у меня пропала экзема на руках, которой я обычно страдаю.

— Результат биополя? А может, просто оттого, что вы были на отдыхе? Ничего не делали?

— Признаться, я об этом не задумывался.

— Что вы думаете по поводу их средств к существованию? Эркабай жил на средства, которые ему подавали как милостыню. А Досымбетов?

— Я никогда его об этом не спрашивал. Говорили, что он должен возглавлять институт...

— Рекомендовался ли Камал экстрасенсом?

— Нет. Но в этом и не было нужды! Все и так это знали! Кроме того, рекомендательное письмо главного редактора!

— Кто вам сказал о нем? Сам Досымбетов?

— Для этого он достаточно скромный. С содержанием письма меня ознакомили люди из его окружения.

— Вам показали оригинал?

— Нет. С письма были сделаны десятки, если не сотни ксерокопий. Узнал я также, что Камал занимался развитием своих способностей в известной лаборатории на Фурманном переулке и является наиболее квалифицированным экспертом по розыску людей, имеющих уникальные способности в области экстрасенсорики. Один из присутствовавших рассказал, что Камал прошел школу монашества в одном из буддийских монастырей специально для углубления наших познаний о применяемых монахами приемах психорегуляции...

Свидетель АЛЕКАНДЕ-РАТЕНАСАРУ-ТЕРО, 33 года, гражданин Шри Ланка, образование высшее, аспирант Московского университета, сенегалец, владеет русским языком, в переводчике не нуждается

— Когда мне было 16 лет, я был посвящен в буддийские монахи, до этого я был послушником. Это первая стадия монашества. Я исповедую южный буддизм. Буддийский монах должен соблюдать 226 различных правил поведения, однако при этом не обязательно полностью посвящать себя религии. Я, например, являюсь преподавателем русского языка и одновременно монахом. Главное для нас — не носить светской одежды, соблюдать правила поведения: не убивать, не красть, не лгать, не грешить, не употреблять спиртного, не принимать еду после полудня, не пользоваться парфюмерией, не носить украшений, сидеть и спать на скромных кроватях и лавках, не принимать от людей золотых вещей и денег...

Находясь в СССР, закончил филологический факультет университета. Во время учебы я с группой студентов выезжал на каникулы в Киргизию, где со мной познакомился молодой человек по имени Камал, который сказал, что интересуется южным буддизмом. Я дал ему свой московский телефон. Вскоре Камал позвонил и попросил встречи, чтобы я рассказал ему о буддизме. Мы

встретились на какой-то квартире. Из разговора я понял, что представления его о буддизме очень поверхностны. После этого он несколько раз заходил ко мне в общежитие, просил меня повести его в буддийские монахи. Я стал говорить, что не имею на это права и не уполномочен, но он не отставал от меня. Это продолжалось два года. Наконец, я решил согласиться, поставив условия, которые, как я надеялся, он не сможет выполнить. Я попросил его принести письменные согласия на его посвящение в монахи от его родителей, жены, если он женат, военного комиссариата, а также личное его заявление. К моему удивлению, он все это доставил, и мне не оставалось ничего другого, как выполнить обещание. Мы с друзьями постригли его наголо и присвоили ему имя Аннда Ананда (с ударением на первом «а»). По нашему закону, теперь за ним надо было наблюдать, чтобы узнать, как он выполняет свои послушнические обязанности, однако я на время уехал в Шри Ланка.

Еще там от своих товарищей, тоже студентов МГУ, я узнал, что Камал своими обязанностями послушника пренебрег. Остававшиеся в Москве на учебе буддийские монахи по моей просьбе несколько раз заходили к нему и потом мне писали, что Камал проводит время с женщинами, выпивает. Мы поняли, что поиски высшей стадии психического состояния человеческого сознания — нирваны — Камала не интересовали, влекла его экзотика, возможность достичь известности любым путем. Он не был тем человеком, каким хотел выглядеть в глазах окружающих. Буддийским монахом Камал никогда не был...

**Академия наук СССР
ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения**

Справка

На Ваш № 181/215 сообщаем, что Досымбетов Камал аспирантом Института востоковедения никогда не являлся и не является.

Начальник отдела кадров

подпись

Свидетель БОЙЗЕН-СОЛОВЬЕВ А. Н., 44 года, член-корреспондент Академии наук СССР, Москва

— Несколько лет назад во время отпуска в горах я перенес травму ноги. Несмотря на усилия врачей, последствия ее продолжали сказываться. Сотрудница нашего НИИ порекомендовала мне своего знакомого, владеющего секретами тибетской медицины, как она сказала, «хорошего скромного молодого человека». Им оказался Камал Досымбетов, который позвонил мне по телефону и в назначенный час пришел к нам. Он показался мне действительно скромным, интеллигентным человеком, державшимся

даже несколько застенчиво. Осмотрев больную ногу, он подтвердил, что у меня действительно задет нерв и посоветовал мне делать ванны. Кроме того, весьма ненавязчиво предложил попробовать массаж. Я согласился. Массажировал он контактным способом и после массажа у меня временно наблюдалось улучшение. По истечении определенного времени боль в ноге прошла совсем.

— Сколько раз Досымбетов массировал вам ногу?

— Два или три раза.

— Вел ли он при этом какие-то разговоры? Что рассказал о себе?

— Он из Киргизии, из семьи ученых или писателей. Точно не помню. Рассказал, что хочет поступить в аспирантуру в наш институт, на что я ответил, что буду иметь это в виду, поскольку тема, интересующая его, весьма перспективна.

— О какой теме шла речь?

— «Философская основа тибетской медицины». Об этом позднее я говорил с руководителем института, но поддержки не встретил. Надо заметить, что во время нашего разговора присутствовала моя жена, являющаяся специалистом в этих вопросах. У нее создалось весьма скептическое представление о научном багаже гостя. А когда он заговорил о вопросах, связанных с пока еще не изученными элементами человеческой психики и прочее, она сказала ему: «Чтобы судить об этом, молодой человек, надо тоже кое-что знать...» У меня создалось впечатление о нем как о весьма поверхностном человеке...

Свидетель ШАНШЕВИЧ Е. И., образование высшее, 44 года, модельер Дома моделей

— В период массового увлечения, я бы сказала, поклонения, такому виду спорта, как каратэ, я узнала о платной секции, которую вел Сильвестров, и сказала о ней сыну. Так я сама свела Максима с обвиняемыми...

— Часто ли ваш сын уезжал из дому?

— Два-три раза в год вместе с другими ребятами, которые только случайно не оказались дома в тот вечер и потому не уехали в Вильнюс вместе с Сильвестровым.

— Куда он чаще ездил?

— В Каракалпакию. К Эркабаю.

— Повлияло ли это на него?

— Уже после первой поездки Максим возвратился как подмененный. Закрывал дверь в свою комнату на металлическую палку. Никто не должен был заходить без его разрешения. Освободил тумбочку для вещей, которые привез от Эркабая — старый грязный свитер, сломанный будильник, колокольчик. Повесил портрет Эркабая...

— Потом?

— Питаться стал отдельно. Перед началом еды сосредоточивался на мантре. Много раз я и муж хотели прервать эту связь,

спрашивали сына, что у него общего с Эркабаем, которому пятьдесят, то есть почти в три раза старше!

— Видели ли вы Эркабая Юнусова? Что можете сказать о нем?

— Я видела обоих. В отличие от Камала Эркабай показался мне чем-то вроде наших юродивых. Со сниженным интеллектом. Сын с восторгом рассказывал, как Эркабай прост, как он чистил картофель, как голый купался в арыке, как, извините, мочился на площади. Постепенно сын все больше отдалялся от нас. Перед последней поездкой — в Вильнюс — связь и вовсе прервалась. Как-то однажды полусерьезно он назвал себя «человеком Камала»...

Обвиняемая МОЦКИЕНЕ Л. А., 28 лет, кандидат искусствоведческих наук, замужем, один ребенок, г. Вильнюс. Мера пресечения — подписка о невыезде

— О незаурядных в целебной деятельности возможностях Эркабая и Камала я узнала от знакомых. Практически, как мне сказали, каждый из них может вылечить любого больного. При первой же возможности я поехала в Каракалпакию с мужем — Моцкисом Зигмантом и сыном Леонардасом. Мальчик подвержен простудным заболеваниям, все время с насморком. В Каракалпакии в доме Эркабая насморк и кашель практически пропадали.

— Эркабай лечил вашего сына?

— Нет, только иногда, проходя, гладил по голове, брал за руку, что-то говорил.

— Вы полагаете, это сказывалось на здоровье мальчика?

— Думаю, да. Он объяснил, что лечит не таблетками, а словом, теплотой рук, тела. Обычно мы раз в год во время отпуска ездили ненадолго в Каракалпакию, где и мне тоже становилось лучше. Исчезали недомогание, головные боли. Улучшался сон.

— Действовал на вас так же благоприятно и Камал?

— В последний раз после защиты диссертации он тоже помог мне, хотя я его прямо об этом не просила. Я заметила, что он внимательно присматривается ко мне и, как казалось, делает пассы руками в мою сторону. Вскоре я почувствовала себя лучше.

— Платили вы Камалу и Эркабаю?

— Незадолго до их ареста я сняла со своей сберегательной книжки тысячу рублей и отдала Камалу.

— С какой целью?

— Ходили слухи, что Камал и Эркабай испытывают нужду в деньгах для того, чтобы ставить опыт по изучению биополя.

— Наука у нас существует не за счет пожертвований...

— Я познакомилась с рекомендательным письмом, считала, что действую на благо людей...

— Камал и Эркабай не в первый раз остановились у вас на квартире?

— Нет, они уже бывали у нас в доме.

— Вдвоем?

— Да. Но в последний раз они вызвали еще своих друзей — Сильвестрова, Максима Шаншевича.

— Еще...

— Актера Сабира Жанзакова...

Обвиняемый ЭРКАБАЙ ЮНУСОВ, 50 лет, образование среднее, без определенных занятий. Мера пресечения — содержание под стражей.

— **Обвиняемый Юнусов**, вам объявляется фамилия, имя переводчика, участвующего в допросе... Доверяете ли вы ему производить перевод ваших показаний на русский язык и задаваемых вопросов на каракалпакский язык? Имеются ли отводы?

— Отвода не имею.

— **Расскажите кратко вашу биографию.**

— С самого начала, как родился?

— Да, вкратце.

— Я у родителей один. Были младшие братья и сестры, но они умерли. Учился слабо. Рос сильным, здоровым. Закончил десять классов. С юношеских лет стал заниматься национальной борьбой. Выступал на свадьбах, тоях. Получал призы, деньги. В тридцать лет познакомился с девушкой, хотел жениться, но родители отдали ее за другого, и молодые уехали в соседний район. Работал в колхозе разнорабочим.

— **Почему оставили работу? Когда?**

— Уже не помню. В ауле многие начали строиться. Я ушел из колхоза, стал им помогать. Мне хорошо платили.

— **Дальше.**

— Так я жил, пока в ауле не появился человек, которого называли Бабаджан-дервиш, фамилию не знаю. Он, как мне тогда казалось, был очень странный. Ходил в рваном халате, носил на шее женские украшения. Бусы, побрякушки. Мы подружились.

— **Продолжайте.**

— Бабаджан рассказал, что уже много лет нигде не работает, собирает милостыню, ни в чем не нуждается. Я ему понравился, он тоже понравился мне. Под его влиянием я бросил работу и мы стали ходить вдвоем. Обошли несколько областей. Бабаджан обещал научить своему ремеслу и выдать за меня дочь, которая жила в Ташаузе. За это я отдавал ему все деньги, которые мне подавали. Новая жизнь мне нравилась. Молиться я не умею, поэтому только делал вид, что бормочу молитвы. Бабаджан научил нескольким арабским словам, которые я должен был повторять для людей. Люди благодарили, давали один-два рубля. Некоторые говорили, что после наших молитв они стали лучше себя чувствовать, давали еще денег.

— **Пробовали вы лечить?**

— Нет, я не умею это делать.

— **Выдал ли Бабаджан за вас свою дочь?**

— Нет. За два года я видел ее всего несколько раз, да и то Бабаджан не позволял с нею разговаривать. За обман я решил

его проучить. Однажды, когда был выпивши, избил его и стал ходить один.

— Где вы собирали милостыню?

— За тридцать пять километров от нашего аула есть действующее кладбище Султан Уаис Баба, считающееся у мусульман священным. Там собирается много людей. Каждый день я стал бывать на кладбище и собирать милостыню. Люди приезжали туда семьями, предварительно зажаривали целых баранов, запасали еду. Я был сыт и ни в чем не нуждался.

— Сколько вы зарабатывали на кладбище?

— В день выходило до ста пятидесяти — двухсот рублей. Я перенял многие привычки Бабаджана, лечил от «сглаза», от ревности. Носил рваный халат, который сам себе сшил, самодельные брюки, белую шапочку из хлопка. На халат я нацепил разные значки, бусы. Люди стали думать, что я необычный человек.

— Долго ли вы так жили?

— Несколько лет, пока не познакомился с Камалом. Он приехал на Султан-Баба, с ним было еще несколько человек. Он стал говорить со мной на нашем языке, остальные ничего не понимали. Камал задал несколько вопросов из Корана и убедился в том, что я ничего не знаю. Камал — умный человек, грамотный. Родители — большие люди...

— Дальше.

— Я признался, что бродяга, обманываю людей. Мы подружились.

— Таким образом, перед вашей первой поездкой в Москву Камал уже знал, что вы никакой не экстрасенс?

— Знал.

— А киноактер Сабир Жанзаков? Ему вы тоже обо всем рассказали?

— Сабир не знал. Он верил, что мы необыкновенные люди...

Свидетель ЯСЮЛЯВИЧЮС М. И.

Продолжение допроса

— Кто был еще в тот вечер с вами на квартире Сильвестрова?

— Кроме Камала, у Сильвестрова было еще несколько человек, в том числе Лорет Моцкиене, искусствовед из Вильнюса, ее муж — Зигмант Моцкис, артист киностудии «Таджикфильм» Сабир Жанзаков с женой. Кто-то из сотрудников Института востоковедения. В конце вечера Жанзаков взял гитару, спел несколько мантр.

— Какое впечатление произвел на вас Сабир Жанзаков?

— Это начитанный, интеллигентный человек, так же, как и его жена — актриса Тереза Жанзакова. Сабир интересовался наукой, восточной мудростью, самостоятельно начал изучать китайский язык, а также буддизм, дзэн-буддизм. Как я понял, его не удовлетворяла его актерская деятельность и позиция режиссеров, которые считали, что ему под силу только роли злодеев и героев в экстремальных обстоятельствах — десантников, каратистов...

Следователю по особо важным делам прокуратуры Литовской ССР

Направляются характеристика, протоколы допросов свидетелей — работников студии «Таджикфильм» в отношении киноактера Сабира Жанзакова.

Приложение на ... листах.

Характеристика на актера киностудии «Таджикфильм» С. Жанзакова

С. Жанзаков состоял в штате киностудии в течение шести лет. За указанный период зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны как актер и режиссер. В качестве актера снялся более чем в сорока фильмах, воплотив яркие образы представителей сильных и мужественных профессий — парашютистов, десантников, моряков. В качестве режиссера снял фильм «Ремонт» по его собственному сценарию...

В последние годы сценический талант С. Жанзакова особенно расцвел, что было отмечено журналом «Искусство кино», посвятившим ему очерк «Образы героев»...

Директор студии

Секретарь партбюро

Председатель месткома

Свидетель АБДУРАЗАКОВ Х., 33 года, оператор, образование высшее, г. Душанбе

Работал с Сабиром Жанзаковым над его дипломной картиной «Ремонт». Мы снимали фильм в пустыне, недалеко от Бухары. На главные роли Сабир пригласил двух непрофессиональных актеров, которых он считал людьми необычными — наделенными мощным биополем. Вскоре они приехали. Это были Камал Досымбетов и Эркабай Юнусов. Узнав, что в фильме снимаются «супермены», вся группа сбежалась на них посмотреть. Однако ничего примечательного ни в них, ни в их поведении не было. Работали они просто плохо, репетировать не хотели: «Не нравится? Мы уезжаем!» Отказывались от дублей. Тем не менее Сабир относился к обоим с удивительным тактом, если не сказать с обожанием. Было даже стыдно смотреть, как режиссер унижается перед ними. Камал и Эркабай очень скоро раскрыли свои «идейные» позиции, которые сводились к следующему: «Долой стыд! Свободу половых отношений! Ни совести, ни морали!». При этом они ссылались на какие-то философские учения. Первыми садились к столу, могли все съесть сами. Сабир называл их «людьми космоса» и «святыми», в действительности они были распущенны, грубы, неопрятны. Особенно Эркабай. Говорили по-русски мало. В основном: «Дай рубль...» Камал учил: «Надо жить, как хочется, делай, что хочешь». Сабир их содержал, даже повздорил из-за них с женой. Он говорил, что они помогают ему и ей освободиться от комплексов, стать полноценными людьми. Камал, мне казалось, издевался над Жанзаковым, делал все, чтобы вывести его из себя и, как я считаю, глубоко

завидовал его актерской известности, положению постановщика. Когда я говорил Сабиру об этом, он не соглашался, объяснял, что помогает ему стать волевым, сильным, содействует его творческому росту. Надо сказать, что Жанзаков не был удовлетворен своей прошлой работой в кино, когда его считали нетипажным для местного кино и он годами находился в простое или снимался в ролях простых, одноплановых, требовавших в основном его мастерства каратиста, чемпиона республики. С помощью Камала и Эркабая Сабир как режиссер хотел сделать тонкую психологическую картину, но этого не получилось. Камал и Эркабай жили за его счет, пьянствовали, делали циничные предложения женщинам, появлялись на съемки нагишом. Если бы не отношение к ним Сабира, их давно бы посадили. А здесь относились к ним как к безобидным дурачкам...

Потерпевший ЛАУРЕЦКАС П. З.

Продолжение допроса

— Какие взаимоотношения сложились у вас с Камалом со времени вашего первого знакомства в доме Сильвестрова, и чем объяснить происшедшую метаморфозу?

— В начале нашего знакомства с Камалом Досымбетовым мы с женой больше слушали, нежели говорили. Жена как биолог также интересуется влиянием биологических объектов друг на друга. Поэтому мне показалось, что мы все трое обрадовались знакомству. Скорее всего, так и было. Я надеялся с помощью Камала проникнуть в суть восточной философии, овладеть секретами психорегуляции, на которые без наставника — Учителя — могли уйти годы. Камал же, как я понял, увидел во мне человека, уважаемого в своем кругу, который может стать распространителем его взглядов в регионе, в данном случае в Вильнюсе. Поэтому он был особенно предупредителен с нами, пригласил на конференцию в НИИ востоковедения, несколько раз звонил нам в Вильнюс.

— Что он говорил вам по телефону?

— Вообще ни о чем, говорил, что пытается чего-то достичь в области психорегуляции. Был довольно ироничен к себе, ненавязчив.

— Так было всегда?

— К сожалению, нет. Примерно год назад я стал замечать у него жажду власти, появилась манера вести себя подобно императору. Он стал демонстративно навязывать свою волю. Если кто-то позволял себе с ним не соглашаться, выходил из себя по малейшему поводу. Даже в мелочах требовал, чтобы его слово было последним. Формировалось что-то вроде секты Камала. Было и другое нововведение: «Нечего приезжать без денег!..»

— Какие события этому предшествовали?

— Наш приезд в его родной город Талас. Когда мы с женой приехали, в доме уже было много людей, в том числе и наши знакомые по Вильнюсу — самые рьяные поклонники Камала — Лорет Моцкиене, искусствовед, с мужем Зигмантом Моцкисом, Штройс,

молодые девочки, учащиеся техникума. Разговор на научные темы в таком коллективе не получался, да Камалу и не о чем было говорить. Иногда он изрекал какие-то истины. Эркабай в основном занимался пловом. Я всегда смотрел на него как на народного умельца вроде Насреддина. Кроме того, его явно интересовал слабый пол. От Досымбетова не укрылось мое разочарование в нем.

— Как протекала жизнь в доме, когда вы находились там?

— Мы были всего два дня. У меня и у жены осталось впечатление, словно все, кто там находился, ждали какого-то чуда. Но чуда не было. Подолгу сидели вечерами молча, погруженные в себя. Говорили мало.

— Платили ли вы какие-либо деньги Камалу или Эркабаю во время проживания в Таласе?

— Когда мы прибыли в Талас, к нам подошел Эркабай, спросил, есть ли у нас деньги, и сказал, чтобы мы отдали их ему. Я решил, что здесь такое правило, и все деньги, что у нас были, около двухсот рублей, отдал Эркабаю. Перед отъездом я сказал Эркабаю, что мы уезжаем, и он дал нам часть денег на покупку авиабилетов, а после моей просьбы добавил еще двадцать рублей. В целом впечатление о поездке у меня осталось очень нехорошее. Окружавшие Камала восторженные поклонницы, в том числе несколько очень молоденьких девушек из Литвы, обращали на себя внимание. Когда я попробовал поговорить с одной из самых ретивых из них, тем более что она родственница нашего знакомого, я вызвал недовольство Камала.

— С кем вы общались в Таласе?

— Вместе с нами там находился киноактер Сабир Жанзаков с женой. Жены наши сразу же нашли общий язык и Вильгельмина пригласила Терезу в гости в Вильнюс. Мне был интересен Жанзаков, по-видимому, я ему тоже, но он старался держать себя нейтрально и в то же время, как я заметил, боялся разозлить Камала и почти унижался перед ним, доказывая свою лояльность. Этого я не мог понять.

В Таласе что-то произошло. Когда мы уезжали, Камал холодно кивнул — он не простил мне независимого поведения. Но я не нуждался в Камале, ибо понял, что знания его довольно поверхностны и он не тот человек, за которого себя выдает.

Короче говоря, мы быстро уехали. Да! Еще я обратил внимание на то, что Камала окружает несколько парней в черных куртках, которые вели себя странно, производили впечатление телохранителей, молчаливых послушников; им откровенно нравилось впечатление, которое они производили, — роботов... Явно с молчаливого одобрения Камала они игнорировали меня и мою жену, демонстративно прекратили с нами здороваться. А один — по-моему Максим Шаншевич — сказал довольно громко, чтобы мы слышали: «Мы люди Камала. Остальным нечего здесь делать...» «Люди Камала...» Нам стало не по себе. Тогда мы с женой еще не знали, что очень скоро они ворвутся в наш дом...

КАРТА ВЫЗОВА

Время приема сообщения 13 час. 22 мин.
Время выезда 13 час. 24 мин.

Сведения о больном
(Нужное подчеркнуть)

Больной обслужен:

- не был на месте
- отказался от помощи
- вызов ложен
- пациент практически здоров

Адрес не найден:

- из-за плохого освещения
- отсутствия нумерации домов
- бездорожья
- Смерть до прибытия

Свидетель СТОЛПОВСКИХ М. Г., 56 лет, зам. главврача больницы, Москва

— Несколько лет назад в нашей больнице лечился Камал Досымбетов по поводу остаточных явлений травматического характера. В больницу он попал по рекомендации его дяди — ученого из Академии наук, проживающего во Фрунзе. Досымбетов показался мне застенчивым, серьезным юношей. Два-три раза разговаривал со мной по поводу своего здоровья. Узнав, что моя жена — специалист по вопросам иглоукалывания, просил меня рекомендовать ей его для дальнейшего лечения после выписки. Несколько раз затем я видел его в лаборатории жены, после чего он надолго исчез из моего поля зрения. И вот однажды на вечере в редакции центрального журнала, куда меня пригласили, я вдруг увидел Досымбетова в роли ученого, «человека феноменальных способностей». Меня очень удивило, что больного мальчика кто-то может всерьез воспринимать как специалиста по восточной медицине, Учителя!

— **Чем вы можете это объяснить?**

— Лишь одним — малодоступностью сведений о восточной медицине, недостаточной информированностью интересующихся.

— **Как себя повел Досымбетов, увидев вас в редакции?**

— Вначале он как будто ступешевался, но взял себя в руки и дальше вел себя вполне непринужденно. По-видимому, ему присуще умение быть в центре внимания, производить нужное впечатление на окружающих. Его можно было сразу понять, хотя он не говорил прямо, выбирал соответствующую форму. По сравнению с ним Эркабай выглядел как большой простодушный ребенок.

— **Что вы можете сказать о так называемых экстрасенсах?**

— Увы! До сих пор не проведено квалифицированной государственной клинической проверки, которая дала бы однозначный ответ: есть лечебный эффект воздействия экстрасенсов на пациентов или нет? А шарлатаны этим пользуются!

- Поддерживали ли вы личные отношения с Досымбетовым?
- Никаких, кроме тех, о которых я сейчас сказал.

Обвиняемая МОЦКИЕНЕ Л. А.

Продолжение допроса

— Понятно ли вам обвинение в заранее не обещанном укрывательстве преступления — убийства, совершенного с особой жестокостью в присутствии вас и вашего мужа? Что вы можете пояснить по этому поводу?

— В марте Камал позвонил из Москвы и сказал, что хотел бы приехать в Вильнюс отдохнуть и полечиться, что у него расхались нервы, потому что Эркабай провел его через стрессы, унижения, заставлял нищенствовать... Все в таком духе. Мне не хотелось, чтобы он приезжал, мы с мужем хотели пожить спокойно. Но что-то было в его голосе жесткое, злое. Я поняла, что он все равно приедет. И от этого только произойдут еще большие недоумения и неприятности.

— Он приехал один?

— Да. Первые несколько дней он провел у своего знакомого Штройса, врача, тоже интересовавшегося проблемами восточной медицины. Потом он попросил свою знакомую, которой предварительно дал на проезд деньги, слетать в Каракалпакию за Эркабаем. Штройс говорил, что Камал все вечера проводил дома, никуда не ходил. И хотя о его приезде в Вильнюс знали его знакомые, никто не пожелал с ним встретиться, чего раньше практически не могло быть.

— Дальше, пожалуйста.

— Когда приехал Эркабай, он тоже остановился у Штройса. Теперь стали раздаваться звонки. Эркабая благодарили за гостеприимство в Каракалпакии, приглашали в гости.

— Одного или вместе с Камалом?

— Вдвоем. Но Камал, как правило, отказывался от визитов, потому что эти люди не желали его видеть в те дни, когда Эркабая не было в Вильнюсе.

— Это достоверно известно?

— Да. Несколько раз он звонил мне, был откровенен, смущен случившимся. Жаловался на то, что Эркабаю не оказывается почет, соответствующий его возрасту. Потом он рассказал, как его унизили в доме Уромонаса...

— Художника?

— Да. Он тоже считался его учеником и даже несколько дней гостил у него в Таласе. Уромонас будто бы там жил бесплатно, получил у Эркабая деньги на проезд, что-то еще. По-моему, брюки. В пути он поистрепался... Дело не в этом. В доме Уромонаса возник острый разговор, в котором также приняли участие Пранас Лаурецкас, физик (он давно уже и заметно отходил от Камала), и Шлижиус. Пранас при всех заявил, что знания Камала весьма поверхностны и прочее. А когда Камал неэтично повел себя в отношении одной из присутствовавших, Уромонас пригрозил избить

его. Так, по-моему, кончился тот вечер, когда Камал на улице случайно встретил Зигманта...

Обвиняемый МОЦКИС З. Г., 29 лет, образование высшее, архитектор. Мера пресечения — подписка о невыезде.

— В конце марта, незадолго до того, как все случилось, на улице Антакальнё я случайно встретил Камала и Эркабая на стоянке такси. Я заметил, что Камал чем-то расстроен, Эркабай был, как всегда, невозмутим. Я понял, что с ними что-то произошло, спросил, в чем дело. Камал ответил, что несколько человек, которых я знаю, оскорбили его и теперь он не знает, кто остался ему другом, кто — нет. Моя жена и я всегда относились к Камалу с большим уважением, и он тоже никогда не причинил нам никакого вреда, держался корректно и вежливо. Кроме того, мне было известно, что он согласовал свой приезд в Вильнюс с моей женой, поэтому я предложил ему располагать нами. Камал смягчился, сказал: «В вас я всегда был уверен...» Я спросил, надолго ли он прибыл в Вильнюс. Он ответил, что должен расставить акценты в своих отношениях с людьми, которые повели себя не должным образом. Я поинтересовался также, как продвигается его научная работа, но Камал ответил, что сейчас у него другие заботы, и если мы не отменили своего приглашения, он хотел бы переехать к нам. В конце разговора, когда мы уже ехали в такси, он сказал, что вызвал в Вильнюс своих учеников-каратистов, которые помогут ему расчитаться с обидчиками.

— Назвал ли Камал тех, кто должен был прибыть?

— Да. Шаншевич Максим, Сильвестров.

— Кого-нибудь еще? Припомните.

— Сабира Жанзакова.

Обвиняемый ШАНШЕВИЧ М. Г.

Продолжение допроса

— Это было вечером, в пятницу. Мать сказала, что меня разыскивал Сильвестров. Отношения у меня в семье в это время были натянутые, мы почти не разговаривали. Я знал, как матери не хочется, чтобы я снова встретился с Сильвестровым, но у нее свои принципы. Она очень гордилась принципиальностью, а я в этом видел еще один способ меня унижить. Поэтому я сразу при ней позвонил Сильвестрову. «Еще несколько минут и ты меня бы не застал, — сказал сен-сей. — Звонил Камал, просит меня и кого-нибудь из ребят срочно прилететь в Вильнюс, у него неприятности. Не знаешь, кто свободен?». «Я полечу, — сказал я, — у нас как раз сегодня стипендия». «Встретимся на аэровокзале через час, только не знаю, как с билетами». «Не беспокойся!..» Я заметил: стоило мне поехать к Камалу или Эркабаю или, скажем, они меня куда-нибудь посылали — всегда в автобусе, в самолете оказывались места, или был продукт, который им требовался. Так было и в этот раз — именно два билета на ближайший рейс! Редкая удача!

— А вам не кажется — то, что вы в Вильнюсе вместо несколь-

ких дней нах
такая уж уд
— Я не по
— И впер
— Да, не
— Что ва

валось?

— Надо
неуважение
только вдвое

заков, котор

— Где вы

— Нам п

них двухком

вторую, боль

спальных ме

— Как Ка

— Он пор

жил Уромон

Эркабай дал

его ударить»

— Избита

— Камал

— Как вы

— Мне п

ученикам. Х

— Но ве

вам избить

— Я вер

даст. А пото

Учителю?

— Карма

— Потом

то, что он ст

— Как в

— Он да

что должен

мал приказ

ударь, если

— После

— Все е

нате находи

монасу, воз

— Это и

— Мы е

— Ему т

— Да. З

Михалауска

и Сильвестр

ких дней находитеcь уже год по вине Камала и Эркабая — это не такая уж удача!

— Я не подумал об этом.

— И впереди...

— Да, не подумал.

— Что вам рассказал Досымбетов в Вильнюсе? Что ему требовалось?

— Надо было проучить нескольких людей, демонстрирующих неуважение к нему и Эркабаю. Он пожалел, что мы приехали только вдвоем, но сказал, что завтра придет еще и Сабир Жанзаков, который находится на съемках, но все равно придет к нам.

— Где вы остановились в Вильнюсе?

— Нам предоставили площадь Лорет и Зигмант Моцкисы, у них двухкомнатная квартира в центре. В одной жили они сами, вторую, большую, уступили нам. Вчетвером мы спали на полу в спальных мешках.

— Как Камал предполагал проучить недругов?

— Он поручил мне поехать на другой день на Антакальнё, где жил Уромонас, и потребовать у него долг — сто рублей, которые Эркабай дал ему в Таласе. «Потом, — сказал Камал, — ты должен его ударить».

— Избить?

— Камал сказал «ударить»!

— Как вы себе представляли происходившее? Что это?

— Мне показалось, что Камал устраивал испытание нам, своим ученикам. Хотел знать, может ли он на нас положиться.

— Но ведь вы взрослый человек! А если бы Камал приказал вам избить вашу мать?

— Я верил Камалу. Я считал, что такой приказ он никогда не даст. А потом... Вы слышали о законе добровольного повиновения Учителю?

— Карма послушания?

— Потом то же испытание прошел и Сильвестров, несмотря на то, что он старше нас и ученый, кандидат наук...

— Как вы поступили в отношении Уромонаса?

— Он дал пятьдесят рублей, ста у него не нашлось. Объяснил, что должен Эркабаю именно пятьдесят, после чего я сказал: «Камал приказал тебя ударить...» «Что ж, — ответил Уромонас, — ударь, если тебе от этого будет легче...»

— После этого вы вернулись к Досымбетову?

— Все ему рассказал. В это время вместе с Камалом в комнате находился Сильвестров. Камал приказал: «Поедешь к Уромонасу, возьмешь пятьдесят рублей и ударишь его...»

— Это испытание вы прошли только на Уромонасе?

— Мы ездили еще к Михалаускасу.

— Ему тоже наносили удары?

— Да. Это, мне кажется, нужно было, чтобы перебороть себя. Михалаускас — двухметрового роста амбал, мог запросто подмять и Сильвестрова и меня.

— Чего вы хотели достигнуть, проходя испытание?

— Не знаю. Мне казалось... Вернее, Камал говорил, что, отказываясь от своего «я», переступив через него, получаешь высшую мудрость, что ли? Нирвану? Потом, находясь все это время здесь, в изоляторе, я спрашивал себя: «Может, мне просто лестно было, что я служу людям космоса, что ли? Являюсь их орудием. Ну, вроде научно-фантастических романов...»

— В основном приказания Камала исполняли вы и Сильвестров?

— Один раз вместе с нами ходил муж Лорет Моцкиене — Зигмант, но он, по существу, только присутствовал, чтобы оказать символическое уважение Камалу.

— Вас не смущало то, что никто из бывших учеников Камала не оказал вам поддержки?

— Только вначале. Но потом появился Сабир Жанзаков. Это сразу подняло настроение. Сабир — известный актер, его везде узнавали, рассыпались в благодарностях, объяснялись в любви. Ему ни в чем не было отказа — крутили фильмы, когда он просил, прерывали обеденный перерыв, давали машины...

— Как Жанзаков реагировал на распоряжения Камала?

— Сабир в первую очередь пытался их смягчить, повлиять на Камала, но это не всегда у него получалось или получалось плохо. Наоборот, стоило Сабиру взять кого-то под защиту, Камал сразу же ужесточал приказание и поручал не кому-нибудь, а именно Сабиру, словно старался сломить его волю. Сделать так, чтобы Сабир все время делал обратное тому, что ему хотелось... В этом был его метод избавления от комплексов.

Потерпевший УРОМОНАС К. С., 27 лет, образование высшее, преподаватель рисования, г. Вильнюс.

— Кто из приезжавших по поручению Досымбетова наносил вам удары?

— Всего было три визита. Сначала приезжал Шаншевич, потом его тренер Сильвестров и он, затем они приезжали встроим. Третьим был Сабир Жанзаков. Кроме того, их сопровождал Зигмант Моцкис, у которого они остановились.

— Какой силы наносили удары?

— Жанзаков — чисто символически. Я считал, что ему стыдно за ту роль, которую он, известный, в общем-то, человек, играет при Камале и Эркабае. Шаншевич и Сильвестров довольно сильно ударили по лицу каждый.

— Нанесли ли вы ответные удары?

— Нет. Я вообще не драчун, считаю, что отказом от удара можно ранить человека сильнее, чем рукой. Я сказал Шаншевичу: «Ударь, если тебе от этого будет нравственная польза...»

— Что за долг Камалу у вас образовался?

— В долгу себя перед ними я не считаю. По приезде в Талас я, как и другие, отдал все имевшиеся у меня деньги и потом часть из них получил для обратного проезда, однако Камал, по-

видимому, полагал, что я должен был оставить денег больше, имея в виду так называемый институт изучения человека, на создание которого собираются деньги.

— Но если создается институт, выделяются и фонды.

— Никто не решался сказать об этом вслух. Это означало бы открытое выступление против Камала.

— Речь шла еще о брюках...

— Действительно, Камал одолжил мне брюки, они были настолько старые, что я их выбросил в гараж. Их с трудом нашли, чтобы представить Камалу. Не думаю, чтобы все происшедшее у меня в квартире доставило ему удовольствие. Скорее, еще больше разозлило.

Обвиняемый МОЦКИС З. Г.

Продолжение допроса

— На следующий день, в воскресенье, Камал встал поздно, от завтрака отказался, долго сидел в кресле у окна, ни с кем не разговаривал. Жена дала ему кофе, он перекинулся с нею несколькими фразами насчет погоды и вроде отошел. Но и потом весь день был злобен. Правда, со мной и женой, как с хозяевами, старался держаться корректно, на остальных же метал громы и молнии. Они разговаривали между собой вполголоса, старались не попадаться ему на глаза. Создавалось впечатление, будто мы принимаем у себя то ли богдыхана, то ли императора. Казалось, Камала особенно раздражает Сабир. Жена утром достала из почтового ящика свежий номер журнала «Советский экран» с его фотографией на обложке. Сабир бурно радовался вместе с нами, только Камал, когда Сабир показал ему фото, сказал холодно: «Подумаешь...» и пренебрежительно отбросил журнал в сторону. Потом все, кроме Эркабая, стали собираться в гости к Лаурецкасу...

Потерпевший ЛАУРЕЦКАС П. З.

Продолжение допроса

— Вечером мне позвонил Камал и сказал, что хочет прийти вместе с друзьями. Визит был мне неприятен, но я не мог отказать. Тем более что с Камалом хотел прийти и Сабир Жанзаков, с которым после посещения Таласа меня связывали дружеские отношения. На всякий случай, однако, я позвонил своему другу Бангуолису и попросил его прийти. У Бангуолиса в это время находился один из его друзей, он захватил и его. Живу я довольно далеко от центра, на отшибе, транспорт по нашей улице не ходит, так что надо или идти пешком, или ехать в такси. Камал появился около 20 часов, я не видел, как они добрались, на чем. Раздался звонок, я открыл дверь — на пороге стояли Камал, Сабир Жанзаков, Сильвестров и Шаншевич, которого я тоже видел в Таласе. Жена сделала чай, подала кекс. Пока пили чай, я понял, что намерения у компании недружественные, хотя Сабир и держался по-прежнему по-приятельски со мной и с женой. Поэтому при пер-

вой возможности я снова позвонил Бангуолису и поторопил его. Вернувшись в столовую, я увидел, что опасения мои не напрасны. За столом Сильвестров и Шаншевич вели себя по отношению ко мне невежливо, игнорировали. Камал больше молчал, а когда говорил, то в основном в угрожающем тоне: «Есть возможность свернуть шею так, что никто не узнает...» И в таком духе. Как хозяин дома я старался на многое закрывать глаза, даже назвал Камала своим другом, на что тот заметил: «Если ты друг — подари тысячу рублей, подарок доказывает, насколько реальна дружба». За исключением Сабира Жанзакова, все были выпивши. Я слышал, как, улучив минуту, когда, кроме меня и Сабира, жену никто не слышал, она спросила Жанзакова, кивнув головой на стол: «Что у вас общего с ними? Это же хулиганы!» И был потрясен услышав его ответ: «Я — слуга Камала. Он — мой хозяин...»

Потерпевшая ЛАУРЕЦКЕНЕ Б. Е., образование высшее, кандидат наук, биолог

— Мой муж взглядом предупредил меня, что Камал и его компания готовятся его избить, я была к этому готова. Тем не менее, когда Камал внезапно поднялся, я была застигнута врасплох. Все пошли к выходу. Я еще раз успела сказать несколько слов Сабиру, из них он один был трезвый и порядочный. Но и он по какой-то причине весь принадлежал Камалу. Даже спросил у мужа:

— Почему ты не платишь Камалу за учение?

— Чему он может меня научить? — спросил Пранас. — Я абсолютно не нуждаюсь в его учении.

Тут все они бросились на него, сбили с ног, стали избивать. Все, кроме Сабира. Длилось это недолго, муж вскочил на ноги, крикнул, чтобы они убирались. В это время уже подходил друг мужа — Бангуолис с товарищем. Втроем они вытолкали Камала и остальных за дверь, а я, чтобы как-то разъединить Сабира с его друзьями, схватила у него шапку с головы и побежала к соседнему дому. Пока он меня искал, остальные на время куда-то исчезли и Сабир с ними не встретился. Потом вся компания вернулась без Жанзакова, снова ломилась в дом, стучали в дверь. Камал кричал, что хочет остаться у нас ночевать, но Пранас ответил, что может оставить одного его. Все продолжалось довольно долго, мы позвонили в милицию. Не дожидаясь прибытия наряда, Камал и другие скрылись.

Потерпевшая ЖАНЗАКОВА Т. И., 26 лет, образование высшее, киноактриса. На иждивении ребенок 3-х лет

— Камала знаю на протяжении последних четырех лет, как и Эркабая. Я считаю его злым гением моего мужа — актера Сабира Жанзакова. Мой муж интересовался восточной мудростью, вопросами психорегуляции и на этой почве сошелся с Камалом, которого считал ученым. Я не верила и не верю ни одному слову

Камала, одна
жу. Снимая с
Камала и Эр
рошие актер
мавшихся лент
ла мужу глав
вие, чтобы в
которых он оч
говорил мне,
ношения была
жизнь, не жда
но и сам про
считаю, что С
что Камал зн
биологической
дачи.

— В чем ж

— Сабир
физически, ид
с детства при
ных в своем
рос Камал.

— Как До

— То, что
снятии компл
его презрения
висимости от
ли и знали в
висимости от
преобладало.
с собой прос
бы мир глаза

— Давал
так называем

— Неодн
сячи рублей.

— Что в
жа в февра

— Мой м
мался разли
сильевича П
рил, что до
который в
несмотря на
ки, по прир
за Владими
человека по

Камала, однако как любящая жена старалась не досаждать мужу. Снимая свой дипломный фильм «Ремонт», Сабир пригласил Камала и Эркабая сниматься в нем, хотя на роли просились хорошие актеры-профессионалы. Из-за непрофессионализма снимавшихся лента получилась заурадной. Когда студия предложила мужу главную роль в одном из фильмов, он поставил условие, чтобы в фильме нашлись также роли и Камалу, и Эркабая, которых он очень любил и которым привык во всем верить. Сабир говорил мне, что мог бы отдать за них жизнь. Причина такого отношения была мне непонятна, поскольку Сабир прожил трудную жизнь, не ждал помощи ни от кого, пришел в кино самостоятельно и сам пробивал себе дорогу без протекций и поблажек. Я считаю, что Сабир, занимавшийся восточной философией, верил, что Камал знает способы саморегуляции, то есть мобилизации биологической энергии актера для достижения поставленной задачи.

— В чем же все-таки, по-вашему, дело?

— Сабир был защищен от людей откровенно грубых, сильных физически, идущих напролом к цели. И был уязвим для тех, кто с детства привык видеть в доме достаточно известных, признанных в своем кругу лидеров, держаться с ними на равных. Таким рос Камал.

— Как Досымбетов относился к вашему мужу?

— То, что Сабир по своей простоте принимал за помощь «в снятии комплексов», на мой взгляд, шло от ненависти Камала, его презрения и зависти к мужу, а также от понимания своей зависимости от Сабира. Он был его визитной карточкой — его любили и знали все. И вот ненависть к Сабиру и понимание своей зависимости от него колебались, и то одно, то другое периодически преобладало... Камал, пользуясь доверчивостью мужа, брал его с собой просить милостыню, попрошайничать, чтобы увидеть якобы мир глазами дервиша, а на самом деле — лодыря!

— Давал ли Жанзаков деньги Досымбетову на «контору» — так называемый Институт человека?

— Неоднократно. В последний раз Сабир передал ему три тысячи рублей.

— Что вы можете сказать о физическом состоянии своего мужа в феврале к моменту его последней поездки в Вильнюс?

— Мой муж вообще физически был очень тренирован, занимался различными видами борьбы, тренировался у Германа Васильевича Попова. В свое время был чемпионом республики, говорил, что должен был получить «дан» от Аямы в Японии — знак, который в Союзе имеют всего пять или шесть человек. Однако, несмотря на свою силу, муж никогда не вступал ни в какие стычки, по природе был миролюбив, сдержан, доброжелателен. Вслед за Владимиром Высоцким, которого очень любил, повторял: «Бить человека по лицу я просто не могу...»

Обвиняемая **МОЦКИЕНЕ Л. А.**
Продолжение допроса

— В тот вечер мы с мужем остались дома, никуда не пошли, было предчувствие чего-то тяжелого, неприятного. День был сырой, промозглый. Мне нездоровилось. Камал, Сильвестров, Шаншевич и Сабир ушли еще засветло, куда именно, не сказали. Настроение у Камала было по-прежнему плохое, никто не знал, как к нему подступиться, с какой стороны подойти. После их ухода стало совсем тягостно. Сын все эти дни был у моих родителей. Муж тоже что-то чувствовал. Обоим нам было не по себе, но мы уже не могли отказать гостям, перешагнуть через черту гостеприимства. Нам оставалось только надеяться на лучшее. Весь вечер просидели молча у телевизора. Эркабай дремал в комнате, только вставал пить чай; обычно балагур, он тоже весь день провел молча. Мы уже думали, что наши гости не придут, когда около двенадцати ночи появился Сабир. Он был совершенно трезв и, мне показалось, спокоен. У нас сразу поднялось настроение. «Камала еще нет? — спросил он. — Странно!» Эркабай ему тоже обрадовался. Поставили чай. Постепенно выяснилось, что он и остальные были у Пранаса Лаурецкаса. Но, когда стали уходить, Вильгельмина, шутя, унесла его шапку, и он оставил остальных. Когда наконец шапка благополучно к нему возвратилась, Камала во дворе Лаурецкасов уже не было, и он решил, что они уехали без него на такси.

— **Продолжайте.**

— Примерно через полчаса раздался настойчивый звонок в дверь. Позвонили раз, потом другой. Я поняла, что это Камал, что что-то случилось. Мне и сегодня не по себе, когда я вспоминаю. Словно в кошмарном сне...

— **Вот вода. Выпейте.**

— Спасибо. Как только я открыла, Камал, шедший первым, не снимая одежды и обуви, двинулся в квартиру: «Сабир здесь?» — «Да». Я ни о чем не подозревала. Увидев высунувшегося из комнаты Сабира, Камал закричал, показывая на него: «Бейте предателя!» Сильвестров и Шаншевич с кулаками бросились на Сабира. Все они были выпивши. Из комнаты выскочил Эркабай. Чтобы не отстать от других, он тоже кинулся на Жанзакова. «За что?» — спрашивал Сабир. Он только прикрывался от ударов и не пытался причинить кому-нибудь боль. Его втолкнули в кухню, потом в комнату. Время для нас остановилось. Какой-то вихрь зла ворвался в квартиру и уже не утихал до утра...

Свидетель **КОРНЕВ М. Н.**, 46 лет, образование среднее, бывший милиционер УВД, г. Вильнюс

— Когда вы получили указание дежурного ехать на проспект в квартиру Моцкисов?

— Примерно в час десять ночи.

— Оно поступило по радиации в патрульную машину?

— Да.

— Какого со
— Жильцы
ре. Соседи пыта
должается.

— Долго вы
— Шесть ми
— Дальше.

— Нас встр
подошли к двер
тился, когда я

— Вы преду
— Да.

— Открыли
— Минут

будет тишина.

ка, я и сержан

ко человек, вид

мывали диссер

помирились. П

— Знаете л

— Да, но е

дел.

— Вы обош

— Да.

— Осмотре

— Кроме в

ружи.

Свидетель

воспитательни

— В ту н

квартиры Мо

ходили на ле

вали. Начало

лось до расс

ла в дверь М

росила ее пр

цкиене сказа

как только я

лой... Когда

гие соседи. М

нам никто не

ции, что и б

я не знала.

— Как,

помощи?

— Да. О

ший фал

— Какого содержания?
— Жильцы дома жалуются на драку, которая идет в квартире. Соседи пытались вмешаться, но им не открыли, а шум продолжается.

— Долго вы были в пути к месту происшествия?

— Шесть минут.

— Дальше.

— Нас встретили мужчина и женщина — соседи. Когда мы подошли к двери Моцкисов, еще был шум, но он сразу прекратился, когда я стал стучать в дверь.

— Вы предупредили, что из милиции?

— Да.

— Открыли не сразу?

— Минут через десять, но сначала через дверь обещали, что будет тишина. Тем не менее я настоял на своем. Открыла хозяйка, я и сержант Науекас прошли в квартиру. Там было несколько человек, вид у них был возбужденный. Они пояснили, что обмывали диссертацию хозяйки и произошла ссора, но теперь они помирились. При мне пожали друг другу руки.

— Знаете ли вы киноактера Сабира Жанзакова?

— Да, но его в квартире не было. Я по крайней мере не видел.

— Вы обошли квартиру?

— Да.

— Осмотрели все помещения?

— Кроме ванной, я не подумал о ней. Она была закрыта снаружи.

Свидетель БИЛОТЕНЕ Р. Г., 46 лет, образование среднее, воспитательница детского сада

— В ту ночь на нашей лестничной клетке никто не спал, из квартиры Моцкисов неслись какие-то крики, стоны. Соседи выходили на лестницу, прислушивались. В квартире кого-то избивали. Началось это после полуночи и с перерывами продолжалось до рассвета. Примерно в три часа я не выдержала, позвонила в дверь Моцкисов. К двери подошла хозяйка — Лорет. Я попросила ее прекратить безобразие — людям завтра на работу. Моцкиене сказала, что все будет тихо, дверь не открывала. Однако как только я вернулась к себе, крики возобновились с новой силой... Когда позднее я снова вышла на лестницу, там были и другие соседи. Мы снова стали звонить к Моцкисам в дверь, но к нам никто не вышел. Мы решили позвонить дежурному по милиции, что и было сделано моим мужем. Кого избивают и за что — я не знала.

— Как, по-вашему, были ли услышанные вами крики зовом о помощи?

— Да. Один раз я явственно слышала мужской голос, кричавший фальцетом: «Мама!» и «Помогите!»

Окно кухни Моцкисов обрамляют цветные веселенькие занавески. Хотя после преступления прошло больше года, ничто не приглушило их бьющую в глаза яркую пустоту. Плоский матовый плафон под потолком напоминает уменьшенную в размерах летающую тарелку.

Можно было продолжать. Вспыхивают горячим светом «юпитеры», включают монитор, следовательно делает знак прокурорукриминалисту и его помощникам, выдвигает руку с магнитофоном — ответы обвиняемого должны звучать четко.

Выезд на место и воспроизведение обстоятельств случившегося записываются на видеопленку...

— Здесь, на кухне... — Следователь продолжает. — Тоже наносили удары.

Шаншевич кивает. Его большой, напоминающий лошадиный, глаз — матовый, чистый — смотрит не мигая, он словно не понимает, чего от него хотят.

— Да, наносили. — Шаншевич ничего не скрывает. — Так же, как в коридоре, когда мы вошли. И потом в комнате.

— Как это происходило?

— Камал говорил: «Бейте!» Мы били.

— Кто конкретно?

— Я, Сильвестров. Иногда Эркабай. Потом Камал говорил: «Хватит!» Мы переставали наносить удары.

— Покажите, где в это время находился Жанзаков и где остальные. Не замечаете ли вы изменений в обстановке? Так ли все, как было тогда?

— Не было посуды на столе, — Максим понимает вопрос буквально, между тем следователя интересует лишь то, что непосредственно связано с преступлением. — И этого тоже.

У двери — диковатая, величиной с нормальную женщину, кукла — в трениках, в выдавшем виды сатиновом халате, прошивной белокурый парик растрепан.

— Мы привезли с собой. — Это его идея — заимствовать манекен в службе, занимающейся спасением людей на водах. Следователь показывает на манекен. — Придайте ему, пожалуйста, позу, в которой находился в тот момент Жанзаков. Аккуратнее, манекен на шарнирах.

— Сейчас.

Скорбная кукла сопротивляется. Глаза ее по-прежнему закрыты. С ней приходится обращаться очень бережно: пробковая — она почти невесома, ранима, как ребенок...

— Руками Сабир прикрывал лицо.

— Он наносил ответные удары?

— Нет.

— Лично вы, в кухне... В какие части тела наносили удары?

— В предплечье. По туловищу.

По проспекту, внизу, одна за другой проходят несколько машин, скрываются в направлении Виршулишкес. Над сигнальным

фонариком одной из них показывается и мгновенно тает дымок; весна выдалась холодной, к вечеру снова морозило.

— А другие?

— Все действовали примерно одинаково.

— Сколько ударов вы нанесли?

— Не знаю, не считал.

— Десять? Сто? Это продолжалось всю ночь...

— Я был как во сне. Не помню.

— Вы отдавали себе отчет в том, что происходило?

— Я верил в Камала. Он — гуру, Учитель. В Учителе нельзя сомневаться. Я думал, он знает, что делает, и не допустит непоправимого. До конца я верил, что так надо. Рядом был Сильвестров, он делал то же. По команде Камала мы наносили удары, потом по его же команде прекращали.

— Что же было потом?

— Из кухни мы перешли в большую комнату.

— Покажите, как вы шли.

Съемку приходится прервать. Узкий коридор мешает вести видеозапись. Оперативно-следственная группа, обвиняемый, конвой, понятые, прокурор-криминалист с помощниками переходят на вторую половину квартиры, в большую из комнат. Диван перегородивает ее на две части, против дивана — кресло, на которое бросили Жанзакова.

Пока идут приготовления, Шаншевич по своей инициативе возвращается к недалекому прошлому:

— В Каракалпакии, когда мы вместе с Эркабаем просили милостыню на Султан-Бабе, Камал дома сидел читать сутры. Кажется, сутры... Мы смотрели на него как на бога!

Многое из того, что казалось ему до ареста единственно ценным и важным, потеряло смысл, а то и просто выскочило из головы. Исчезли целые блоки терминов — приводов, систем аргументации, цеплявшихся друг за друга, как шестеренки часов.

У Шаншевича задумчивое лицо, большие притомленные глаза породистого скакуна. Он смотрит ими, не мигая, словно никак не может понять, почему он здесь, а не в институте.

— Отдалило ли вас знакомство с Камалом и Эркабаем от конкурсников?

— Постепенно я отходил от ребят, общался с теми, кто интересовался теми же проблемами, что и я. Многое стало казаться мирской суетой. Камал дал мне задание: постоянно контролировать себя. Во время выпивки и потом, что бы ни делал, в каком состоянии ни находился. Все это чушь собачья...

Следователь не демонстрирует обвиняемым, даже тем, кто стал жертвой случайных и неблагоприятных факторов, своего сочувствия. Будь он учителем, он обходился бы без любимых учеников.

И сейчас он понимает: хотя в силу особенности своего характера Шаншевич, как и другие, и поддавался влиянию Досымбетова, он не был слепым орудием. Нанося Жанзакову большое ко-

личество ударов в жизненно важные органы, обвиняемый с учетом его умственного развития и достаточного опыта не мог не предвидеть наступление смертельного исхода, должен был отдавать себе отчет в своих действиях.

— Главное же, мы должны были беспрекословно слушать Учителя! Гуру!

— Камала?

— Ну да! Он утверждал, что старик Эркабай выше Раджниша!*

— А что вы думаете о них теперь? Мнение изменилось?

— Что думаю? Шарлатаны они. Оба!

Почти год, проведенный в следственном изоляторе, изменил его внешность. Шаншевич выглядит старше, над верхней губой торчат рыжеватые, на смуглом лице неожиданные, усы.

Включены «юпитеры». Следователь возвращает обвиняемого к допросу:

— Ногами наносили удары?

— Да.

— Вы были в обуви?

— Обувь я оставил в коридоре.

— Все сняли обувь?

— Кроме Камала. Он не снял ни пальто, ни перчаток, ни ботинок. Ходил, засунув руки в карманы.

— Он наносил удары ногами?

— Да. Несколько раз.

— Как именно?

— Сабир уже лежал на полу, не защищался. Камал разбежался и ударил. Как по мячу. Будто пробил пенальти. И тут все поняли — все. Это убийство! Хозяева бросились из комнаты...

— Покажите место, где были нанесены удары Камалом?

— Те, похожие на пенальти?

— Да.

— Сабир был в кресле, потом упал.

— Подойдите к манекену...

Кукла безучастно смотрит в сторону. Волосы прошивного парика тихо шевелятся, скорее всего они принадлежали когда-то блондинке, предпочитавшей вышедший из моды несколько лет назад так называемый «сассон». Ее синий поношенный халат смят на груди, понятые — пенсионного вида мужчина и женщина — стараются не смотреть в безглазое лицо. Сбоку, над манекеном, картина, написанная Моцкисом, подражание Рериху; книжная полка, томик Н. Тинбергена с характерным названием «Поведение животных».

— ...Придайте позу, в которой находился Жанзаков.

— Не могу. Я плохо себя чувствую. Извините.

* Раджниш Чандра Мохан (р. 1931 г.) — новоявленный религиозный наставник, гуру. Живет в США.

— Заканчиваем. Кто предложил вызвать «скорую помощь»?
Когда?

— Хозяйка квартиры, Лорет. Это было уже утром. Она попросила знакомого врача срочно подъехать. До его прихода мы все пробовали делать Сабиру массаж сердца.

— И Камал?

— Он тоже подходил, но в общем я его почти не видел.

— Как же экстрасенсорные возможности? Делал ли он пассы?

— Не видел.

— Что приехавший доктор?

— Он тут же сам вызвал «скорую помощь».

Свидетель РИМКУС А. А., образование высшее, медицинское, врач-реаниматор «скорой помощи»

— Кто находился в квартире, когда вы прибыли?

— На месте были супруги — хозяйка квартиры, но они толком не могли ничего объяснить, двигались словно во сне. Я понял, что всю ночь не спали. Хозяйка — Моцкиене — стала что-то говорить о том, что пострадавший пришел к ним домой уже избитый. Но следов крови на лестнице и в коридоре я не заметил, и в квартире все было убрано.

— Где находился пострадавший?

— Посреди комнаты стоял диван, он словно перегораживал ее на две части, за диваном на полу, ближе к окну, лежал мужчина.

— Кто был еще в квартире, кроме хозяев?

— Когда мы поднимались по лестнице, я видел несколько человек, сидевших на ступеньках. Когда уезжали, их уже не было. Только напротив лифта сидел странного вида мужчина в халате с бусами на шее, черноволосый, восточного типа.

— Оказали ли вы помощь Жанзакову?

— Он был уже мертв.

— Задолго ли до вашего прибытия наступила смерть?

— Незадолго: суставы свободно двигались, трупное окоченение не наступило. Я сразу позвонил дежурному милиции.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы

...На теле обнаружены множественные кровоподтеки в области головы, груди, спины, стенки живота, на руках и ногах, переломы ребер, костей носа и т. д. Всего минимум 119 повреждений. Смерть наступила от совокупности повреждений, поскольку вследствие повреждений развился травматический шок и отек мозга.

Из записей, обнаруженных в вещах С. Жанзакова:

Джидду Кришнамурти:

«...Мастера дзэн пинают и бьют своих учеников. Они выбрасывают их из окон домов. Иногда они прыгают на них. Надо всегда помнить: они не гnevаются, это тоже часть их сочувствия. Они

не гnevаются вовсе, ведь если бы они гневались, все было бы утеряно. Как тогда можно преобразить другого? Ты тогда в одной лодке с ним и вы вместе тонете. Нет, так нельзя помочь.

Гнев — тоже сочувствие, но это возможно только в Японии, ни в одной другой стране это невозможно. Нужна определенная традиция. Такая традиция существовала в течение почти тысячи лет. Поэтому, когда мастер дзен прыгает и бьет своих учеников, ученики понимают этот язык. Если я начну бить вас, вы не поймете, вы разозлитесь, вы сообщите в полицию. И это никому не поможет. Нет, вы не поймете.

В Японии это понимают. Когда мастер дзен бьет ученика, ученик принимает это с благодарностью. Вы, может быть, удивитесь, но с тех пор, как мастер избьет ученика, он становится главным учеником. Он чего-то достиг. Вот почему мастер проявил к нему такую любовь и сочувствие. Вот почему, избивая ученика, мастер его благословляет.

Ученики дзен про себя мечтают о том дне, когда мастер избьет их. Они ждут. Они молятся об этом. Они соперничают друг с другом. Но это возможно только потому, что существует давняя традиция. Странная традиция, но когда она укоренилась в подсознании расы, страны, она действенна...»

Дети «чуда»

«...Пощечины и пинки, раздаваемые учителем, здесь (г. Нагоя, Япония. — Л. С.) в порядке вещей, но бывают случаи, когда преподаватели просто убивают учеников: кого ножом, кого битами для бейсбола. Одну тринадцатилетнюю девочку учитель убил так: желая приучить ее к порядку и показать, где и в каких случаях надо снимать обувь, он прошелся по ее телу в тяжелых башмаках... Один преподаватель из Осаки несколько минут продержал своего провинившегося ученика в подвешенном состоянии за окном четвертого этажа...».

*Из еженедельника «Панорама». —
Литературная газета, 19 марта 1986 г.*

Из заключения специалиста
сотрудника межреспубликанского филиала Института научно-го атеизма АОН при ЦК КП Литвы Семенова Т. Р.

Работы Д. Кришнамурти (1895 или 1897—1986), индийского религиозного мыслителя и поэта, объявленного теософами в 1910 году новым учителем мира, носят сугубо мистический характер, весьма абстрактны. Истина, по Кришнамурти, раскрывается только интуитивно, в состоянии свободного «излияния» личности, чему препятствует любая законченная философская и религиозная система.

Свидетель СУПРУНОВ А. М., 43 года, образование высшее, библиограф

— Около полугода я занимался корейской борьбой «теквондо» вместе с Жанзаковым. Мое мнение: «Сабир верил в то, что Камал знает тайну «кими», «чи», как называют ее китайцы, или «ци». В тайну так называемой жизненной силы. Без овладения ею нельзя стать выдающимся мастером. То есть необходимо добыть биоэнергию, которая, как некоторые считают, присутствует в каждом человеке, дополнительную силу. Судите сами, борец пробивает рукой бревно или метровую толщу шифера. Никакими физическими законами нельзя это объяснить, рука обязательно должна сломаться. Этот феномен трудно объяснить, как нельзя объяснить, почему хождение по горячим углям у иных людей не оставляет ожогов. Учитель — гуру открывает тайну «кими» не каждому. Это опасно — научиться управлять биоэнергией. Эту тайну Сабир хотел получить, а для этого должен был пройти путь испытания, путь отказа от собственного «я». Так было в ту ночь. Камал внушал: «Ты сильный, можешь всех расшвырять — и Сильвестрова, и Шаншевича, и Эркабая! А ты терпи! И сноси их удары. И терпи, если тебе говорят, что ты трус, что ты струсил и убежал, когда началась драка у Пранаса Лаурецкаса. Смирись гордостью, проси милостыню, унижайся!» В то же время это был урок Сильвестрову и Шаншевичу: «Ты должен преодолеть страх, ты бьешь чемпиона по каратэ!..» По-моему, это все — трагическая ошибка на пути познания. Я по-прежнему верю в Камала, Эркабая. Это мое личное мнение.

Свидетель САБУРОВ М. Р., старший научный сотрудник НИИ Академии наук СССР, заслуженный мастер спорта СССР

— Несколько лет назад я в качестве тренера вел занятия по корейской борьбе «теквондо». В числе других спортсменов занятия посещали также Сильвестров и Сабир Жанзаков, который в то время учился в Москве на высших режиссерских курсах. В плане теквондо Жанзаков получил многое. В том числе боевую и танцевальную технику. Про Сильвестрова этого не скажешь, невзирая на то, что он сам был тренером. Есть люди небольшого роста, но крепкие. Сильвестрова назвать крепким было нельзя.

— Приходилось ли вам встречаться с Камалом Досымбетовым?

— Мне довелось его видеть дважды. Один раз Сабир Жанзаков привел его ко мне домой...

— Что вы можете сказать об этих встречах?

— Это были как бы встречи с двумя разными людьми. Первый — Камал Досымбетов — был плохо одет, не от мира сего. Поминутно впадал в транс. Под стать была и легенда. Она, в общем-то, обычная: рос хилым, болезненным. Приговор врачей — «не жилец...» Но попал к старцам, несколько лет убирал за ними грязь, плевок. «Путь к вершинам нелегок...» Буддийский монастырь, годы послушничества... Я заметил, что Жанзаков относился ко всей этой галиматее с детским восхищением. «Детство после детства...»

— Как вы встретились во второй раз?

— Это было в Комитете по науке и технике. Второго Досымбе-

това я не узнал: в костюме, сорочке, галстук. Абсолютно современный, перспективный, преуспевающий. Говорят: «много масок — нет лица...»

— Один из свидетелей объясняет зависимость Жанзакова от Досымбетова тем, что тот помог Жанзакову овладеть так называемой тайной жизненной энергии — «кими», или «чи», как называют ее китайцы. Без овладения ею якобы невозможно получить дополнительную силу...

— Это тема серьезного разговора. И не все в ней ясно. Конечно, женщина, спасая ребенка, может сдвинуть с места огромный тяжелый шкаф. Можно искусственно привести себя в это состояние. Убегая от собаки, даже неподготовленный человек развивает большие скорости... Что же касается боевого единоборства, то к нему уже давно подключен коммерческий интерес. Цирковые моменты. Разбивание бревна или метровой толщи шифера... Во время одной из поездок во Францию бойцы Аямы везли с собой вагон специальных досок для разбивания. Если учесть, что они решили воспользоваться своим материалом, несмотря на то что во Франции дерево не такой уж дефицит, видишь в этом некий смысл. Все это обнаружилось, когда доски по какой-то причине не прибыли к месту выступлений.

— Мог, по-вашему, Жанзаков верить в то, что Досымбетов научит его все-таки пользоваться какой-то дополнительной силой, сделает феноменальным бойцом или выдающимся киноактером?

— В начале их знакомства — безусловно. Я вспоминаю, с какой детской верой он слушал его...

Переводчик МУЛЕТДИНОВ Э., 22 года, курсант, ст. сержант, г. Вильнюс

— Он говорит, — Мuletдинов показывает на Эркабая, — что Камал очень надеялся на Жанзакова. Сабир за границей снимался, должен был деньги получить... — Курсант говорит с напором, у него гладкие щеки без растительности, аккуратный курсантский чубчик, он не знает полутон и каждую фразу начинает одинаково. — Он говорит, много должен был денег получить, заплатить Камалу за учение.

— **Спросите: что значит «много» и что «мало»? Какая разница?**

Мuletдинов задает вопрос Эркабаю, серьезно выслушивает ответ.

— Много — значит пятьсот или тысяча, а мало — значит пять или десять рублей...

Эркабай серьезно кивает: за время, проведенное в следственном изоляторе, он заметно улучшил свой русский язык:

— Пять или десять — это очень-очень мало!

«Как же они не разобрались в нем — те, кто проходят сейчас свидетелями, люди с высшим образованием, профессора, доценты... — Следователь не раз ловит себя на этой мысли. — Примитивность бьет в глаза... — Он вспоминает статьи в «Литературной

газете», мнение известного психотерапевта — «Эффект пустышки». Вокруг только и слышно было: «Камал! Эркабай!» В каждом изреченном ими слове искали второй — огромный — смысл...

Эркабай что-то говорит переводчику, незнакомо — жестко, не по-русски жестикулирует. Переводчик снова внимательно слушает. На этот раз Эркабай говорит дольше обычного. Глубоко посаженные глаза смотрят серьезно, их окаймляют густые брови; красиво очерченный нос симметрично делит благообразное лицо; сейчас Эркабай похож на подсобного рабочего продуктового магазина.

— Он говорит... — Переводчик оглаживает китель — китель его притален, курсант заботится о внешнем виде. — Камал — большой человек, он сказал, чтобы Эркабай держал себя при посетителях важно, следил за осанкой, больше молчал. Тогда посетители сами будут давать подарки. Надо вспоминать не только «Аллаха», но и «космос», ходить в длинной рубахе со своим изображением на значке. Делать вид, что изучаешь труды Маркса, Ленина...

В известный ему одному единственный момент, который следовательно для себя безошибочно определяет, он подсаживается к машинке и быстро обеими руками печатает. Кажется, лавина ударов обрушивается на каретку. Переводчик, по его знаку, берет уже отпечатанный предыдущий лист протокола, начинает читать. Обвиняемый закуривает. Сизый дым дешевого табака ползет по кабинету.

Так же стремительно следовательно внезапно ставит точку.

— Он говорит, — снова начинает переводчик, — Камал рассказал про знаменитого дервиша Раджниша. Раджниш купил дом за шесть миллионов, собственный самолет. Камал прислал медальон с его фотографией...

«О чем вы думали?.. — следовательно, машинально кивая, думает о другом. — Вы, рекомендовавшие Эркабая как исключительную личность, создавшие рекламу лжепророку, толкнувшие в расставленные Досымбетовым сети людей недостаточно развитых и нуждающихся в руководителях? Как будете смотреть в глаза людям!»

Сам он в эту минуту точно в воду глядит — ни один из многочисленных влиятельных рекомендателей и поклонников «экстрасенсов» не явится на заседание Верховного Суда Литовской ССР, который будет рассматривать дело. Их показания будут оглашены под нелестные комментарии присутствующих, а суд вынесет частные определения в адрес Союза писателей и некоторых других организаций.

А пока Эркабай через переводчика завершает свои показания:

— А еще? Камал обещал: если я буду собирать деньги на Институт человека, он познакомит меня с государственными людьми и в будущем, когда станет директором, возьмет на работу и будет платить 200 рублей в месяц...

Из заключений комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз:

«...При судебном психолого-психиатрическом обследовании обвиняемого Шаншевича М. Г. выявлены индивидуально-психологические особенности личности с некоторой поверхностностью мышления, чертами личностной незрелости в виде неустановившихся и несамостоятельных взглядов с имитацией образцов поведения субъективно авторитетных лиц. Однако усугубленные состоянием алкогольного опьянения эти личностные черты, хотя и не лишают его способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, могли найти отражение в мотивации и особенностях поведения Шаншевича М. Г. при совершении умышленного убийства С. Жанзакова...»

«Проведенное психолого-психиатрическое обследование выявило у Сильвестрова В. С. признаки внушаемости по отношению к субъективно авторитетным лицам К. Досымбетову и Э. Юнусову, однако эта внушаемость не является патологической, все мотивы его поведения в момент избиения С. Жанзакова полностью аргументированы. У Сильвестрова В. С. не отмечается признаков заболевания и его следует считать вменяемым...»

«...В акте стационарной судебно-психиатрической экспертизы, проведенной ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского в отношении К. Досымбетова, указано, что в последние годы у него выявились такие особенности психики, как эгоцентризм, переоценка своих возможностей, поверхностность и нестойкость увлечений, стремление привлечь к себе интерес и склонность к вымыслам. В период инкриминируемых ему деяний у К. Досымбетова не отмечалось признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности. К. Досымбетов, используя свои психические особенности, оказал определенное влияние на обвиняемых, которые в силу своих личностных особенностей поддавались его воздействию...»

Свидетель ЖУРАВЛЕВА А. А., медик, образование среднее

— С моим призванием связаны представления о неисчерпаемых возможностях человеческого организма, в том числе и многих таких, о которых мы даже не подозреваем. Я напоминаю людям, что здоровье каждого человека находится в его собственных руках. Человек сам в состоянии создать непреодолимую преграду хворям и немощи. В связи с этим я часто выступаю в различных аудиториях, где меня просят продемонстрировать мои способности в нетрадиционных способах лечения, умении считывать руками информацию о самочувствии другого человека. Долгое время я работала старшим научным сотрудником в лаборатории радиоэлектронных методов исследований биологических объектов Академии наук СССР, сейчас я обучаю своей методике медицинский персонал в одном из профилакториев.

— Знаете
отношения
— Прими
знакомился
боли. Нескол
личные отно

— Дари
на ней была

— Имя м
ступаю как
на встречах
Не исключен
бетову и сде

— Когда
— Прими
тиру без пре
которого пре
тысячу рубл

Из поста

«...Камал
ние, общест
ходил на
роники и би
ми лечения.
нял слухи
г. Москве,
участие в р
ловека, на
обещал сод
в творчески

За так
закова ден
чальных ко
роника».

...Будуч
Сильвестро
мести за о
каса П. З
119 ударов
ну, руки, и
роны груд
мозга и
шока, с о
нением по
Жанзаков
6 ст. 105

— Знаете ли вы Камала Досымбетова? Какие у вас с ним взаимоотношения?

— Примерно в 1979 году в один из приездов в Москву он познакомился со мной и пожаловался на систематические головные боли. Несколько раз звонил мне по телефону. Переехав в Москву, личные отношения я с ним не поддерживала.

— Дарили ли вы ему свою фотографию и какого содержания на ней была сделана надпись?

— Имя мое получило большую известность, кроме того я выступаю как поэтесса и художник. Снималась я также в кино. И вот на встречах меня часто просят подарить фотографию с надписью. Не исключено, что я могла подарить фотографию и Камалу Досымбетову и сделать надпись на ней — такую, какую он просил.

— Когда вы виделись с Досымбетовым в последний раз?

— Примерно два-три года назад. Он пришел ко мне на квартиру без предварительного предупреждения с пожилым мужчиной, которого представил как своего учителя, и пропросил дать займы тысячу рублей. Таких денег у меня не было, и я ему отказала.

Из постановления о предъявлении обвинения

«...Камал Досымбетов, имея высшее экономическое образование, общественно полезным трудом не занимался, постоянно находился на иждивении родителей. В бывшей лаборатории биоэлектроники и биоэнергетики познакомился с нетрадиционными методами лечения. С целью извлечения нетрудовых доходов распространял слухи о себе как о специалисте в области биоэнергетики в г. Москве, республиках Средней Азии и Прибалтики. Принимал участие в различных мероприятиях, где выступал в качестве человека, наделенного исключительными способностями, за плату обещал содействие в овладении биоэнергией с использованием ее в творческих целях.

За так называемое обучение получил с потерпевшего С. Жанзакова деньги в общей сложности не менее 6000 рублей, два обручальных кольца, двое часов марки «Ориент» и одни марки «Электроника».

...Будучи в состоянии алкогольного опьянения, совместно с Сильвестровым В. С., Шанцевичем М. Г. и Юнусовым Э. с целью мести за отказ С. Жанзакова от участия в избиении гр. Лаурецка П. З. на квартире гр. Моцкис путем нанесения не менее 119 ударов кулаками и ногами потерпевшему в голову, грудь, спину, руки, ноги с последующими переломами 4 ребер правой стороны груди и костей носа, кровоизлиянием под мягкую оболочку мозга и желудочка с последующим развитием травматического шока, с особой жестокостью — длительностью избиения и причинением потерпевшему тяжких мучений — умышленно убил Сабира Жанзакова, т. е. совершил преступление, предусмотренное пп. 3 и 6 ст. 105 УК Литовской ССР...»

Обвиняемый **ДОСЫМБЕТОВ КАМАЛ**, 33 года, образование высшее, экономист, без определенных занятий. Мера пресечения — содержание под стражей.

— Вам понятно, какие преимущества дает чистосердечный рассказ о случившемся?

— Понятно. Вы объяснили!

— Все ясно?

— Да.

— Что вы хотите предварительно пояснить в связи с предъявленным обвинением?

— Я ничего не помню. Помню только, что пришел в себя и вижу — его бьют.

— Где?

— В квартире.

— **Квартира Моцкисов большая.**

— Во второй комнате.

Камал предпочитает молчать, отвечает односложно. Следовательно приходится снова уточнять. Коэффициент полезного действия невысок.

За окном на проспекте Ленина у светофора раздается гудок машины. Досымбетов делает вид, что происходящее за окном его не интересует.

— **В большой комнате?**

— Да.

— **Кто его бил?**

— Не помню. Плохо себя чувствовал весь вечер и потом ночью. Принимал таблетки.

— **Но помните, что его били.**

— Да.

— **А что вы делали?**

— Сидел. Да, сидел. С закрытыми глазами. Мне было нехорошо, — он поправляет форменную серую курточку, поглядывает в сторону окна: воскресенье, вызова на допрос не ожидал, с утра помыл голову, боится простудиться.

Снова автомобильный гудок за окном. Близко шумный перекресток.

— **Принимали ли участие в избиении другие обвиняемые?**

— Не видел.

— **Но кто-то из них, безусловно, бил?**

— Кто-то бил. Безусловно...

Досымбетову кажется, что он знает теперь уязвимое место в уголовном процессе. «Закон, — думает он, — может пользоваться только заключениями экспертиз, показаниями свидетелей или других обвиняемых, но он бессилен против утверждений типа «не помню», «забыл», «не знаю», даже если они противоречат логике и здравому смыслу. Тут закон ничего не может сделать...»

— **Но вы наносили удары Жанзакову?**

— Не помню. Я уже сказал.

— **А кто находился рядом с вами?**

— Не заметил.

— Может, Эркабай?

— Может...

Так начинается этот долгий упорный поединок.

— ...Между прочим, я сам вызвал «скорую помощь».

— «Скорую помощь» вызвал другой человек. Он допрошен.

— Неважно. Я мог сам позвонить. Не в этом дело. Я сказал, они вызвали... Как будущий ученый, как аспирант...

— Вы аспирант?

— Я заполнил анкеты.

— Вас приняли в аспирантуру?

— Но я уже заполнил все документы! Дело в формальности...

— Все-таки! Вы аспирант или нет?

— Мне сказали, и я заполнил анкеты!

Так продолжается до бесконечности.

Обычно во время допроса следователь набрасывает что-то в лежащем перед ним черновике, иногда поднимается и ходит по следственной камере, время от времени подходя к столу, чтобы снова что-то отметить. Его не отвлекает металлический стук дверей, решеток, непрерывные звонки дежурной. Иногда он подходит к окну, смотрит на улицу так же внимательно, как глядит на подследственного.

Он может только предполагать, какой длинный путь отделяет этот его первый допрос Камала Досымбетова от последнего допроса, от того дня, когда уже в качестве государственного обвинителя ему придется поддерживать обвинение в Верховном Суде республики, от дня вынесения приговора Досымбетову.

— Подумайте, — предлагает он. — В ваших же интересах отменные ставки с другими обвиняемыми. С Шаншевичем и Сильвестровым, которых вы вызвали из Москвы для наказания Уромонаса, Лаурецкаса. С супругами Моцкисами. Даже с Эркабаем...

Подумав, Досымбетов решит не ожесточать бывших учеников. И вообще предпримет ряд шагов, попытается даже получить разрешение на брак. Все это в какой-то мере повлияет на приговор: вместо высшей меры — пятнадцать лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима и пять лет ссылки.

Старший следователь по особо важным делам Прокуратуры Литовской ССР, советник юстиции **НОРКУНАС Г. Р.**

37 лет, член КПСС, женат, двое детей, закончил юрфак Вильнюсского государственного университета, трудовой стаж 21 год, из них следователем прокуратуры 11 лет, в том числе по особо важным делам 9 лет.

Он говорит себе:

— Со своих почитателей — профессоров, академиков, популярных писателей и поэтов — Камал Досымбетов никогда не брал ни копейки. Ему достаточно было быть принятым в их обществе, возможности появиться на людях с Целительницей, с живым классиком, с почетным доктором наук многих университетов и академий.

Деньги несли другие. Ученики... Ученики, а не больные. Среди поклонников Камала почти нет больных. С чем к нему обращались? Переутомление, недомогание. И ни одного рабочего! А между двумя этими категориями — еще одна. «Первооткрыватели»! На них падала слава открытой ими знаменитости! За это им разрешалось торговать своим идолом, сдавать его в аренду нужным людям, друзьям. Те в свою очередь чувствовали себя обязанными — услуги сильным мира сего не пропадают зря: «первооткрывателей» печатают, помогают плыть в бурном житейском море. У них растут дети, внуки и о них приходится думать... Камал все это понимал, поэтому с академиком держал себя иначе, чем, скажем, с преподавателем рисования и студентками техникума. А Эркабай ему требовался лишь в самом начале рекламы, постепенно он вытеснил его, сам занял место Человека, которого следует изучать...

Он проверяет себя: задает вопросы и сам на них отвечает.

— Почему Досымбетов в Вильнюсе был особенно агрессивен?

— Здесь он фактически лишился своих последних приверженцев. Лаурецкас и другие публично объявили его профаном. Он использовал последний шанс.

— В этот день он был особенно злобен...

— Из-за фотографии на обложке «Советского экрана». Жанзаков был признанный кумир, Досымбетов известен лишь постоянно варьирующей кучке людей.

— Ошибся ли Досымбетов в актере?

— Сначала — в чем он не ошибся. Он верно рассчитал: Сабир ни при каких обстоятельствах не поднял бы на него руку. Теперь о заблуждении. В начале знакомства он принял Жанзакова за верхогляда, лишь потом разглядел его основательность. Разобравшись, понял: так просто с Жанзаковым ему не разойтись. Актер искал истину. Открыв обман, он становился потенциальным противником, и опасным. Это было бы для Камала полным провалом. И вот ситуация: король голый, час разоблачения приближается.

— Он решил отделаться от Сабира навсегда?

— Да.

— Сыграл ли алкоголь роль в случившемся?

— Безусловно. И это усугубляет вину убийц.

— Но почему Сабир — каратист, чемпион, будучи крепче и опытнее своих противников, — принял смерть, не сопротивляясь? Искал просветления?

— Кришнамурти здесь ни при чем. И жизненная энергия «чи» или «прана» тоже.

— Зависимость от Учителя?

— Да. Жанзаков считал себя виноватым: там, у дома Лаурецкаса, из-за шапки он оставил Бога в беде!

— Потому и сносил побои?

— Ему казалось, этим все и ограничится.

— И вначале не сопротивлялся...

— Как борец он был выдержан и сильно зависил болевой порог.

— А когда
— Он уже
у него были сл
— Но он е
— Он боял
мог только выз
Воскресное
ными лакиров
на по подокон
телям известна
прокуратуры и
Молчит тел
слышен по все
— Гедас! —
перь называю
ня? — За завт
дио — я смотре
бимая группа.
тельной гармо
признанный кл
«Как в пл
Разговор с лю
ром ансамбль
ватель либо и
ему обязательно
Скоро он и
всерьез заним
ностью детско
ким оркестром
му стоял во
время педагог
профессионал
— Когда
— В воссе
бых, впрочем
Не сядем без
— Не зна
щаль невозмо
ко он помнит
Однако до
включит ради
удивительную
тается воспр
его тонкий му
Норкунас
ких шагов по
Следствие
тается обвин
чений замест

— А когда пришла мысль о смертельной опасности...

— Он уже был не в состоянии сопротивляться. Только кричал. У него были сломаны ребра, перебиты хрящи носа...

— Но он еще надеялся. Он сам шел в ванную!

— Он боялся, что будет хуже. Победить их он уже не мог, а мог только вызвать новый приступ гнева, новые избиения...

Воскресное утро. Рябые голуби с розоватыми лапками и черными лакированными коготками расхаживают по ту сторону окна по подоконнику. Дальше громада старых домов, — их обитателям известна до деталей немая внешняя жизнь работников прокуратуры и давно приелась.

Молчит телефон. Через минуту он зазвонит, голос жены будет слышен по всему кабинету.

— Гедас! — Ядвига сократила звонкое «Гедгаудас». Так теперь называют Норкунаса и все сослуживцы. — Ты как сегодня? — За завтраком они не виделись, он ушел раньше. — По радио — я смотрела программу — в двадцать тридцать твоя любимая группа... — Она назовет ансамбль, отличающийся удивительной гармонией и лишь теперь, после того как он распался, признанный классикой.

«Как в плохом детективе, — успеет подумать Норкунас. — Разговор с любимой женой: «Ты рано приедешь, милый? Вечером ансамбль «Битлз»... — Он знает: в плохих детективах следователь либо изучает японский язык, либо меломан. И на работу ему обязательно звонит жена.

Скоро он и сам, пожалуй, не вспомнит, что действительно всерьез занимался вокалом, пел в пользующемся мировой известностью детском хоре «Ажуолюкас», выступавшем с симфоническим оркестром; что по окончании школы перед ним по-настоящему стоял вопрос о выборе профессии, а блистательный в свое время педагог, которого мало кто теперь помнит, разве что только профессионалы, предсказывал ему карьеру музыканта.

— Когда начало? — спросит он.

— В восемнадцать тридцать. Значит, приедешь? — без особых, впрочем, надежд продолжит Ядвига. — Мы будем ждать. Не сядем без тебя ужинать.

— Не знаю пока, — он и не заметит, что чуть было не пообещал невозможное. — Посмотрим. — Так бывает всегда, насколько он помнит свои воскресные дежурства.

Однако домой он вернется поздно. По дороге, в машине, он включит радио — иногда сквозь помехи эфира ему удастся поймать удивительную мелодию — и тогда ночью, в тишине, он попытается воспроизвести гармонический рисунок, заинтересовавший его тонкий музыкальный ход.

Норкунас поднимается из-за стола, делает несколько коротких шагов по кабинету, закуривает.

Следствие по делу об убийстве Жанзакова закончено. Ему остается обвинительное заключение. Подписан приказ о его назначении заместителем начальника следственной части. В принципе

он обязан приступить к исполнению непосредственных обязанностей.

Норкунас возвращается к столу, достает из конверта репродукцию плаката «Союзэкспортфильма», воспроизведенную на обложке журнала.

Черноволосый молодой спортсмен в кимоно демонстрирует боевой прием. Пальцы босой, вскинутой на уровень лица ноги растопырены, сбоку виден вынесенный для удара кулак. Похожие на косточки миндаля глаза жмурятся, словно от солнца.

Внизу короткая строчка по латыни. С высоты его баскетбольного роста буквы кажутся Норкунасу совсем мелкими:

SABIR JANSKOV USSR

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия
Б. Селеннов. Сердце
В. Калинин. Девушка
О. Чайковская. «Сон
М. Хазин. Несколько
А. Косенко. Помоги
Г. Полозов. Молодость
А. Безуглов. Горький
Л. Словин. Наваждение

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Б. Селеннов. Сердцем к людям	5
В. Калиниченко. Дополнительное расследование	27
О. Чайковская. «Обижайтесь на меня, не обижайтесь»	47
М. Хазин. Несколько дней из жизни следователя	57
А. Косенко. Помощник	65
Г. Полозов. Молоток на рояле	83
А. Безуглов. Горькие плоды	181
Л. Словин. Наваждение	251

Несколько дней из жизни следователя

Редакторы *О. В. Ачкасова, В. А. Терехина*
Художник *Н. С. Филиппов*
Художественный редактор *Э. П. Батаева*
Технические редакторы *А. А. Арсланова, Н. Л. Федорова*
Корректоры *Н. А. Гежа, Т. В. Шнякина*

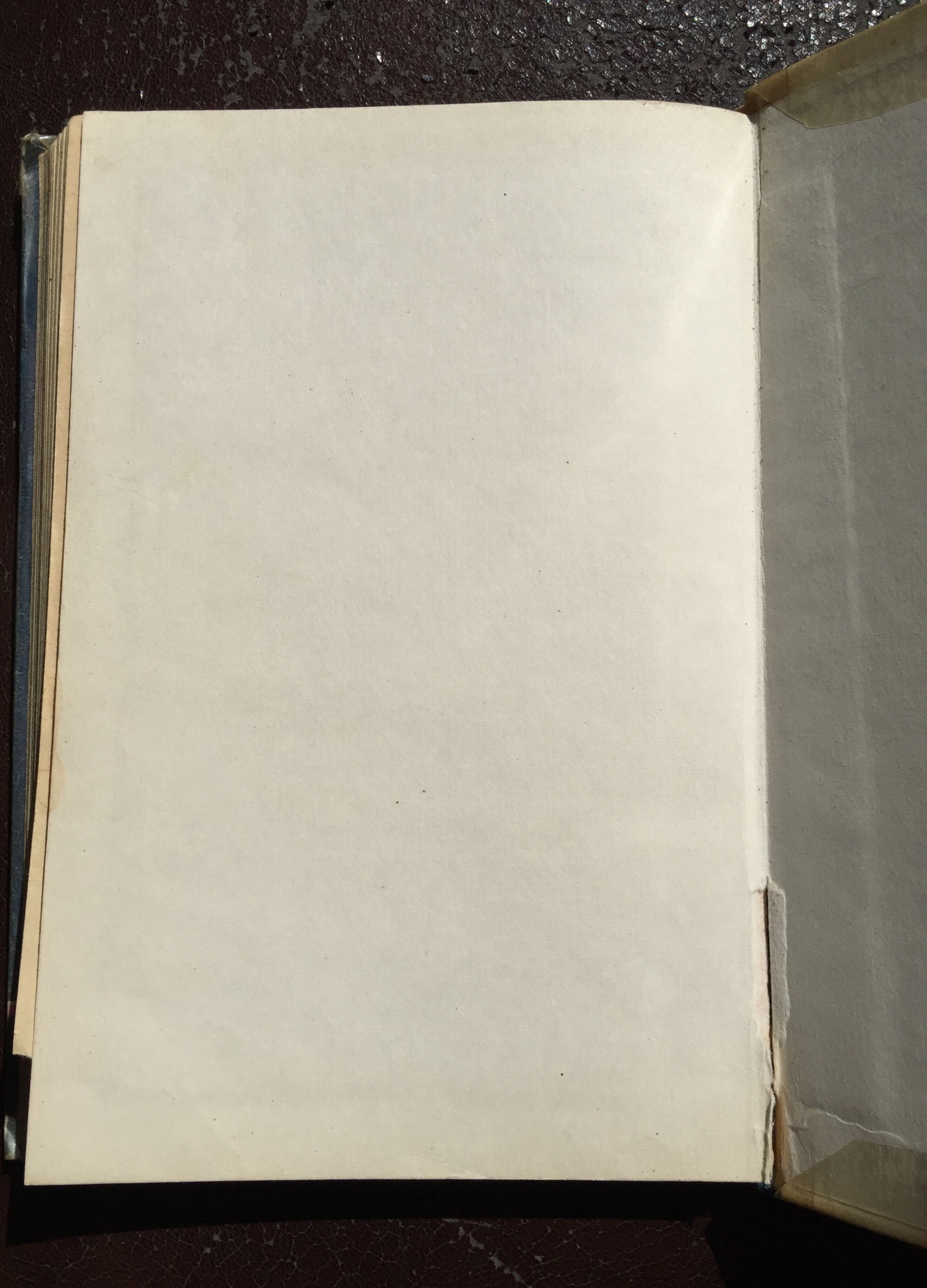
ИБ № 2017

Сдано в набор 11.08.87. Подписано в печать 28.09.87. А-12385. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 19,0; усл. кр.-отт. 19,25; учет.-изд. л. 21,58. Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150 001—300 000 экз.). Заказ № 5478. Цена 1 р. 50 к. Издательство «Юридическая литература», 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома. 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

Формат
высо-
21,58.
о. 50 к.
Кача-

й тор-
ая, 6.

1 р. 50 к.

Охотничья книга Глебова Григория Ивановича

THE BLACK TAPE PROJECT

THE **BLACK**
TAPE PROJECT

LA

КОФЕ
С СОБОЙ

2018

резидент
кофейной
карты
МОСКВЫ

КАННИБАЛ КОФЕ

ИП ИГОНИН ИВАН ЕВГЕНЬЕВИЧ
ИНН 132201958938 ОГРНИП 318132600027060

ЧАСЫ РАБОТЫ:

ПН - ПТ: 08:00 - 21:00

СБ - ВС: 09:00 - 21:00

WWW.DOGFRIENDLYMAP.RU
100%
DOG-FRIENDLY

Я
Хорошее
место

Выбор пользователей
Яндекса — 2019

119180, Г. МОСКВА,
УЛ. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. 25

HUNGRY GIRL

ВИНО И МЯСО

ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450-238,41

ВИНА от 340₽

СТЕЙК на двоих

1 кг 999₽

ВИНА от 340₽

СТЕЙК на двоих

1 кг 999₽

ВИНА от 340₽

СТЕЙК на двоих 1 кг 999₽

HOTEL

HUNGRY GIRL

ВИНО И МЯСО

ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450, 238, 41

ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450, 238, 41

ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450, 238, 41

ВИНА
ОТ

СТЕЙК
НА ДВОИХ

1 кг 999р

ВИНА
ОТ 340р

СТЕЙК
НА ДВОИХ

1 кг 999р

ВИНА
ОТ 340р

СТЕЙК
НА ДВОИХ 1 кг 999р

КАННИБАЛ КОФЕ

Нажмите Esc, чтобы выйти из полноэкранного режима

ALONE
DARK

● В ЭФИРЕ

8:06 / 1:29:03

T

●

ma

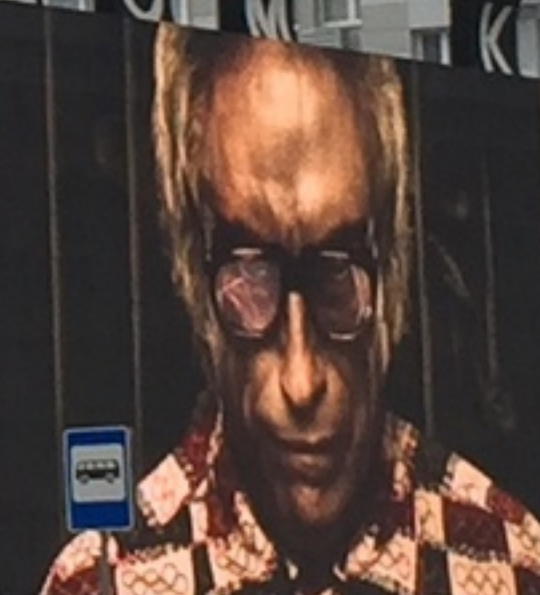

ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

МОСКОВСКИЙ

ЧИКАТИЛ

ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

ЧИКАТИЛ
НЕ БОЙСЯ
ФИНАЛЬНЫЙ СЕЗОН
С 17 МАРТА

ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в раздел "Параметры".

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

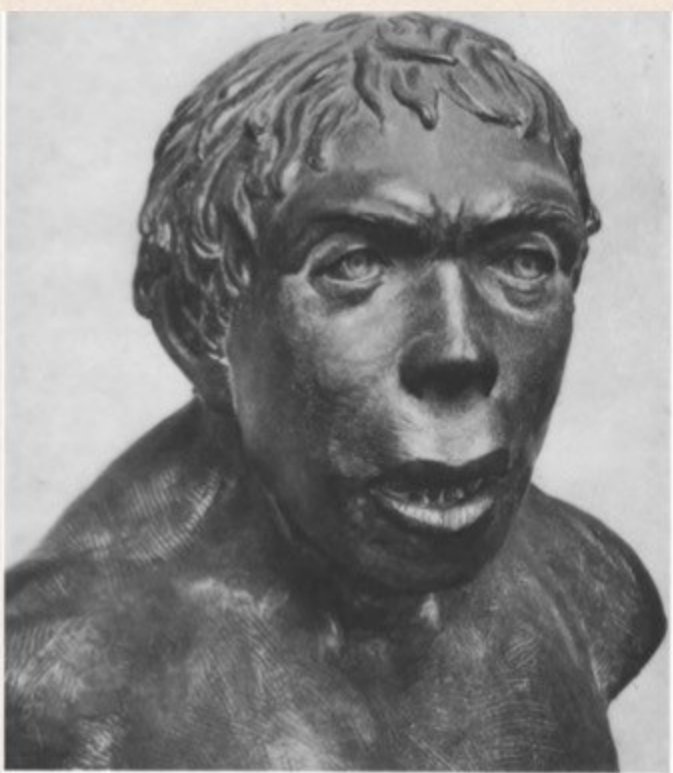

Таблица IV (к стр. 32) *Человек неандерталец из Ле-Мурге*

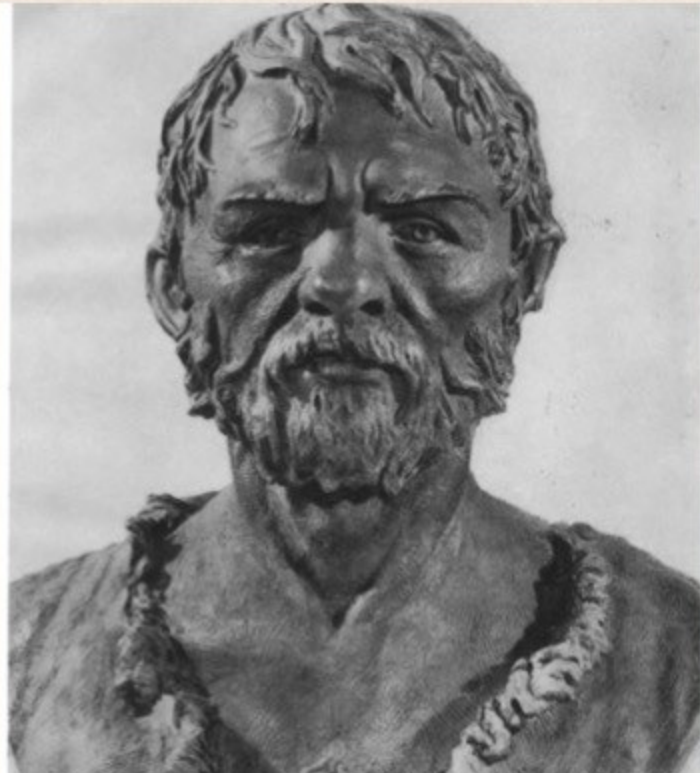

Таблица XIV (к стр. 122) *Крохотинец из Косшино II*

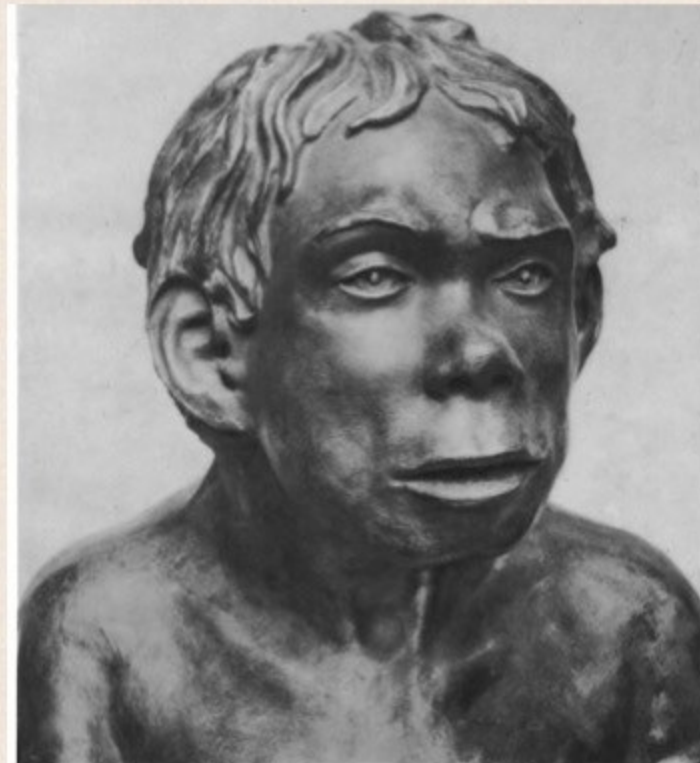

Таблица VII (к стр. 52) *Малыш неандерталец из Тешик-Тешик*

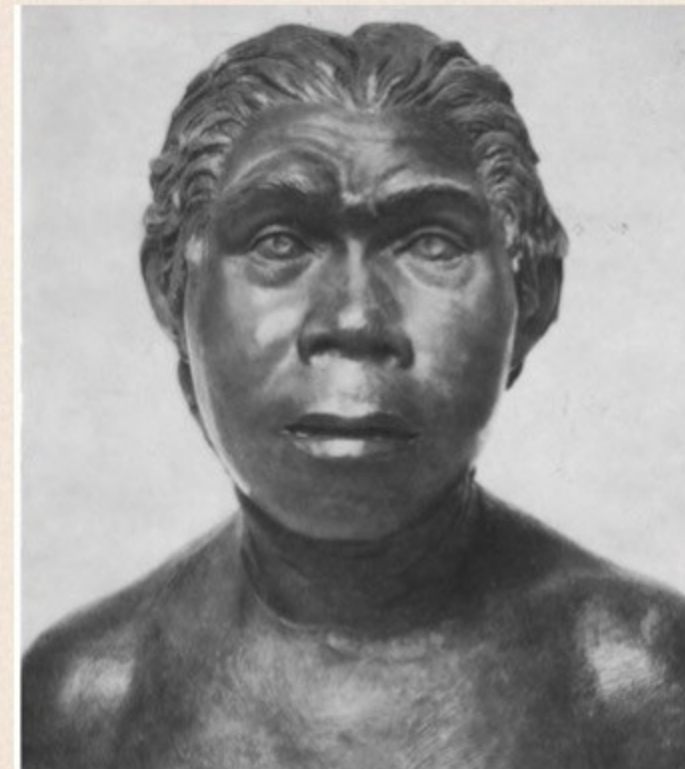

Таблица III (к стр. 38) *Женщина из Штейнгейма*

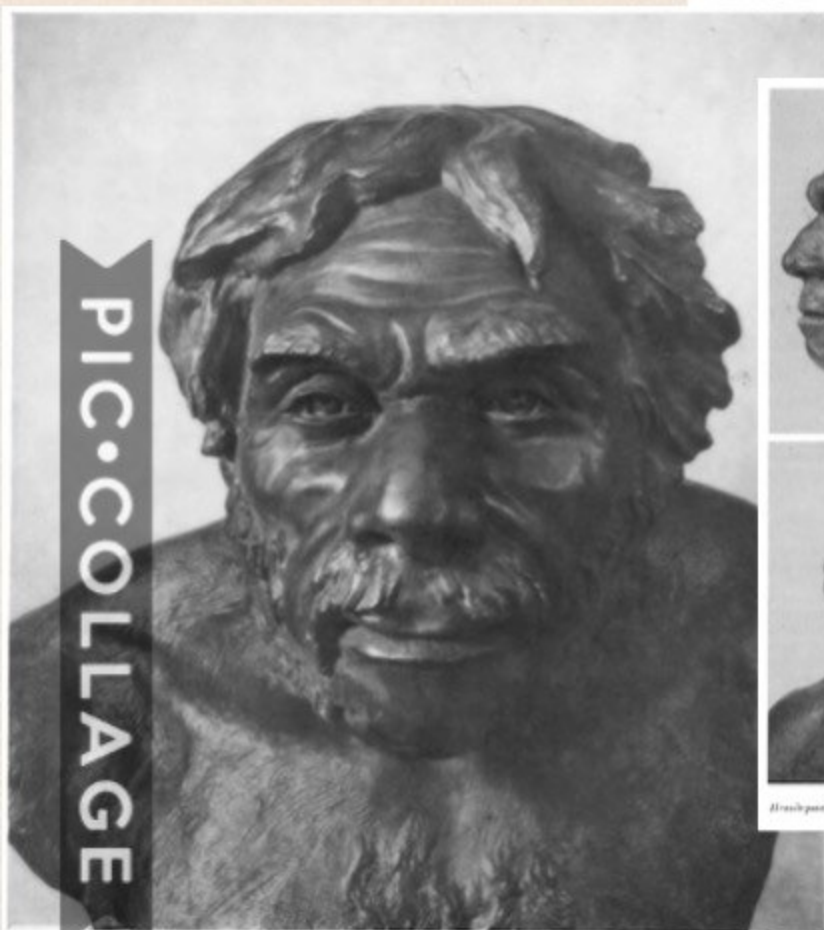
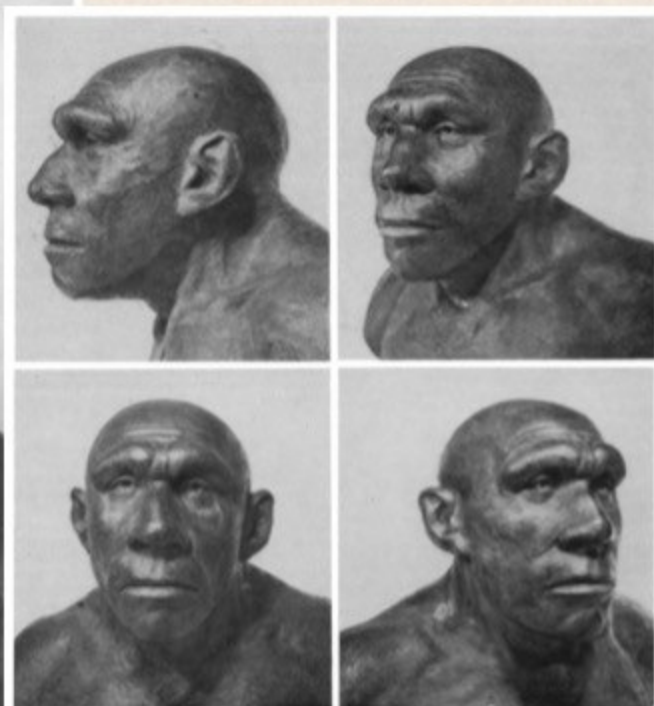

Таблица V (к стр. 71) *Неандерталец из Ла-Шапель*

Неандерталец из Ла-Шапель

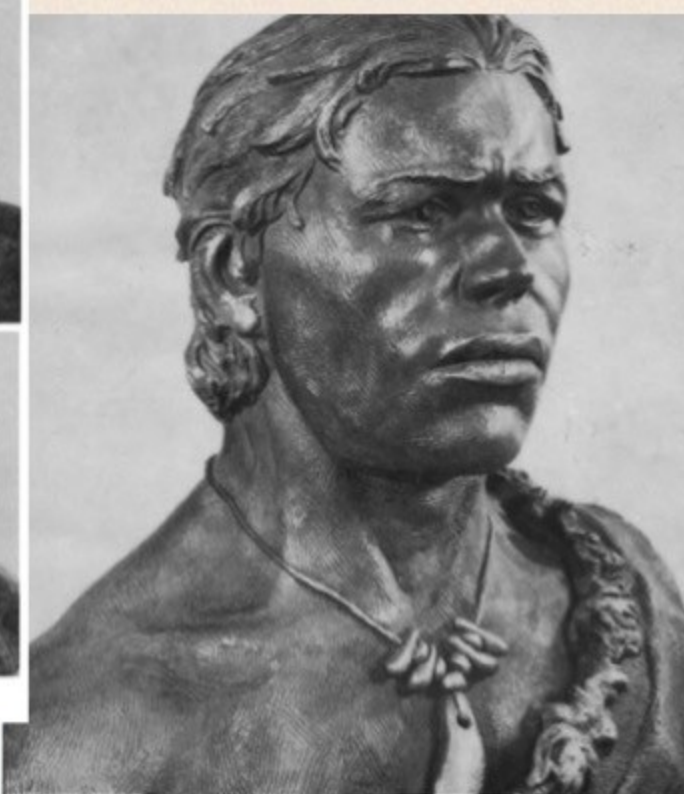

Таблица XI (к стр. 136) *Европонец из Кро-Маньон*

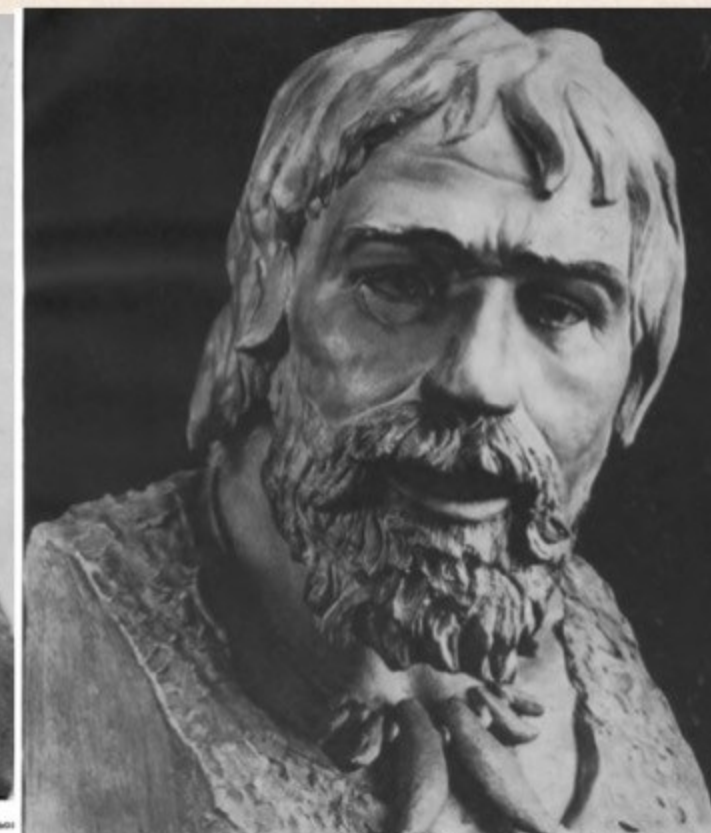

Таблица XII (к стр. 136) *Европонец из Виндогонес*

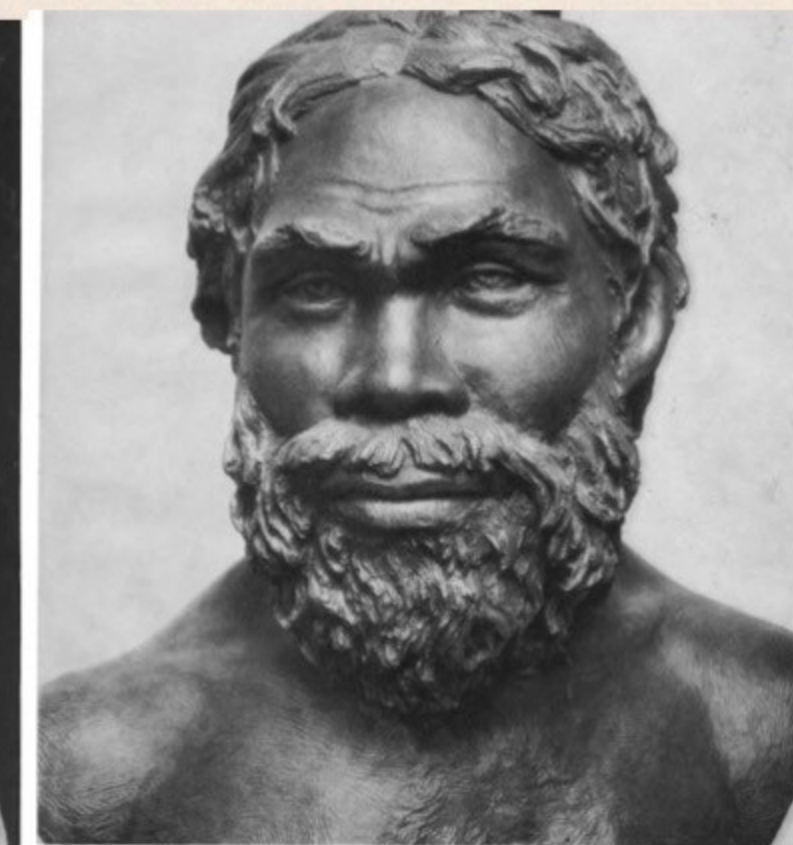
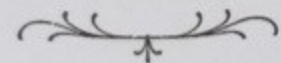

Таблица IX (к стр. 112) *Мужчина из Скла. По черепу V*

PICTOCOLLAGE

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

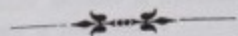
ВРАЧА

П. Н. Тарновской.

Съ 163 рисунками

и

8 антропометрическими таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художественной Печати“, Английскій пр., 2^й
1902.

№ 121.

№ 122.

№ 123.

№ 124.

№ 53.

№ 54.

№ 55.

№ 56.

№ 65.

№ 66.

№ 67.

№ 68.

№ 69.

№ 70.

№ 71.

№ 72.

№ 101.

№ 102.

№ 103.

№ 104.

№ 105.

№ 106.

№ 107.

№ 108.

№ 125.

№ 126.

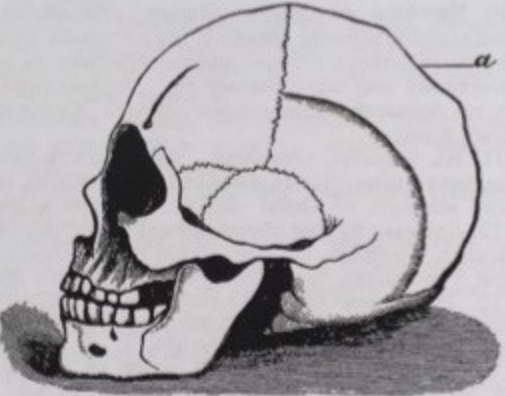

№ 127.

№ 128.

Чешуя затылочной кости при этомъ обыкновенно бываетъ выпуклою, утолщеною по срединѣ, и образуетъ крутой загибъ, спускающійся къ шеѣ.

ЛИЦО. Переходя къ физическимъ признакамъ вырожденія, наблюдаемымъ на лицѣ, необходимо прежде всего упомянуть объ очевидныхъ *асимметріяхъ* различныхъ частей лица.

Мы говоримъ *очевидныхъ*, такъ какъ существуетъ мнѣніе, что нѣтъ вполне симметричнаго лица, и что каждый челонѣкъ представляетъ болѣе или менѣе выраженную асимметрію какой-либо части тѣла, преимущественно лица.

Не входя въ дальнѣйшее обсужденіе этого взгляда, которое намъ кажется, несомнѣнно, преувеличеннымъ, мы будемъ говорить здѣсь объ асимметріяхъ очевидныхъ, неоспоримыхъ и бросающихся въ глаза.

Асимметрію могутъ одинаково представлять всѣ безъ исключенія части обѣихъ половинъ лица, и выражаться, напримѣръ, отклоненіемъ носа въ правую или лѣвую сторону; ушами прикрѣпленными не на одномъ уровнѣ, или представляющими неодинаковую величину; неодинаковымъ развитіемъ обѣихъ вѣтвей нижней челюсти, причемъ одна изъ нихъ короче другой, что обуславливаетъ у даннаго субъекта неодинаковый профиль; вро-

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

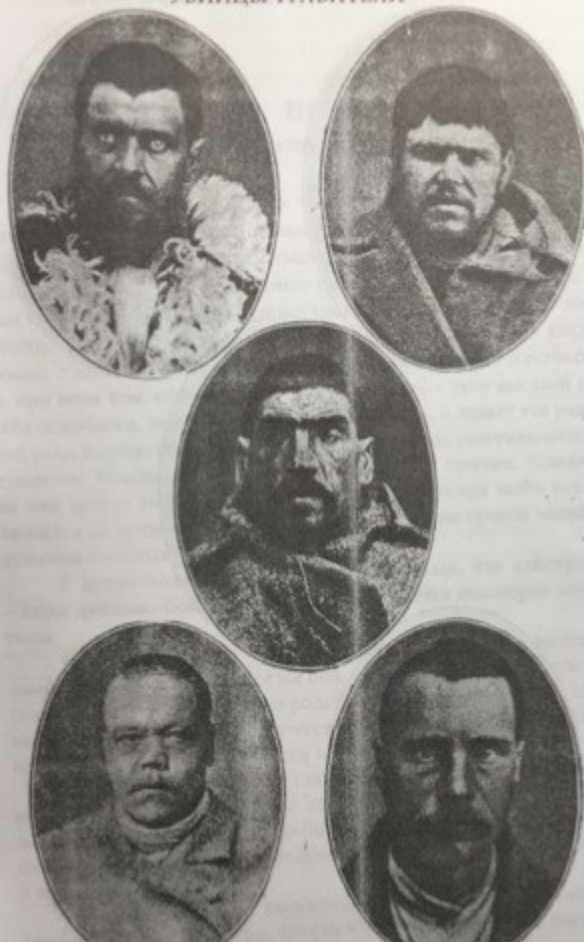
(Некоторые черты психофизики преступников)

Со снимками преступников

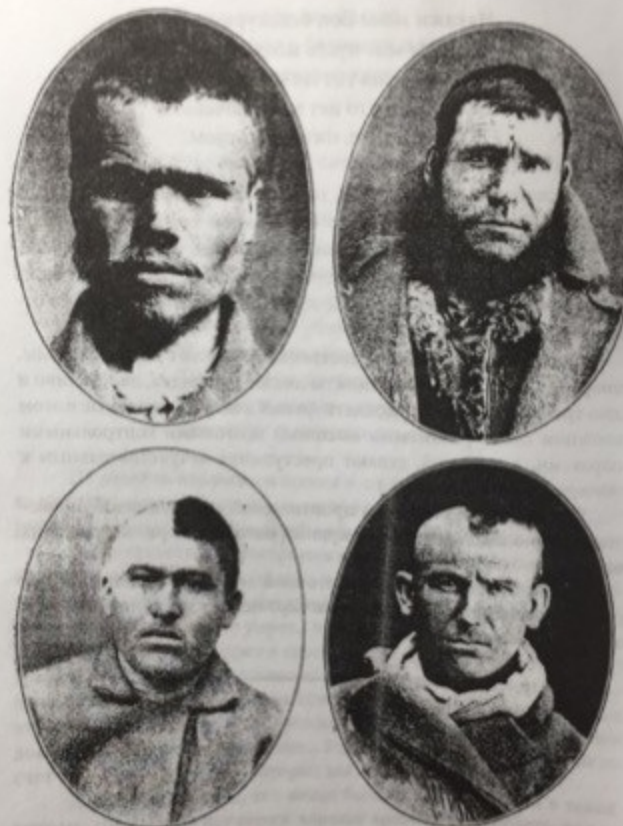
Москва 2008

PIС·COLLAGE

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

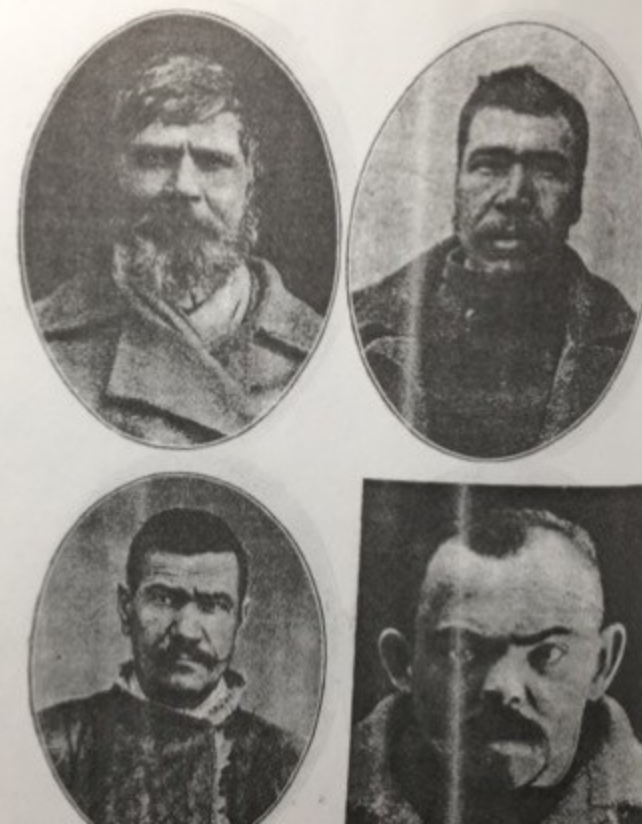
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

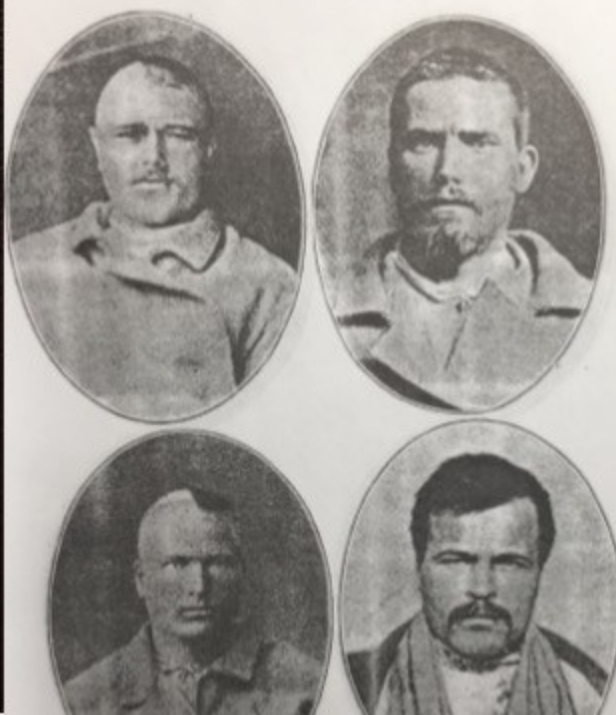
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

Фотографии на стене сообщества 1 из 1297

Понасенков Евгений Николаевич
четыре часа назад

123

Антропологическое. Обратите внимание: среди так называемых "патриотов" (хотя такие, на самом деле - либо карьеристы-лицемеры, либо шизики) и черносотенцев находится много скотов, которые уже после того, как соколов-помойкин убил и расчленил девушку, продолжают его защищать по всем темам и в пьяном угаре ваять, что "Понасенков еще хуже" (???). Подчеркиваю: по идеологии своей бредовой черносотенности, они ПЕРВЫЕ должны были пинать франкофила, атеиста, ряженого "Наполеона"-соколова, но нет! Причина проста, как биология: эти животные по натуре своей агрессивны, озлоблены, дики. Им физиологически, образно, эмоционально ближе убийца! Тем более, что убийца - плешивый старик с харей спившегося алкаша: это родное, понятное, близкое отражению в зеркале. Эти типы преступны по своей природе и очень опасны. Они биологически неисправимы (как исл. террористы). И если бы законы писались не популистами-леваками, а учеными со здравым смыслом, то я бы сказал, что надо делать с подобным порченным материалом, чтобы обезопасить общество от убийств, насилия, шизофренических бредней и просто антиэстетики.....

Показать предыдущие 8 комментариев

Женя Пономарёв
Маэстро открывает грозную статую в

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.